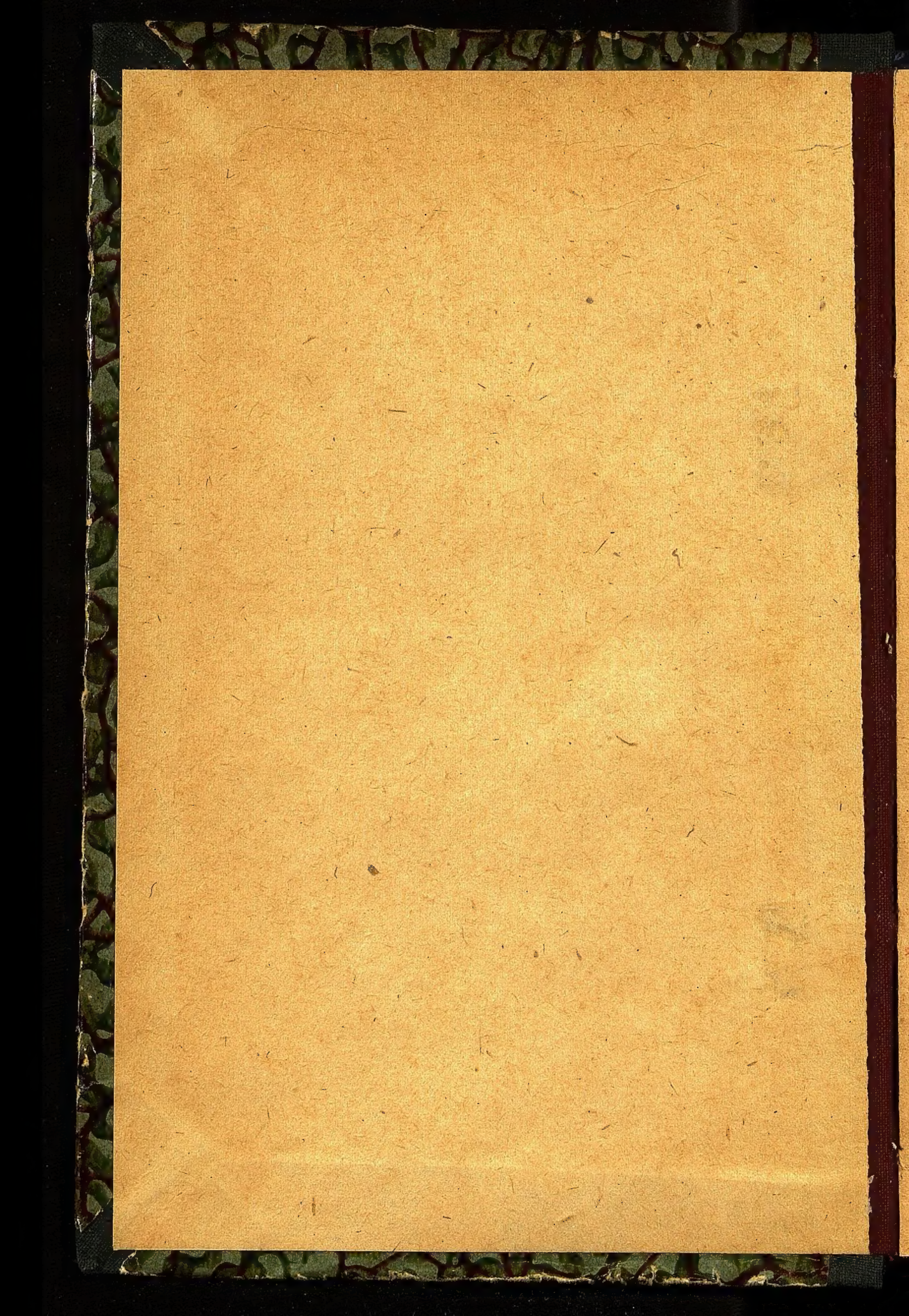

4
125

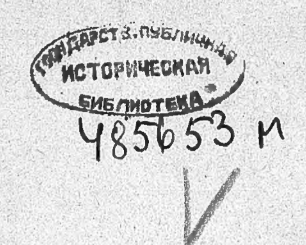
А. С. Резановъ.

НѢМЕЦКІЯ ЗВѢРСТВА

КНИГА СОСТАВЛЕНА ПО РАЗСКАЗАМЪ ПОТЕРПѢВШИХЪ И ОЧЕВИДЦЕВЪ, А ТАКЖЕ ПО ОФИЦІАЛЬНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ.

ИЗДАНІЕ 2-е ДОПОЛНЕННОЕ.

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАНІЕ М. А. СУВОРИНА
1915

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время". Эртелевъ, 13

ОТЪ АВТОРА.

Трудно подыскать слова, чтобы изобразить на бумагѣ нѣмецкое кровавое безуміе, жертвами котораго стали наши несчастные женщины, дѣти и старики.

Читая разсказы потерпѣвшихъ, невольно являлся вопросъ, неужели же все, что пишутъ газеты, правда? Неужели же современный намъ культурный человѣкъ можетъ до такой степени озвѣрѣть, чтобы захлебнуться въ этомъ морѣ цинизма, пошлости и разврата? Казалось бы, нужно имѣть всего лишь зачатки человѣческаго достоинства, чтобы если не уважать, то по крайней мѣрѣ пожалѣть женщину, женщину-жену и женщину-мать, чтобы пощадить дѣвическую непорочность и устранить излишнія дѣтскія страданія.

Но на повѣрку вышло, что нѣмецкіе офицеры, въ особенности цвѣтъ ихъ—пруссаки, лишены нравственныхъ понятій культурнаго человѣка, потому что только нравственный уродъ или половой психопатъ способенъ на глазахъ родителей убить ихъ ребенка или изнасиловать ихъ дочь, или въ присутствіи оскорбленной и униженной дѣвушки разстрѣлять ея отца только за то, что несчастный осмѣлился протестовать противъ наглаго и циничнаго обыска, произведеннаго нѣмецкимъ лейтенантомъ. Пусть объ этой предсмертной пощечинѣ, полученной прусскимъ наглецомъ, помнятъ наши внуки и правнуки, чтобы они знали, какой звѣрь, похотливый и кровожадный, таится въ каждомъ нѣмцѣ, выжидая лишь момента, когда ему позволено будетъ дать волю своимъ низменнымъ инстинктамъ.

Пусть русскіе люди помнятъ всегда о тѣхъ униженіяхъ, надругательствахъ и нравственныхъ пыткахъ, которыя перенесли наши жены, наши сестры и дѣти со стороны разнузданной нѣмецкой толпы, руководимой нѣмецкими офицерами.

Военная гроза пройдетъ, заживутъ раны, но память о звѣрскихъ выходкахъ швабовъ не должна глохнуть, и пусть всеобщее презрѣніе будетъ

возмездіемъ рыцарямъ нѣмецкой доблести, явившимся всего лишь выразителями психологіи нѣмецкаго народа.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, мы считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ поблагодарить всѣхъ лицъ, откликнувшихся на наше обращеніе къ жертвамъ и очевидцамъ нѣмецкаго изувѣрства. Мы не могли использовать всю массу присланнаго намъ матеріала, но каждая замѣтка, хотя бы самая краткая, облегчила намъ работу, давъ возможность критическаго отношенія ко всему видѣнному, слышанному и прочитанному [1]).

Къ тому же, благодаря предупредительной любезности Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, охотно пошедшему на встрѣчу нашей работѣ, мы могли болѣе тщательно провѣрить собранный нами матеріалъ, въ части, касающейся возвращенія русскихъ путешественниковъ изъ Германіи.

Сверхъ того, названное нами Министерство любезно предоставило въ наше распоряженіе часть имѣющихся у него свѣдѣній, которыя обозначены

---

[1]) Использованный матеріалъ какъ официіальнаго, такъ и частнаго происхожденія нами сокращался, исключеніемъ всего, что не относится непосредственно къ нашей темѣ.

нами соотвѣтствующими ссылками, равно какъ и весь прочій матеріалъ имѣетъ обозначеніе, изъ какого источника онъ почерпнутъ, не исключая документовъ официальнаго характера.

Французское и бельгійское правительства приступили уже къ официальной провѣркѣ нѣмецкихъ звѣрствъ, чтобы при ликвидаціи этой войны потребовать отъ нѣмцевъ соотвѣтствующаго удовлетворенія за причиненный ими, хотя бы лишь матеріальный, ущербъ гражданамъ названныхъ государствъ. Мы думаемъ, что и наше правительство назначитъ комиссію или даже отдѣльныхъ лицъ съ цѣлью официальнаго подтвержденія правоты жалобъ своихъ подданныхъ, такъ какъ изъ опыта русско-японской войны мы знаемъ, съ какимъ трудомъ, при заключеніи мирнаго договора, приходится доказывать справедливость тѣхъ или иныхъ претензій, разъ эти претензіи своевременно не были закрѣплены государственной властью.

Имѣя это въ виду, между прочимъ, мы съ особой тщательностью указывали источники, откуда черпали приводимыя свѣдѣнія, чѣмъ въ значительной долѣ, какъ намъ кажется, облегчили трудъ раскрытія нѣмецкихъ злодѣяній будущему слѣдователю.

Мы не знаемъ, подъ какимъ видомъ потребуютъ заинтересованныя государства удовлетворенія со стороны Германіи за попраніе законовъ и обычаевъ, принятыхъ по общему согласію международнымъ союзомъ къ руководству враждующихъ армій, но мы увѣрены, что однимъ изъ условій мирнаго договора будетъ требованіе выдачи главныхъ зачинщиковъ грабежа, разбоя и насилованія женщинъ, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени, какъ уголовныхъ преступниковъ. Конечно, всѣхъ этихъ негодяевъ открыть нельзя, но все же значительное количество именъ изувѣровъ изъ числа нѣмецкихъ офицеровъ, при желаніи, установить можно. Намъ кажется, что высказанная только что мысль раздѣляется большимъкругомъ общества, о чемъ мы судимъ по письмамъ, полученнымъ нами.

Выпуская въ свѣтъ нашу книгу, мы не считаемъ трудъ свой законченнымъ, такъ какъ имѣли возможность освѣтить далеко не всю область нѣмецкаго варварства. Въ виду этого, мы и нынѣ обращаемся съ просьбой къ нашимъ читателямъ сообщать намъ дополнительныя свѣдѣнія либо путемъ присылки собственныхъ воспоминаній, или замѣтокъ, либо указаніемъ на газетныя и журнальныя статьи, внимательно слѣдить за которыми мы впредь уже не имѣемъ возможности.

Побѣдивши нѣмцевъ въ открытомъ бою, намъ предстоитъ еще не менѣе трудная задача—высвободить отъ ихъ зависимости торговыя и промышленныя предпріятія, а также пресѣчь въ корнѣ угрожающую мобилизацію земельной собственности въ рукахъ нѣмецкихъ колонистовъ. Пусть же наша книга будетъ первой бомбой, брошенной въ эту цитадель нѣмецкой эксплоатаціи Россіи.

А. Резановъ.

25 августа 1914 г.
г. Петроградъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 24 августа напечатано:

«Почти немедленно по объявленіи Германіей войны въ Россію начали доходить тревожныя извѣстія объ участи русскихъ подданныхъ, въ большомъ количествѣ находившихся въ то время въ различныхъ нѣмецкихъ курортахъ или возвращавшихся изъ Австріи, Швейцаріи или Франціи. Вскорѣ стали появляться уже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о грубомъ, безчеловѣчномъ обращеніи нѣмецкаго населенія и германскихъ властей со всѣми русскими, не исключая даже женщинъ и дѣтей.

Сначала нельзя было не отнестись нѣсколько скептически къ подобнымъ извѣстіямъ, предполагая возможность какъ обобщенія единичныхъ—случайныхъ фактовъ, такъ и столь естественнаго при общемъ нервномъ настроеніи преувеличенія со стороны пострадавшихъ, которые вслѣдствіе условій военнаго времени могли оказаться въ тя-

желомъ положеніи, помимо воли правительственныхъ органовъ. Однако, возвращавшіеся въ большомъ количествѣ изъ Германіи бѣглецы не только подтверждали единогласно почти всѣ уже попавшія въ печать извѣстія о звѣрствахъ, чинимыхъ въ Германіи надъ беззащитными русскими путешественниками, но зачастую сообщали еще болѣе ужасающія подробности о поистинѣ безчеловѣчномъ обращеніи нѣмецкой толпы, солдатъ и даже германскихъ властей съ нашими соотечественниками.

Въ виду этого Министерство Иностранныхъ Дѣлъ нашло нужнымъ путемъ подробныхъ опросовъ и тщательной провѣрки отдѣльныхъ показаній многихъ изъ пострадавшихъ выяснить истинное положеніе вещей. При этомъ пришлось съ прискорбіемъ установить цѣлый рядъ фактовъ, стоящихъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со сложившимся представленіемъ о германской націи, какъ о высоко культурномъ членѣ европейской семьи народовъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что берлинскія власти не сумѣли или не пожелали оградить отъ насилій и издѣвательства толпы даже офиціальныхъ дипломатическихъ представителей, аккредитованныхъ при различныхъ германскихъ дворахъ, и членовъ русскаго посольства въ Берлинѣ. Несмотря на то, что полиціи не могъ не быть извѣстенъ точный часъ отбытія изъ Берлина состава посольства, такъ какъ часъ отправленія поѣзда былъ назначенъ германскимъ министер-

ствомъ иностранныхъ дѣлъ, выѣздъ официальныхъ русскихъ представителей на станцію желѣзной дороги сопровождался не только шумными враждебными Россіи демонстраціями и грубой площадной бранью, но и нападеніемъ озвѣрѣвшей толпы на экипажи, выѣзжавшіе изъ воротъ посольства съ членами русскаго посольства въ Берлинѣ и русскихъ миссій въ столицахъ другихъ германскихъ государствъ. При этомъ почти всѣ изъ сидѣвшихъ въ экипажахъ получили изъ толпы болѣе или менѣе сильные удары по спинѣ, затылку и плечамъ. Пострадали между прочимъ: посланникъ въ Карлсруэ графъ Бревернъ де-ла-Гарди и его жена; супруга посланника въ Штутгартѣ госпожа Лермонтова, о спину коей сломалъ свой зонтикъ пожилой господинъ съ большой сѣдой бородой въ золотыхъ очкахъ; сестры супруги министра-резидента въ Дармштадтѣ графиня Литке и графиня Тотлебенъ; княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская; секретари миссіи Дмитровъ и Кутеповъ и другіе. Многіе, какъ, напримѣръ, супруга морского агента въ Берлинѣ госпожа Беренсъ, секретарь посольства Іоновъ и друг., получили легкіе ушибы въ лицо отъ мелкихъ камней, брошенныхъ изъ толпы. Дьякону посольской церкви Лопаткѣ сильнымъ ударомъ палки совершенно продавлена твердая шляпа, которая спасла его отъ серьезнаго пораненія, и т. д. Только благодаря счастливой случайности всѣ эти удары причинили лишь сильную боль, но не произвели болѣе серьезныхъ пораненій;

однако, ударъ, полученный по головѣ бывшимъ секретаремъ посольства, камергеромъ Храповицкимъ, вызвалъ сильное кровотеченіе, такъ что пришлось въ поѣздѣ наложить перевязку, а въ Копенгагенѣ обратиться къ помощи врача.

Кромѣ того, большинство изъ дамъ получили по нѣсколько плевковъ въ лицо: княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская, госпожа Раевская, графини Литке и Тотлебенъ, графиня Бреверна и друг. Дѣти избѣгли побоевъ лишь благодаря находчивости родителей, запрятавшихъ ихъ на дно автомобилей.

Съ россійскими консульскими представителями германскіе правительственные органы уже совсѣмъ не стѣснялись; ген. консулъ въ Бреславлѣ кол. сов. баронъ Шиллингъ былъ арестованъ 20-го іюля, между 5 и 6 час. дня, на своей квартирѣ, тщательно обысканъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ обращеніе съ нимъ было самое грубое, ничѣмъ не отличавшееся отъ обращенія съ преступниками, находившимися въ сосѣднихъ камерахъ; притомъ самыя скромныя его просьбы отклонялись тюремнымъ начальствомъ съ глумленіемъ.

Лишь на слѣдующій день баронъ Шиллингъ около часу дня былъ отпущенъ безъ всякихъ объясненій со стороны мѣстныхъ властей. Одновременно съ нашего генеральнаго консула было взято обязательство немедленно выѣхать съ семьей въ Кенигсбергъ, гдѣ военныя власти должны были озаботиться дальнѣйшимъ ихъ слѣдованіемъ въ

Россію. Изъ Кенигсберга баронъ Шиллингъ съ семьей—все время въ сопровожденіи солдата или офицера—былъ направленъ въ Инстербургъ; здѣсь снова произведенъ былъ обыскъ, причемъ всѣхъ, даже дѣтей, раздѣли. Консулъ въ Штетинѣ, ст. сов. Цейдлеръ, съ которымъ мѣстныя власти обошлись вполнѣ корректно и разрѣшили безпрепятственно выѣхать, при проѣздѣ своемъ изъ означеннаго города въ Швецію былъ арестованъ со всей семьей въ Ростокѣ, причемъ, несмотря на имѣвшійся при немъ паспортъ, его продержали подъ арестомъ болѣе сутокъ и обращались съ нимъ до крайности грубо, какъ съ уголовнымъ преступникомъ. Консулъ въ Кенигсбергѣ ст. сов. Поляновскій и весь составъ Императорскаго консульства въ этомъ городѣ съ самаго начала войны исчезъ. Только на дняхъ получилось въ Министерствѣ извѣщеніе черезъ посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что г. Поляновскій живъ и содержится германскими властями въ военной тюрьмѣ; той же участи подверглись, повидимому, генеральный консулъ въ Данцигѣ дѣйств. статск. сов. Островскій, 21-го іюля уже успѣвшій пріѣхать въ Берлинъ, и консулъ въ Мангеймѣ, ст. сов. Броссе.

Еще болѣе возмутительный образъ дѣйствія германскіе правительственные органы проявили по отношенію къ русскому генеральному комиссару международной выставки печати въ Лейпцигѣ гофмейстеру Высочайшаго Двора сенатору Бельгарду. Предвидя возможность близкаго разрыва

дипломатическихъ сношенiй, сенаторъ Бельгардъ 19-го iюля заявилъ на собранiи комиссаровъ о своемъ намѣренiи закрыть русскiй павильонъ, и только вслѣдствiе просьбы о томъ выставочнаго комитета онъ согласился отложить закрытiе подъ тѣми, однако, условiями, что ему будетъ гарантирована цѣлость экспонатовъ и сохраненiе ихъ въ городскомъ музеѣ, а также обезпеченъ безпрепятственный выѣздъ въ Россiю какъ ему самому, такъ и всѣмъ его русскимъ сотрудникамъ; о вышеизложенномъ былъ составленъ соотвѣтствующiй протоколъ. Несмотря на это, 21-го iюля, въ 3 часа дня, онъ самъ и всѣ члены русскаго комиссарiата были арестованы въ помѣщенiи русскаго павильона. Послѣ подробнаго допроса, производившагося въ грубой формѣ простымъ вахмистромъ, и тщательнаго обыска всего багажа въ гостиницѣ, всѣ они были къ вечеру освобождены, но на слѣдующiй же день снова арестованы, снова подвергнуты допросу, во время котораго они принуждены были раздѣться до-гола; затѣмъ они были посажены въ тюрьму для уголовныхъ преступниковъ, гдѣ пришлось провести ночь. На слѣдующiй день они были освобождены безъ всякихъ объясненiй причины ареста; за все это время обращенiе съ сенаторомъ Бельгардомъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ было совершенно непристойное.

Нелишне указать въ видѣ характерной подробности, что при водворенiи въ тюрьму у сенатора Бельгарда и его помощниковъ были отобраны всѣ деньги, причемъ бывшiя въ золотыхъ двадца-

тимарковыхъ монетахъ—были возвращены ему при освобожденіи бумажками.

Столь возмутительный образъ дѣйствій правительственныхъ органовъ по отношенію къ лицу, занимающему крупное общественное положеніе и находившемуся въ Лейпцигѣ во главѣ русскаго отдѣла международной выставки и, наконецъ, лично извѣстному всѣмъ мѣстнымъ властямъ, можно объяснить исключительно желаніемъ послѣднихъ подвергнуть русскаго сановника издѣвательству.

Этимъ, впрочемъ, не ограничились злоключенія сенатора Бельгарда. Лейпцигскія власти направили его въ Берлинъ къ саксонскому посланнику въ этомъ городѣ барону ф. Зальца (Frhr von Salza v. Lichtenau) съ тѣмъ, чтобы послѣдній оказалъ содѣйствіе для дальнѣйшаго слѣдованія его въ Россію. Вмѣсто содѣйствія, нѣмецкій дипломатъ въ крайне грубой формѣ заявилъ, что не намѣренъ помогать врагамъ, и при этомъ настолько забылъ о своемъ званіи, что позволилъ себѣ выразиться въ непозволительно-рѣзкихъ выраженіяхъ о Россіи и ея политикѣ.

Перечислять всѣ случаи грубаго насилія и жестокости, которыя пришлось претерпѣть въ Германіи русскимъ путешественникамъ, безъ различія ихъ возраста, пола и общественнаго положенія, было бы немыслимо. Приходится ограничиться лишь указаніемъ на отдѣльные случаи. Судя по тщательно провѣреннымъ показаніямъ многихъ возвращавшихся въ это время нашихъ

соотечественниковъ, имъ пришлось претерпѣть слѣдующія испытанія: они перевозились въ вагонахъ, предназначенныхъ для скота, изъ которыхъ даже еще не былъ убранъ навозъ; въ городахъ, въ которыхъ имъ приходилось останавливаться, они помѣщались зачастую въ конюшняхъ, свиныхъ хлѣвахъ, карантинныхъ помѣщеніяхъ для скота, на бойняхъ (напримѣръ, въ Штетинѣ); окруженные солдатами, русскіе, въ большинствѣ женщины и дѣти, причемъ зачастую больные, перегонялись черезъ городъ такимъ скорымъ шагомъ—иногда съ поднятыми кверху руками (въ Кенигсбергѣ), что женщины даже падали въ изнеможеніи (въ Ней-Стрелицѣ, Штетинѣ, Ростокѣ, Бреславлѣ), отходить въ сторону или оборачиваться запрещалось подъ угрозою немедленнаго разстрѣла. Одного дряхлаго старика при подобномъ перегонѣ чрезъ Ней-Стрелицъ (20-го—21-го іюля), за то, что онъ бросилъ въ сторону тяготившій его пакетъ, полицейскій изо всей силы ударилъ по головѣ кулакомъ. Полицейская собака, находившаяся тутъ же, кинулась на упавшаго отъ удара старика и искусала въ кровь все лицо (показанія шталм. кн. Урусова). На всѣхъ этапахъ (Алленштейнъ, Ростокъ и т. д.), при посадкѣ въ вагоны, солдаты заталкивали дамъ и дѣтей кулаками и ружейными прикладами, причемъ отдѣльные члены семьи разлучались, и было много случаевъ потери малолѣтнихъ.

По нѣсколько дней почти совсѣмъ не приходилось ѣсть, и власти даже отказывали иногда

въ питьевой водѣ. Путешественники, входившіе въ одинъ изъ транспортовъ, приблизительно, въ 60 человѣкъ (25 женщинъ), въ теченіе 70 часовъ на перегонѣ между Алленштейнъ—Данцигъ—Штетинъ выпущены были лишь одинъ разъ и за все время имъ было отказано въ питьевой водѣ. Все это сопровождалось глумленіемъ надъ несчастными, застращиваніемъ, постоянными угрозами разстрѣла, дѣйствовавшими самымъ угнетающимъ образомъ на женщинъ и дѣтей, съ которыми дѣлались обмороки, истерики и т. д.

Нужно еще добавить, что мужчины въ возрастѣ на видъ отъ 18 до 50 лѣтъ арестовывались, какъ военноплѣнные; имъ не давали возможности не только раздѣлить общаго съ семьей багажа, но даже не позволяли передавать оставшимся въ полномъ отчаяніи матерямъ, женамъ или сестрамъ необходимыя деньги, ни даже проститься съ ними.

Крупный багажъ всѣхъ этихъ несчастныхъ пропалъ на различныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ Германіи; даже ручныя дорожныя вещи русскихъ зачастую выбрасывались поѣздной прислугой и военными изъ оконъ вагоновъ (сообщеніе, между прочимъ, россійскаго посланника въ Штутгартѣ).

Высшее начальство и офицеры въ большинствѣ случаевъ вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ образумленію слишкомъ усердныхъ и грубыхъ нижнихъ чиновъ, напротивъ того, поощряли ихъ жестокое обращеніе съ ни въ чемъ неповинными

путешественниками, которыхъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обыскивали, а иногда при этомъ раздѣвали. Обыски женщинъ въ нѣкоторыхъ транспортахъ дѣлались офицерами и нижними чинами. Удостовѣренъ, напримѣръ, случай, что женщину, принявъ ее за мужчину, исколотили три полицейскихъ и, отведя въ сторону, убѣдились въ ошибкѣ лишь по ея тонкому бѣлью (сообщеніе сенатора графа Палена). Не стѣснялись рѣшительно ни съ кѣмъ; такъ, въ ночь съ 25-го на 26-е іюля, въ 4 часа утра, на станціи Неймюнстеръ, пожилая супруга намѣстника Его Величества на Кавказѣ статсъ-дама графиня Воронцова-Дашкова была вытолкана пьяными солдатами ударами прикладовъ изъ вагона, причемъ они ее грубо обыскали, хватая за волосы.

При перевозкѣ группами, иногда по нѣсколько сотъ русско-подданныхъ вмѣстѣ, послѣдніе запирались въ товарныхъ вагонахъ; никакія объясненія, ни мольбы не дѣйствовали на офицеровъ и желѣзнодорожныхъ чиновъ, въ рукахъ коихъ находились несчастные, просящіе выпустить ихъ на станціяхъ для удовлетворенія естественной нужды. Такъ, врачъ (д-ръ Перешивкинъ, ассистентъ хирургической клиники Военно-Медицинской академіи), находившійся при одномъ изъ такихъ транспортовъ, свидѣтельствуетъ, что между путешественниками были больные почками и пузыремъ, прервавшіе курсъ леченія въ Вильдунгенѣ; ихъ, напримѣръ, 21-го іюля на перегонѣ Алленштейнъ—Маріенбургъ въ теченіе 14 часовъ

не выпускали изъ товарнаго вагона, въ которомъ они были заперты вмѣстѣ съ женщинами, числомъ значительно болѣе 40; они должны были пройти черезъ невыносимыя боли, вызываемыя въ такихъ случаяхъ болѣзнью почекъ. Отвѣтомъ на просьбы о выпускѣ изъ вагоновъ съ объясненіемъ причинъ было издѣвательство со стороны офицера и нижныхъ чиновъ. Когда, наконецъ, разрѣшено было выйти изъ вагоновъ, всѣ, безъ различія пола и возраста, должны были оставаться около самаго вагона подъ присмотромъ солдатъ. Объ аналогичныхъ фактахъ свидѣтельствуютъ многіе другіе пострадавшіе.

Въ Сасницѣ транспорты такихъ же несчастныхъ помѣщались на взморьѣ на солнцепекѣ; просьбы разрѣшить провести хотя бы нѣсколько часовъ въ близъ лежащей гостиницѣ, за очень рѣдкими исключеніями, грубо отклонялись.

Даже тяжелые больные подвергались такому же жестокому обращенію. Напримѣръ, въ Бреславлѣ супруга начальника канцеляріи министра путей сообщенія г-жа Туганъ-Барановская, несмотря на только что перенесенную ею тяжелую операцію, подверглась нападенію толпы, причемъ были сорваны перевязки, наложенныя послѣ операціи, затѣмъ она посажена была въ тюрьму, гдѣ ее продержали три дня. Изъ тюрьмы ее погнали черезъ весь городъ вмѣстѣ съ многочисленными другими русскими на станцію Одербангофъ; здѣсь ихъ нагрузили въ угольные вагоны, въ которыхъ еще оставались угольные отбросы. Наконецъ,

23-го іюля всѣ эти несчастные были выброшены на произволъ судьбы въ Вильгельмбрюкѣ недалеко отъ русскаго пограничнаго пункта Верушова, до котораго имъ пришлось добраться пѣшкомъ. Г-жа Туганъ-Барановская 31-го іюля скончалась въ Петроградѣ, куда она привезена была въ безнадежномъ состояніи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, при ожиданіяхъ поѣздовъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ въ Алленштейнѣ, Торнѣ и др. промежуточныхъ станціяхъ, гдѣ совсѣмъ не было ѣды), когда невыносимо тяжелое положеніе, въ которомъ оказывались наши соотечественники, и могло бы, до извѣстной степени, оправдываться условіями военнаго времени, нѣмецкіе офицеры вмѣсто того, чтобы постараться облегчить участь несчастныхъ дамъ и дѣтей, хотя бы словами успокоенія, доводили свои жертвы до полнаго отчаянія насмѣшками и угрозами, увѣряя, напримѣръ, что всѣхъ повезутъ въ Шпандау, причемъ мужчинъ разстрѣляютъ, и т. п., или же разсказывая о побѣдахъ нѣмецкой арміи, которая, высадившись въ Финляндіи, уже подходитъ Петрограду, и т. д.

Совершенно варварскимъ истязаніямъ подвергали также мужчинъ. Такъ, арестованный въ ночь на 26-е іюля на станціи Неймюнстеръ, вслѣдствіе телеграфнаго предписанія изъ Берлина, членъ Государственнаго Совѣта Шебеко былъ посаженъ въ одной изъ станціонныхъ комнатъ на диванъ, причемъ два солдата съ направленными на него дулами ружей, смѣнявшіеся каждый часъ,

не отходили отъ него ни на шагъ; открытыя въ ресторанъ станціи двери охранялись также солдатами. Изъ ресторана и открытыхъ оконъ все время раздавались враждебные возгласы многочисленной, несмотря на ночное время, толпы, кричавшей солдатамъ: «Когда же вы, наконецъ, застрѣлите этого русскаго шпіона? Убейте эту русскую собаку!» Въ такомъ положеніи г. Шебеко просидѣлъ съ 4 часовъ утра до 2 часовъ пополудни, послѣ чего былъ отправленъ въ тюрьму для уголовныхъ преступниковъ, гдѣ его подвергли обычному допросу, обыску съ раздѣваніемъ догола и т. д. Черезъ сутки онъ былъ отпущенъ безъ объясненія причинъ такого съ нимъ обращенія.

Другимъ русскимъ пришлось безъ всякаго основанія къ подозрѣнію ихъ въ шпіонствѣ просидѣть въ одиночномъ заключеніи въ Штетинѣ до 7 сутокъ на строжайшемъ тюремномъ режимѣ и арестантской пищѣ (такъ, напримѣръ, баронъ Кронебергъ, Михальскій и Сидоровъ просидѣли въ тюрьмѣ сначала въ Познани, затѣмъ 7 дней въ Штетинѣ, 21—30 іюля).

Вообще русскихъ въ обращеніи съ ними приравнивали къ осужденнымъ уголовнымъ преступникамъ; такъ, ихъ заставляли въ крайне грязныхъ камерахъ одиночнаго заключенія убирать нечистоты послѣ прежде помѣщенныхъ въ этихъ камерахъ преступниковъ (напр., въ Бреславльской тюрьмѣ камера № 413, 22-го іюля; показаніе инженера путей сообщенія Гиршмана).

Слѣдствія такого обращенія оказались роко-

выми для многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ: уже на пути (въ Сасницѣ) русскіе врачи, находившіеся въ числѣ путешественниковъ, могли констатировать въ каждомъ изъ транспортовъ по нѣсколько случаевъ остраго психическаго разстройства (острый психозъ); у многихъ дамъ сдѣлались отеки ногъ съ язвами, у дѣтей появились желудочно-кишечныя заболѣванія, кровавые поносы и т. п.

Всѣ вышеупомянутые факты, какъ было сказано выше, были тщательно провѣрены и засвидѣтельствованы отчасти самими потерпѣвшими, отчасти же очевидцами всѣхъ этихъ звѣрствъ. Кромѣ уже упомянутыхъ, мы можемъ переименовать, между прочимъ, еще слѣдующихъ лицъ: сенаторъ графъ Паленъ, предсѣдатель петроградской городской думы сенаторъ Ивановъ, главный редакторъ «Правит. Вѣстн.» шталм. кн. Урусовъ, членъ Государственной Думы Свѣнцицкій, новоладожскій предводитель дворянства, камергеръ Шварцъ, кн. Пав. А. Урусовъ съ женой, шталмейстеръ баронъ Л. Кноррингъ, инженеръ путей сообщенія Гиршманъ, генералъ-лейтенантъ фонъ-Бекъ, дѣйств. статск. сов. Калачовъ, княжна Ухтомская, дѣйств. статск. сов. Хованскій, камеръюнкеръ Пистолькорсъ съ супругой, графъ и графиня Канкрины, кандидатъ химіи Смольниковъ и г-жа Демидова, графиня Орлова-Давыдова, г-нъ Плеске и многіе другіе.

Въ Россіи германскіе подданные не подверглись со стороны русскихъ властей и публики никакимъ

преслѣдованіямъ или издѣвательству, которыя хотя бы отчасти походили на то, что пришлось претерпѣть русскимъ въ Германіи. По отношенію лишь къ нѣкоторымъ категоріямъ германскихъ подданныхъ приняты мѣры, вызываемыя государственною необходимостью и притомъ не носящія характера какой бы то ни было жестокости или злобы.

Только распространившіеся въ Петроградѣ слухи о безчинствахъ нѣмцевъ и, главнымъ образомъ, дошедшіе сюда въ этотъ день подробности отъѣзда изъ Берлина нашихъ дипломатическихъ представителей возбудили у насъ общественное мнѣніе и вызвали прискорбное нападеніе со стороны уличной толпы на зданіе германскаго посольства. При этомъ нападеніе это явилось столь неожиданнымъ и единодушнымъ взрывомъ народнаго негодованія, что власти оказались безсильными вовремя остановить толпу. Но этотъ прискорбный случай является единственнымъ, и столичныя власти приняли немедленно всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ прекращенію безпорядковъ и обратились къ населенію съ воззваніемъ, приглашая его подъ страхомъ строжайшихъ наказаній не посягать на жизнь и имущество германскихъ подданныхъ.

Съ тѣхъ поръ въ Россіи не произошло ни одного случая совершенія насилія надъ подданными Германіи или Австро-Венгріи.

Въ заключеніе нельзя не указать на то обстоятельство, что, по удостовѣренію большинства возвратившихся изъ Германіи русско-подданныхъ,

возбужденіе мирныхъ жителей противъ русскихъ, главнымъ образомъ, объясняется дѣйствіями и распоряженіями германскаго правительства, которое съ самаго обостренія политическаго кризиса приняло всѣ мѣры, чтобы вселить подозрѣніе противъ Россіи и русскихъ подданныхъ. Германскіе правительственные органы въ своемъ подстрекательствѣ дошли до того, что объявили, что Германія наполнена русскими шпіонами, съ которыми слѣдуетъ бороться всѣми способами.

Гаагская конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны 18-го октября 1907 года, подъ которой, между прочимъ, стоитъ и подпись Германіи, постановляетъ въ 4 статьѣ приложенія, что съ военноплѣнными надлежитъ обращаться человѣколюбиво (Ils doivent être traités avec humanité). Тѣмъ болѣе такое человѣколюбивое обращеніе обязательно для каждаго воюющаго государства по отношенію къ тѣмъ подданнымъ непріятельской державы, которые не взяты ими въ плѣнъ во время военныхъ дѣйствій, а случайно оказались въ моментъ объявленія войны на его территоріи.

Настоящее сообщеніе обращается къ правовому сознанію всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, представляя на ихъ судъ всѣ вышеприведенные факты возмутительнаго насилія надъ русско-подданными. Мы твердо увѣрены, что міровая совѣсть заклеймитъ позоромъ поведеніе Германіи, возвращающее насъ къ самымъ темнымъ временамъ средневѣковья».

ГЛАВА I.

Виновники нѣмецкаго позора.

Когда первые русскіе путешественники, возвратясь изъ Германіи, стали разсказывать о нѣмецкихъ звѣрствахъ, перенесенныхъ ими на обратномъ пути въ Россію, то разсказы эти въ значительной ихъ части вызывали нѣкоторое сомнѣніе. Мы, русскіе, привыкли нѣмцевъ считать культурными европейцами, а потому трудно было вѣрить, чтобы этотъ народъ дошелъ до такой степени нравственнаго паденія, чтобы вся страна вдругъ превратилась въ гнусныхъ насильниковъ, убійцъ и подлыхъ грабителей.

«Я не могу себѣ объяснить этой внезапной метаморфозы въ поведеніи нѣмцевъ,—говорилъ намъ военный врачъ, докторъ-медицины Н. С. П-кинъ, испытавшій на себѣ всю тяжесть путешествія по Германіи въ первые дни послѣ объявленія войны.— Я учился въ Германіи, долго въ ней жилъ и всегда смотрѣлъ на нѣмцевъ какъ на передовой, культурный народъ».

Подобное мнѣніе раздѣляла большая часть русскаго общества.

Внезапный взрывъ нѣмецкаго звѣрства въ отношеніи русскихъ мирныхъ путешественниковъ былъ бы трудно объяснимъ, если бы за кулисами этой гнусной оргіи не виднѣлась дирижерская рука нѣмецкаго правительства во главѣ съ императоромъ Вильгельмомъ. Знаменитая отнынѣ рѣчь Вильгельма къ берлинской толпѣ, объ объявленіи войны, была настолько некорректна, что полностью ее не признали удобнымъ напечатать даже въ Германіи. Газеты распространили эту рѣчь, говоря словами г. В. Маклакова, «сокращенною и подкрашенною въ официальной редакціи» [1]). Наши соотечественники, слышавшіе рѣчь германскаго императора своими ушами, утверждаютъ, что какъ общій ея смыслъ, такъ и отдѣльныя фразы озлобленнаго Гогенцоллерна призывали нѣмцевъ къ истребленію всѣхъ русскихъ вездѣ и всюду. Германскій императоръ запятналъ свою совѣсть не только публичной ложью, взваливая отвѣтственность войны на Россію, но также всѣми гнусностями своихъ подданныхъ, явившись первымъ вдохновителемъ происшедшаго насилія надъ русскими [2]).

---

[1]) См. «Рус. Вѣд.» отъ 6-го августа.

[2]) Настоящая работа была уже закончена, когда телеграфъ изъ Парижа принесъ извѣстіе, что «одинъ изъ сыновей императора Вильгельма, прибывъ въ Баденвилье, произнесъ передъ солдатами рѣчь, въ которой сказалъ,

Идея превращенія мирныхъ русскихъ гражданъ въ «военноплѣнныхъ» принадлежитъ Вильгельму II, въ подтвержденіе чего сошлемся на слова германской кронпринцессы.

По сообщенію газетъ, возвращаясь на родину, семья князей Юсуповыхъ графовъ Сумароковыхъ-Эльстонъ прибыла въ день объявленія войны въ Берлинъ.

Вскорѣ по ихъ прибытіи, въ номеръ вошелъ германскій офицеръ и заявилъ кн. Юсупову, что, по распоряженію военныхъ властей, онъ и его сынъ объявляются военноплѣнными.

Лишь только офицеръ ушелъ, Ея Высочество княгиня Ирина Александровна вызвала по телефону свою хорошую знакомую кронпринцессу Цецилію и сообщила ей о задержаніи мужа и его отца.

Кронпринцесса Цецилія отвѣтила, что черезъ часъ она будетъ лично у императора, и обѣщала просить его о предоставленіи князьямъ Юсуповымъ свободнаго проѣзда черезъ границу.

Прошло болѣе часа томительнаго ожиданія. Наконецъ, раздался телефонный звонокъ.

Ходатайство кронпринцессы успѣхомъ не увѣнчалось, такъ какъ распоряженіе объ арестѣ рускихъ исходило отъ самого императора [1].

что французы дикари и что съ ними надо поступать, какъ съ таковыми. «Истребляйте ихъ, сколько можете»,—сказалъ принцъ.

[1]) См. «Нов. Вр.»; «Рус. Сл.» 29-го іюля; «Рѣчь».

Только благодаря любезности испанскаго посла, предложившаго свой автомобиль, князья Юсуповы отправились на вокзалъ, гдѣ вскорѣ имъ удалось сѣсть въ поѣздъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Бросая въ нѣмецкія тюрьмы русскихъ «военноплѣнныхъ», императоръ Вильгельмъ, очевидно, расчитывалъ обмануть армію и народъ, выдавъ мирныхъ жителей за «казаковъ». Однако, подлогъ вскорѣ же открылся.

Отъ лица «389 русскихъ, перестрадавшихъ въ Германіи въ теченіе почти двухъ недѣль», г. В. Г. Петровъ разсказываетъ, съ какимъ разочарованіемъ встрѣтили ихъ нѣмецкіе солдаты въ Кенигсбергѣ. При видѣ массы русскихъ «военноплѣнныхъ», изъ которыхъ 70 процентовъ было женщинъ, «офицеры и солдаты прямо опѣшили, и нѣмецкій лейтенантъ, при мнѣ, обращаясь къ старшему офицеру, задалъ вопросъ: почему же сюда потребовали столько войска? и пожалъ плечами. Старшій офицеръ сконфузился, покраснѣлъ и сказалъ растерянно: «Хотя это и не казаки, но все же это военноплѣнные». Тутъ только намъ стало ясно, что нѣмцы ждали не мирныхъ русскихъ путешественниковъ и больныхъ, а плѣнныхъ казаковъ» [1]).

То же самое подтверждаетъ супруга бывшаго военнаго агента въ Германіи, г-жа Базарова.

«Въ Кенигсбергѣ,—говоритъ она,—солдаты со слезами на глазахъ говорили намъ: «мы ждали

---

[1]) «Веч. Вр.» отъ 3-го августа.

плѣнныхъ казаковъ, а привезли больныхъ, дѣтей и женщинъ», возмущались поведеніемъ офицеровъ и оказывали намъ разныя мелкія услуги. Замѣтивъ это, офицеры жестоко бранили ихъ.

Не лучше офицеровъ относились къ намъ и прусскіе бюргеры» [1]).

Ненависть къ русскимъ единовременно вспыхнула по всей Германіи и это явленіе, конечно, свидѣтельствуетъ о существовавшей организаціи. Германское правительство, не пренебрегая никакими средствами борьбы съ нами, рѣшило возбудить народную ярость, обвинивъ всѣхъ русскихъ въ убійствахъ и въ шпіонствѣ. Русскіе нужны были Вильгельму и его сподвижникамъ какъ средство къ поддержанію воинственнаго настроенія народа. Теперь уже извѣстно, что война съ нами была рѣшена давно, а различныя власти до послѣдняго дня успокаивали русскихъ, желавшихъ покинуть нѣмецкіе курорты.

«Мнѣ хочется засвидѣтельствовать,—пишетъ намъ г. М. М. М-въ,—что насъ германское правительство умышленно, обманнымъ образомъ, заставляло оттягивать свой отъѣздъ съ курортовъ, а потомъ, когда проѣздъ черезъ Эйдкуненъ уже былъ закрытъ, нарочно посылало туда, чтобы имѣть «плѣнныхъ» и водить насъ по городамъ арестантами, во славу германскаго оружія и на потѣху дикихъ нѣмцевъ.

---

[1]) «Веч. Вр.» отъ 6-го августа.

Въ курортахъ насъ завѣряли мѣстныя власти, что онѣ свято стоятъ на стражѣ интересовъ пріѣзжающихъ, что онѣ имѣютъ правительственныя свѣдѣнія, раньше чѣмъ кто-либо, и какъ только иностранцамъ нужно будетъ уѣзжать, онѣ весьма и весьма заблаговременно предупредятъ каждаго въ отдѣльности [1]. Въ Берлинѣ на вокзалахъ еще 20-го іюля были расклеены правительственныя объявленія, что иностранцы имѣютъ до 4-го августа нов. ст. (то есть 22-го іюля) свободный проѣздъ по всѣмъ направленіямъ. На вокзалѣ же 20-го іюля намъ выдавали билеты до С.-Петербурга и желѣзнодорожные агенты чуть ли не клятвенно увѣряли, что граница свободна. Вотъ это-то я считаю неслыханной мерзостью» [2].

Успокаивая русскихъ, администрація различныхъ курортовъ и гостиницъ уже знала, на что обре-

---

[1]) Въ томъ же духѣ разсказывалъ сотруднику «Голоса Москвы» гласный думы г. Работкинъ. «18-го іюля застало меня,—говорилъ Работкинъ,—въ Наугеймѣ, въ санаторіи д-ра Шмидта, гдѣ я проходилъ курсъ леченія. Прочитавъ утромъ газеты, я сталъ волноваться,—продолжать леченіе или собирать пожитки и уѣзжать поскорѣе домой. Администрація санаторіи принялась меня успокаивать, увѣрять, что войны не будетъ, что все обойдется по хорошему и пр.» (См. «Гол. М.» 3 августа).

[2]) Въ газетѣ «Рѣчь» (30 іюля) нѣкто Ел. А. утверждаетъ, что на нѣмецкихъ курортахъ «врачи успокаивали русскихъ больныхъ и совѣтовали имъ даже не торопиться.

Отъ Badedirection было вывѣшено объявленіе о томъ, что подданнымъ воюющихъ сторонъ будутъ обезпечены безопасность и даже гостепріимство».

чены наши соотечественники, и при первыхъ же слухахъ объ объявленіи войны начались обиранія, притѣсненія, а то и просто грабежи, что имѣло мѣсто, напримѣръ, въ курортѣ Фридрихрода, въ Тюрингенѣ, въ санаторіи доктора Липельдъ-Кота. «Въ день объявленія Германіей войны, по словамъ жены инженера Т. Ц., всѣ проживавшіе тамъ русскіе больные были ограблены владѣльцемъ санаторіи. Воспользовавшись моментомъ, когда русскіе отправились принимать воздушныя ванны, докторъ Липельдъ-Кота забрался въ комнаты и произвелъ тамъ положительный разгромъ. Все, что было оставлено: деньги, часы, кольца и т. п., Л.-Кота экспропріировалъ, а возвратившихся больныхъ, при участіи служителей, выгналъ изъ санаторіи. Многіе очутились безъ гроша и могли выѣхать изъ Фридрихрода на деньги тѣхъ благоразумныхъ, которые хранили ихъ при себѣ.

Уѣхали въ томъ, въ чемъ были, такъ какъ даже платье имъ не было выдано» [1]).

Тѣсная связь развѣдывательнаго бюро германскаго генеральнаго штаба съ администраціей гостиницъ давно отмѣчалась нашей спеціальной литературой, и это предположеніе нашло подтвержденіе въ дни мученій русскихъ людей въ Германіи. Докторъ П. намъ говорилъ, что въ Берлинѣ былъ арестованъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ членъ Рижской таможни г. Г-нъ, только на основаніи оговора коридорной дѣвицы, подсмотрѣв-

---

[1]) См. «Письмо въ редакцію» газеты «Веч. Вр.» 4 августа

шей въ замочную скважину, что Г-нъ разбирался въ какихъ-то планахъ. Хотя, по тщательному обыску, у г. Г-на былъ обнаруженъ лишь Бедекеръ съ соотвѣтствующей картой, однакоже «русскому шпіону» пришлось перенести цѣлый рядъ инквизиціонныхъ допросовъ, послѣдствія которыхъ сказались уже теперь на его нервной системѣ.

За нѣсколько дней до объявленія войны денежные переводы изъ Россіи, какъ въ Австрію, такъ и въ Германію, не доставлялись по назначенію. Г-жа Е. И. Годлевская намъ удостовѣрила, что за 7 дней до начала австро-сербской войны, она, проживая въ Карлсбадѣ, не получила ни почтоваго, ни телеграфнаго перевода денегъ. Распоряженіе полиціи о выселеніи русскихъ съ курорта застало ее безъ копѣйки. Только благодаря любезности товарищей по несчастью, г-жа Годлевская на 11 день путешествія, уставшая, больная, глубоко потрясенная нравственно, добралась до Петрограда [1]).

Точно также остался безъ денегъ и кн. А. Д., о чемъ онъ разсказываетъ въ «Нов. Вр.» [2]).

«15-го іюля я выѣхалъ изъ Рима, а 17-го былъ уже въ Вѣнѣ,—говоритъ названный авторъ.—

[1]) Членъ московской городской управы С. В. Челноковъ говоритъ, что въ Карлсбадѣ уже «съ 14-го іюля прекратилась отправка писемъ по почтѣ. Нѣкоторыя письма просто не дошли до адресатовъ, другія же были возвращены съ припискою: «не подлежитъ отправленію» (См. «Утро Рос.» 8 августа).

[2]) См. «Нов. Вр.» отъ 1 августа.

Пріѣхалъ туда я утромъ и разсчитывалъ тотчасъ же съ другого вокзала отправиться въ Петроградъ. На почтѣ на мое имя лежала телеграмма съ извѣщеніемъ о переводѣ денегъ на Wiener-Bank-Verein. Безъ полученія этихъ денегъ я не могъ ѣхать дальше. Я поѣхалъ въ банкъ, но тамъ денегъ не оказалось. Пришлось остаться. На другой день я поѣхалъ опять, но уже съ твердой увѣренностью получить деньги, но на этотъ разъ меня приняли суше и сказали, что никакихъ денегъ изъ Россіи нѣтъ. Я опять поѣхалъ на третій день. Тогда мнѣ уже сказали, что никакихъ денегъ изъ Россіи не будетъ. Оставалось только обратиться къ генеральному консулу. Въ консульствѣ было очень много народа. Всѣ получали на дорогу безплатные билеты и даже деньги. Выслушавъ меня, консулъ сказалъ, что денегъ я уже навѣрное не получу совсѣмъ, и предложилъ мнѣ помощь и безплатные билеты до Волочиска, совѣтуя ѣхать немедленно. Это было 19-го іюля».

«12-го іюля,—говоритъ г. Е. С.,—мнѣ отправили изъ Петрограда въ Висбаденъ деньги по почтѣ. Обыкновенно раньше я деньги получалъ на четвертый день. Между тѣмъ, этихъ денегъ я и на шестой день не получилъ и, не дождавшись ихъ, поспѣшилъ уѣхать, вынужденный прибѣгнуть къ займамъ у совершенно незнакомыхъ лицъ (конечно, русскихъ, которые, къ слову сказать, объединились уже на чужбинѣ и оказывали другъ другу всевозможную поддержку)» [1].

---

[1]) См. «Петр. Курьеръ» отъ 31 іюля.

Подобная же исторія повторилась съ депутатомъ Н. Л. Марковымъ 1.

«Наканунѣ объявленія войны я жилъ съ больной женой въ Гомбургѣ,—разсказываетъ г. Марковъ сотруднику «Бирж. Вѣд.». — Ничто не предвѣщало, что завтра будетъ объявлена война. Когда, за нѣсколько дней до объявленія войны, въ Германіи началась открытая мобилизація, я явился въ банкъ, чтобы получить деньги по аккредитиву.

«— Зачѣмъ вамъ деньги? Вамъ не нужны деньги!—нагло отвѣтили нѣмцы.

«— Но мнѣ нечѣмъ заплатить въ гостиницѣ, я долженъ портному.

Нѣмцы смилостивились и дали мнѣ 800 марокъ» [1]).

На улицахъ городовъ, на площадяхъ, въ ресторанахъ, однимъ словомъ, при каждомъ скопленіи народа, неизмѣнно появлялись темныя личности агентовъ-провокаторовъ, распускавшихъ слухи о совершенныхъ, якобы, русскими самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ. Чтобы возбудить еще болѣе народную ярость, прибѣгли также къ печатной лжи.

«Въ день моего отъѣзда изъ Берлина,—разсказываетъ редакторъ «Газеты-Копѣйки» г. Городецкій,—по городу были пущены экстренные листки, извѣщавшіе всю Германію, что на кронпринца русскимъ совершено покушеніе. Разъяренная толпа гонялась за русскими при содѣйствіи шуцма-

[1]) См. назв. газету, веч. вып. 1 августа.

новъ. Русскимъ плевали въ лицо, бросали окурки отъ папиросъ и пивныя пробки.

«— Смерть русскимъ! Они обманули нашего императора! Они втянули насъ въ войну!» [1])

Изъ устъ въ уста передавалась молва о русскихъ шпіонахъ, и толпа яростно требовала смерти ихъ.

«Не доѣзжая двухъ станцій до Эйдкунена,— разсказываетъ предсѣдатель петр. гор. думы сенаторъ С. В. Ивановъ,—нашъ поѣздъ былъ остановленъ въ Гумбиненѣ и отправленъ обратно въ Инстербургъ. Здѣсь насъ встрѣтила непріятная неожиданность. Меня вмѣстѣ со всѣми другими русскими пассажирами арестовали и, по распоряженію военныхъ властей, отправили въ Кенигсбергъ.

По приблизительному подсчету насъ, русскихъ, было въ Кенигсбергѣ въ такомъ-же положеніи до 600 человѣкъ.

Въ Кенигсбергѣ, куда насъ доставили подъ усиленнымъ конвоемъ солдатъ, насъ разбили на группы, стали выстраивать попарно, окружили солдатами, причемъ послѣдніе на нашихъ глазахъ стали заряжать ружья. На насъ, мужчинъ, это щелканье курковъ производило угнетающее впечатлѣніе. Легко себѣ представить, какъ эти манипуляціи дѣйствовали на находившихся среди насъ женщинъ. Онѣ были въ паническомъ ужасѣ. Команда «ружья на перевѣсъ», и всѣ мы, арестованные, двинулись въ путь. Шли долго, должно быть версты три.

---

[1]) См. назв. газету отъ 2 августа.

Вдругъ намъ навстрѣчу примчался автомобиль, изъ котораго выскочилъ нѣмецкій лейтенантъ. Встрѣча его съ нами была довольно оригинальна, чтобы не сказать хуже. Онъ выхватилъ револьверъ и, направляя его чуть ли не вплотную въ перваго попавшагося, гаркнулъ:

— Ни слова, я покажу вамъ, русскимъ, какъ шпіонить.

Кругомъ насъ масса черни. Крики лейтенанта возбуждаютъ толпу. Съ быстротою молніи проносится вѣсть о томъ, что задержана большая группа русскихъ шпіоновъ. Когда въ толпѣ настроеніе стало особенно вызывающимъ, лейтенантъ продолжалъ:

— Мы сами расправимся съ русскими шпіонами.

Что мы пережили въ этотъ моментъ, трудно описать. Съ дамами истерики... Но дѣлать было нечего: свирѣпый видъ лейтенанта, воинственное настроеніе окружавшей насъ черни, большой нарядъ конвоировавшихъ солдатъ,—все это вмѣстѣ подавляло въ насъ всякое чувство протеста» [1]).

21-го іюля, по словамъ г-жи Розенъ, въ Берлинѣ, передъ отелемъ на «Unter den Linden», гдѣ жила она и многіе другіе русскіе, собралась толпа нѣмцевъ.

«Оказывается, что кто-то пустилъ слухъ, что въ отелѣ скрывается русскій шпіонъ.

Потрясая палками, толпа кричала:

---

[1]) См. «Биржж. Вѣд.» 4 августа (веч. вып.).

— Дайте намъ сюда русскихъ!..» [1]).

Съ объявленіемъ мобилизаціи, разсказываетъ присяжный повѣренный г. Шапиро, пошли разговоры «о томъ, что въ каждомъ русскомъ сидитъ шпіонъ, что русскіе студенты покушались на жизнь кронпринца, и что поймали русскихъ шпіоновъ, переодѣтыхъ монахинями. Въ вышедшихъ нѣмецкихъ газетахъ на первой страницѣ было напечатано крупнымъ шрифтомъ предостереженіе по адресу русскихъ. «Возьмите русскихъ,—взывали газеты,—подъ свое наблюденіе: всѣ они шпіоны!» Очевидно, газеты инспирировались лицами, власть имущими. Возбужденіе и ненависть разжигались всякими способами» [2]).

Достаточно было самаго нелѣпаго повода, чтобы навлечь подозрѣніе въ шпіонствѣ. Въ этомъ смыслѣ интересенъ разсказъ члена Государственной Думы В. А. Маклакова.

Прибывшая 18-го іюля на станцію Эйдкуненъ группа русскихъ была задержана нѣмцами. Дальнѣйшій пропускъ зависѣлъ отъ уланскаго полковника. Бывшая среди присутствовавшихъ княгиня Трубецкая рѣшила итти къ нему, но,—говоритъ г. Маклаковъ,—княгиня «хотѣла итти только одна: взяла въ проводники нѣмецкаго мальчика и отправилась. Едва она скрылась за угломъ, какъ мы съ кн. Васильчиковымъ раскаялись, что ее одну отпустили, и рѣшили ее догнать.

---

[1]) См. «Рус. Сл.» отъ 2 августа.
[2]) См. «Нов. Вр.» отъ 30 іюля.

Она быстро шла по площади, уже не съ мальчикомъ, а съ бородатымъ мужчиной. Она направлялась по улицѣ, перегороженной рогаткой, около которой стояли нѣсколько солдатъ и небольшая толпа. Мы уже почти догнали ее и соскочили съ повозки, какъ вдругъ увидали что-то странное и неожиданное.

Солдаты сразу бросились на княгиню и схватили ее. Толпа ринулась къ ней, солдаты быстро отгородили ее отъ толпы, окружили кольцомъ и повели. Въ толпѣ раздались радостныя восклицанія: «поймали шпіона». Бородатый спутникъ княгини съ гордостью всѣмъ объяснялъ: «Я первый ее замѣтилъ, я слѣдилъ за нею отъ вокзала; она сама показала записку—Uhlan Regiment. Почему она знаетъ, что у насъ стоитъ этотъ полкъ?»

Мы шли за ней въ первыхъ рядахъ; видѣли, какъ два солдата за обѣ руки держали ее. Она обернулась, увидала насъ и сдѣлала глазами знакъ,—не подходить.

Мы подошли къ гауптвахтѣ; солдаты у входа разступились и княгиню ввели на дворъ; толпу, и насъ въ томъ числѣ, туда не впускали. Но не успѣли мы сказать нѣсколько словъ, какъ кто-то крикнулъ: «Они вмѣстѣ были съ ней», и насъ тоже схватили и привели туда, гдѣ дожидалась княгиня» [1]).

Болѣе тяжелыя послѣдствія постигли супругу намѣстника на Кавказѣ графиню Воронцову-

[1]) См. «Русс. Вѣдом.» отъ 6 августа.

Дашкову, только потому, что въ Гамбургѣ, узнавъ объ арестѣ члена Государственнаго Совѣта отъ польскаго кола Шебеки, она перешла въ сосѣдній вагонъ, чтобы сообщить своимъ спутникамъ печальное извѣстіе.

Этого было довольно. Толпа усмотрѣла въ ней шпіонку, имѣющую при себѣ бомбы. Послышались крики: «Эта женщина хочетъ что-то спрятать!» и требовали осмотра. Пьяные солдаты грубо произвели обыскъ, о чемъ подробно у насъ будетъ сказано ниже [1].

Высшіе руководители германской арміи прекрасно сознавали, какъ трудно имъ будетъ осуществить мобилизацію, а потому, подобно Нерону, обвинявшему для возбужденія народной ярости христіанъ въ поджогѣ Рима,—отдали съ тою же цѣлью русскихъ путешественниковъ во власть разъяренной толпы и разнузданныхъ солдатъ.

Высказанныя нами соображенія основываются на словахъ многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ особо цѣнно мнѣніе сенатора гофмейстера А. В. Бельгарда, любезно подѣлившагося съ нами своими впечатлѣніями.

Темные слухи, распространявшіеся въ изобиліи какъ въ печати, такъ и въ нѣмецкомъ обществѣ по адресу Россіи и русскаго народа, мытарства и страданія, причиненныя вслѣдъ затѣмъ нѣмцами русскимъ путешественникамъ,—все это, по мнѣнію

---

[1]) См. телеграмму изъ Копенгагена Спб. агентства отъ 29 іюля.

г. Бельгарда, входило въ систему мобилизаціоннаго плана, заранѣе разработаннаго высшимъ военнымъ начальствомъ.

Все было тщательно взвѣшено и дѣлалось съ цѣлью провести мобилизацію, такъ какъ населеніе, въ особенности могущественная германская соціалъ-демократія, не желало войны и нѣмецкимъ властямъ нужно было всячески зажечь толпу, чтобы вызвать ненависть къ русскимъ. Очевидно, съ этой именно цѣлью уже 14—15 іюля командиръ лейпцигскаго армейскаго корпуса генералъ Лефертъ опубликовалъ воззваніе, въ которомъ говорилъ, что вся Германія наводнена русскими шпіонами и офицерами и что каждый нѣмецкій гражданинъ, хотя бы и не военный, можетъ внести лепту въ народное дѣло, если приметъ участіе въ поимкѣ шпіоновъ.

Подлый планъ германскаго генеральнаго штаба превзошелъ всякія ожиданія. Массы остервенѣли до того, что даже своихъ офицеровъ, надѣвшихъ незнакомую походную форму, принимали за русскихъ шпіоновъ, нападали на нихъ, задерживала срочныя донесенія и даже были случаи избіенія ихъ. Военному начальству пришлось бить отбой.

Въ Гамбургѣ, напримѣръ, было расклеено воззваніе къ населенію съ просьбой не задерживать своихъ автомобилей и не разстрѣливать своихъ аэроплановъ, такъ какъ всѣ непріятельскіе моторы и аэропланы уже или переловлены или разстрѣляны.

По мѣрѣ развитія событій, нѣмецкимъ звѣрствамъ подверглись мирные жители занятыхъ не-

пріятельскихъ областей и даже солдаты противника.

Наши соображенія о виновности германскаго императора и приближенныхъ къ нему высшихъ военныхъ властей, какъ видно по имѣющимся свѣдѣніямъ, раздѣляются за границей оффиціальными кругами. Лондонскій корреспондентъ «Нов. Вр.» сообщаетъ, что «воззваніе бельгійской миссіи въ Лондонѣ относительно звѣрствъ, производимыхъ германскими войсками, оффиціальное англійское бюро печати дополняетъ свѣдѣніями, доказывающими, что всѣ эти звѣрства производились по заранѣе обдуманному плану высшихъ германскихъ военныхъ властей.

Дѣлалось это съ цѣлью устрашить населеніе деревень и городовъ для того, чтобы не было нужды оставлять войска для защиты путей сообщеній и тыла.

«Daily News» вспоминаетъ слова Бисмарка, сказанныя въ 1870 году: «Нужно подвергнуть жителей взятыхъ странъ возможно большимъ страданіямъ и оставить имъ только глаза, чтобы они могли плакать».

«Westminster Gazette» полагаетъ, что Германія на практикѣ теперь осуществяетъ этотъ жестокій принципъ» [1]).

Пусть торжествуютъ нѣмецкій императоръ и его сподвижники! Но уже близокъ часъ расплаты за тѣ гнусные подвиги, на которые человѣческая исторія наложитъ несмываемую печать презрѣнія.

---

[1]) См. «Нов. Вр.» 14-го августа.

ГЛАВА II.

Оскорбленія чиновъ русской дипломатической миссіи.

На первыхъ же порахъ разрыва съ Германіей дикая некультурность нѣмцевъ сказалась въ неуваженіи, и оскорбленіи представителей русской дипломатической миссіи, нарушивъ тѣмъ древній международный обычай, свято чтимый даже въ нецивилизованныхъ странахъ.

По словамъ одного офицера, вернувшагося изъ Германіи 20-го іюля, въ Берлинѣ около 6 часовъ дня вблизи русскаго «посольства ходили группами нѣмцы и по адресу Россіи и русскихъ все время раздавались бранные возгласы. Послу надо было ѣхать въ Шарлотенбургъ встрѣчать Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну, которая должна была прослѣдовать черезъ Берлинъ. Когда автомобиль посла выѣхалъ изъ воротъ зданія посольства, его окружила такая густая толпа озлобленныхъ нѣмцевъ, что автомобиль чуть не перевернулся и только удачный маневръ шоффера

спасъ отъ катастрофы. По адресу Россіи и посла неслись всевозможныя ругательства, нѣмцы потрясали чуть не у самаго лица посла палками и зонтиками.

Когда автомобиль посла подошелъ къ вокзалу въ Шарлотенбургѣ, то его снова окружила густая толпа, настолько мѣшавшая послу выйти изъ него, что онъ принужденъ былъ приказать дать ходъ машинѣ и выйти изъ окружавшей его толпы. Полиція, видя это, приняла мѣры, и, когда посолъ, немного проѣхавъ по прилегающимъ къ вокзалу улицамъ, снова подъѣхалъ къ вокзалу, его встрѣтилъ нарядъ полиціи и подъ его прикрытіемъ онъ вошелъ въ вокзалъ» [1]).

Еще наканунѣ, 19-го числа, какъ удостовѣряетъ супруга бывшаго военнаго агента, г. Базарова, нѣмцы устроили передъ ихъ квартирой возмутительную демонстрацію. Толпа обезумѣвшихъ берлинцевъ бѣсновалась передъ окнами полковника Базарова, осыпая находившихся въ квартирѣ полковника площадной бранью. Когда жена военнаго агента со своими домашними, сестрой, гувернанткой и тремя дѣтьми, вышла на улицу и стала садиться въ автомобиль, чтобы ѣхать на вокзалъ, то крики и угрозы стали еще сильнѣе, а одинъ нѣмецъ замахнулся на г-жу Базарову палкой, но былъ удержанъ какой-то женщиной [2]). Въ бѣснующейся толпѣ, какъ лично

---

[1]) См. «Нов. Вр.» 28 іюля.
[2]) См. «Веч. Вр.» 6 авг. и «Нов. Вр.» 30 іюля.

намъ сообщила С. А. Базарова, находился, жившій въ одномъ съ ними домѣ, прусскій майоръ генеральнаго штаба фонъ-Вальдовъ (Waldow). Этотъ господинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ безчинствахъ толпы: онъ что-то кричалъ, ругался и бѣгалъ съ одного мѣста на другое.

Въ противоположность спокойному, обставленному всѣми удобствами выѣзду гр. Пурталеса съ чинами посольства изъ Петрограда, наши чины посольства въ Берлинѣ, при отъѣздѣ на вокзалъ, подверглись нападенію толпы берлинцевъ, осыпавшихъ ихъ бранью, плевками и бросавшихъ камни. Подробности этого безпримѣрнаго въ исторіи отъѣзда дипломатическихъ представителей государства, которому объявлена война, любезно сообщены намъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ изъ имѣющагося у него оффиціальнаго донесенія, гласящаго:

«Выѣздъ изъ зданія посольства на желѣзнодорожную станцію сопровождался не только шумными, враждебными Россіи демонстраціями и грубой площадной бранью, но буквальнымъ нападеніемъ озвѣрѣвшей толпы на автомобили и экипажи, выѣзжавшіе изъ воротъ посольства на улицу Unter den Linden съ членами Императорскаго посольства въ Берлинѣ, Императорскихъ миссій въ другихъ столицахъ Германіи и нѣсколькихъ русско-подданныхъ.

Несмотря на то, что полиціи и публикѣ было извѣстно, что изъ посольства выѣзжаютъ оффиціальные дипломатическіе представители съ семья-

ми, а можетъ быть именно поэтому, толпа бросалась на автомобили, била дамъ и дѣтей палками и зонтами, плевала, забрасывала пескомъ и мелкими камнями и т. д. Только автомобиль самого посла, который эскортировался конной полиціей, избѣгъ этой участи и подвергся лишь самой грубой, непристойной ругани.

Такъ какъ постепенный выѣздъ изъ посольства автомобилей и экипажей длился около получаса (за нѣкоторое время до посла выѣхало пять автомобилей и послѣ него приблизительно столько же), власти имѣли, казалось бы, достаточно времени помѣшать всѣмъ этимъ безобразіямъ; между тѣмъ полиція стала энергично разгонять толпу лишь послѣ выѣзда послѣдняго автомобиля, что было замѣчено секретарями посольства, сидѣвшими въ послѣднемъ автомобилѣ.

Въ результатѣ, почти всѣ выѣзжавшіе изъ зданія посольства на экстренный поѣздъ пострадали и только благодаря счастливой случайности не было тяжкихъ увѣчій, а дѣло ограничилось лишь болѣе или менѣе сильными ушибами. Однако бывшій первый секретарь посольства камергеръ Храповицкій получилъ настолько сильный ударъ по головѣ палкой, что по щекамъ потекла кровь и въ поѣздѣ пришлось сдѣлать перевязку, а въ Копенгагенѣ обратиться къ помощи врача.

Слѣдующія лица получили довольно сильные удары по спинѣ, затылку и плечамъ: посланникъ въ Карлсруэ графъ Бревернъ де-Ла-Гарди и его жена, супруга посланника въ Штутгартѣ г-жа Лер-

монтова, о спину которой сломалъ свой зонтикъ пожилой господинъ съ большой сѣдой бородой въ золотыхъ очкахъ; сестры жены м-ра резидента въ Дармштадтѣ, графини Литке и Тотлебенъ, княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская, секретарь посольства Іоновъ, секретари миссій Дмитровъ и Кутеповъ и мн. др., какъ напр., супруга морского агента въ Берлинѣ г-жа Беренсъ получила легкіе ушибы въ лицо отъ мелкихъ камней, брошенныхъ толпой, діакону посольской церкви Лопаткѣ сильнымъ ударомъ палкой по головѣ была совершенно продавлена твердая шляпа, которая спасла его отъ серьезнаго пораненія, и т. д.

Кромѣ того многія изъ дамъ получили по нѣсколько плевковъ въ лицо: княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская, г-жа Раевская, графини Тотлебенъ и Литке и др.

Къ счастью, дамы, несмотря на испугъ, не растерялись и успѣли усадить дѣтей на дно автомобилей, вслѣдствіе чего, по крайней мѣрѣ, они избѣгли побоевъ. Въ общемъ, не пострадали лишь тѣ изъ состава посольства, которые, покинувъ посольство пѣшкомъ, незамѣтнымъ образомъ отправились съ семьями изъ своихъ частныхъ квартиръ на станцію, притомъ разговаривая между собой исключительно по-нѣмецки.

Интересно добавить, что когда въ четыре часа того же дня членъ Государственнаго Совѣта Шебеко подъѣхалъ къ посольству и спросилъ стоявшаго у воротъ полицейскаго, въ Берлинѣ ли еще посолъ, тотъ отвѣтилъ, что посолъ уже

выѣхалъ и добавилъ «sonst würde er bereits todtgeschlagen».

Самъ бывшій посолъ въ Берлинѣ тайный совѣтникъ С. Н. Свербеевъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Нов. Вр.» о послѣднихъ дняхъ пребыванія въ столицѣ Германіи и своемъ возвращеніи въ Россію, разсказалъ слѣдующее [1]):

«При первыхъ извѣстіяхъ о назрѣвшемъ австросербскомъ конфликтѣ мнѣ пришлось прервать свой отпускъ и вернуться изъ Тульской губ. въ Берлинъ. 11-го іюля я получилъ возможность ознакомиться съ текстомъ австрійскаго ультиматума и сомнѣній въ истинѣ конфликта у меня не оставалось. Скажу больше, вопреки моимъ ожиданіямъ, событія развертывались болѣе медленнымъ темпомъ.

Убѣжденіе въ неизбѣжности вооруженнаго столкновенія во мнѣ окончательно окрѣпло послѣ опубликованія австрійскими газетами сербскаго отвѣта на ультиматумъ, причемъ вѣнскія газеты снабдили этотъ отвѣтъ своими комментаріями.

Сомнѣніямъ не оставалось мѣста, и мы приготовились къ худшему. Впрочемъ, послѣдующія событія превзошли наши ожиданія, такъ какъ никто не могъ предугадать тѣхъ возмутительныхъ сценъ, которыя пришлось потомъ видѣть.

Демонстраціи передъ зданіемъ нашего посольства начались еще до моего пріѣзда. Первая изъ нихъ произошла 13-го іюля, когда громадная

---

[1]) См. «Нов. Вр.» отъ 1 августа.

толпа запрудила всю улицу передъ нашимъ домомъ. Раздавались оскорбительные возгласы по адресу Россіи. Демонстрація продолжалась до двухъ часовъ ночи, когда секретарь посольства позвонилъ полицейскому комиссару и просилъ прислать нарядъ полиціи для прекращенія демонстраціи.

Антирусскія демонстраціи продолжались и въ послѣдующіе дни. Не знаю, чему приписать такое настроеніе берлинцевъ—была ли здѣсь боязнь войны или дѣйствительное озлобленіе вслѣдствіе обработки общественнаго мнѣнія газетами, которыя на всѣ лады доказывали, что зачинщица міровой войны—Россія.

Любопытно лишь одно—демонстраціи направлялись только противъ Россіи, не касаясь Франціи. Въ первое время въ Берлинѣ расчитывали, что Франція не вмѣшается въ вооруженное столкновеніе, и потому въ толпѣ раздавались даже одобрительные возгласы по адресу русской союзницы. Было ли подобное мнѣніе о локализаціи столкновенія между Германіей и Россіей и въ высшихъ кругахъ, трудно сказать. Зато вполнѣ опредѣленно можно утверждать, что нейтралитетъ Италіи и вмѣшательство Англіи были неожиданностью для Берлина и смѣшали всѣ карты нашихъ западныхъ сосѣдей.

Тѣмъ сильнѣе стало озлобленіе противъ Россіи, которую, повторяю, нѣмецкій народъ, какъ ему внушено газетами, считаетъ главной виновницей войны.

Агитація газетъ сыграла извѣстную роль въ озлобленіи берлинцевъ, которое во всей полнотѣ проявилось при нашемъ отъѣздѣ изъ Берлина.

Отъѣздъ былъ назначенъ на воскресенье въ 12 часовъ. Часть нашихъ чиновъ выѣхала на вокзалъ изъ своихъ квартиръ,—часть должна была ѣхать изъ посольства. Съ утра передъ нашимъ домомъ собралась толпа. Во избѣжаніе недоразумѣній, ворота были закрыты. Ихъ открыли лишь тогда, когда мы усѣлись въ автомобили. Я ѣхалъ впереди на автомобилѣ американскаго посла. Меня толпа не задѣла. Раздавались лишь враждебные возгласы. Но пассажиры слѣдующихъ автомобилей были жестоко избиты толпой.

Хотя Берлинъ офиціально опровергъ фактъ избіенія чиновъ русскаго посольства, но это было въ дѣйствительности. Толпа избила палками не только мужчинъ, но и дамъ. Серьезнѣе другихъ пострадалъ г. Храповицкій — его избили въ кровь. Въ толпѣ, избивавшей русскихъ, была не только берлинская чернь,—преобладали интеллигенты.

Безцеремонное отношеніе къ чинамъ русскаго посольства проявилось еще и въ арестахъ нѣкоторыхъ офиціальныхъ представителей Россіи. На улицѣ были арестованы: секретарь военнаго агента А. А. Голембіовскій, секретарь генеральнаго консульства Н. Н. Субботинъ и нѣкоторые другіе. Послѣ предъявленія своихъ документовъ всѣ были освобождены.

Изъ Берлина мы ѣхали довольно сносно. Правда, на вокзалѣ былъ сплошной адъ, полный безпорядокъ».

Справедливость требуетъ добавить, что примѣръ берлинцевъ, показавшихъ себя дикарями по отношенію къ дипломатическимъ представителямъ сосѣдняго государства, застигнутыхъ войною на своемъ высокомъ посту, не вездѣ находилъ подражаніе. Напримѣръ, русскій императорскій посланникъ при Виртембергскомъ дворѣ, камергеръ д. с. с. С. А. Лермонтовъ, сообщаетъ слѣдующій фактъ, имѣвшій съ нимъ мѣсто на желѣзной дорогѣ [1]).

«Во время пути въ Берлинъ,—пишетъ г. Лермонтовъ,—на одной изъ промежуточныхъ станцій, имени коей я не знаю, въ поѣздѣ начался шумъ и до меня стали доходить крики: «alle Russen heraus aussteigen das gepäck zum Fenster hinaus verfen». Оказывается, что, по неизвѣстной для меня причинѣ, всѣхъ русскихъ, находящихся въ поѣздѣ, а ихъ было не мало, выгнали изъ поѣзда. Поднялся крикъ и плачъ. Вдругъ, слышу, кто-то кричитъ: «in diesem coupé sind auch Russen» и ко мнѣ ворвался офицеръ въ формѣ и обратился въ весьма дерзкой формѣ: «Sind sie auch ein Russe?» И на мой утвердительный отвѣтъ, крикнулъ мнѣ: «heraus! und zum Fenster hinaus verfen, vorwärts, vorwärts!»

Однако, когда я ему показалъ паспорта, выданные намъ Виртембергскимъ правительствомъ,

[1]) Свѣдѣнія эти любезно намъ сообщены Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

онъ приложилъ руку къ козырьку и удалился. Всѣ же другіе русскіе были выброшены на этой станціи. Все это произошло уже поздно вечеромъ. Что сталось съ ними, мнѣ неизвѣстно».

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ нашло возможнымъ дать намъ также свѣдѣнія объ участи императорскаго консула въ Штеттинѣ ст. сов. Цейдлера. Выпущенный изъ означеннаго города при вполнѣ коректномъ содѣйствіи мѣстныхъ властей, ст. сов. Цейдлеръ былъ, однако, несмотря на имѣвшійся при немъ паспортъ, арестованъ въ Ростокѣ. Вотъ подробности его мытарствъ, передаваемыя имъ самимъ:

«Въ указанный часъ я выѣхалъ съ женою и сыномъ по направленію къ датской границѣ. Въ пути ко мнѣ обратился пожилой русскій, котораго я видѣлъ утромъ того же дня въ пріемной предсѣдателя полиціи и который узналъ во мнѣ консула. Онъ попросилъ моего содѣйствія въ пути, представившись тайнымъ совѣтникомъ Заіончковскимъ, членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Я ему обѣщалъ помочь, точно такъ же какъ и другимъ русскимъ, находившимся въ поѣздѣ. Но обмѣнъ этими нѣсколькими словами на русскомъ языкѣ, относившимися исключительно къ способу выѣзда изъ Германіи, навлекъ на насъ подозрѣніе спутниковъ-нѣмцевъ. На слѣдующей станціи тайн. сов. Заіончковскій, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, былъ выведенъ изъ вагона и переданъ караулу на вокзалѣ, при совершенно дикихъ крикахъ окружающей публики.

Я же съ семьей былъ арестованъ тотчасъ по прибытіи поѣзда въ Ростокъ. Ко мнѣ былъ приставленъ часовой и я былъ подвергнутъ грубѣйшему, съ самымъ циничнымъ надсмѣханіемъ, допросу со стороны караульнаго начальника, лейтенанта. Совершенно игнорируя мое указаніе на занимаемое въ Германіи офиціальное положеніе, только усмѣхнувшись моей просьбѣ обратиться за справкой въ Штетинъ, онъ отказался даже отпустить мою жену и сына, объявилъ насъ всѣхъ военноплѣнными и сдалъ двумъ полицейскимъ, которые повели насъ на площадь передъ вокзаломъ. Здѣсь лейтенантомъ уже былъ выстроенъ конвой изъ восьми солдатъ при унтеръ-офицерѣ. Послѣ было приказано въ грубой формѣ взять весь нелегкій ручной багажъ въ руки, стать въ середину между двумя шеренгами конвойныхъ и двинуться. Лейтенантъ понукалъ насъ не замедлять шага и такимъ образомъ мы шествовали черезъ весь городъ, около $^3/_4$ часа, до расположенныхъ на другомъ концѣ города казармъ. Это было около одиннадцати часовъ вечера. Въ казармахъ насъ ввели въ караульную комнату, полную солдатъ, велѣли багажъ поставить на лавку и позволили сѣсть, объявивъ, что дальнѣйшее распоряженіе нашей судьбой послѣдуетъ на другое утро. Въ дорогѣ мы уже слышали вѣроятно преувеличенные разсказы о пойманныхъ русскихъ шпіонахъ и бомбометателяхъ, разстрѣлянныхъ на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе эти разсказы, обращеніе съ нами офицера и заключеніе въ казармѣ подѣй-

ствовали чрезвычайно угнетающимъ образомъ, въ особенности на жену и сына, почему я сталъ просить отпустить хотя бы ихъ въ гостиницу или отвести имъ комнату здѣсь же, гдѣ они могли бы провести ночь. Но моя просьба была отклонена караульными. Впрочемъ, попытки со стороны солдатъ оскорбить насъ, этимъ караульнымъ унтеръ-офицеромъ были энергично прекращены, онъ велъ себя положительно достойнѣе своего начальника—лейтенанта. Около часу ночи въ караульную явился дежурный фельдфебель и я снова просилъ отпустить жену и сына. Фельдфебель чрезвычайно участливо отнесся къ моей просьбѣ и обѣщалъ немедленно донести по начальству. Еще черезъ часъ намъ, отведеннымъ между тѣмъ, въ опрятную полковую канцелярію, было объявлено распоряженіе, что мы совсѣмъ свободны и можемъ двинуться куда пожелаемъ. Мы захватили снова свой багажъ и отправились черезъ весь городъ въ гостиницу.

На другое утро я вошелъ въ сношеніе съ нашимъ нештатнымъ вице-консуломъ въ Ростокѣ, котораго наканунѣ не оказалось въ городѣ, и онъ принялъ самое горячее участіе въ дальнѣйшемъ устройствѣ нашего путешествія. Онъ сообщилъ мнѣ, что, вернувшись утромъ въ городъ и узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ тотчасъ нанялъ пароходъ въ Данію, потому что правильное сообщеніе туда уже прекратилось, и что остается мнѣ добыть еще разрѣшеніе на выходъ парохода у мѣстнаго начальника гарнизона. Для полученія этого раз-

рѣшенія мы отправились немедля въ канцелярію его, тамъ намъ даже выписали уже пропускъ, но попросили лично явиться къ начальнику гарнизона, подполковнику фонъ-Трескову, стоявшему въ гостиницѣ. Здѣсь насъ ожидалъ самый неожиданный и потрясающій пріемъ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, названный офицеръ только что передъ этимъ получилъ донесеніе о захватѣ нѣсколькихъ русскихъ, покушавшихся взорвать мостъ и водопроводъ. Какъ только мой вице-консулъ назвалъ меня, онъ набросился на меня съ ругательствами на русскихъ и объявилъ меня здѣсь же военноплѣннымъ, распорядившись вмѣстѣ съ тѣмъ арестовать тоже мою жену и сына. Мои объясненія лишь подлили масла въ огонь. Ко мнѣ былъ приставленъ часовой и въ теченіе часа, проведеннаго въ вестибюлѣ гостиницы, я подвергся самымъ унизительнымъ оскорбленіямъ проходившихъ. При объясненіяхъ моихъ съ начальникомъ гарнизона, къ моему счастью, присутствовалъ его ординарецъ, какъ потомъ обнаружилось, запасный лейтенантъ, въ мирное время служившій судьею въ Гамбургѣ, докторъ Ренеръ. Когда онъ изъ моего допроса узналъ, кто я, онъ немедленно сталъ объяснять своему начальнику полную неумѣстность его поступка. Но объ этомъ я узналъ лишь впослѣдствіи. Пока же я былъ отведенъ въ гостиницу, гдѣ къ дверямъ моей комнаты былъ приставленъ часовой, получившій приказъ стрѣлять въ насъ при малѣйшей попыткѣ уйти. Лейтенантъ-ординарецъ приступилъ къ обыску меня

и моего сына, равно какъ и багажа, а жена моя была обыскана женою хозяина гостиницы. Повидимому, не найдя у насъ ничего подозрительнаго, офицеры нѣсколько успокоились. Тѣмъ не менѣе, до слѣдующаго дня мы должны были ждать еще въ неизвѣстности рѣшенія нашей участи и, принимая во вниманіе испытанное уже дважды обращеніе, перспектива военнаго суда казалась не столь уже невѣроятной. Вечеромъ лейтенантъ намъ объявилъ, что послѣдовало распоряженіе отправить насъ въ воинскомъ поѣздѣ подъ охраною въ Штетинъ, въ штабъ 2-го корпуса. Это оказалось весьма счастливымъ для меня рѣшеніемъ и я имъ обязанъ только заступничеству лейтенанта Ренера, которому удалось уговорить подполковника фонъ-Трескова не отправлять меня по принадлежности въ штабъ корпуса въ Альтону, а въ Штетинъ, гдѣ меня знаютъ и откуда я пріѣхалъ. Подъ охраной того же лейтенанта, оказавшагося чрезвычайно коректнымъ и вѣжливымъ офицеромъ, мы отправились на другое утро въ воинскомъ поѣздѣ въ Штетинъ. Здѣсь онъ насъ сдалъ на полицейскую гауптвахту, а самъ отправился съ докладомъ къ командиру корпуса, знавшему меня лично. Уже спустя всего четверть часа онъ вернулся и сообщилъ намъ, что мы совсѣмъ свободны и что командиръ корпуса поручилъ своему начальнику штаба выразить мнѣ и моей женѣ самое искреннее сожалѣніе по поводу случившагося...

То, что пришлось увидѣть на паромѣ (при отъѣздѣ изъ Треллеборга), не поддается ника-

кому описанію, равно какъ и все видѣнное дальше на пути чрезъ Швецію и Финляндію. На паромѣ было около 1.500 русскихъ подданныхъ бѣглецовъ изъ Германіи, большинство поляки и евреи, согнанные, иначе трудно это назвать, въ Засницъ изъ многочисленныхъ купальныхъ мѣстъ и курортовъ. Безъ различія соціальнаго положенія, всѣ они оказались помѣщенными въ ожиданіи шведскаго парома въ зданіи карантина для скота. Большинство было безъ средствъ или съ самыми скудными рессурсами. Болѣе чѣмъ сто человѣкъ изъ нихъ не могли вовсе уплатить даже за переѣздъ въ Швецію, такъ что я, имѣя при себѣ изъ аванса на пособіе неимущимъ русскимъ еще извѣстную сумму, внесъ 480 марокъ за билеты 80 человѣкъ нашихъ подданныхъ».

ГЛАВА III.

Возвращеніе на родину.

Чтобы взвинтить чувства толпы, германское правительство еще до объявленія войны распространяло прокламаціи, въ которыхъ говорилось, что русскіе шпіоны наводнили всю Германію, что они носятъ при себѣ бомбы, имѣя намѣреніе взрывать нѣмецкіе мосты, что одинъ русскій студентъ былъ уже пойманъ съ динамитомъ, готовый привести въ исполненіе свое преступное намѣреніе, что, наконецъ, всякій добрый нѣмецкій гражданинъ, даже не служа въ арміи, можетъ оказать помощь отечеству, содѣйствуя властямъ въ открытіи и задержаніи русскихъ шпіоновъ.

Въ подтвержденіе этихъ газетныхъ инсинуацій, носившихъ явно офиціозное происхожденіе, такъ какъ въ различныхъ газетахъ сообщалось объ одномъ и томъ же фактѣ въ совершенно тождественныхъ редакціяхъ,—германское правительство распорядилось произвести массовые аресты «русскихъ шпіоновъ».

Въ поискахъ шпіоновъ, нѣмецкія военныя власти, бывшія иниціаторами начавшейся травли русскихъ людей, зашли очень далеко, въ смыслѣ арестованія лицъ, исключавшихъ, казалось бы, по своему служебному или соціальному положенію всякую мысль о возможности заподозрить ихъ въ шпіонствѣ. Были аресты, произведенные съ единственною цѣлью компрометировать русскихъ должностныхъ лицъ.

Такъ, напримѣръ, уже наканунѣ офиціальнаго разрыва дипломатическихъ сношеній, рано утромъ, въ самый день отъѣзда нашей дипломатической миссіи, были произведены полиціей аресты нѣкоторыхъ изъ чиновъ нашего генеральнаго консульства, а именно, секретаря надв. сов. Субботина и нештатнаго секретаря г. Далича, а также секретаря военнаго агента г. Голембіовскаго. Всѣ эти лица, однако же, вскорѣ были освобождены. Кромѣ того, исчезъ изъ посольства уже за сутки до отъѣзда чиновъ миссіи помощникъ швейцара запасный унтеръ-офицеръ Станиславъ Беднардикъ, очевидно, тоже арестованный, несмотря на то, что онъ, какъ служащій въ посольствѣ, пользовался правомъ внѣземельности.

Разсказъ гофмейстера А. В. Бельгарда.

Съ явною цѣлью унизить Россію былъ подвергнутъ аресту, допросу и оскорбительному обыску генеральный комиссаръ русскаго отдѣла на международной выставкѣ въ Лейпцигѣ гофмейстеръ

Высочайшаго Двора сенаторъ А. В. Бельгардъ.

Въ бесѣдѣ съ нами, гофмейстеръ А. В. Бельгардъ любезно подѣлился своими впечатлѣніями, которыя мы излагаемъ съ его словъ.

Сенаторъ Бельгардъ находился въ Лейпцигѣ съ половины апрѣля, былъ снабженъ дипломатическимъ паспортомъ и пользовался совершенно исключительнымъ положеніемъ не только на выставкѣ, но и въ мѣстномъ обществѣ.

Россія оффиціально принимала участіе въ этой выставкѣ по приглашенію саксонскаго правительства и имѣла собственный обширный павильонъ, наполненный чрезвычайно цѣнными экспонатами.

Выставочный комитетъ, въ составъ котораго входилъ, между прочими лицами, въ качествѣ правительственнаго комиссара, мѣстный губернаторъ (Kreishauptmann) фонъ-Бургедорфъ, до самаго послѣдняго времени просилъ русскаго генеральнаго комиссара не закрывать павильона, неоднократно повторяя, что онъ можетъ быть совершенно спокоенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что, зная нѣмецкую публику, можно сказать съ увѣренностью, что самая малѣйшая демонстрація передъ русскимъ павильономъ совершенно невозможна и, наконецъ, что закрытіе павильона произвело бы непоправимый вредъ выставкѣ. Даже послѣ того, какъ стало извѣстно распоряженіе о мобилизаціи, выставочный комитетъ повторялъ то же самое, прося даже оказать воздѣйствіе на представителей Англіи и Франціи.

Идя навстрѣчу просьбамъ выставочнаго комитета, представители этихъ трехъ государствъ еще въ субботу, 19-го іюля, утромъ согласились оставить павильоны открытыми, заявивъ, что они закроютъ павильоны въ случаѣ объявленія войны или въ случаѣ какихъ-либо демонстрацій передъ павильномъ. При этомъ было сказано, что если павильонъ придется закрыть, то выставочный комитетъ окажетъ содѣйствіе генеральнымъ комиссарамъ къ упаковкѣ экспонатовъ, приметъ ихъ подъ свою охрану и предоставитъ для храненія цѣнныхъ экспонатовъ надежное мѣсто, а также будетъ содѣйствовать къ отъѣзду всего состава комиссаріатовъ на родину. Комитетомъ были приняты указанныя выше условія и обо всемъ этомъ былъ составленъ протоколъ, при этомъ члены комитета вновь увѣряли, что нѣтъ никакихъ основаній для закрытія павильоновъ. Въ виду начавшагося затѣмъ усиленнаго распространенія слуховъ, явно враждебныхъ для Россіи, и главнымъ образомъ въ виду опубликованія въ лейпцигскихъ газетахъ рѣчи германскаго императора въ исключительной по своей дерзости редакціи, русскій генеральный комиссаръ утромъ въ воскресенье 20 іюля отправился лично къ губернатору, чтобы предупредить его, что въ виду распространяемыхъ газетами явно враждебныхъ и ложныхъ слуховъ, касающихся Россіи, онъ считаетъ невозможнымъ оставлять долѣе открытымъ русскій павильонъ, независимо отъ того, какъ поступятъ представители Франціи и Англіи.

Губернатора не было, а его замѣститель вскорѣ послѣ пріѣзда сенатора Бельгарда на выставку попросилъ его къ телефону и сообщилъ г. Бельгарду, что губернаторъ благодаритъ его за утреннее посѣщеніе и что онъ также находитъ, что было бы правильно, хотя бы временно (provisorisch) всѣ три павильона были закрыты. То же самое мнѣніе было высказано отъ имени выставочнаго комитета. Послѣ этого русскій генеральный комиссаръ немедленно же распорядился закрытіемъ русскаго павильона и при личномъ присутствіи гофмейстера Бельгарда были спущены съ павильона всѣ шесть русскихъ флаговъ. Публика въ полномъ молчаніи наблюдала за этой процедурой. Затѣмъ двери павильона были закрыты и начались работы по упаковкѣ экспонатовъ.

Въ городѣ замѣтно было сильное возбужденіе. Тысячныя толпы, составленныя исключительно изъ подростковъ 14—17 лѣтъ, появлялись въ разныхъ частяхъ Лейпцига и устраивали враждебныя Россіи демонстраціи. Тѣмъ не менѣе генеральный комиссаръ и комиссаръ промышленнаго отдѣла вполнѣ свободно вернулись домой въ обычное время пѣшкомъ, такъ какъ не было ни автомобилей, ни извозчиковъ.

На другой день, послѣ обычнаго обѣденнаго перерыва, около 3 часовъ, въ павильонъ явился какой-то неизвѣстный человѣкъ въ штатскомъ и, войдя въ кабинетъ, въ которомъ находился въ это время сенаторъ А. В. Бельгардъ, предъявивъ удостовѣрительную карточку чиновника уголов-

ной полиціи, объявилъ генеральному комиссару, что онъ арестованъ. Затѣмъ, спросивъ, нѣтъ ли при немъ оружія, ощупалъ всѣ его карманы. То же самое онъ продѣлалъ со всѣми остальными лицами, находившимися въ павильонѣ, и, объявивъ имъ, что они тоже арестованы, пригласилъ всѣхъ слѣдовать за нимъ. Когда А. В. Бельгардъ хотѣлъ вызвать по телефону предсѣдателя выставочнаго комитета, чтобы передать ему на храненіе павильонъ, то полицейскій чиновникъ сказалъ:

«Вы арестованы и не имѣете права это дѣлать. Павильонъ впредь до распоряженія будетъ находиться подъ охраной сторожей», которымъ тутъ же приказалъ никого не впускать въ помѣщеніе русскаго отдѣла выставки.

Послѣ этого А. В. Бельгарда, въ сопровожденіи всѣхъ служащихъ въ комиссаріатѣ и двухъ или трехъ случайно находившихся въ павильонѣ русскихъ экспонентовъ, повели черезъ всю выставочную территорію подъ конвоемъ двухъ полицейскихъ чиновниковъ въ выставочное полицейское управленіе. Впредь до допроса всѣ были помѣщены въ комнатѣ, предназначенной, повидимому, для дежурныхъ городовыхъ и имъ было запрещено между собою говорить по-русски.

На допросѣ чиновникъ уголовной полиціи (какъ оказалось, Wachtmeister) утверждалъ, что ему извѣстно, будто бы генеральный комиссаръ— офицеръ, такъ какъ онъ въ придворномъ званіи, и что въ русскомъ павильонѣ утромъ происходило

какое-то собраніе. На вопросъ же А. В. Бельгарда о томъ, чего, собственно говоря, отъ него хотятъ, чиновникъ объявилъ, что онъ подозрѣвается въ шпіонствѣ.

Во время допроса явился предсѣдатель выставочнаго комитета, докторъ Фолькманъ, имѣя очень сконфуженный видъ. По окончаніи допроса, съ разрѣшенія чиновника, онъ предложилъ довести генеральнаго комиссара и комиссара промышленнаго отдѣла въ своемъ автомобилѣ до гостиницы и отправился туда вмѣстѣ съ ними въ сопровожденіи чиновника полиціи, которому было поручено произвести обыскъ въ вещахъ генеральнаго комиссара и комиссара промышленнаго отдѣла.

Обыскъ этотъ былъ произведенъ или для издѣвательства или для скандала, потому что чиновникъ, производившій его, посмотрѣлъ только то, что находилось въ двухъ открытыхъ чемоданахъ, не обративъ вниманія на револьверъ, который лежалъ на виду, и отказался отъ осмотра сундука, заявивъ, что его не стоитъ открывать. Оставлены были также безъ вниманія планы. Затѣмъ чиновникъ, производившій обыскъ, потребовалъ, чтобы А. В. Бельгардъ отправился съ нимъ въ полицейское управленіе, гдѣ какой-то господинъ, повидимому, секретарь, выйдя въ коридоръ, объяснилъ, что полицейскаго комиссара нѣтъ, но что не стоитъ его ожидать, такъ какъ выяснилось, что все произошло по ошибкѣ (Versehen), а потому арестованные могутъ быть отпущены по домамъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, т. е. 21 іюля, генеральному комиссару было объявлено, что онъ со всѣмъ составомъ служащихъ въ комиссаріатѣ обязанъ выѣхать на другой день утромъ въ Швейцарію. Это послѣднее распоряженіе послѣдовало равнымъ образомъ относительно англичанъ и французовъ.

22-го утромъ А. В. Бельгардъ съ нѣкоторыми чинами комиссаріата пріѣхалъ на выставку. Представители англійскаго и французскаго павильоновъ, а также почти всѣ служащіе русскаго павильона раньше отправились на вокзалъ, въ сопровожденіи высшихъ чиновъ выставочнаго комитета, а г. Бельгарду и г. Эттингеру д-ръ Фолькманъ предложилъ отправиться на вокзалъ на своемъ автомобилѣ.

Не успѣлъ генеральный комиссаръ занести ногу на ступень автомобиля, какъ подошелъ полицейскій чиновникъ, дотронулся до его плеча и заявилъ, что всѣ русскіе вновь арестованы.

Покоряясь грубому насилію, А. В. Бельгардъ просилъ разрѣшенія разыскать служащихъ русскаго отдѣла, чтобы дать имъ немного денегъ, такъ какъ они безъ средствъ, но полицейскій сказалъ, что это сдѣлаетъ онъ самъ.

Съ выставки сенатора Бельгарда и г. Эттингера отправили въ судъ. Тамъ ихъ никто не допрашивалъ, продержавъ въ пріемной болѣе часа, а затѣмъ по невѣроятно темнымъ извилистымъ коридорамъ отвели въ подвальное помѣщеніе—въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ съ А. В. Бельгардомъ обращались, какъ съ обычнымъ уголовнымъ преступникомъ. У него отобрали всѣ цѣнныя вещи и деньги. Камера, въ которую былъ водворенъ сенаторъ Бельгардъ, представляла клѣтушку въ 7 шаговъ длины и 3½ шага ширины. Только что г. Бельгардъ вошелъ въ нее, какъ ему велѣли раздѣться до-нага, при этомъ предупредительно постлали на полъ одѣяло, чтобы предохранить отъ простуды. Затѣмъ г. Бельгарду предложили, поднявши вверхъ руки дважды пройтись взадъ и впередъ по камерѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ къ г. Бельгарду явился тюремный смотритель и отъ имени лейпцигскаго губернатора Бургсдорфа заявилъ, чтобы онъ былъ совершенно покоенъ, такъ какъ арестъ носитъ временный характеръ. Смотритель при этомъ спросилъ, нѣтъ ли у г. Бельгарда какихъ-либо желаній, какъ, напримѣръ, не хочетъ ли онъ другого одѣяла.

На это г. Бельгардъ отвѣтилъ, что у него есть одно желаніе, чтобы нѣмцы соблюдали законъ.

Вечеромъ снова явился смотритель и отъ имени губернатора сообщилъ, что г. Бельгардъ свободенъ.

А. В. Бельгардъ поблагодарилъ его за любезность и заявилъ, что онъ оставитъ тюрьму только въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ нимъ освободятъ всѣхъ русскихъ. Смотритель на это замѣтилъ, что всѣхъ спутниковъ сенатора освободятъ въ 8 часовъ утра. Это извѣстіе А. В. Бельгардъ просилъ передать всѣмъ чинамъ комиссаріата, что смотритель исполнилъ.

Ночь въ тюрьмѣ г. Бельгардъ провелъ въ ужасныхъ условіяхъ. Бѣлье и наволочка подушки были такъ грязны, что сенаторъ Бельгардъ не рѣшился снять съ себя верхнее платье, что требовалось правилами тюрьмы, а подъ голову положилъ свое пальто. Къ тому же цѣлый день пришлось провести безъ пищи. Когда на утро выпускали изъ тюрьмы, то г. Бельгардъ получилъ всѣ свои вещи обратно, но взамѣнъ золота ему выдали бумажныя деньги.

По пріѣздѣ въ гостиницу всѣмъ чинамъ русскаго комиссаріата было предложено выѣхать въ 4 часа въ Берлинъ, гдѣ обратиться за дальнѣйшимъ содѣйствіемъ къ саксонскому посланнику, который долженъ былъ ихъ отправить въ Англію въ поѣздѣ, приготовленномъ для англійскаго посла, такъ какъ посолъ на другой день выѣзжалъ изъ Берлина.

Въ 4 часа дня въ гостиницу прибыли представители выставочнаго комитета, любезно и внимательно отнесшіеся къ г. Бельгарду съ его спутниками.

Имъ купили билеты I и II классовъ и приготовили автомобиль. На вокзалѣ собрались проводить градоначальникъ Ностицъ, представитель губернатора и другія должностныя лица.

Билеты I класса оказались излишними, такъ какъ пришлось сѣсть въ воинскій поѣздъ, переполненный резервистами и женами запасныхъ. Для охраны на все время пути до Берлина г. Бельгарду дали саксонскихъ шуцмановъ.

Въ 2 часа ночи г. Бельгардъ пріѣхалъ въ Берлинъ и направился въ англійское посольство, думая ѣхать съ нимъ дальше. Однако въ англійскомъ посольствѣ г. Бельгарду заявили, что на проѣздъ въ ихъ поѣздѣ нужно спеціальное разрѣшеніе германскихъ властей, такъ какъ имъ данъ именной пропускъ. Послѣ этого г. Бельгардъ поѣхалъ въ гостиницу и только утромъ отправился въ саксонское посольство. Совѣтникъ посольства оказался очень любезнымъ человѣкомъ и обѣщалъ полное свое содѣйствіе. Но во время разговора вошелъ саксонскій посланникъ, человѣкъ въ высшей степени заносчивый, и рѣзкимъ тономъ спросилъ сенатора Бельгарда, что онъ отъ него хочетъ. А. В. Бельгардъ отвѣтилъ, что онъ лично отъ него ничего не хочетъ, но по порученію саксонскаго правительства обращается къ нему за содѣйствіемъ обезпечить возможность выѣзда въ Россію.

— Какъ! — вскрикнулъ саксонскій посланникъ:—вы, нашъ врагъ, и хотите, чтобы я что-либо для васъ сдѣлалъ?

— Я думаю,—замѣтилъ на это сенаторъ Бельгардъ, что существуютъ законы выше войны: я гость саксонскаго правительства.

— О, нѣтъ,—продолжалъ тѣмъ же возвышеннымъ тономъ нѣмецкій дипломатъ, послѣ того, какъ Россія такъ предательски начала съ нами войну, вы не можете разсчитывать на мою помощь, я ничего для васъ сдѣлать не могу.

Взволнованный наглымъ тономъ посланника, г. Бельгардъ также возвысилъ голосъ и отвѣтилъ

ему, что при такихъ условіяхъ онъ ничего отъ него не хочетъ и лишь объ одномъ жалѣетъ, что пріѣхалъ въ Лейпцигъ.

Результаты этого разговора сказались очень скоро. Изъ посольства пріѣхалъ совѣтникъ и, извиняясь, сказалъ, что теперь онъ ничѣмъ не можетъ помочь. На вокзалѣ г. Бельгарда вновь хотѣли арестовать, но заступничество саксонскихъ шуцмановъ спасло сенатора отъ новыхъ мытарствъ.

На вокзалѣ въ Берлинѣ въ глаза бросались надписи на вагонахъ, какъ-то: «всѣ русскіе— шпіоны»; «смерть русскимъ шпіонамъ»; «прямое сообщеніе Берлинъ—Петербургъ; Берлинъ— Москва» и т. п.

Дальнѣйшій путь прошелъ безъ крупныхъ непріятностей.

Арестъ члена Гос. Совѣта Шебеко и обыски дамъ.

Доказательствомъ того, что обвиненіе въ шпіонствѣ для германскаго правительства являлось лишь предлогомъ къ издѣвательству, злобному, мелкому, подлому, служитъ сообщеніе петрогр. агентства отъ 29 іюля изъ Копенгагена о возвращеніи 36 русскихъ, преимущественно женщинъ, изъ Баденъ-Бадена и другихъ южно-германскихъ курортовъ; между ними супруги намѣстника на Кавказѣ графини Воронцовой-Дашковой, съ дочерьми графиней Шереметевой и Демидовой, г-жи Побѣдоносцевой, графини Орловой-Давыдовой, штал-

мейстера бар. Вольфа, шталмейстера барона Кнорринга, бывшаго посланника въ Дармштадтѣ и его семейства.

«До Франкфурта все шло благополучно. Между Франкфуртомъ и Гамбургомъ, когда поѣздъ былъ переполненъ штатскими и военными путешественниками, русскіе были обнаружены своими спутниками и арестованы военными властями. Всѣ вмѣстѣ со своимъ багажомъ должны были высадиться за три станціи до Гамбурга. Только вслѣдствіе настоятельной просьбы барона Кнорринга имъ было разрѣшено доѣхать до главнаго вокзала Гамбурга, гдѣ они всѣ подъ военной охраной были приведены въ кордегарію вокзала. Здѣсь произведена была ревизія паспортовъ чиновниками политической полиціи, и вещи ихъ были обысканы, послѣ этого они были отпущены въ «Atlantic Hotel», гдѣ вслѣдствіе недостатка поѣздовъ оставались до пятницы вечера.

Въ Гамбургѣ къ нимъ присоединился членъ Государственнаго Совѣта Шебеко. До Неймюнстера путешествіе снова шло благополучно, но въ послѣднемъ Шебеко былъ неожиданно арестованъ, на основаніи телеграммы, полученной изъ Берлина, и силой выведенъ изъ вагона. Это происшествіе вызвало сильнѣйшее волненіе среди русскихъ, вслѣдствіе чего они были замѣчены собравшейся на вокзалѣ публикой, которая вела себя, какъ сумасшедшая; въ особенности неистовствовали по отношенію къ русскимъ санитары и сестры милосердія. При этомъ была грубо оскорблена

графиня Воронцова-Дашкова; въ тотъ моментъ, когда она вышла въ сосѣднее отдѣленіе для того, чтобы сообщить объ арестѣ Шебеко, толпа кричала: «Эта женщина хочетъ что-то спрятать» и требовала обыска.

Пьяные солдаты ландвера, съ сигарами въ зубахъ, полѣзли въ вагоны, вытолкали графиню ударами прикладовъ на платформу и грубо обыскали ее, хватая за волосы и платье.

Толпа совершенно озвѣрѣла, орала, гикала, не позволяла поѣзду отойти, такъ что всѣ русскіе съ багажемъ должны были выйти, и лишь послѣ долгихъ переговоровъ удалось отправить поѣздъ.

При этомъ начальникъ вокзала заявилъ барону Кноррингу, передавшему ему паспортъ и билетъ Шебеко, что русскимъ и безъ того уже дѣлается слишкомъ мало затрудненій, и что онъ постарается, чтобы имъ въ пути было сдѣлано еще больше препятствій.

На слѣдующей станціи Рендсбургъ русскіе снова должны были оставить поѣздъ и были окружены ротой солдатъ, подвергшихъ ихъ тѣлесному обыску.

На станціи Фленсбургъ обыска произведено не было, но русскій вагонъ былъ оцѣпленъ и находился въ теченіе четырехъ часовъ подъ строгимъ военнымъ надзоромъ.

Наконецъ удалось достигнуть пограничной станціи Войенсъ (Woyens), гдѣ пришлось ждать отъ 5 до 12 час. ночи. Барону Кноррингу тѣмъ не менѣе удалось добыть локомотивъ, который съ

двумя пассажирскими и однимъ багажнымъ вагонами въ $8^{1}/_{2}$ час. достигъ Вамдрупа, откуда путешествіе уже шло благополучно по датской территоріи до Копенгагена.

Путешествіе длилось 7 дней отъ Баденъ-Бадена до Копенгагена.

Членъ Государственнаго Совѣта Шебеко долженъ былъ сначала оставаться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на вокзалѣ въ Неймюнстерѣ, гдѣ солдаты съ примкнутыми штыками сторожили его на глазахъ у всей публики, причемъ озвѣрѣлая толпа все время кричала: «Разстрѣлять его». Послѣ этихъ долгихъ и мучительныхъ часовъ Шебеко былъ отправленъ въ тюрьму для обыкновенныхъ преступниковъ, гдѣ у него все было отобрано, и онъ былъ заключенъ въ арестантскую камеру.

Здѣсь онъ оставался въ теченіе 24 часовъ и, послѣ того, какъ былъ освобожденъ, получилъ, согласно собственной просьбѣ, военную охрану до датской границы».

Арестовывая «по телеграммѣ изъ Берлина» члена Государственнаго Совѣта Шебеку или подвергая обыску супругу намѣстника Кавказскаго графиню Воронцову-Дашкову, нѣмцы, конечно, знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и заранѣе были увѣрены, что нитей къ раскрытію козней русскихъ шпіоновъ въ этихъ случаяхъ они не найдутъ. Но травля была начата, она должна была начаться, какъ средство, по мнѣнію погромнаго императора

и его приближенныхъ, къ патріотическому вдохновенію обманутаго народа. Толчокъ былъ данъ изъ Берлина, и волна шпіономаніи разнеслась во всѣ концы Германіи. Слѣдующіе разсказы потерпѣвшихъ и очевидцевъ даютъ понятіе, на какую плодотворную почву упалъ подлый призывъ изолгавшагося Гогенцоллерна.

Донесеніе инженеровъ М. Брониковскаго и С. Заблоцкаго [1]).

Инженеры путей сообщенія М. Брониковскій и С. Заблоцкій, бывшіе въ Германіи съ официальнымъ порученіемъ, о своемъ возвращеніи сообщаютъ слѣдующее:

«Во исполненіе распоряженія Министерства Путей Сообщенія, мы, инженеры отдѣла по испытанію и освидѣтельствованію заказовъ, С. Заблоцкій и М. Брониковскій, были командированы съ начала іюня с. г. Министерствомъ въ г. Дортмундъ (въ провинціи Вестфалія) для пріемки на мѣстномъ заводѣ заказа Министерства. Жизнь въ городѣ все время съ начала нашего пріѣзда въ Дортмундъ текла спокойно и, повидимому, никто въ Германіи до послѣдней минуты не вѣрилъ въ возможность войны. Такъ, за два дня до объявленія войны, т. е. 17 іюля, инженеръ Заблоцкій, обезпокоенный начавшимися демонстраціями во враждебномъ по адресу Россіи духѣ, обратился

[1]) Свѣдѣнія эти въ наше распоряженіе любезно предоставлены Министерствомъ Путей Сообщенія.

въ полицейское управленіе города съ просьбой о сообщеніи, можно ли спокойно оставаться долѣе въ городѣ. Бургомистръ на этотъ вопросъ разсмѣялся и сказалъ, что абсолютно никакой опасности нѣтъ, и зарегистровалъ инженера Заблоцкаго, какъ жителя города, сказавъ, что онъ можетъ быть совершенно спокойнымъ. Несмотря на завѣренія бургомистра, мы на слѣдующій день (въ пятницу 31 іюля н. ст.) убѣдились, что нужно уѣзжать изъ Германіи какъ можно скорѣе, такъ какъ по нашему адресу уже начали раздаваться угрозы. Вечеромъ въ пятницу, когда мы спустились въ столовую отеля, гдѣ мы жили, намъ закричали по-нѣмецки: «Русскіе вонъ! Для русскихъ мѣстъ здѣсь нѣтъ». Въ субботу 1 августа мы втроемъ (инженеръ Брониковскій былъ съ женой) съ трехчасовымъ поѣздомъ уѣхали въ Берлинъ. Администрація завода была къ намъ до самаго отъѣзда предупредительна, и одинъ изъ заводскихъ инженеровъ проводилъ насъ до самаго отхода поѣзда, такъ какъ мы опасались, что въ насъ опознаютъ русскихъ. Директоръ завода на случай допросовъ и подозрѣній далъ намъ удостовѣренія нашихъ личностей и цѣли пребыванія въ Германіи. Желѣзнодорожные кассиры продавали пассажирамъ билеты по всѣмъ направленіямъ: даже до станцій Сибирской жел. дор., злорадствуя въ увѣренности, что, взыскавъ съ пассажировъ въ пользу германскихъ дорогъ полную стоимость проѣздного билета и за россійскія дороги, эти пассажиры все же не будутъ доставлены даже

до русской границы. На пути въ Берлинъ 1 августа мы узнали объ объявленіи войны. Сначала мы рѣшили ѣхать изъ Берлина на Копенгагенъ, но нашъ поѣздъ опоздалъ слишкомъ на два часа, и мы, какъ потомъ оказалось, къ счастью, не могли попасть на поѣздъ въ Копенгагенъ. Къ счастью, потому, что ѣхавшіе на Копенгагенъ подверглись въ Свинемюндѣ обыску и осмотру паспортовъ, въ нашихъ же паспортахъ было написано, что мы чиновники Министерства Путей Сообщенія, и насъ навѣрно задержали бы, тѣмъ болѣе, что мы везли съ собой различные нѣмецкіе техническіе чертежи принадлежностей подвижного состава. Въ Берлинѣ на вокзалѣ царило нѣчто неописуемое: во всѣхъ помѣщеніяхъ вокзала столпилась масса пассажировъ, исключительно русскихъ; багажъ изъ вагона и ручной былъ набросанъ до потолка зданія и всѣ отъѣзжающіе въ крайней степени были взволнованы, нравственно подавлены и угнетены. Кое-какъ разыскали свой багажъ, узнали отъ кассира и отъ вокзальнаго полицейскаго, что поѣзда до Вержболово идутъ, и купили билеты II класса. Имѣвшіеся при насъ чемоданы мы сдали въ багажъ, такъ какъ взять ихъ съ собой не было возможности. Мѣста въ вагонахъ всѣ пассажиры брали только съ бою. Вещи бросали въ окна, туда же втискивали и дѣтей. Резервисты отталкивали насъ самымъ грубымъ образомъ. Пьяный матросъ съ крикомъ: «Въ Варшаву, въ Варшаву!» нѣсколько разъ ударилъ чемоданомъ въ спину жену инженера Брониковскаго. Въ

поѣздѣ пришлось размѣститься кое-какъ: одни сидѣли въ уборныхъ, другіе стояли или лежали на полу, и этому были рады. Такъ ѣхали цѣлую ночь. Подъ утро въ Торнѣ къ поѣзду прицѣпили вагонъ-ресторанъ. Нѣкоторые изъ пассажировъ сдѣлали попытку достать воды, чтобы утолить мучившую многихъ сильную жажду, но находившіеся въ ресторанѣ прусскіе офицеры, а равно и нѣмцы-пассажиры выталкивали русскихъ, не позволяя ничего получить изъ ресторана. Около 9 час. утра мы пріѣхали на ст. Алленштейнъ. Здѣсь къ вагонамъ подошла группа прусскихъ офицеровъ съ криками: «Alle Russen heraus!» Насъ окружили солдаты съ примкнутыми штыками и объявили, что въ Россію мы не попадемъ. Насъ, русскихъ, собралось человѣкъ шестьсотъ. Минуты были тяжелыя. Женщины и дѣти рыдали и плакали. Однако черезъ нѣкоторое время къ намъ подошелъ комендантъ станціи и на русскомъ языкѣ объявилъ, что въ три часа дня насъ повезутъ дальше въ Россію. На наши вопросы, гдѣ же нашъ багажъ? какъ мы его получимъ? намъ отвѣчали, что они и сами не знаютъ. Конечно, никакого багажа никому не выдали. Интересно отмѣтить, что многіе изъ окружавшихъ насъ офицеровъ и солдатъ отвѣчали намъ по-русски, когда мы спрашивали ихъ по-нѣмецки. Далѣе насъ подъ конвоемъ отправили на дворъ гостиницы, расположенной противъ вокзала. Здѣсь мы пробыли до восьми часовъ вечера, напрасно ожидая, когда насъ повезутъ дальше.

Мы были окружены толпой любопытствующихъ разряженныхъ нѣмокъ и нѣмцевъ (было воскресенье, 2 августа), смотрѣвшихъ на насъ, какъ на звѣрей—мы стояли за желѣзной рѣшеткой. При малѣйшей попыткѣ выйти изъ-за рѣшетки насъ загоняли обратно съ угрозой разстрѣлять и всячески давали понять, что мы въ ихъ власти. Одному изъ насъ удалось достать нѣмецкую газету. Полицейскій, замѣтивъ, что мы читаемъ газету, дерзко выхватилъ ее изъ рукъ и крикнулъ: «Кто смѣлъ дать русскимъ свиньямъ газету?» Около восьми часовъ вечера насъ всѣхъ собрали на площади передъ вокзаломъ и оцѣпили отрядомъ солдатъ, которые стали при насъ же заряжать ружья. Щелканіе заряжаемыхъ ружей угнетающе дѣйствовало на всѣхъ насъ. Вскорѣ пришелъ мѣстный пасторъ съ бургомистромъ и старался утѣшить и ободрить насъ, обѣщая, что ночью насъ повезутъ, наконецъ, въ Россію. Здѣсь же продали намъ хлѣба съ колбасой и водой. Мы стояли на площади до трехъ часовъ ночи, мучаясь отъ неизвѣстности, что съ нами будетъ, такъ какъ рѣшенія нѣмцевъ мѣнялись ежеминутно: то говорили, что отправятъ въ Данцигъ, то въ Шпандау, то въ Цоппотъ и т. д. Окружавшіе солдаты всячески, площадными ругательствами, поносили на русскомъ языкѣ насъ и нашихъ Высочайшихъ Особъ. Это были тяжелыя минуты: даже мужчинамъ дѣлалось дурно. Въ то же время солдаты обращались къ намъ съ вопросами: «Страшны ли казаки?» Мы приводили ихъ въ смущеніе словами объ от-

вагѣ и молодецкой, безумной храбрости нашихъ казаковъ. Вообще, видно было, что они очень боятся русскихъ солдатъ. Наконецъ, въ три часа ночи намъ велѣли идти садиться въ поѣздъ, сказавъ, что насъ везутъ въ Данцигъ, въ крѣпость. Поѣздъ состоялъ изъ товарныхъ вагоновъ, причемъ поставленныя въ вагоны скамейки были свѣже выкрашены, такъ что всѣ испортили свои платья, приклеиваясь къ сидѣньямъ. Насъ везли, стѣсняя во всемъ: запрещали выходить даже въ необходимыхъ случаяхъ и не всегда также давали воду для питья. На одной изъ остановокъ за стаканъ воды требовали 20 марокъ. Къ вагонамъ на остановкахъ подходили нѣмцы и кричали, что теперь «истинные берлинцы» прольютъ нашу собачью кровь. Такъ везли насъ въ темнотѣ, въ запертыхъ вагонахъ, иногда со скоростью 80 верстъ въ часъ, съ какой скоростью въ товарныхъ вагонахъ ѣхать очень тяжело, до утра 4 августа. По дорогѣ, при переѣздѣ черезъ мосты, въ вагонъ входили часовые и наводили на насъ ружья, предупреждая, что кто будетъ смотрѣть, въ того будутъ стрѣлять. Но всѣ мученья наши казались ничѣмъ, въ сравненіи съ томительной неизвѣстностью—куда насъ везутъ. Мы по названіямъ станцій старались опредѣлить направленіе. Въ поѣздѣ нѣсколько человѣкъ сошло съ ума. Утромъ во вторникъ насъ привезли въ Штетинъ. Здѣсь насъ отвели на скотный дворъ, гдѣ дали соломы, и мы могли прилечь и отдохнуть. Надо отдать справедливость нѣмецкимъ бойскоутамъ—маль-

чикамъ 10—15 лѣтъ; они отнеслись къ намъ по-дѣтски-дружелюбно, исполняя различныя наши порученія и просьбы доставлять намъ пищу. При отъѣздѣ изъ Штетина они устроили намъ трогательные проводы и даже кричали «ура». Вечеромъ изъ Штетина насъ пароходомъ, подъ конвоемъ же, отправили на островъ Рюгенъ. На островѣ пробыли съ утра до вечера, когда насъ взялъ шведскій пароходъ-паромъ и отвезъ въ Швецію, въ Трелеборгъ. Изъ Трелеборга поѣздомъ мы доѣхали до Стокгольма, гдѣ купили себѣ смѣну бѣлья, такъ какъ приходилось все время ѣхать въ невообразимой грязи, имущества же при насъ никакого не было—все было потеряно въ Германіи».

Разсказъ профессора К. И. Суслова.

«Въ концѣ мая 1914 г. я съ супругою,—любезно сообщаетъ намъ профессоръ женскаго медицинскаго института К. И. Сусловъ,—по врачебному совѣту отправился для леченія въ Bad Nauheim. Послѣ выполненнаго курса не успѣлъ я провести и трехъ недѣль требуемаго намъ послѣ ваннъ отдыха въ Montreux Clarens, какъ наступленіе тревожнаго времени побудило меня поспѣшить въ Россію, и я 18 іюля уже выѣхалъ черезъ Basel—Strassburg въ Берлинъ.

Начались непріятности съ Basel'я. Тутъ, на нѣмецкой таможнѣ, несмотря на нѣсколько часовъ, потерянныхъ тамъ публикою въ виду страш-

ной сутолоки, часть багажа даже не досматривали совсѣмъ и, объявивъ, что теперь «Zoll-frei» и что будутъ-де досматривать въ Вержболовѣ, велѣли всѣмъ садиться на мѣста и ѣхать. Къ вечеру того же дня довезли насъ до Ludwigschafen'а и тутъ приказали всѣмъ выходить изъ поѣзда, такъ какъ-де до Mannheim'а желѣзнодорожнаго сообщенія теперь нѣтъ, и что туда надо или итти пѣшкомъ (нѣсколько верстъ), или ѣхать трамваемъ. Кругомъ возбужденныя толпы мѣстныхъ жителей и русскіе—большинство женщинъ—боятся даже обмѣняться словомъ по-русски другъ съ другомъ, во избѣжаніе какихъ-либо выходокъ со стороны нѣмцевъ. Повсюду видны вооруженные часовые. Часть публики бредетъ ночью въ Mannheim, причемъ въ сопровожденіи отдѣльныхъ часовыхъ переходятъ мостъ черезъ Рейнъ, часть ѣдетъ взятымъ съ бою трамваемъ. Наконецъ въ Mannheim'ѣ мы находимъ свой же поѣздъ, который, вѣроятно, въ виду какихъ-то соображеній нѣмцы порожнимъ провели изъ Ludwigshafen'а въ Mannheim (хотя все равно публика и пѣшкомъ и трамваемъ могла видѣть то же, что и изъ поѣзда). Садимся на свои мѣста и ѣдемъ въ Берлинъ.

Тутъ, въ Берлинѣ, на Friedrichstrasse, 19 іюля, во-первыхъ, какъ намъ лично, такъ и многимъ другимъ не выдаютъ багажа и не принимаютъ никакихъ заявленій и, во-вторыхъ, завѣряютъ, что всѣ русско-германскія границы проходимы, и продаютъ билеты по всѣмъ направленіямъ.

Я избираю кратчайшій путь черезъ Thorn—Александрово. Но вмѣсто отправки, согласно выданнымъ намъ билетамъ въ Россію, насъ (публики уже было около 2.000 чел., преимущественно женщинъ и дѣтей и притомъ лечившихся на нѣмецкихъ курортахъ) довозятъ только до Thorn'а, выбрасываютъ всѣхъ къ ночи на перронъ, заявивъ, что до Александрова поѣзда уже не ходятъ, ибо подвергаются обстрѣлу русскихъ, и что они и отправили бы насъ туда, да «ваши же русскіе васъ всѣхъ не хотятъ принимать».

Всю публику окружаютъ солдатами съ примкнутыми штыками, на защитнаго цвѣта чехлахъ касокъ которыхъ, какъ помню, была цифра 21, объявляютъ плѣнными и держатъ всю ночь на платформѣ.

Утромъ 20-го іюля, послѣ безрезультатныхъ телеграммъ россійскимъ посламъ въ Берлинѣ Свербееву и въ Stockholm'ѣ Неклюдову и переговоровъ съ русскимъ консуломъ въ Thorn'ѣ депутаціи изъ публики въ лицѣ калишскаго губернатора Рафальскаго и другихъ съ положеніемъ лицъ, подъ предлогомъ отправки въ Александрово, насъ, набивъ поданные поѣзда до невозможности тѣсно всѣмъ собравшимся людомъ, повезли въ Stettin.

Если публика не вмѣщалась въ вагонъ, то ее силою втискивали туда, припирая прикладами дверцы. Тѣснота была такая, что въ купэ для восьми человѣкъ было помѣщено по 15—16 чел.; о багажѣ ручномъ нечего было и думать; каждый,

бросая лишнее, бралъ съ собою лишь то, безъ чего нельзя уже было обойтись.

Люди помѣщались не только въ вагонахъ, коридорахъ, проходахъ, служебныхъ отдѣленіяхъ, но даже въ уборныхъ по нѣсколько человѣкъ и на вагонныхъ площадкахъ и переходахъ.

Къ 5 часамъ дня 20 же іюля привезли въ Stettin и всю публику грубо высадили на площадь городской бойни, часть же ея вогнали въ помѣщеніе самой бойни съ лужами крови, съ неприбраннымъ навозомъ и другими отбросами и, окруживъ военнымъ конвоемъ, запретили покидать означенныя мѣста.

Полнѣйшая неизвѣстность будущаго и разные, одинъ нелѣпѣе другого слухи, со стороны нѣмецкой полиціи о разбивкѣ всѣхъ русскихъ на небольшія партіи и ссылкѣ на разные острова или о принудительной работѣ мужчинъ и женщинъ и угрозы солдатъ и даже нѣмецкой публики—страшно угнетали нашу душу.

Но вотъ въ 11 часовъ вечера снова команда—садиться всѣмъ безъ исключенія въ поѣздъ. Публики уже болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; поѣздъ имѣетъ 37 вагоновъ. Также безжалостно и безчеловѣчно набиваютъ вагоны; раздаются отчаянные крики—однѣ въ сутолокѣ падаютъ подъ поѣздъ, другихъ бьютъ, подгоняютъ солдаты. Темно; дождь.

Везутъ на островъ Rugen. Ѣдемъ всю ночь. Вагоны такъ полны, что ни стать, ни сѣсть. Хуже каторги!

Публику подвергаютъ насмѣшкамъ, издѣвательствамъ и физическимъ лишеніямъ, грозятъ кулаками, уже второй день не даютъ ни пищи, ни питья; порою, даже неизвѣстно для чего, требуютъ закрытія всѣхъ оконъ въ вагонахъ, отчего публика въ жарѣ, духотѣ и тѣснотѣ начинаетъ буквально задыхаться; наконецъ, при остановкахъ не позволяютъ выйти изъ вагона, чтобы хоть немного поразмять свои окоченѣвшіе члены.

На островѣ Rugen 21 іюля прибавляется новое: собираются военныя и полицейскія нѣмецкія власти и высаживаютъ публику изъ передней половины поѣзда съ вещами; подвергаютъ ее какому-то допросу; отбираютъ, конечно, безъ возврата, паспорта и снова отправляютъ на мѣста; изъ задней же половины поѣзда публику оставляютъ въ покоѣ.

Наконецъ, объявляютъ всѣмъ, что имѣющіе шесть марокъ могутъ свободно пароходомъ ѣхать въ Швецію, и поѣздъ съ публикою отходитъ въ Sassnits.

Но и въ послѣдній моментъ пребыванія русскихъ на германской территоріи, передъ посадкою на готовый уже пароходъ въ Швецію, нѣмецкая военная команда не могла удержаться, чтобы не промучить еще разъ публику, продержавъ ее въ густой толпѣ, на площади, подъ палящимъ солнцемъ пять часовъ.

Отъ сильнаго физическаго и духовнаго утомленія отъ всего перенесеннаго, отъ крайней тѣсноты и страшной жары — даже со мною сдѣлался

солнечный ударъ, отъ котораго я черезъ четыре часа, при помощи надлежащихъ средствъ, пришелъ въ себя.

Такимъ образомъ, мы по Германіи ѣхали лишенные свободы въ качествѣ плѣнныхъ, подъ конвоемъ, три дня, 19, 20 и 21 іюля, и за это время претерпѣли и нравственныя муки, въ видѣ разныхъ насмѣшекъ, обкорбленій, издѣвательствъ и угрозъ, и физическія лишенія, такъ какъ все это время были безъ пищи, питья, сна, воздуху, когда сидѣли при запертыхъ окнахъ, и движенія.

Помимо перечисленныхъ и нравственныхъ, и физическихъ мукъ, я и супруга лишились всего взятаго съ собою имущества—верхняго платья, одежды, костюмовъ, мѣховъ, бѣлья, обуви и мн. др. задержаннаго нѣмцами въ Берлинѣ, которое я могу оцѣнить, по крайней мѣрѣ, въ одну тысячу рублей.

Изъ Sassnitz сперва насъ переправили пароходомъ въ Trelleborg, откуда ночью отправили поѣздомъ въ Stockholm. Въ Швеціи я съ женою и другими русскими встрѣтили человѣческое къ себѣ отношеніе и, дождавшись перваго парохода, 24 іюля выѣхали въ Торнео, куда и прибыли черезъ двое сутокъ.

Тутъ, къ счастью, 26 іюля, благодаря любезности коменданта, всю нашу группу, вмѣстѣ совершившую весь путь отъ Thorn'а, состоящую изъ начальницы Благовѣщенской женской гимназіи М. Д. Маляровой, ея сестры О. Д. Маляровой, директора Кіевской Публ. библ. Д. И. Дорошен-

ко, меня съ супругою, вдовы д. ст. с. Н. А. Лебединцевой и присоединившагося къ намъ изъ Trelleborg'а мистера Habverson'а принялъ особый поѣздъ, съ которымъ возвращался и г. министръ народнаго просвѣщенія Кассо, и доставилъ насъ въ Петроградъ 28 іюля».

Разсказъ г-жи Даниловой [1]).

«Партія» проф. Суслова была одна изъ самыхъ счастливыхъ; другіе русскіе путешественники попадали въ несравненно худшія условія. Вотъ, напримѣръ, со словъ своей супруги, какъ описываетъ г. Д. Даниловъ «четыре дня среди германскихъ варваровъ», проведенныхъ г-жей Даниловой съ девятилѣтнимъ сыномъ.

«18 іюля выѣхали изъ Веве. По Швейцаріи ѣхали совершенно спокойно. Но уже въ Базелѣ, въ виду близости его къ границѣ Эльзасъ-Лотарингіи, стала замѣтна тревога. На германской же территоріи съ первыхъ шаговъ начались мученія.

Не помню, на какой именно станціи передъ Мангеймомъ, насъ вдругъ высадили изъ поѣзда. Была ночь. Насъ погнали пѣшкомъ по городу и черезъ мостъ—въ Мангеймъ. Окруженные солдатами, подъ командой офицера, мы не шли, а бѣжали, такъ какъ нѣмцы, не считаясь съ тѣмъ, что

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.» отъ 31 іюля (веч. вып.).

въ толпѣ были женщины и дѣти, гнали насъ скорымъ маршемъ.

Мы вопили:

— Куда вы насъ гоните?

Было особой милостью то, что намъ отвѣтили:

— Мы получили свѣдѣнія, что здѣсь бродятъ русскіе шпіоны. Они собираются взорвать мостъ къ Мангейму.

Вздорность этого слуха была очевидна, но спорить не приходилось. Заботы о нашей безопасности не мѣшали, однако, конвою обращаться съ нами грубо, не лишая себя удовольствія насилія надъ русскими.

Просьбы изнемогающихъ женщинъ о замедленіи хода не помогали. Всякаго выдвинувшагося въ сторону изъ круга, загоняли прикладами или ударомъ шашки плашмя въ кругъ. По дорогѣ насъ встрѣчала озлобленная толпа, поощрявшая нашихъ мучителей враждебными возгласами по нашему адресу.

Цѣлый часъ продолжался этотъ мучительный ночной бѣгъ подъ градомъ брани и ударовъ.

Въ Мангеймѣ насъ усадили въ поѣздъ и отправили въ Берлинъ.

Въ столицу Германіи мы прибыли 19 іюля къ 12 час. дня объявленія войны, за 6 часовъ до появленія на улицахъ Берлина манифеста Вильгельма.

Возбужденіе толпы росло, и съ первыхъ же минутъ героическій германскій энтузіазмъ напра-

вился по линіи наименьшаго сопротивленія: въ сторону безоружныхъ и беззащитныхъ русскихъ.

Внѣшнія проявленія совершенно необъяснимой для мирнаго населенія злобы я имѣла возможность испытать на себѣ въ первые же часы послѣ объявленія войны.

На вокзалѣ носильщики не хотѣли брать отъ насъ вещей. Въ магазинахъ отказывались продавать, открыто заявляя:

— Для русскихъ у насъ ничего нѣтъ.

Я зашла съ ребенкомъ въ ресторанъ Ашингера, чтобы запастись на дорогу провизіей. Я получила все, что требовалось, но послѣ долгихъ мытарствъ и униженій.

Нѣсколько часовъ моихъ разъѣздовъ по Берлину убѣдили меня, что положеніе русскихъ въ толпѣ нѣмцевъ становится не только морально тяжелымъ, но и небезопаснымъ. Толпа взвинчивалась съ минуты на минуту. Раздавались угрожающіе выкрики по адресу Россіи и русскихъ.

Я начинала бояться везшаго насъ шоффера. Мы поспѣшили на вокзалъ.

Здѣсь мы застали настоящую панику. Толпы русскихъ, прибывшихъ послѣ насъ, ждали поѣзда. Всѣ они, какъ и я, были свидѣтелями растущей враждебности нѣмцевъ и всѣ спѣшили поскорѣе выбраться изъ Берлина.

Подали поѣздъ. Желѣзнодорожная администрація отказывалась давать намъ справки о направленіи. Желаніе вырваться изъ Германіи было настолько велико, что толпа ринулась къ поѣзду,

не разбирая пути назначенія. Я съ ребенкомъ, имѣя билетъ на Эйдкуненъ, захлестанная волной и собственнымъ нетерпѣніемъ, попала въ первый поданный поѣздъ, шедшій на Александрово.

На второе утро мы прибыли въ Торнъ—пограничную нѣмецкую станцію.

Огромная партія русскихъ, пріѣхавшихъ наканунѣ, ждала здѣсь поѣзда на Александрово. Стало очевидно, что всѣмъ намъ отсюда не скоро выбраться...

Наростала тревога. Рядъ мелкихъ нѣмецкихъ придирокъ, грубостей и даже угрозъ, которыя мы уже испытали по пути въ Торнъ, усиливалъ эту тревогу.

Мучительно страдали дѣти. Станціонный буфетъ отказался отпускать русскимъ провизію. Съ неподражаемымъ хладнокровіемъ намъ было заявлено:

— Все, что здѣсь есть,—для нѣмцевъ.

Невѣроятные слухи начали возникать въ толпѣ; говорили, что насъ отсюда не выпустятъ.

Мы умоляли:

— Разрѣшите намъ отправиться къ русской границѣ пѣшкомъ.

Нѣмецкія власти отвѣтили, что онѣ не могутъ взять на себя отвѣтственность за рискъ, которому мы себя подвергаемъ, такъ какъ-де русскія войска разстрѣляютъ насъ при приближеніи къ границѣ.

Пришлось покориться. Черезъ нѣсколько времени намъ заявили, что русская пограничная

администрація согласилась принять насъ. Будетъ пущенъ поѣздъ подъ бѣлымъ флагомъ.

Нашему ликованію не было конца. Близость конца тревогамъ пребыванія во враждебной странѣ придала намъ силы. Намъ казалось, что мытарства окончены и черезъ какихъ-нибудь полчаса—часъ мы будемъ въ безопасности, среди своихъ. Кто не слыхалъ плача дѣтей и женщинъ прошлой ночи, когда насъ гнали, какъ стадо, въ Мангеймъ, тотъ не пойметъ этой радости и чувства приближающагося покоя.

Мы побросали всѣ вещи. Насъ грубо вталкивали въ поѣздъ, заперли двери и окна, грозили разстрѣломъ всякому, кто выглянетъ въ окно.

Но какъ жестоко мы ошиблись, повѣривъ имъ! Насъ безчестно обманули.

Когда прошло больше времени, чѣмъ было нужно по нашему расчету, чтобы пройти небольшую пограничную полосу Торнъ—Александрово, а поѣздъ все шелъ, и русской границы не было видно, насъ снова наполнила тревога. Посыпались вопросы конвою:

— Куда насъ везутъ?

Въ отвѣтъ—молчаніе, загадочныя улыбки и зловѣщее для насъ:

— Увидите!

Мы увидѣли. Обманнымъ путемъ насъ повезли назадъ снова по Германіи въ Штетинъ. Въ 8 час. вечера насъ выбросили тамъ, не сказавъ ни слова, не объяснивъ, зачѣмъ насъ сюда привезли и что намъ готовятъ.

Зачѣмъ понадобились нѣмцамъ этотъ грубый обманъ и атмосфера зловѣщей таинственности, которой насъ окружали? Исключительно для того, чтобы запугать насъ, заставить пережить ужасъ неизвѣстности, предчувствовать всевозможныя несчастья. И до сихъ поръ намъ такъ много ужъ грозили смертью, что это таинственное путешествіе, взаперти, къ невѣдомой цѣли, направляло всѣ наши мысли къ трагической развязкѣ.

Настроеніе стало невыносимымъ. Слышался плачъ, истерическіе крики. Нѣкоторые прощались другъ съ другомъ. Но худшее было все еще впереди.

Оно настало въ Штетинѣ, гдѣ насъ выгрузили, какъ скотъ. Эта аналогіи пріобрѣтаетъ характеръ полнаго тождества, если я скажу, что всѣхъ насъ привели подъ конвоемъ на... скотобойню.

Зданіе скотобойни въ Штетинѣ помѣщается на большой площади. Должно быть, въ видѣ особой милости нежелавшимъ оставаться въ зданіи скотобойни было разрѣшено расположиться снаружи, на площади. Гдѣ было хуже—трудно сказать. Внутри скотобойни измученные «туристы» свалились на солому, брошенную «любезными хозяевами» наземь. Среди грязи, помета и лужъ на асфальтовомъ полу мы «отдыхали». Только женщинамъ удалось устроиться на пальто, предложенныхъ имъ мужчинами. Оставшіеся на площади подъ открытымъ небомъ лежали на голомъ камнѣ мостовой.

Для полноты картины укажу, что въ скотобойнѣ былъ большой загонъ для свиней, весь переполненный его законными обитателями.

Мнѣ нужно было пройти съ ребенкомъ въ уборную. Когда я спросила одного изъ сторожившихъ насъ шуцмановъ, куда мнѣ пройти, онъ съ небрежнымъ жестомъ еле уронилъ:

— На улицу.

Другой указалъ мнѣ «уборную», помѣшавшуюся въ свиномъ загонѣ.

Свиньи визжали непрерывно. Въ этой обстановкѣ свыше тысячи человѣкъ провели около четырехъ часовъ, почти до 12 часовъ ночи. Мой мальчикъ спалъ на каменномъ полу, подостлавъ пальто, любезно уступленное намъ однимъ изъ спутниковъ, и положивъ голову ко мнѣ на колѣни.

Мы пытались узнать, зачѣмъ насъ здѣсь держатъ и сколько времени намъ придется здѣсь провести. Намъ отвѣчали съ улыбкой:

— Можетъ быть недѣлю, можетъ быть мѣсяцъ, а можетъ быть и годъ. Вы—военноплѣнные.

Около полуночи пришелъ комендантъ съ нѣсколькими представителями города. Онъ оглядѣлъ насъ, скотобойню и не безъ игривости сказалъ:

— Помѣщеніе неважное.

Онъ обѣщалъ перевести насъ въ какой-то гимнастическій залъ и накормить.

И это оказалось ложью. Но очень скоро послѣ визита коменданта насъ опять подняли и съ необычайной торопливостью стали усаживать въ поѣздъ.

Опять везутъ.

— Куда?

На островъ Рюгенъ. Тамъ—курортъ: васъ устроятъ съ большимъ комфортомъ.

На вокзалѣ при посадкѣ въ поѣздъ царила невѣроятная паника. Наши мучители торопили насъ, толкали, ругали. Крикъ женщинъ и дѣтей не умолкалъ. Насъ швыряли въ вагоны, какъ тюки. Въ шестимѣстное купэ вталкивали по 25 человѣкъ.

Здѣсь мнѣ пришлось быть свидѣтельницей первыхъ человѣческихъ жертвъ.

Въ страшной паникѣ и толкотнѣ изъ толпы, пробивавшейся къ вагонамъ, раздался нечеловѣческій, смертельный крикъ, до сихъ поръ звучащій въ моихъ ушахъ. Сначала—дѣтскій, потомъ—женскій: вопль погибающаго. Онъ былъ таковъ: въ охваченной безуміемъ толпѣ были раздавлены на-смерть женщина и ея ребенокъ.

Два дня мы голодали. Дѣтямъ, просившимъ ѣсть, мы могли отвѣтить слезами. Ѣсть намъ не давали, но воду носили ведрами.

На третій день выѣзда изъ Берлина насъ привезли на островъ Сасницъ. Цѣлый день мы потратили на путешествіе по балтійскому острову, не зная, куда насъ везутъ. Все это время было заполнено издѣвательствами, оскорбленіями, угрозами нашихъ «героевъ-побѣдителей». Насъ намѣренно терроризировали. Помню, на о. Сасницѣ такую сцену. Мы сидимъ въ поѣздѣ. Передъ окнами вдоль вагоновъ—цѣпь нѣмецкихъ солдатъ, лицомъ къ намъ. Лица злобно-насмѣшливыя или тупо-равнодушныя,

Вдругъ начинается движеніе въ конвоѣ. Солдаты на нашихъ глазахъ быстро заряжаютъ ружья. Мы видимъ мрачные, сосредоточенные взгляды.

Въ вагонѣ—ужасъ надвигающейся смерти. Мгновеніе—жуткое молчаніе. Потомъ истерическіе крики женщинъ и рѣзкій плачъ дѣтей.

Сидящій рядомъ со мной пожилой человѣкъ, врачъ, говоритъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы знаете, что насъ ожидаетъ? Разстрѣлъ... разстрѣлъ... разстрѣлъ!

Онъ повторяетъ это слово почти безсмысленно, какъ помѣшанный...

Мы готовимся къ смерти. А солдаты, увидя трепетъ обреченныхъ, опускаютъ ружья и... улыбаются. Нѣкоторые хохочутъ громко.

То была игра... Веселая забава волковъ съ пойманными кроликами. Можетъ быть, впрочемъ, это было и испытаніе прусскаго боевого мужества?..

Другая сцена. На о. Сасницъ во время нашей стоянки на какой-то станціи вдругъ на площади передъ вокзаломъ появились какіе-то чиновники; принесли столы, бумаги и приготовились къ какому-то бумажному священнодѣйствію. Все продѣлывалось съ такой мрачной серьезностью и нѣмецкой методичностью, что мы рѣшили:

— Сейчасъ насъ будутъ судить и разстрѣляютъ.

Зловѣщая процедура такъ же быстро и нелѣпо окончилась, какъ и началась. Что она означала? Не знаемъ... Но для насъ это была минута изъ тѣхъ, когда люди сѣдѣютъ...

Прошли и эти мучительныя сутки. Четыре дня насъ держали въ безпрерывномъ ожиданіи смерти. Я—и не я одна—была глубоко увѣрена, что мы не доѣдемъ до Петрограда. Наше настроеніе вы поймете потому, что мы приступили въ поѣздѣ къ составленію списковъ погибающихъ, какъ терпящіе крушеніе въ морѣ. Каждый внесъ свое имя, адресъ. Мы надѣялись гдѣ-нибудь опустить этотъ списокъ въ почтовый ящикъ или на то, что кто-нибудь уцѣлѣетъ въ предстоящей бойнѣ и передастъ списокъ въ Россію: пусть узнаютъ, кто и гдѣ погибъ или томится въ плѣну.

На пятый день намъ вдругъ заявили:

— Кто хочетъ, можетъ отправиться на пароходѣ въ Швецію. Кто не можетъ—останется здѣсь въ качествѣ военноплѣннаго до конца войны. Женщины будутъ шить на нашихъ раненыхъ. Мужчины пойдутъ на земляныя работы. Всякій, вышедшій за отведенную черту, будетъ судимъ военно-полевымъ судомъ и разстрѣлянъ. За правильную доставку правіанта не ручаемся.

Можно понять, что мы всѣ, какъ безумные, ринулись къ двумъ ожидавшимъ насъ пароходамъ. Въ этой давкѣ матери теряли дѣтей. Я сама чуть не осталась на берегу, тогда какъ мальчика моего унесъ на рукахъ на пароходъ одинъ изъ спутниковъ, сдѣлавшій намъ много добра... Спасибо доброму нѣмецкому солдату (нашелся такой!), который, увидя, что меня отдѣлили отъ сына, почти внесъ и меня на бортъ парохода...

Пароходъ, наконецъ, отчалилъ... Берегъ Германіи сталъ удаляться. Мы были спасены!

Но ужасы еще не кончились. Мнѣ пришлось быть свидѣтельницей еще трехъ катастрофъ. На пароходѣ отъ пережитыхъ сотрясеній сошла съ ума дама. Она бросилась въ море. Ее спасли. Потомъ въ пути отъ Мальмэ до Стокгольма объявился другой безумецъ: молодой человѣкъ. Онъ цѣлыми днями ходилъ по вагонамъ и искалъ свой пропавшій желтый чемоданъ.

Итого—четыре жертвы въ одной партіи: задушенная женщина и дѣвочка, двое безумныхъ. Впрочемъ, на вокзалѣ въ Штетинѣ распорядительный нѣмецкій конвоиръ столкнулъ одну даму съ перрона подъ стоявшій вагонъ... Но она только жестоко расшиблась...

Въ Мальмэ мы почувствовали себя точно перерожденными. Швеція встрѣтила насъ съ необыкновенными, особенно дорогими послѣ пережитой въ Германіи жестокости, теплотой и заботливостью.

Разсказъ адмирала [1]).

Приводимъ разсказъ почтеннаго адмирала, вернувшагося въ Петроградъ «послѣ 11 дней безпрерывныхъ мытарствъ и униженій».

«Въ Швейцаріи,—разсказываетъ онъ,—гдѣ застигла насъ вѣсть о вербальной нотѣ, врученной Австріей сербскому правительству, въ отелѣ насъ

---

[1]) См. «Биржж. Вѣд.» (веч. вып.) отъ 31 іюля.

было до 150 человѣкъ: русскіе, нѣмцы, французы, англичане и австрійцы. Жизнь текла мирно, какъ вдругъ швейцарцы, одинъ за другимъ, стали покидать отель. Вслѣдъ за ними бросились бѣжать на родину австрійцы, и, наконецъ, числа 16 іюля, покинули отель германскіе подданные.

Въ воздухѣ запахло войной.

Небольшая группа оставшихся русскихъ, въ томъ числѣ и мы, рѣшила покинуть Швейцарію и отправиться на родину. Собрались въ путь, но на вокзалѣ насъ предупредили, что проѣздъ по австрійской границѣ закрытъ. Большинство изъ насъ остановилось на маршрутѣ Цюрихъ—Шафгаузенъ. По этому пути уже ходили воинскіе поѣзда, и расчитывать на удобства не было надежды. Собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Всѣхъ насъ помѣстили въ багажный вагонъ, и въ этой обстановкѣ мы плелись до Штутгарта. Ѣхали медленно и съ большими остановками. Въ Берлинъ прибыли въ 5 час. утра. Въ этой тяжелой обстановкѣ, мы, набитые точно сельди въ бочкѣ, старались занимать другъ друга разговорами и спорами.

Въ Берлинъ мы прибыли въ 5 час. утра, всѣ безъ багажа, который остался и былъ сваленъ въ огромную кучу на вокзалѣ въ Шафгаузенѣ. На вокзалѣ въ Берлинѣ страшная сутолока. Отношеніе къ намъ, русскимъ, сразу опредѣлилось.

— Это что за скотъ и откуда его привезли?— такъ встрѣтилъ нашъ вагонъ воинскій начальникъ, дежурный по станціи.

Ждать слѣдующаго поѣзда пришлось довольно долго, и мы небольшой группой отправились въ городъ, чтобы переправиться на другой вокзалъ. Несмотря на ночное время, жизнь на улицахъ Берлина была въ полномъ разгарѣ. Но что поражало—это составъ публики, переполнявшей всѣ кафе. Хулиганы, сыщики, мелкіе полицейскіе чины и чернь, которой была дана опредѣленная миссія—охотиться за русскими и задерживать ихъ, поиздѣвавшись надъ нами вдоволь. Здѣсь же мы узнали, что наканунѣ былъ полицейскій обходъ всѣхъ гостиницъ, во время котораго было задержано до двухсотъ русскихъ семей.

Положеніе становилось критическимъ.

Между прочимъ, графъ Сиверсъ, великолѣпно владѣющій нѣмецкимъ языкомъ и свободно пользующійся берлинскимъ діалектомъ, продолжалъ бродить вмѣстѣ съ манифестантами и посѣтилъ всѣ мѣста наибольшаго скопленія народа. Онъ же былъ въ небольшой толпѣ манифестантовъ передъ балкономъ дворца, откуда Вильгельмъ произнесъ свою «знаменитую» рѣчь.

Мы пришли къ заключенію, что наиболѣе удобно поѣхать изъ Берлина до Варнемюндэ.

Прибыли на вокзалъ, причемъ во все время пути, помимо негласнаго надзора, мы подверглись еще самымъ оскорбительнымъ издѣвательствамъ и насмѣшкамъ. Въ вагонѣ насъ, русскихъ, снова накопилось очень много. Кое-какъ размѣстились и утѣшались тѣмъ, что, наконецъ, скоро избавимся отъ угнетающаго насъ чувства среди озло-

бленныхъ нѣмцевъ. Но нашъ путь оказался настолько тернистымъ, что намъ скоро пришлось забыть все то, что мы раньше пережили, и очутиться въ атмосферѣ прямо звѣрской. Ресторанъ-вагонъ для насъ былъ закрытъ, но нѣмецкіе офицеры считали своимъ долгомъ, время отъ времени, навѣщать насъ съ закуской и виномъ, и пить обязательно въ нашемъ присутствіи. Конечно, все это происходило подъ аккомпаниментъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ и оскорбленій по нашему адресу. Между прочимъ, одинъ изъ германскихъ офицеровъ почему-то счелъ нужнымъ зайти къ намъ и въ формѣ довольно изысканной прочитать намъ двѣ телеграммы—одну о захватѣ германцами русскаго золота на 90.000.000 р., а другую—о взятіи Либавы и изгнаніи русскаго населенія изъ Царства Польскаго. Эти двѣ телеграммы были прочитаны съ чувствомъ полнаго достоинства и, когда офицеръ убѣдился въ томъ, что на насъ—русскихъ, его чтеніе не произвело большого впечатлѣнія, онъ обратился къ намъ со слѣдующей тирадой:

— Вы, русскіе—дураки, неужели вамъ не жалко, что вашу страну мы разбираемъ по кусочкамъ. Не патріоты, а свиньи вы, послѣ этого,—и съ громкимъ хохотомъ удалился.

На станціи Ней-Стрелицъ, нашъ поѣздъ остановили. Ударами прикладовъ по вагону намъ дали знать, что всѣ русскіе должны моментально очистить вагонъ. Мы всѣ вышли, и по командѣ выстроились въ два ряда. Кругомъ солдаты, а

впереди полицеймейстеръ со сворой полицейскихъ собакъ. Въ такомъ видѣ насъ повели. Вдругъ во время пути новый приказъ полицеймейстера:

— Дамы и дѣти назадъ, въ вагонъ.

Часть пошла, а часть женъ ни за что не хотѣла разстаться со своими мужьями и на колѣняхъ стала умолять полицеймейстера пустить ихъ вмѣстѣ съ мужчинами. Графинѣ Сиверсъ и нѣкоторымъ другимъ удалось получить разрѣшеніе провожать мужей.

По четыре въ рядъ маршировали мы довольно долго, какъ вдругъ по командѣ полицеймейстера всѣ остановились. Приказъ полицеймейстера,— и собака набросилась на одного изъ пассажировъ и стала его буквально терзать.

Оказалось, что измученный безсонными ночами и длинными переѣздами, одинъ изъ нашихъ пассажировъ не въ состояніи былъ дальше нести ручной багажъ и бросилъ его. Полицеймейстеру показалось,—какъ онъ впослѣдствіи объяснилъ,— что русскій бросилъ бомбу.

Такъ насъ гнали три версты. Солдаты все время прикрикивали:

— Мы васъ научимъ, русскія свиньи, ходить въ рядъ и маршировать по-нашему.

Насъ привели въ казарму. На истерзаннаго собаками пассажира тутъ же надѣли кандалы. Всѣхъ раздѣли и самымъ безцеремоннымъ образомъ стали обшаривать, нѣтъ ли у насъ оружія. Весь обыскъ прошелъ подъ непрерывный плачъ дѣтей и женщинъ. Осмотръ продолжался три часа.

Намъ торжественно объявили, что оружія у насъ не нашли. Изъ казармы, однако, насъ вывели на большой дворъ, посрединѣ котораго стояли два высокихъ судейскихъ кресла у стола, покрытаго чернымъ сукномъ. Немножко поодаль амфитеатромъ были расположены скамейки. У всѣхъ невольно мелкнула мысль, что придется предстать еще передъ военно-полевымъ судомъ.

Однако, суда надъ нами не было, а въ этой обстановкѣ одинъ изъ офицеровъ, повидимому, для большей острастки далъ намъ слѣдующее наставленіе:

— Вы должны итти назадъ молча, не оглядываясь. Въ вагонѣ сидите спиной къ окну. Соблюдайте полную тишину и не смѣйте критиковать дѣйствій нашего правительства. За малѣйшее нарушеніе, солдаты, которые будутъ сопровождать васъ, будутъ васъ разстрѣливать, какъ собакъ.

Нѣсколько минутъ мы оставались въ этой обстановкѣ одни. Съ дамами — истерики. Страшно жутко. Одинъ изъ солдатиковъ, повидимому, не безъ риска, принесъ намъ ведро воды, на которое мы всѣ набросились и, конечно, моментально опорожнили.

Подъ конвоемъ солдатъ поплелись мы на вокзалъ, и здѣсь насъ всѣхъ ввели въ вагонъ 4-го класса.

Два часа пути и мы очутились на станціи Ростокъ. Снова та же унизительная процедура. Снова насъ выстроили по четыре въ рядъ и стали сортировать мужчинъ до 50 лѣтъ и старше 50 лѣтъ. Первыхъ безъ всякихъ разговоровъ забирали, какъ военноплѣнныхъ, стариковъ же, женщинъ и дѣ-

тей отпускали. Тутъ на нашихъ глазахъ разыгралась возмутительнѣйшая сцена. Первымъ военноплѣннымъ былъ признанъ чахоточный студентъ, возвращавшійся изъ Давоса. Сопровождавшая его жена стала умолять отпустить его, но тутъ же получила ударъ прикладомъ по головѣ и упала безъ чувствъ.

Много времени отняла сортировка.

Въ Варнемюнде, куда мы прибыли съ большимъ опозданіемъ, большинство изъ насъ бросилось въ буфетъ, чтобы запастись питьевой водой и хлѣбомъ. Но всѣ мы натолкнулись на плакатъ: «русскимъ ничего не выдается». Пришлось уйти обратно съ пустыми руками. Остальной путь уже извѣстенъ по многочисленнымъ описаніямъ, появившимися въ русской печати».

Разсказъ профессора Петроградскаго университета [1]).

«Настроеніе нѣмцевъ по отношенію къ намъ было въ высшей степени непріятное: я бы назвалъ его презрительно-вызывающимъ,—говорилъ сотруднику «Нов. Вр.» одинъ профессоръ Петроградскаго университета.—Насъ гнали, какъ гонятъ въ усадьбу тотъ скотъ, за которымъ въ свое время придетъ, молъ, хозяинъ. На вокзалѣ Фридрихштрассе весь багажъ, приходившій съ юга съ наклейками русскаго назначенія, безъ всякой церемоніи сваливался въ нижній этажъ станціи, причемъ

[1]) См. «Нов. Вр.» отъ 22 іюля.

служащіе приговаривали: «послѣ войны разберутся». Для характеристики настроенія уѣзжавшихъ можно, напримѣръ, указать, что двое русскихъ, мужъ и жена, передали пятилѣтнюю дѣвочку носильщику съ тѣмъ, чтобы онъ подалъ ее въ окно, когда они отвоюютъ мѣсто въ вагонѣ, а забравшись въ купэ, они предались такой радости, что забыли о своемъ ребенкѣ. Въ тотъ моментъ, когда поѣздъ двинулся, носильщикъ хладнокровно поставилъ дѣвочку на полъ, повернулся къ ней спиной и пошелъ.

Въ Эйдкуненѣ надъ нами производили форменное издѣвательство. Сначала насъ продержали часа два безъ объясненія всякихъ причинъ. Потомъ пришелъ какой-то безусый поручикъ и сталъ командовать, проходя по вагонамъ: «Всѣмъ вылѣзать изъ вагоновъ; мы будемъ провѣрять паспорта». Долженъ при этомъ сказать, что провѣрки, фактически, никакой произведено не было. Насъ просто поставили въ шеренгу и затѣмъ пропускали, почти не разворачивая паспортныхъ книжекъ: просто такъ,—для издѣвательства... Потомъ насъ посадили въ вагоны и еще продержали часа полтора. Пришелъ кондукторъ и сказалъ: «Всѣмъ вылѣзать изъ вагоновъ; поѣздъ не пойдетъ». Начальникъ станціи, какъ причину, заявилъ мнѣ: «Der Russe antwortet nicht». Наконецъ минутъ черезъ тридцать насъ все-таки повезли. Доѣхали до моста, до рокового пограничнаго моста; вдругъ—остановка, задній ходъ; насъ потащили обратно къ Эйдкунену. Однимъ словомъ, мы потеряли въ

двухъ шагахъ отъ русской границы въ общей сложности около шести часовъ.

Въ Вержболовѣ я первымъ дѣломъ бросился въ буфетъ, такъ какъ не ѣлъ болѣе полусутокъ: нѣмцы не давали. Я прорвался на кухню, собралъ тамъ нѣсколько валявшихся корокъ чернаго хлѣба и съ жадностью съѣлъ».

Разсказъ члена Гос. Сов. Г. В. Калачова [1]).

Приведемъ еще часть разсказа члена Гос. Совѣта Г. В. Калачова. При возвращеніи изъ Берлина г. Калачовъ съ прочими русскими, ѣхавшими тѣмъ же поѣздомъ, вдругъ былъ задержанъ въ Гумбиненѣ. Путешественникамъ заявили, что поѣздъ дальше не пойдетъ, и что кто хочетъ—можетъ отправиться на родину, но поѣзда, однако, не будетъ.

«Русскіе путешественники стали совѣщаться, какъ имъ быть. Въ это время,—говоритъ г. Калачовъ,—всѣхъ насъ окружила команда солдатъ во главѣ съ офицеромъ, который заявилъ намъ, что мы военноплѣнные.

Окруженные солдатами, которые держали ружья наготовѣ, мы простояли такъ нѣсколько часовъ въ полномъ невѣдѣніи, что будетъ съ нами. Наконецъ, подошелъ поѣздъ съ вагонами третьяго и четвертаго классовъ. Тотъ же офицеръ скомандовалъ, чтобы мы помѣстились въ этомъ поѣздѣ.

---

[1]) См. «Нов. Вр.» отъ 4 августа.

Давка была ужасная. На всѣ вопросы, куда насъ везутъ—молчали. Въ пути, мы подвергались жестокостямъ. Выходить изъ вагона воспрещалось. Насъ сопровождали солдаты. Вечеромъ, мы прибыли въ Кенигсбергъ. Тутъ подъ конвоемъ насъ поволокли по городу и довели до какого-то страннаго зданія—замка. Здѣсь офицеры насъ допрашивали. Это продолжалось до трехъ часовъ ночи. По окончаніи этого наглаго допроса, который производился въ грубой формѣ, мы отправились, опять-таки подъ конвоемъ, обратно на вокзалъ. Часа въ четыре ночи насъ размѣстили по вагонамъ третьяго и четвертаго классовъ, причемъ снова насъ провожали солдаты съ ружьями. Поѣздъ вдругъ остановился въ Браунсбергѣ и снова послѣдовалъ приказъ о томъ, чтобы мы покинули вагоны. Опять подъ охраной воинской команды насъ потащили по всему городу. Въ концѣ концовъ мы остановились у зданія мѣстной школы. Тутъ насъ заперли, и въ этой школѣ мы провели два дня, причемъ спали между партъ и на полу на соломѣ, которая уже заранѣе была приготовлена. Ѣли мы за свой счетъ, причемъ въ школу приходили маркитантки, которыя продавали намъ кофе, молоко и т. д.

Охрана была самая строгая. Положеніе наше съ каждымъ часомъ становилось все болѣе и болѣе трагическимъ. Среди насъ находились больныя женщины и дѣти. Сердце разрывалось, глядя на ихъ страданія. Партія русскихъ была очень большая. Среди насъ находились графиня и графъ

Канкрины, баронесса и баронъ Каульбарсъ съ дочерьми, супруга нашего военнаго агента въ Берлинѣ Базарова, сенаторъ Ивановъ и мног. друг. Наше положеніе становилось еще болѣе тяжелымъ потому, что нѣмцы не мѣняли денегъ и только въ Браунсбергѣ одинъ офицеръ согласился размѣнять незначительную сумму, причемъ взялъ очень большую разницу за обмѣнъ. Наконецъ, насъ выпустили изъ школы-тюрьмы и мы направились на вокзалъ. Насъ опять ждалъ тотъ же третій и четвертый классы и тѣ же мытарства. Насъ повезли въ Штетинъ, гдѣ снова, подъ конвоемъ, привели насъ въ какой-то огромный сарай, въ которомъ, вѣроятно, находились раньше повозки для артиллерійскихъ снарядовъ или для интендантскихъ фургоновъ. Здѣсь мы провели двѣ ночи. Насъ кормили солдатской ѣдой и, кромѣ того, намъ удавалось кое-что покупать у маркитантокъ. Изъ Штетина въ четвертомъ классѣ мы поѣхали въ Трелеборгъ и черезъ Швецію, истерзанные, добрались мы, въ концѣ концовъ, до дому.

— Кстати замѣтить,—продолжаетъ Г. В. Калачовъ,—что въ Браунсбергѣ осталась группа русскихъ рабочихъ, которыхъ нѣмцы не выпускали, утверждая, что они будутъ имъ платить значительныя суммы за работы на поляхъ. Потомъ мнѣ передавали, что это былъ обманъ, такъ какъ имъ ничего не платили, хотя заставляли работать. Такая же значительная партія нашихъ чернорабочихъ осталась въ Кенигсбергѣ, причемъ ихъ вы-

нуждали работать, подъ угрозой разстрѣла, надъ укрѣпленіемъ крѣпостей.

Нѣмцы распространяли о русскихъ завѣдомо ложные слухи, желая во что бы то ни стало возстановить противъ насъ германскій народъ. Такъ, напримѣръ, въ Кенигсбергѣ прошелъ слухъ, что русскіе отравляютъ колодцы; всякія небылицы передавались изъ устъ въ уста и создавали противъ русскихъ самую тяжелую атмосферу ненависти и раздраженія.

По пути мы встрѣчали воинскіе поѣзда, которые мелькали мимо насъ съ надписями на вагонахъ по-нѣмецки «въ Петербургъ», на другихъ было начертано «въ Сибирь»; встрѣчались также надписи «въ Парижъ» и «въ Лондонъ».

Вспоминая тяжелые пережитые дни, я долженъ замѣтить, что особенно показалась мнѣ раздраженной противъ насъ кенигсбергская толпа, которая, увидавъ наше шествіе, осыпала насъ самой дерзкой руганью.

Намъ передавали, что много нашихъ рабочихъ, не пожелавшихъ выполнять приказанія нѣмцевъ и работать по укрѣпленію крѣпостей, были разстрѣляны».

Разсказъ князя П. П. Урусова [1]).

Князь П. П. Урусовъ о своихъ мытарствахъ сообщаетъ слѣдующее:

---

[1]) Свѣдѣнія эти любезно сообщены намъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

«18—31 іюля, получивши газету изъ Ковны, гдѣ комендантъ предлагаетъ жителямъ выѣзжать изъ города въ виду объявленія крѣпости на военномъ положеніи и скораго перехода на осадное положеніе, мы спѣшно покинули Партинкирхенъ въ надеждѣ успѣть пробраться до объявленія войны черезъ русскую границу. Уже въ Мюнхенѣ чувствовалось весьма недружелюбное отношеніе къ русскимъ, и всегда любезные нѣмцы наотрѣзъ отказывались давать какія-либо свѣдѣнія и показанія. Съ трудомъ, стоя съ билетомъ перваго класса въ коридорѣ, добрались мы до Берлина. Общее настроеніе было очень тревожно и вызывающе-враждебное по отношенію русскихъ, которыхъ осыпали ругательствами и освистываніемъ на улицахъ. На-авось, отправивши багажъ въ Ковну, поѣхали за справками въ посольство, гдѣ намъ ничего опредѣленнаго сказать не могли и совѣтовали только, не теряя времени, покидать Берлинъ, и если граница дѣйствительно закрыта (въ чемъ они сомнѣвались), ѣхать на Данію. Отправились въ Рейзе-бюро, гдѣ намъ очень предупредительно предложили билеты на Эйдкуненъ, такъ какъ якобы сегодня еще можно безпрепятственно проѣхать; на Данію же отказали выдать за неимѣніемъ не только плацкартъ, но и билетовъ въ продолженіе ближайшихъ четырехъ дней (ловушка). Съ трудомъ попавши въ вагоны, сопровождаемые нѣмецкой площадной руганью, въ 10 час. 44 м. вечера тронулись въ путь изъ Шарлотенбурга, и вотъ тутъ начались наши мытар-

ства и испытанія, съ трудомъ поддающіяся описанію. Въ купэ перваго класса насъ сидѣло 10 человѣкъ. Ночь прошла относительно спокойно, но часа въ 4 утра нашъ вагонъ сталъ постепенно наполняться военными, притворяющимися спящими, но вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно прислушивающимися къ нашимъ разговорамъ. Приближаясь къ Алленштейну (въ 3 час. отъ Эйдкунена), они на прекрасномъ русскомъ языкѣ грубо потребовали отъ русскихъ выйти изъ вагона, такъ какъ этотъ поѣздъ идетъ въ сторону. Мы покорно вышли изъ поѣзда, около 500 русскихъ, и моментально были окружены военной стражей съ приказаніемъ впредь до распоряженія не двигаться. Насъ крайне поразилъ грубый тонъ и дерзкое обращеніе, но мы думали, что насъ вывели лишь въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда и въ виду мобилизаціи хотятъ провѣрить наши паспорта и осмотрѣть ручной багажъ. Явился комендантъ вокзала, такъ какъ со вчерашняго дня вся желѣзная дорога перешла въ военныя руки, и скомандовалъ намъ расположиться на площадкѣ за вокзаломъ въ ожиданіи поѣзда, который въ 2 часа дня насъ доставитъ до границы, откуда намъ до Вержболова якобы придется идти пѣшкомъ, такъ какъ русскими разрушены рельсы. «Вы намъ не нужны, и чѣмъ скорѣе мы отъ васъ избавимся, тѣмъ пріятнѣе для насъ». Но, увы, это оказалось грубой ложью, такъ какъ, переведя на лужайку, насъ оцѣпили усиленнымъ конвоемъ и никуда не выпускали, не давали ѣсть и не разрѣшали послать купить чего

либо. Доходило до полнаго безобразія. Напримѣръ, въ мужскую и дамскую уборныя пускали съ часовымъ, дежурившимъ у дверей уборной. Обѣщаніе отправить насъ въ 2 часа осталось лишь обѣщаніемъ и мы продолжали сидѣть на нашихъ чемоданахъ, продрогшіе и голодные, до сумерекъ. Оказывается, что въ 12 часовъ дня явился другой офицеръ, который отмѣнилъ распоряженіе перваго объ отправкѣ насъ въ Россію въ 2 часа и оставилъ насъ въ полномъ невѣдѣніи о нашей дальнѣйшей участи. Вмѣстѣ съ нами въ числѣ задержанныхъ 500 человѣкъ оказался сенаторъ гр. К. Паленъ и мы, прождавши тщетно нѣсколько часовъ, начали съ нимъ хлопотать о возможности выѣхать дальше. Какъ мы ни старались добиться свиданія съ однимъ изъ начальствующихъ лицъ Алленштейна или гарнизона—это намъ не удавалось. Въ числѣ задержанныхъ былъ также пасторъ изъ Россіи, которому, совмѣстно съ гр. Паленомъ, удалось вызвать мѣстнаго пастора. Этотъ истинно благородный человѣкъ раньше всего доставилъ намъ ѣду, т.-е. краюху хлѣба съ кускомъ колбасы и воду, а затѣмъ добился свиданія съ комендантомъ, который въ видѣ большого одолженія разрѣшилъ гр. Палену, мнѣ съ женой и еще четыремъ дамамъ, за которыхъ мы хлопотали, свободный проѣздъ въ Берлинъ, чтобы оттуда ѣхать черезъ Данію въ Россію. Остальные русскіе оставлены были въ Алленштейнѣ до 5 часовъ утра и мы ихъ надолго потеряли изъ вида. Не успѣли мы сѣсть въ вагоны, будучи предварительно допрошены и

осмотрѣны буквально каждымъ проходящимъ солдатомъ въ чрезмѣрно грубой формѣ, какъ вокругъ насъ появились очень подозрительныя личности, оказавшіяся шпіонами. Часа полтора проѣхали мы, сидя на чемоданахъ въ коридорѣ третьяго класса, несмотря на то, что все путешествіе было нами оплачено въ первомъ классѣ, какъ, подъѣзжая къ Торну, объявился какой-то грубый типъ, остановилъ поѣздъ и заявилъ, что въ немъ находятся русскіе шпіоны. Насъ заставили выйти изъ поѣзда, моментально оцѣпили часовыми съ шашками на-голо и револьверами, направленными въ насъ, и тутъ же снова перерыли весь багажъ. Затѣмъ, по распоряженію коменданта, этапнымъ порядкомъ, въ 3 часа ночи, насъ повели въ теченіе полутора часовъ въ крѣпость Торнъ и привели въ тюрьму. Изнуренные и изголодавшіеся, мы едва держались на ногахъ. Вскорѣ явился офицеръ и объявилъ, что каждаго изъ насъ осмотрятъ отдѣльно и посадятъ въ одиночное заключеніе, вѣроятно, не надолго, но законъ военнаго времени требуетъ этого. Жутко вспомнить, что каждый изъ насъ пережилъ при одной мысли очутиться въ ихъ полной власти, но пришлось покориться. Въ тюрьмѣ, въ крѣпости, передъ рѣшеніемъ нашей участи и разъединеніемъ по отдѣльнымъ камерамъ, солдаты и офицеры говорили, что двое русскихъ, переодѣтыхъ женщинами, взорвали мостъ въ Штетинѣ; были пойманы и разстрѣляны еще 12 русскихъ, въ которыхъ подозрѣвали шпіоновъ, и эти офицеры, указывая на

Палена и на меня, говорили, что съ нами, очевидно, поступятъ также. Относительно же бывшихъ съ нами дамъ они еще навѣрно не знаютъ, какія получатся указанія. Наговоривъ подобныхъ непріятностей, каждаго изъ насъ по одиночкѣ раздѣли, осмотрѣли (не исключая дамъ) и посадили въ одиночную камеру, длиной въ 4 аршина и шириной въ 2, съ одной деревянной койкой, безъ стула, безъ стола, ни подушки, ни одѣяла, словомъ, ничего. Высоко, подъ потолкомъ, маленькое окошко, задѣланное рѣшеткой и досками, такъ что виднѣлся лишь кусочекъ неба. Можно себѣ представить, что мы пережили въ теченіе 12 часовъ одиночнаго заключенія. Около трехъ часовъ дня явился старшій офицеръ и велѣлъ намъ собираться, такъ какъ черезъ полчаса надо спуститься въ тюремный дворъ, откуда насъ этапомъ отправятъ дальше. Послѣ массы формальностей, въ теченіе почти двухъ часовъ, насъ отправили уже другимъ путемъ на вокзалъ, позволили сѣсть и заказать кофе. Думали, что все обойдется спокойно, но откуда-то выскочилъ грубѣйшій господинъ, приставилъ къ намъ часового и объявилъ, что если кто привстанетъ на стулѣ, будетъ немедленно разстрѣлянъ. Въ 7 часовъ насъ подъ конвоемъ привезли въ вагоны четвертаго класса, гдѣ намъ пришлось сидѣть прямо на полу—и, провезя 2—3 станціи, снова высадили. Всю ночь, окружаемые толпой и полупьяными офицерами, сидѣли мы, не смѣя двинуться, не смѣя сказать имъ, чтобы они перестали надъ нами издѣваться, ругать наше прави-

тельство, Царя. Какое это было мученье и какъ опротивѣли намъ эти культурные варвары, не стѣснявшіеся насъ называть во всеуслышаніе «русскими собаками». Къ счастію, ихъ отозвали по службѣ, а насъ выпустили на перронъ, гдѣ мы просидѣли до 10 час., а къ 2 часамъ мы добрались до Штетина. Пожалуй, тутъ начался самый опасный періодъ путешествія. Когда насъ высадили изъ вагоновъ, то на перронѣ уже стояла большая толпа русскихъ. Здѣсь какой-то желѣзнодорожный чинушка разыгрывалъ важную роль, причемъ ругался и такъ толкнулъ меня кулакомъ въ спину, что и сейчасъ у меня большой синякъ. На нашъ вопросъ, скоро ли мы уѣдемъ, такъ какъ получили разрѣшеніе на свободный проѣздъ въ Россію, онъ отвѣтилъ: «Въ тюрьму вы должны попасть, собаки». Здѣсь гр. Палену и мнѣ опять пришелъ на помощь офицеръ, который, осмотрѣвши наши паспорта, распорядился насъ отвезти въ автомобилѣ въ полицію и передать насъ комиссару. Толпа на улицахъ неистовствовала и было жутко, когда намъ пришлось выходить изъ автомобилей, такъ какъ сопровождавшіе насъ не отвѣчали за настроеніе толпы и убѣдительно просили и совѣтовали не говорить по-русски. Минута была страшная, когда мы подъѣхали къ корпусному командиру, такъ какъ толпа окружила насъ тѣснымъ кольцомъ, и стоило большого труда полиціи и конвойнымъ удержать ее. Въ канцеляріи корпуснаго командира насъ приняли очень любезно и даже предложили дамамъ сѣсть, отчего онѣ совер-

шенно отвыкли. Корпусный командиръ допросилъ каждаго изъ насъ въ отдѣльности и разрѣшилъ намъ выѣздъ въ Россію, заручившись честнымъ словомъ, что мы въ теченіе двухъ недѣль не будемъ разсказывать, что мы видѣли. Пріѣхавши въ полицію, мы снова были тщательно осмотрѣны, а затѣмъ отъѣхали на вокзалъ, гдѣ майоръ насъ усадилъ въ общемъ залѣ. Доносились крики и руготня толпы, совѣтовавшей выбросить насъ изъ поѣзда или убить. Въ такомъ состояніи, не зная, не высадятъ ли насъ на слѣдующей станціи, мы добрались до Пасевалка. Подъ каждымъ окномъ былъ поставленъ часовой, несмотря на это черезъ окно ворвался какой-то хулиганъ, испугалъ дамъ и, видимо, хотѣлъ исколотить насъ или зарѣзать, такъ какъ въ рукахъ у него оказался ножъ. Въ 1 ч. 40 м. мы выѣхали, окруженные шпіонами, ни на минуту насъ не оставлявшими, въ Штралзундъ, куда прибыли утромъ. Тутъ насъ пересадили на другой поѣздъ и отправили на островъ Рюгенъ въ Сасницъ, гдѣ мы ждали шведскаго парохода. Самая счастливая минута нашей жизни была, когда мы издали увидали трубы парохода, а черезъ 2 часа при тихой погодѣ и спокойномъ морѣ двинулись въ гостепріимную Швецію, оставившую позади себя кошмарную Германію. Такимъ образомъ, выѣхавши изъ Партенкирхена въ пятницу утромъ 19-го, мы лишь въ четвергъ въ 10 час. утра 25-го пріѣхали въ Стокгольмъ».

ГЛАВА IV.

Отдѣльные случаи нѣмецкаго звѣрства въ отношеніи женщинъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ.

«То, что мнѣ и другимъ многочисленнымъ русскимъ подданнымъ пришлось пережить за послѣдніе дни, не поддается описанію,—говоритъ артистъ А. М. Давыдовъ.—Я никогда не представлялъ себѣ, что нѣмецкій народъ можетъ быть такимъ некультурнымъ и жестокимъ» [1].

Съ объявленіемъ всеобщей мобилизаціи въ Германіи, настали страдные, черные дни для русскихъ путешественниковъ.

«Въ дорогѣ», по словамъ М. Городецкаго, по 20—25 часовъ не давали воды. На нѣкоторыхъ станціяхъ кружечку воды продавали по 25 пфениговъ и говорили:

— Смотрите, варвары, какъ мы великодушны. Мы вамъ даемъ воды.

---

[1]) «Бирж. Вѣд.» отъ 29 іюля (веч. вып.).

Не щадили и дѣтей. Вталкивали старшихъ въ вагоны, поѣзда трогались, дѣти оставались. Нѣсколько женщинъ сошли съ ума. Въ Берлинѣ оставшіеся безъ денегъ отправлялись въ ломбардъ закладывать драгоцѣнности. За вещи, стоющія десятки тысячъ рублей, имъ предлагалось 300—400 марокъ. Соглашались на это. Выписывалась квитанція, но въ послѣдній моментъ, когда касса должна была выдать деньги, нѣмцы простодушно спрашивали: «Вашъ паспортъ». И вдругъ, увидѣвъ, что передъ нимъ русскій (они прекрасно знали, что имѣютъ дѣло съ русскимъ), начинали вопить:

— Какъ, вы смѣете брать у насъ деньги, чтобы возвращаться въ Россію. Вонъ, варвары!

Я ссылаюсь на г. Я. Венгерова, который видѣлъ, какъ на ходу поѣзда раскачивали русскаго съ намѣреніемъ выбросить въ окно. Въ это время раздался въ вагонѣ крикъ:

— Здѣсь французъ!

Русскаго бросили на полъ, а француза выбросили въ окно» [1]).

По словамъ проф. Пергамента, «иногда по цѣлымъ днямъ совершенно забывали о нѣсколькихъ стахъ русскихъ путешественниковъ, запертыхъ въ вагонахъ» [2]).

«Мы всѣ были обезсилены голодомъ и безсонными ночами, особенно женщины и дѣти,—раз-

---

[1]) М. Городецкій, «Газ. Коп.» отъ 2 авг.

[2]) См. «Бирж. Вѣд.» (веч. вып.) отъ 1 авг.

сказываетъ вице-адмиралъ Ц.—Естественно, многіе отставали. Ихъ «подгоняли» прикладами, кулаками, ножнами отъ шашекъ.

Отстаетъ старикъ... Разъ!.. Раздается глухой ударъ въ спину прикладомъ. Онъ со стономъ валится на землю.

Съ женщинами истерика. Дѣти надрываютъ душу нечеловѣческими криками. Съ нѣкоторыми происходитъ буквально столбнякъ. Картина ужасная.

А вслѣдъ за нимъ раздавалась ругань, самая отборная, толстыхъ, безобразныхъ нѣмокъ. Онѣ подбодряли озвѣрѣвшихъ солдатъ и жандармовъ криками:

— Бей ихъ, русскихъ свиней. Научи ихъ, мерзавцевъ, маршировать!..

И тѣ, подбодренные, били...

Такая сцена.

Какой-то господинъ во время «обыска» на станціи Варнемюнде впопыхахъ захватилъ чей-то свертокъ. По дорогѣ увидѣлъ, что это не его вещи, и бросилъ свертокъ въ сторону. Замѣтивъ это, полицейскій спустилъ на него полицейскую собаку. Моментъ, и та вцѣпилась этому господину въ горло. Въ слѣдующій моментъ онъ лежалъ на землѣ, а на немъ собака. Она терзала его, какъ тряпку, грызла лицо, которое моментально превратилось въ одну сплошную рану. Пока на его крики подошелъ полицейскій чинъ, онъ былъ буквально весь истерзанъ собакой.

Я не могу описать того, что произошло тогда. Женщины лишались сознанія, дѣти судорожно впивались руками въ перваго попавшагося, моля о защитѣ. Случалось, что они цѣплялись за полицейскихъ, а тѣ отбрасывали ихъ, какъ собакъ» [1]).

И это не единственный случай, получившій огласку въ печати, травли собаками несчастныхъ путешественниковъ. Напримѣръ, «одна дама,— по словамъ г-жи Розенъ,—не могла справиться съ чемоданомъ и бросила его на платформу. Нѣмцы приняли это за демонстрацію и натравили на даму собаку. Собака укусила дамѣ руку» [2]).

Намъ лично подобную же исторію разсказывала г. Е. И. Годлевская.

Вагоны были переполнены, въ купэ на 4 персоны вталкивали по 7—8 человѣкъ, всѣ проходы были заполнены; въ уборныя набивали по 6 человѣкъ. Не было возможности не только пройти, но и пошевелиться. Пассажиры, сжатыя со всѣхъ сторонъ, по цѣлымъ часамъ не имѣли возможности расправить свои отекшіе члены. Двери и окна наглухо закрыты и при такихъ условіяхъ держали часами: 10, 11, 12 часовъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, даже болѣе сутокъ. Не трудно представить, что испытывали несчастные страдальцы, замурованные въ смрадныхъ ящикахъ, лишенные пищи и питья.

---

[1]) См. «Веч. Вр.» отъ 1 августа.
[2]) См. «Рус. Сл.» отъ 2 августа.

«Мы были обречены на голодъ и голодали почти двое сутокъ,—разсказываетъ екатеринославскій купецъ М. И. Эль.—Намъ не давали хлѣба вовсе, воды же врядъ ли доставалось и по бутылкѣ на человѣка, и эту воду нужно было выпрашивать у кондукторскихъ бригадъ именемъ Божіимъ. Нѣкоторые изъ запасливыхъ пассажировъ дѣлились послѣднимъ съ обреченными на голодъ, но если былъ какой-либо провіантъ, то прежде всего имъ снабжали дѣтей и женщинъ, а большинству изъ мужчинъ пришлось голодать.

Мы ѣхали около 50 часовъ въ пыли и грязи, не имѣя возможности вымыть почернѣвшія лица и руки. Той воды, которую мы получали, не хватало и для питья, а умывальники въ вагонахъ нѣмцы предупредительно оставляли пустыми. Много странствовалъ нашъ поѣздъ по разнымъ желѣзнодорожнымъ вѣткамъ, прежде, чѣмъ насъ не отправили въ Швецію» [1]).

Нѣмцы морили голодомъ не только взрослыхъ, но и дѣтей, даже младенцевъ. «У одной дамы,—разсказываетъ В. Немировичъ-Данченко,--отъ ужаса пропало молоко, и она тщетно, цѣлуя ноги этихъ извергов, молила дать ребенку хоть воды. Ее издали дразнили стаканами съ молокомъ и смѣялись. Ребенокъ умеръ, мать сошла съ ума. Гдѣ найдутся краски для этого ужаса?» [2]).

---

[1]) См. «Петрогр. Курьеръ» отъ 1 августа.
[2]) См. «Рус. Сл.» отъ 10 августа.

«Самое ужасное было,—говорилъ намъ докторъ Н. С. П.,—это лишеніе цѣлыми длинными часами пищи, питья, сна и, наконецъ, возможности удовлетворенія естественныхъ надобностей. Съ нами ѣхало много больныхъ мужчинъ и женщинъ, не кончившихъ курса леченія на нѣмецкихъ курортахъ, которые нуждались въ частыхъ посѣщеніяхъ уборныхъ. Страданія не только этихъ несчастныхъ, но и насъ, здоровыхъ, были ужасны. Я помню одного старика, корчившагося въ судорогахъ. Всѣ его просьбы о разрѣшеніи выйти изъ вагона вызывали однѣ грубыя, сальныя насмѣшки солдатъ и поѣздной прислуги. Наконецъ, не будучи въ силахъ переносить мученія, пассажиры, отгородивъ остатками багажа уголъ вагона, превратили это импровизированное помѣщеніе въ уборную... Жалко было смотрѣть на молодыхъ дамъ и дѣвушекъ. Мы, мужчины, дѣлали видъ, что спимъ или отворачивались, чтобы пощадить ихъ женскую стыдливость. Естественные порывы природы требовали своего удовлетворенія. При такихъ условіяхъ насъ держали въ вагонѣ болѣе сутокъ».

По словамъ В. Немировича-Данченки, одну партію женщинъ везли къ границѣ двадцать четыре часа.

«Съ природой не поспоришь, онѣ просились выпустить ихъ, потому что въ скотскихъ вагонахъ не было никакихъ приспособленій. Надъ ними смѣялись. Наконецъ, остановили поѣздъ въ полѣ, велѣли имъ выходить, и несчастныхъ окружили

солдаты, предлагая исполнять свои надобности подъ хохотъ нѣмцевъ» [1]).

Артистъ И. Ершовъ даетъ яркую картину того, что творилось при переѣздахъ. «Бѣдное шестилѣтнее дитя, затолканное и заболтанное между ногъ взрослыхъ, мятущихся къ спасительнымъ вагонамъ, тщетно, съ жалобнымъ плачемъ, взывало къ мамѣ. Вопли женщинъ, стиснутыхъ въ узкихъ вагонахъ, крики убѣжденій и просьбъ о помощи недомогающихъ! Ахъ, жалобой, надрывомъ и испугомъ неслся этотъ жуткій, своеобразный шумъ и гомонъ усилій и изнеможеній! И ни единая нѣмецкая рука не дрогнула въ человѣческомъ чувствѣ жалости, помочь и упорядочить этотъ безумный хаосъ испуганной толпы.

Нагрузили поѣздъ. На пространствѣ двѣнадцати квадратныхъ аршинъ въ купэ насъ набилось восемнадцать человѣкъ» [2]).

Многимъ дѣлалось дурно, были обмороки, но тщетно взывали русскіе плѣнные къ озвѣрѣлымъ, потерявшимъ человѣческое подобіе, нѣмцамъ.

Въ одной изъ партій русскихъ плѣнниковъ ѣхалъ генералъ баронъ А. В. Каульбарсъ, страдающій удушьемъ. Спертый воздухъ вагона грозилъ ему смертью. Не будучи болѣе въ силахъ переносить лишенія воздуха, генералъ на одной

---

[1]) См. «Рус. Сл.» 10 августа. Намъ также передавали подобный случай, но тогда цинизмъ нѣмцевъ простирался еще дальше, такъ какъ въ числѣ пассажировъ были женщины и мужчины.

[2]) См. «Б. В.» 4 авг. (веч. вып.).

изъ остановокъ открылъ окно вагона и полной грудью сталъ вдыхать свѣжую струю воздуха.

— Закрыть окно, убью!—крикнулъ нѣмецкій солдатъ, взбрасывая ружье на изготовку.

— Стрѣляй,—отвѣтилъ старый генералъ:—мнѣ все равно придется умереть въ душномъ вагонѣ.

Убѣленная сѣдиною голова генерала на этотъ разъ усовѣстила солдата,—онъ опустилъ ружье.

Послѣ пережитыхъ русскими путешественниками испытаній, уже не приходится удивляться сообщенію петрогр. телеграфн. агентства, что «больницы Швеціи переполнены изувѣченными русскими, выѣхавшими изъ Германіи, жертвами нѣмецкихъ звѣрствъ» (8-VIII).

Къ физическимъ страданіямъ путешественниковъ присоединялись и нравственныя пытки, исходящія отъ невѣдѣнія своей дальнѣйшей судьбы и участи родныхъ, оставленныхъ въ далекой Россіи.

Нѣмецкіе офицеры издѣвались надъ беззащитными жертвами, обвиняя ихъ въ шпіонствѣ, создавая бутафорскій судъ и угрожая разстрѣломъ.

«Насъ привели въ полицейскій участокъ и размѣстили женщинъ и дѣтей отдѣльно отъ мужчинъ,—разсказываетъ сенаторъ С. В. Ивановъ.— На нашихъ глазахъ продолжали доставлять сюда арестованныхъ русскихъ. Вотъ группа, тоже подъ усиленнымъ конвоемъ, которой предъявлено серьезное обвиненіе въ томъ, что ею отравлена вода бациллами брюшного тифа.

Сидимъ, какъ осужденные, съ 7 часовъ утра до 4 часовъ дня безъ всякой пищи.

Въ 4 часа снова команда и нась ведутъ въ крѣпость.

Огромный крѣпостной дворъ, весь обведенный высокой крѣпостной стѣной. На дворѣ въ общемъ 500—600 задержанныхъ русскихъ. Насъ разбиваютъ на группы и каждую окружаютъ солдаты. Въ одномъ углу судейскій столъ. Оказалось, что здѣсь, въ этой обстановкѣ, производится судъ надъ русскими «шпіонами». Во главѣ суда нѣмецкій лейтенантъ.

Начинается дознаніе. Насъ отвели въ сторону, стали раздѣвать, многихъ почти до-нага. Нѣкоторыхъ, кажущихся г. лейтенанту наиболѣе подозрительными, обыскивалъ самъ лейтенантъ. Онъ положительно стаскивалъ платье, швырялъ на землю и топалъ по немъ ногами» [1]).

Угроза смертью особенно забавляла нѣмецкихъ офицеровъ.

«Нѣмцы,—говоритъ депутатъ Н. Л. Марковъ 1-й,—очевидно, желали всячески показать намъ, что мы въ ихъ рукахъ, и повезли насъ зачѣмъ-то въ Шпандау.

Здѣсь на насъ навели два пулемета и нѣмецкій офицеръ, всячески издѣваясь надъ нами, знаками показывалъ, что ему стоитъ только пустить ихъ въ ходъ—и отъ насъ не останется и слѣда» [2]).

Въ другой разъ въ «какихъ-то казармахъ» «германскіе солдаты вынесли на дворъ черный

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.» 4 авг. (веч. вып.).

[2]) См. «Бирж. Вѣд.» (веч. вып.) 1 августа.

крестъ и выкатили пушку. Осталось впечатлѣніе, что готовится разстрѣлъ.

Съ женщинами начались истерики.

Германскіе офицеры весело смѣялись, глядя на забавы своихъ солдатъ» [1]).

Многихъ русскихъ путешественниковъ по группамъ, въ повозкахъ для арестантовъ, отправляли въ тюрьму.

На вокзалахъ съ русскими обращались какъ съ военноплѣнными, угрожая разстрѣломъ за ослушаніе, а тѣмъ болѣе за попытку бѣжать, но «тюремное начальство усвоило по отношенію ко всѣмъ русскимъ взглядъ, какъ на уголовныхъ преступниковъ, и строго придерживалось всѣхъ инструкцій, выработанныхъ для арестантовъ. У насъ,—разсказываетъ въ «Рѣчи» нѣкто Ел. А.,— были отняты ножи, ножницы, платье на ночь выносилось въ коридоръ во избѣжаніе побѣговъ, постоянно раздавались окрики «Ruhe», «aufstehen» и т. д. Всѣ были заключены въ одиночныя камеры, и при этомъ разлучали матерей съ дѣтьми, даже съ малолѣтними. Черезъ полчаса послѣ привода нашей партіи, бреславльская тюрьма огласилась воплями и криками. Всѣ кричали, стучали въ двери. На вопросъ, долго ли насъ будутъ держать,—надзиратель и надзирательница не давали никакого отвѣта. Режимъ былъ суровый. Пища—жидкое кофе и какой-то перловый

---

1) См. «Рус. Сл.» 2 авг. («Арестъ проф. І. М. Гольдштейна»).

супъ съ саломъ,—была такъ отвратительна, что никто въ первый день ничего не ѣлъ и всѣ голодали. На слѣдующій день тюремная администрація спохватилась и позволила соединить дѣтей съ родителями и смягчила нѣсколько режимъ. Позволено было черезъ надзирателей посылать письма и записки роднымъ и знакомымъ, находящимся въ тюрьмѣ. Перемѣна режима объяснялась, между прочимъ, тѣмъ, что въ мужской тюрьмѣ одинъ изъ арестованныхъ умеръ отъ паралича сердца, а на женской половинѣ сошла съ ума женщина, разлученная со своимъ сыномъ.

Были допущены и нѣкоторыя смягченія въ пищевомъ режимѣ. Позволено было покупать булки, сахаръ, молоко... Три дня, проведенные въ бреславльской тюрьмѣ, были особенно ужасны для нервныхъ и истеричныхъ женщинъ. Съ ними мало церемонились, и надзирательницы грозили имъ карцеромъ и наручниками» [1]).

«Одна дама, испытавшая на себѣ тяжесть нѣмецкой тюрьмы,—разсказываетъ, что она съ шестилѣтней дѣвочкой, попавъ въ ту же бреславльскую ловушку, была отвезена въ тюрьму.

Здѣсь жандармы вырвали изъ ея рукъ ребенка. Дѣвочку помѣстили въ одиночную камеру, отдѣльно отъ матери.

«Чѣмъ больше я рыдала,—разсказываетъ г-жа К.,—тѣмъ больше издѣвались жандармы.

Я молила ихъ:

---

[1]) См. «Рѣчь» отъ 30 іюля.

— Оставьте со мною въ камерѣ хоть дѣвочку.

Они отвѣтили:

— Ничего съ вашимъ отродьемъ не случится.

Въ теченіе трехъ сутокъ мою дѣвочку, неудержимо плакавшую, держали въ тюремномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ.

Когда я просила тюремнаго врача дать моей дочкѣ молока, онъ отвѣтилъ:

— Здѣсь не гостиница и для русскихъ у насъ нѣтъ ни молока, ни вкусныхъ вещей.

И это былъ врачъ?» [1]).

Инженеръ А. Ф. Назарьевъ также вспоминаетъ «страшную ночь въ темницѣ».

«Послѣ обыска,—говоритъ онъ,—насъ вывели изъ пансіона. Шелъ дождь. Дорога была покрыта лужами и грязью.

Насъ заставили пройти по грязи верстъ пять.

Женщины падали отъ усталости, но нѣмцы не обращали на это вниманія.

Тѣхъ женщинъ, которыя не могли продолжать путь, нѣмцы поднимали и заставляли идти ударами кулаковъ.

Наконецъ, насъ привели къ какому-то каменному зданію.

Мужчинъ отдѣлили отъ женщинъ.

Меня и моихъ спутниковъ помѣстили въ небольшую комнату, расположенную въ подвалѣ.

---

[1]) См. «Биржж. Вѣд.» 30 іюля.

Ночью мы услышали страшные женскіе крики, раздававшіеся въ одной изъ камеръ, куда были помѣщены русскія женщины.

Мы не могли сдержать своей ярости и стали стучать въ дверь и стѣны нашей темницы.

На шумъ и крики явился какой-то нѣмецъ и заявилъ, что если мы будемъ шумѣть, онъ прикажетъ насъ повѣсить на глазахъ женщинъ.

— Съ вашими женщинами ничего не произойдетъ,—заявилъ нахально нѣмецъ,—къ нимъ въ комнату вошелъ офицеръ, чтобы посмотрѣть на нихъ, а онѣ стали сопротивляться и подняли крикъ» [1]).

Что перенесли наши соотечественники въ нѣмецкихъ тюрьмахъ, не трудно себѣ представить, зная, до какой степени нравственнаго идіотизма опустилась современная намъ Германія. Ужасомъ вѣетъ отъ разсказовъ потерпѣвшихъ и рѣшительно отказываешься считать за людей этихъ извергов, превратившихся въ похотливыхъ исчадіевъ ада. Позоръ, которымъ покрыли себя нѣмцы XX вѣка, долженъ каменной стѣной отгородить ихъ отъ всего цивилизованнаго міра.

Сколько нужно подлости, чтобы подвергнуть тѣмъ мученіямъ, которыя, по словамъ Ив. Андр. Носова, перенесъ онъ.

«Въ маѣ этого года,—пишетъ г. Носовъ,—я поступилъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, ученикомъ бердянскаго мореходнаго училища, Але-

---

[1]) См. «Пет. Газ.» отъ 31 іюля.

ксандромъ Васильевичемъ Андреевымъ, на грузовой нѣмецкій пароходъ «Оскаръ». Мы возили пшеницу изъ Новороссійска въ Гамбургъ. Команда вся была нѣмецкая, кромѣ одного угольщика негра.

До объявленія войны отношеніе экипажа было замѣчательно дружелюбное. 19-го іюля (1-го августа по н. ст.) мы во время перехода въ Сѣверномъ морѣ узнали случайно отъ встрѣтившагося парусника о мобилизаціи флота и о начинающейся войнѣ.

Первый штурманъ «Оскара» пришелъ въ дикую ярость и разразился потокомъ брани по адресу Россіи и русскихъ. Мой товарищъ въ это время крѣпилъ шлюпку на спардекѣ; я былъ на бакѣ. Я сразу догадался, въ чемъ дѣло, когда увидалъ штурмана подлѣ моего товарища. Съ ужасомъ я увидалъ, какъ штурманъ ударилъ въ затылокъ кулакомъ ничего не подозрѣвавшаго товарища. Я вытащилъ ножъ и бросился на спардекъ, на помощь товарищу, но нѣсколько матросовъ преградили дорогу и на меня посыпались удары. Послѣ одного удара въ голову, у меня потемнѣло въ глазахъ и я не могъ защищаться.

Меня поволокли въ клозетъ и подъ дикій вопль всей команды мазали человѣчьимъ каломъ. Потомъ, по распоряженію капитана Августа Вука, меня и моего товарища привязали шкотами къ борту и выбросили за бортъ: купайтесь. Потомъ моего товарища откачивали, сломавъ ему нѣсколько реберъ и вывихнувъ руку.

21-го іюля пришли въ Гамбургъ. Эти трое сутокъ до Гамбурга нѣмцы выдумывали самыя невозможныя вещи глумленія надъ нами. Кромѣ плевковъ и пощечинъ, нѣмцы заставили негра противоестественно насъ насиловать. Все это привѣтствовалось восторженнымъ хохотомъ. До 21-го еще не объявляли военноплѣнными застрявшихъ русскихъ моряковъ, и я поспѣшилъ бѣжать, бросивъ на произволъ судьбы нѣмцевъ моего умирающаго товарища, оставивъ всѣ документы о плаваніи въ ихъ рукахъ» [1]).

Ни женщины, ни дѣти, ни старики не находили пощады. «На моихъ глазахъ,—говоритъ В. А. Петровъ,—нѣмцы били русскихъ, плевали на нихъ и подвергали всяческимъ глумленіямъ, при чемъ не дѣлали исключеній ни женщинамъ, ни больнымъ, ни старикамъ, ни дѣтямъ.

— Русскіе черти! Бей ихъ!—слышалось повсемѣстно, гдѣ были русскіе [2]). Съ объявленіемъ войны похотливый звѣрь, таившійся въ нѣмецкомъ офицерѣ, прикрытый въ мирное время блестящей мишурой, проснулся, почувствовалъ полную безнаказанность. «Спасите 1000 русскихъ женщинъ и дѣтей, водворенныхъ германскимъ правительствомъ на островъ Рюгенъ!—восклицаетъ въ отчаяніи рижскій корреспондентъ «Вечерняго Времени».—Возвращайте на родину за-

---

[1]) См. письмо въ редакцію «Бирж. Вѣд.» (веч. вып.) отъ 6 августа.

[2]) См. «Пет. Курьеръ» 30 іюля.

стрявшихъ русскихъ, особенно женщинъ! Спасайте ихъ отъ голода и гибели! Каждый промедленный день можетъ стоить жизни и гибели десяткамъ русскихъ женщинъ и дѣтей. Спасеніе русскихъ изъ странъ намъ враждебныхъ необходимо моментально. Это—задача, равная по важности помощи семействамъ запасныхъ. Спасайте пока не поздно, особенно въ Германіи» [1]).

Долгъ, совѣсть, честь были отброшены, какъ глупые предразсудки, стоящіе на пути къ удовлетворенію подлыхъ вожделѣній.

«Въ Берлинѣ, — разсказываетъ М. Городецкій,—офицеры врывались въ отели, кафе съ криками:

— Русскихъ мужчинъ отправимъ по крѣпостямъ, а женщинъ оставимъ для себя. Мы теперь вдали отъ женъ, пусть теперь русскія женщины будутъ съ нами, а потомъ мы ихъ отдадимъ солдатамъ» [2]).

И дѣйствительно, нѣмецкіе офицеры, пользуясь тѣмъ, что попавшія въ ихъ руки русскія женщины беззащитны, что ихъ отцы, мужья или братья либо далеко, либо сами томятся въ смрадныхъ нѣмецкихъ тюрьмахъ,—изнасиловали нѣсколькихъ русскихъ женщинъ, открывъ такимъ образомъ истинную подоплеку свойственной имъ доблести. Несчастныя искупительныя жертвы идущей борьбы, потрясенныя гнусностью нѣмецкаго

[1]) См. назв. газ. отъ 29 іюля.

[2]) См. «Газ. Коп.» отъ 2 августа.

офицерства, налагали на себя руки, лишались разсудка, но память объ этихъ праведницахъ придаетъ силы русскимъ бойцамъ переносить тяжесть смертельной тоски, чтобы отомстить за разбитыя жизни русскихъ женщинъ въ нѣмецкомъ плѣну.

Наглость нѣмцевъ въ этой области не имѣла границъ. Такъ, напримѣръ, тяжелую повѣсть разсказалъ банкиръ г. П., отецъ несчастной шестнадцатилѣтней дѣвушки, лишившейся разсудка отъ понесенныхъ физическихъ насилій и нравственныхъ терзаній.

«Дочь г. П. вошла въ уборную умываться, гдѣ ее подкараулили два офицера. Взломавъ дверь, они направили на дѣвушку револьверы и стали поочередно насиловать ее. На крики несчастной прибѣжали ея отецъ и нѣсколько русскихъ. Никакія мольбы не имѣли успѣха.

Вѣсть о томъ, что вооруженные австрійскіе офицеры глумятся надъ беззащитной дѣвушкой въ присутствіи безоружныхъ русскихъ, облетѣла весь поѣздъ. Двое русскихъ, у которыхъ, несмотря на всю тщательность производимыхъ нѣмцами обысковъ, уцѣлѣли—у одного револьверъ, у другого ножъ,—бросились туда, откуда неслись плачъ и крики, но дорогу имъ преградили сами же русскіе, преимущественно женщины, на колѣняхъ умолявшіе ихъ не показываться и не показывать своего оружія. Всѣ были увѣрены, что за малѣйшее сопротивленіе всѣ пассажиры поѣзда будутъ разстрѣляны.

Дочь г. П. лишилась разсудка. Самъ г. П.—человѣкъ далеко еще не старый, совершенно посѣдѣлъ отъ ужаса, пережитаго за эти полчаса» [1]).

«Одинъ изъ моихъ друзей, весь потрясенный отъ ужаса и негодованія,—пишетъ г. Немировичъ-Данченко,—разсказываетъ мнѣ: «Сейчасъ мнѣ показали старика. Его везутъ въ психіатрическую лечебницу. Несчастный помѣшался потому, что на его глазахъ солдаты-нѣмцы изнасиловали его 14-лѣтнюю дочь» [2]).

Другой случай «насилія въ вагонѣ нѣмецкими офицерами надъ двумя четырнадцатилѣтними дѣвушками» удостовѣряетъ группа русскихъ (С. Хрулевъ, Д. Гарднеръ, Левитскіе, М. и Т. Карповы, А. Кузнецовъ, Я. Скуія) въ открытомъ письмѣ шведскому посланнику въ Петербургѣ [3]).

«Подъ Данцигомъ,—продолжаетъ свой разсказъ г. Немировичъ-Данченко,—пьяный лейтенантъ выкинулъ изъ вагона, на забаву своимъ солдатамъ, интеллигентную русскую дѣвушку. Мгновенно съ нея сорвали все и, голую, пинками прогнали въ казармы» [4]).

Отъ лица, занимающаго высокій постъ, мы слыхали, что на станціи, близъ Штетина, поздно вечеромъ, у одной русской дамы пьяные солдаты схватили двухъ дочерей, дѣвушекъ 18 и 10 лѣтъ,

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.» 3-го августа (веч. вып.).
[2]) См. «Русск. Сл.» 10-го августа.
[3]) См. «Рѣчь» 3-го августа.
[4]) См. «Русск. Сл.» 10-го августа.

и затащили ихъ въ казармы. Бросившуюся вслѣдъ за дѣвочками несчастную мать избили. Цѣлую ночь бродила она вокругъ казармъ подъ давленіемъ страшнаго кошмара, еще надѣясь на каплю человѣческаго чувства въ нѣмецкихъ солдатахъ. Но тщетно: истерзанныхъ дѣвушекъ, лишившихся чувствъ, выбросили изъ окна казармы.

Въ Калишѣ была разстрѣляна еврейская дѣвушка Зеймъ за то, что отвергла гнусное предложеніе нѣмецкаго офицера.

«Лейтенантъ требовалъ отъ дѣвицы Зеймъ, въ домѣ родителей которой ему было отведено помѣщеніе, чтобы она отдалась, увѣряя, что этимъ онъ дѣлаетъ ей честь, такъ какъ она, благодаря ему, родитъ первая въ Калишѣ будущаго подданнаго Германской имперіи. За это подлое издѣвательское предложеніе дѣвица Зеймъ дала лейтенанту пощечину и была разстрѣляна. Разстрѣляли и двухъ ея братьевъ» [1]).

По свидѣтельству г. Н. С. П—кина, на станціи въ Алленштейнѣ, среди бѣла дня, два нѣмецкихъ солдата, улучивъ минуту, когда одна русская дама нѣсколько отдѣлилась отъ группы соотечественниковъ, напали на нее и пытались затащить въ кусты, находящіеся возлѣ самой станціи, съ явнымъ намѣреніемъ изнасиловать. Крики несчастной женщины обратили вниманіе

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.» 2-го августа. Этотъ случай, со словъ пріѣхавшаго изъ Калиша г. Абрамовича, подтвердили намъ жена и дочь генерала Ц. В. и Л. М. Бекъ.

русскихъ, благодаря чему на помощь ей бросилось нѣсколько мужчинъ, положившихъ конецъ гнусной попыткѣ хулиганствующихъ нѣмцевъ.

Послѣ приведенныхъ фактовъ можно ли удивляться, что моральный кодексъ нѣмецкаго офицерства разрѣшаетъ ему бить женщину. Особо широкую извѣстность получилъ случай съ супругой гофмейстера г-жей Н. А. Туганъ-Барановской, скончавшейся благодаря нѣмецкому варварству.

За нѣсколько дней до начала войны въ Берлинъ для леченія отправилась жена директора канцеляріи Министерства путей сообщенія г-жа Туганъ-Барановская, которая была помѣщена въ одной изъ берлинскихъ лечебницъ. Ожоги на лицѣ, которыми она страдала, требовали тщательнаго леченія и постоянныхъ перевязокъ; несмотря на это, нѣмцы тотчасъ послѣ объявленія войны предложили г-жѣ Туганъ-Барановской немедленно оставить лечебницу и отправиться въ Россію.

На вокзалѣ въ Бреславлѣ, узнавъ, что она русская, ее объявили арестованной, отправили въ тюрьму, гдѣ она просидѣла три дня. Въ тюрьмѣ г-жѣ Барановской сначали дали сундукъ, на который она могла прилечь. Потомъ, однако, солдаты раздумали, отняли сундукъ, избили, сорвали повязки, наложенныя послѣ операціи, и больной женщинѣ пришлось лежать на голомъ полу. Только черезъ трое сутокъ полуголодную (въ тюрьмѣ русскихъ держали почти голодомъ) г-жу Туганъ-Барановскую, находившуюся въ очень тяжеломъ положеніи, бросили въ товарный вагонъ,

довезли до границы и здѣсь выбросили изъ вагона. Черезъ нѣкоторое время полумертвую женщину нашелъ нашъ разъѣздъ и доставилъ до ближайшей станціи.

По прибытіи въ Петербургъ, спасти жизнь г-жѣ Туганъ-Барановской не представилось возможнымъ: отъ загрязненныхъ нѣмцами ранъ началось зараженіе крови.

За нѣсколько дней до объявленія мобилизаціи въ Германіи,—по словамъ «Пет. Кур.»,—компанія молодыхъ барышень, принадлежащихъ къ высшему петербургскому свѣту, отправилась въ Парижъ за покупками.

На обратномъ пути ихъ задержали въ Кельнѣ: была объявлена мобилизація, и нѣмцы начали проявлять свое истинное отношеніе къ русскимъ.

Молодыхъ дѣвушекъ высадили изъ вагона и, несмотря на ихъ мольбы, ни за что не пропускали въ поѣздъ.

Дѣвушкамъ пришлось побросать всѣ свои вещи; толпа ихъ тяжко избила. Послѣ долгихъ усилій четыремъ барышнямъ удалось проникнуть въ вагонъ, а пятая—дочь предсѣдателя окружнаго суда, осталась, разбитая и обезсиленная, въ толпѣ нѣмцевъ на перронѣ.

Дальнѣйшая судьба этой жертвы безсмысленной прусской жестокости неизвѣстна.

По сообщенію датскихъ газетъ, «графиня Гройе, родомъ датчанка, супруга гофмаршала герцога Кумберлендскаго, во время ожиданія поѣзда на вокзалѣ Мекленбурга подверглась всевозмож-

нымъ оскорбленіямъ со стороны черни. Изъ толпы раздались крики: «Это русская шпіонка». Графиню заставили раздѣться, при чемъ осыпали ее побоями, въ которыхъ принимали участіе также солдаты. Прибывшія на вокзалъ лица, знавшія графиню, освободили ее. Графиня отъ испытанныхъ истязаній слегла въ постель.

Эти свѣдѣнія сообщаются на основаніи писемъ, полученныхъ родственниками пострадавшей» [1]).

Свидѣтельства объ избіеніи женщинъ многочисленны. Такъ, напримѣръ, по словамъ г-жи Н. А. Игнашкиной въ Берлинѣ, на вокзалѣ, когда она съ дочерью шла покупать билеты, встрѣтился нѣмецкій офицеръ.

«Узнавъ,—говоритъ названная дама,—отъ мальчишекъ, что мы русскія, онъ подошелъ къ моей дочери и пытался обнять ее.

Дочь оттолкнула нахала.

Офицеръ хотѣлъ ее ударить, но его увели какіе-то чиновники.

Когда мы кое-какъ вырвались изъ Берлина и сѣли въ поѣздъ, къ намъ подсѣлъ какой-то нѣмецъ. На одной изъ станцій, онъ предложилъ дочери выйти съ нимъ изъ вагона. Она отказалась. Нѣмецъ ударилъ ее» [2]).

Дочь генерала, Л. М. Бекъ, намъ говорила, что на вокзалѣ въ Кенигсбергѣ ее какой-то сол-

---

[1]) Сообщеніе петроградск. агентства изъ Копенгагена 8-го августа.

[2]) См. «Петр. Газ.» 31-го іюля.

датъ ударилъ въ спину съ такой силой, что она съ трудомъ удержалась на ногахъ. Окружающая же публика бранила женщинъ нецензурными словами, щипала ихъ и подносила къ самому лицу кулаки, угрожая нанести удары.

Одна дама разсказываетъ въ «Петр. Кур.» (27-го іюля) слѣдующую возмутительную исторію:

«Мы шли, сопровождаемые свистомъ, плевками, насмѣшками и руганью нѣмецкихъ хулигановъ. На моихъ глазахъ была тяжко избита старушка, не сумѣвшая поспѣть за прусскимъ солдатомъ. Подъ издѣвательства и насмѣшки другая старушка должна была итти, держа въ одной рукѣ 7-лѣтнюю парализованную дѣвочку, а въ другой—свой чемоданъ. Когда мы достигли, наконецъ, казармъ, на площадь была выдвинута пушка, дуло которой было обращено въ нашу сторону.

Насъ обыскивали самымъ тщательнымъ образомъ, при чемъ насъ обнюхивали полицейскія собаки».

Припомнимъ также, что по сообщенію корреспондента Петр. тел. агентства изъ Торна (27-го іюля):

«На Фридрихштрассе толпа вытащила изъ автомобиля за волосы графиню Потоцкую», а графиню Воронцову-Дашкову, по сообщенію того же агентства, о чемъ мы уже говорили, «пьяные солдаты ударами прикладовъ вытолкнули изъ вагона на платформу».

По словамъ «Новаго Времени», «прибывшія изъ Германіи женщины съ ужасомъ разсказываютъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя выпали на ихъ долю въ Германіи. Берлинскіе полицейскіе и солдаты врывались по ночамъ въ гостиницы, гдѣ жили русскіе, и производили безсмысленные обыски. Несмотря на протесты, солдаты врывались въ спальни и стаскивали съ кроватей раздѣтыхъ женщинъ.

То же самое происходило и въ поѣздахъ. Нѣмцы, не щадя женской стыдливости, заставляли всѣхъ русскихъ дамъ раздѣваться до-нага. Въ одной русской дамѣ, обладающей очень высокимъ ростомъ, нѣмцы заподозрили переодѣтаго русскаго солдата. Несмотря на возмущеніе находившагося въ этомъ же вагонѣ сенатора графа Палена, нѣмцы въ присутствіи мужчинъ совершенно раздѣли даму.

Въ ста километрахъ отъ Берлина, на станціи Ней-Стрелицъ пассажировъ выкинули изъ поѣзда и погнали подъ охраной солдатъ за полторы версты въ казармы драгунскаго полка. Здѣсь русскіе пассажиры были встрѣчены драгунами. Солдаты накинулись на русскихъ, не разбирая ни мужчинъ, ни женщинъ, и избили ихъ прикладами. Затѣмъ началась процедура обыска. Мужчинъ не обыскивали, обыскивали только женщинъ и притомъ болѣе молодыхъ. Обыскъ производили трое лейтенантовъ подъ громкій хохотъ своихъ товарищей и солдатъ. Присутствовалъ здѣсь и командиръ полка. Онъ не только не

запрещалъ офицерамъ оскорблять дамъ, но всячески имъ потакалъ. Сцены этого обыска были настолько возмутительны, что вызвали громкій протестъ со стороны русскихъ мужчинъ. Генералъ приказалъ имъ молчать, угрожая всѣхъ перестрѣлять.

Одинъ изъ лейтенантовъ такъ увлекся обыскомъ молодой барышни, что ея отецъ не вытерпѣлъ, подбѣжалъ къ офицеру и далъ ему пощечину. Несчастнаго отца командиръ полка приказалъ схватить и его тутъ же на глазахъ русскихъ пассажировъ разстрѣляли» [1]).

«Прибывшая 30-го іюля изъ Германіи черезъ Торнео жена судебнаго дѣятеля г-жа Д., читаемъ въ «Газетѣ-Копѣйкѣ» (1-го августа), подтверждаетъ что «въ Пруссіи всѣхъ русскихъ женщинъ обыскиваютъ самымъ грубымъ образомъ. Молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ раздѣвали до-нага. Г-жа Д. избѣгла этой унизительной процедуры благодаря своему преклонному возрасту, но и ей было приказано снять верхнее платье. Одна молодая женщина плакала въ вагонѣ и все время повторяла: «Какъ я буду теперь смотрѣть въ глаза моему мужу». Двухъ дѣвицъ, дочерей екатеринославскаго помѣщика (одна изъ нихъ институтка), жандармы

[1]) См. «Новое Время» 30-го іюля. Въ письмѣ на имя шведскаго посланника группа русскихъ также удостовѣряетъ, что «въ Сасницѣ на глазахъ толпы русскихъ разстрѣляли двухъ русскихъ за то, что они громко высказали негодованіе за жестокое обращеніе съ ихъ женами и дѣтьми». См. «Рѣчь» 3-го августа.

раздѣли въ присутствіи ихъ матери, когда же та стала протестовать, то раздѣли и ее. Платье женщинъ было унесено изъ камеры—«для болѣе тщательнаго обыска». Болѣе часа женщины сидѣли въ своей тюремной камерѣ голыми, и стражники съ грубымъ смѣхомъ смотрѣли черезъ дверное оконце. По прибытіи въ Копенгагенъ, оскорбленная за себя и за своихъ дочерей мать написала письмо мѣстному германскому посланнику, въ которомъ называетъ его представителемъ варваровъ» [1]).

Инженеръ А. Ф. Назарьевъ удостовѣряетъ, что во время обысковъ «женщины и дѣвушки плакали, такъ какъ нѣмцы оскорбляли ихъ женскую стыдливость» [2]).

Наконецъ, закончимъ обозрѣніе мученій русскихъ женщинъ, которымъ онѣ подвергались въ Германіи и Австріи, разсказомъ г-жи Д., переданнымъ въ живыхъ, яркихъ краскахъ.

«Около 18 русскихъ, къ сожалѣнію, вѣрившихъ въ то, что войны не будетъ,—говоритъ г-жа Д.,—остались въ Франценсбадѣ до прошлой субботы. Въ воскресенье настроеніе стало, однако, столь тревожно, что мы рѣшили покинуть Австрію. Въ поѣздѣ мы очутились въ обществѣ австрійскихъ пьяныхъ резервистовъ.

---

[1]) Жена военнаго агента г. Базарова удостовѣряетъ, что нѣмцы «раздѣвали до-нага двухъ дамъ—жену генерала I. и дочь профессора консерваторіи П.» (См. «Вечерн. Время» 6-го августа).

[2]) См. «Петроградск. Газ.» отъ 31-го іюля.

Австрійцы всѣ были пьяны. Гнусно приставали къ женщинамъ. Говорили пошлости. Лѣзли цѣловаться. Издѣвались надъ русскими...

Въ нашемъ вагонѣ всѣ дамы прекрасно владѣли нѣмецкимъ языкомъ и въ ужасѣ скрывали свое русское происхожденіе. Приходилось стискивать зубы изъ-за маленькихъ дѣтей, которыя были у насъ на рукахъ.

У одной изъ ѣхавшихъ со мной дѣвушекъ изсякло терпѣніе. Она шепнула мнѣ на ухо:

— Я сейчасъ ударю этого наглеца-австрійца по лицу.

Пришлось убѣждать ее пожалѣть ни въ чемъ неповинныхъ нашихъ дѣтей. Для меня было ясно, что эти звѣри, потерявшіе всякій человѣческій образъ, способны насъ растерзать.

Почти у самой границы Германіи у одного изъ австрійцевъ зашевелилось подозрѣніе. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Если вы настоящая нѣмка, вы должны выпить со мной стаканъ пива и чокнуться за мое здоровье.

Я держала на рукахъ свою двухлѣтнюю дѣвочку, блюдя ея мирный сонъ. Съ чувствомъ величайшей гадливости пришлось выполнить его желаніе.

Наконецъ, мы на германской границѣ».

Въ Бреславлѣ, г-жа Д. хотѣла купить билетъ, но «не успѣла я назвать пограничную станцію,— продолжаетъ она,—какъ кассиръ, язвительно улыбнувшись, сказалъ:

— Какъ же, какъ же, сударыня, какъ-нибудь и когда-нибудь и съ кѣмъ-нибудь вы туда доберетесь.

Раздался свистъ и подлѣ меня выросли два жандарма.

Они схватили меня, исцарапавъ лицо, за руки, вырвали у меня ребенка, котораго передали какому-то подозрительному субъекту въ статскомъ.

Затѣмъ меня насильно втащили въ какую-то комнату и туда же кинули рыдавшаго ребенка.

Явились новые жандармы.

По улицамъ Бреславля насъ потащили въ тюрьму.

Издали я видѣла другія женскія и мужскія тѣни въ сопровожденіи жандармовъ, направлявшихся видимо туда же, куда влекли и меня.

Когда я уставала и просила замедлить шагъ, жандармы пинками толкали меня впередъ.

Ссадины отъ ихъ ударовъ сохранились еще и до сихъ поръ.

Наконецъ, въ полуобморочномъ состояніи, еле держа несчастную свою дѣвочку на рукахъ, добралась я до тюрьмы.

Каменно-желѣзный мѣшокъ, въ который меня кинули, меня не испугалъ.

Я была убѣждена, что увижу какую-нибудь женщину, тюремную надзирательницу. Я вѣрила, что женщина пойметъ мою муку и чувство матери. Но, когда за мной захлопнулись желѣзныя двери тюремныхъ воротъ, вмѣсто надзирательницы

явился тюремный офицеръ. Я услышала его распоряженіе:

— Жандармъ, проведите эту русскую (слѣдовало ругательное слово)—въ одиночную камеру. Ребенка слѣдовало бы отнять, но чортъ съ ней!

Жандармъ пошелъ со мной по безконечнымъ коридорамъ, извилистымъ и витымъ лѣстницамъ, и, наконецъ, на четвертомъ или пятомъ этажѣ мы остановились. Заныль ключъ въ заржавѣвшей скважинѣ.

Я очутилась въ отвратительной, смрадной отъ сырости камерѣ. Положила дѣвочку свою на грязную, твердую койку и хотѣла сѣсть на табуретку.

Смотрю, жандармъ не уходитъ.

Я говорю:

— Что вамъ еще нужно?

Онъ плотоядно, отвратительно улыбается:

— Я обязанъ васъ обыскать и раздѣть донага.

Чувствую, что ноги у меня подкашиваются. Стараюсь овладѣть собой. Жандармъ приближается.

Въ моментъ, когда онъ пытается схватить меня за кофточку, я рѣзкимъ жестомъ отстраняю его руку; животное начинаетъ меня бить. Я кричу,— и это меня спасаетъ.

Изъ другихъ камеръ доносятся крики на русскомъ языкѣ.

По лѣстницамъ бѣгутъ жандармы. Входятъ ко мнѣ въ камеру.

Я продолжаю кричать, и только тогда нѣмецкіе звѣри оставляютъ меня въ покоѣ.

Физическая пытка кончилась. Началась другая,—полная неизвѣстность.

Прошла ночь. Наступилъ день. И еще прошла ночь. И еще прошелъ день. А насъ, голодающихъ и жаждущихъ, все еще держали въ камерѣ.

Наконецъ, на третій день насъ вывели изъ тюрьмы.

Внизу ждало около 400—500 человѣкъ русскихъ женщинъ, стариковъ и дѣтей.

Насъ повели куда-то за городъ, гдѣ на колеѣ желѣзной дороги стояли черныя, грязныя товарныя платформы. Должно быть на нихъ возили мусоръ и каменный уголь.

Насъ довезли до какой-то станціи. Оттуда намъ указали направленіе нашего пути.

— Тамъ ваша Россія.

Съ криками радости, забывъ о мукахъ, объ утратѣ багажа, обо всѣхъ человѣческихъ горестяхъ, мы бросились бѣжать, чтобы скорѣе очутиться на дорогой русской землѣ» [1]).

Кромѣ насилованія женщинъ, нѣмецкіе офицеры заявили себя къ тому же грабителями и мародерами. Изъ многихъ фактовъ этого рода ограничимся здѣсь пока однимъ—приведеннымъ г. Немировичемъ-Данченко.

«Вчера,—пишетъ онъ,—я видѣлъ только-что вернувшуюся даму съ оборванными ушами. Прус-

[1]) «Бирж. Вѣд.» 30-го іюля (веч. вып.).

скій капитанъ, не давъ ей возможности отстегнуть серьги, вырвалъ ихъ съ кровью» [1]).

Въ числѣ жертвъ нѣмецкаго изувѣрства должно назвать имя С. М. Ивановой, разстрѣлянной, по газетнымъ извѣстіямъ, между прочимъ за то, что она отказалась сообщить нѣмцамъ интересующія ихъ свѣдѣнія большой государственной важности. Память о С. М. Ивановой должна перейти въ исторію, служа указателемъ высокой нравственной доблести русской женщины.

Предсѣдатель «Общества призрѣнія сиротъ лицъ, павшихъ жертвами долга», В. Казариновъ сообщаетъ, что «жена начальника сосновицкаго отдѣленія варшавскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ подполковника Александра Федоровича Иванова, Софья Михайловна, съ сыновьями Александромъ и Львомъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, при возвращеніи изъ-за границы въ Россію арестована прусскими властями въ Катовицахъ.

Для леченія С. М. была за границею въ Маріенбадѣ, а сыновья ея въ Цоппотѣ.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, совершенно частнымъ, С. М. арестована 18-го минувшаго іюля, т.-е. до объявленія войны, и 21-го того же мѣсяца приговорена къ разстрѣлянію, но 25-го, будто бы, разстрѣлъ замѣненъ ей пожизненною каторгою. Сынъ Александръ—юнкеръ Николаевскаго кавалерійскаго училища, и Левъ, окончившій въ

[1]) См. «Русск. Сл.» 10-го августа.

этомъ году Суворовскій кадетскій корпусъ (въ Варшавѣ), задержаны въ числѣ военноплѣнныхъ и, по слухамъ, находятся въ Бейтенской тюрьмѣ.

По нѣкоторымъ же позднѣйшимъ даннымъ, заслуживающимъ довѣрія, выясняется, что 25-го с. іюля Софья Михайловна не была помилована, а дѣйствительно разстрѣляна, благодаря настоянію пограничныхъ прусскихъ чиновъ: Медлера и майора Прохно изъ Бейтена, изъ мести, за продуктивную служебную дѣятельность мужа ея, начальника сосновицкаго жандармскаго отдѣленія подполковника А. Ф. Иванова, голова коего, по отзыву нашихъ полицейскихъ чиновъ, была оцѣнена въ 5.000 руб. Послѣдній еще недавно за выдающіяся отличія былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра»[1].

Не знали жалости нѣмецкіе изверги даже къ маленькимъ дѣткамъ. Плачъ ребенка приводилъ мучителей въ еще большее бѣшенство и они съ сатанинскимъ смѣхомъ продолжали свои издѣвательства надъ неповинными маленькими существами.

«У нѣмцевъ не было жалости ни къ женщинамъ, ни къ больнымъ, ни къ дѣтямъ,—говорится со словъ потерпѣвшихъ въ «Вечерн. Врем.».— Везли больного, слабаго мальчика. Отца задержали въ Берлинѣ, отъ матери отобрали почти всѣ деньги, оставивъ изъ нѣсколькихъ сотъ марокъ 30 марокъ. На одной изъ остановокъ, какъ разъ

[1]) См. иллюстр. прил. къ «Нов. Вр.» 23-го августа.

противъ оконъ вагона, группа нѣмецкихъ офицеровъ обильно закусывала и выпивала. Мать больного ребенка обратилась къ нимъ съ мольбой дать ему испить. Одинъ офицеръ подъ хохотъ достойныхъ своихъ товарищей поднесъ кружку пива. Ребенокъ съ жадностью приникъ къ ея краямъ и тотчасъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ кружку— пиво было обильно посолено.

Въ вагонахъ все время толклись солдаты. Проходные коридоры были сплошь, плечомъ къ плечу, заполнены публикой. Солдаты не стѣснялись расталкивать ее, ударяли женщинъ, дѣтей, нарочно наступали тяжелыми сапогами на ноги и цинично посмѣивались надъ молодыми женщинами.

«— На шарлоттенбургскомъ вокзалѣ,—разсказываетъ очевидецъ,—пришлось быть свидѣтелемъ потрясающей сцены, какъ отходившій поѣздъ увезъ мать ребенка, мальчика 7—8 лѣтъ, который остался на перронѣ» [1].

Въ другомъ мѣстѣ, на одной изъ станцій вблизи Берлина, московскій купецъ Х—нъ видѣлъ, какъ «при подходѣ поѣзда женщина съ груднымъ ребенкомъ передъ окнами вагоновъ со слезами молила впустить ее въ вагонъ. Не успѣла она войти, какъ проводникъ захлопнулъ дверь отъ вагона, причемъ отбилъ ей четыре пальца правой руки.

Крикъ женщины огласилъ весь вагонъ. Возмущенные русскіе при отходѣ поѣзда бросили

---

[1]) См. «Веч. Вр.» 31-го іюля.

графинъ съ водой въ голову проводника. На слѣдующей станціи въ вагонъ вошли полисмены, которые задержали по подозрѣнію двухъ пассажировъ» [1]).

«Когда мы садились на пароходъ въ Сасницѣ,— разсказываетъ одинъ очевидецъ, лечившійся въ Вильдунгенѣ,—въ толпѣ были задавлены трое дѣтей, получившихъ тяжелыя поврежденія.

Когда отчаливалъ пароходъ, мы были свидѣтелями ужасныхъ сценъ: дѣти оказались на палубѣ отходящаго парохода, а ихъ матери были оттѣснены толпой на пристань, или наоборотъ... Пароходъ отошелъ подъ душу раздиравшій плачъ дѣтей и матерей, потерявшихъ другъ друга, и неизвѣстно, удастся ли имъ встрѣтиться снова...» [2]).

Несчастные малютки, оторванные отъ отцовъ и матерей, оставались на рукахъ чужихъ людей и нянекъ, хирѣя въ тоскѣ по родителямъ. Г-жа Л. М. Бекъ намъ сообщила, что на одной изъ станцій, въ Швеціи, она со своей матерью, Ц. В. Бекъ, видѣла несчастнаго мальчика, лѣтъ 14, сошедшаго съ ума отъ пережитаго ужаса и отъ тоски по матери, которую онъ потерялъ въ дорогѣ. Въ Стокгольмѣ, на вокзалѣ,—по словамъ гласнаго московской городской думы П. А. Котова, можно было видѣть «русскую няньку съ ребенкомъ на рукахъ, выходившую къ каждому

---

[1]) См. «Биржж. Вѣд.» 28-го іюля (веч. вып.).
[2]) См. «Петроградск. Кур.» 29-го іюля.

поѣзду искать среди прибывавшихъ своихъ господъ» [1]).

Несчастныхъ дѣтокъ избивали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, доказательствомъ чего можетъ служить ужасная участь 12-лѣтняго мальчика, Курта Симона.

«Мальчикъ былъ присоединенъ къ партіи, съ которой онъ вернулся въ Россію, самымъ невѣроятнымъ образомъ.

Въ Кенигсбергѣ ночью въ окно тюремной камеры, въ которой содержалось нѣсколько русскихъ, вдругъ влетѣлъ брошенный кѣмъ-то ребенокъ. Сильно ушибленный, мальчикъ потерялъ сознаніе. Придя въ себя, онъ объяснилъ, что жандармы схватили его, приволокли къ тюрьмѣ и со всей силы швырнули въ окошко.

Насколько озвѣрѣли нѣмцы, видно изъ того, что мальчикъ этотъ изъ нѣмецкой семьи, лютеранинъ и говоритъ почти исключительно по-нѣмецки. Но безуміе, охватившее нѣмцевъ, не даетъ имъ разбираться въ томъ, что они дѣлаютъ» [2]).

Насколько тяжело было состояніе несчастнаго мальчика, видно изъ сцены, сообщенной «Вечерн. Врем.», ярко рисующей весь ужасъ нѣмецкихъ звѣрствъ.

— Меня не будутъ больше бить? Мнѣ не грозитъ больше опасности?

---

[1]) См. «Русск. Сл.» 2-го августа.

[2]) См. «Бирж. Вѣд.» 3-го авг. (веч. вып.).

Эти крики внезапно помѣшавшагося раздаются въ Петропавловской больницѣ.

Туда помѣстили русскаго подданнаго, мальчика лѣтъ 12—13, сына профессора рижскаго политехникума Симона. Мальчикъ весь избитъ и проявляетъ признаки остраго помѣшательства.

Рабочій, привезшій его изъ Германіи, разсказываетъ слѣдующее: —«Посадили меня вмѣстѣ съ другими въ тюрьму. Сначала меня поколотили, выбили глазъ. Ночью вдругъ слышу нечеловѣческій дѣтскій крикъ, раздавшійся въ коридорѣ тюрьмы, какъ разъ около окна камеры, гдѣ сидѣлъ я. Ясно были слышны удары по тѣлу. Затѣмъ въ окно что-то влетѣло. Вслѣдъ за паденіемъ слышу стоны... Предо мной на полу лежалъ весь избитый и окровавленный мальчикъ, впавшій вскорѣ въ безсознательное состояніе» [1]).

Но и этого мало. Нѣмцы не останавливались даже передъ убійствомъ дѣтей.

Въ Калишѣ, по сообщенію «Голоса Москвы», было убито восемь женщинъ, въ томъ числѣ 12-лѣтняя дѣвочка. У несчастной въ груди оказалось четыре пулевыхъ раны. Это обстоятельство показываетъ, что дѣвочка была разстрѣляна пруссаками, а не убита случайно попавшей пулей [2]).

Купецъ А. А. Кипперъ передаетъ, что въ Берлинѣ, когда толпа бросилась занимать вагоны

---

1) См. «Веч. Вр.» 2-го августа.

2) См. назв. газ. отъ 8-го августа.

одна русская дама, имѣя на рукахъ 10-мѣсячнаго ребенка, нечаянно толкнула прусскаго жандарма; тотъ вырвалъ изъ рукъ матери ребенка и бросилъ его въ толпу. Передніе ряды, неудержимо толкаемые задними, не могли остановиться и растоптали ребенка на смерть. Мать, при видѣ происшедшаго, помѣшалась. Ее тѣмъ не менѣе взяли въ вагонъ и довезли до Копенгагена, гдѣ она помѣщена въ психіатрическую больницу.

Въ «Русск. Сл.» г. Котовъ сообщаетъ, что въ Засsницѣ двое супруговъ, потерявшіе своихъ дѣтей, обнявшись, кинулись съ парохода въ море [1]).

Эти несчастныя жертвы являются лишь незначительной частицей тѣхъ многочисленныхъ страдальцевъ, которые не имѣли силъ пережить звѣрства культурныхъ дикарей.

Докторъ медицины Н. С. П—кинъ намъ разсказывалъ, что изъ партіи, съ которой онъ мытарствовалъ 11 дней по Германіи, три женщины, потрясенныя нравственно, лишились разсудка на о. Рюгенѣ, одна женщина скончалась на пароходѣ, возвращаясь уже въ Россію, и одна была помѣщена въ психіатрическую больницу гдѣ-то въ Швеціи. Сверхъ того, острымъ психическимъ разстройствомъ заболѣла молодая дама, потерявшая своего мужа. Несчастная женщина не успѣла сѣсть въ поѣздъ, будучи оттерта толпой отъ мужа, и очутилась на перронѣ одна: безъ денегъ, безъ багажа, охваченная полнымъ отчаяніемъ. Въ ея

---

[1]) См. назв. газ. отъ 2-го августа.

судьбѣ принялъ участіе гр. П—нъ и предложилъ вмѣстѣ вернуться въ Берлинъ, въ надеждѣ встрѣтить гдѣ-либо на станціи мужа. Когда, спустя 7—8 дней, докторъ П—кинъ вновь встрѣтился съ этой дамой на о. Рюгенѣ, несчастная была уже больна острымъ психическимъ разстройствомъ. Приступы внезапнаго веселія и довольства всѣмъ окружающимъ смѣнялись также внезапными минутами безутѣшнаго, мрачнаго страданія. Изъ словъ молодой женщины удалось узнать только, что по дорогѣ въ Берлинъ ее неоднократно «сажали въ одиночное тюремное заключеніе, обыскивали самымъ наглымъ способомъ, и въ это время случилось что-то ужасное, чего она сказать не можетъ».

Лишеніе въ дорогѣ пищи и питья, обстановка, исключавшая возможность въ теченіе 1½—2 недѣль заснуть хоть два-три часа крѣпкимъ здоровымъ сномъ и вѣчныя угрозы нѣмецкой стражи разстрѣломъ, помимо всѣхъ прочихъ условій, являлись благопріятной почвой для нервныхъ потрясеній путешественниковъ, значительная часть которыхъ къ тому же ѣхала съ курортовъ.

Въ партіи проф. М. Я. Пергамента, по его словамъ, за двѣ недѣли пути, «на почвѣ неизвѣстности и страховъ 6 женщинъ сошло съ ума, безконечное множество билось въ истерикѣ и падало въ обморокъ. Одна женщина впала въ буйное помѣшательство, и московскому профессору Д. М. Генкину пришлось 24 часа держать ее за руки, такъ

какъ она грозила вырвать себѣ глаза, выброситься изъ вагона и т. п.» [1]).

Извѣстный артистъ Гр. Гр. Ге разсказываетъ, что въ Ваенцѣ ему съ товарищами по несчастью «пришлось быть свидѣтелями тяжелой сцены: пріѣхавшіе сюда раньше русскіе глубокіе старикъ и старушка сошли съ ума» [2]), а въ Кенигсбергѣ, сообщаетъ преподаватель нѣмецкаго языка виленской гимназіи Фолькманъ, «послѣ долгихъ мытарствъ повѣсилась путешествовавшая со мной и моей женой классная наставница виленской женской гимназіи Марія Полякова, 50-ти лѣтъ» [3]).

Мы далеко не исчерпали всѣхъ жертвъ нѣмецкой жестокости, трагически закончившихъ свое возвращеніе изъ гостепріимной Германіи, но уже сказаннаго достаточно, чтобы составить себѣ ясную картину переживаній русскихъ путешественниковъ. Замѣтимъ къ слову, что и въ отношеніи больныхъ русскихъ, въ значительномъ количествѣ заполнявшихъ хваленые курорты, нѣмцы выказали обычную въ послѣдніе дни жестокость, отдѣльныя проявленія которой служатъ симптомами массоваго психоза.

По сообщенію парижскаго корреспондента петроградскаго телеграфнаго агентства отъ 1-го августа, при началѣ войны «въ санаторіи во Франкфуртѣ было много иностранцевъ, въ особенности

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.» 1-го авг. (веч. вып.).
[2]) См. «Бирж. Вѣд.» 6-го августа (веч. вып.).
[3]) См. «Русск. Сл.» 9-го августа.

русскихъ. Санаторія была безпощадно эвакуирована въ 24 часа. Женщина, только что родившая, была выслана въ Бернъ, куда она прибыла съ мертвымъ ребенкомъ».

«Петроградскій Курьеръ» разсказываетъ, со словъ потерпѣвшихъ, что одну партію русскихъ высадили изъ вагоновъ, не доѣзжая до Торна 11 верстъ, заставивъ оставшееся разстояніе пройти пѣшкомъ. «Во время этого перехода,—говоритъ газета,—то и дѣло слышались крики дамъ и плачъ дѣтей. Отдыхать не позволяли. Одна дама, находившаяся въ состояніи беременности, умоляла солдата дать ей хотя бы пять минутъ на отдыхъ, но тотъ грубо отказалъ и, когда мы пришли, наконецъ, къ станціи, эта дама упала на полотнѣ дороги безъ чувствъ. Нѣсколько мужчинъ-пассажировъ перенесли ее въ зданіе станціи и тамъ, спустя около получаса, удалось привести ее въ чувство».

Въ «Петроградск. Газетѣ», а равно въ другихъ, описывались подробности ареста больного доктора Г. В. Рейта.

Докторъ «лечился въ Германіи, гдѣ ему была сдѣлана серьезная операція.

Выѣхалъ онъ изъ Германіи наканунѣ объявленія войны, но, лишь доѣхалъ до предпослѣдней станціи нашей границы, война была объявлена.

Нѣмцы ворвались въ вагонъ, грубо схватили больного доктора Рейта и вытащили его

---

[1]) См. указ. газету отъ 30-го іюля.

съ семействомъ изъ вагона, а когда поѣздъ отправлялся, то старую мать и жену втолкнули въ вагонъ, а доктора Рейта арестовали» [1]).

Намъ лично также пришлось слышать о возмутительныхъ фактахъ безчеловѣчнаго обращенія съ больными. Такъ, напримѣръ, военный врачъ, докторъ медицины Н. С. П—кинъ намъ разсказывалъ, что въ Алленштейнѣ, куда онъ прибылъ съ партіей русскихъ 20-го іюля, ихъ продержали на площади подъ открытымъ небомъ съ 5 час. утра до 4 час. ночи, несмотря на то, что въ партіи было много больныхъ, нуждавшихся въ продолжительномъ отдыхѣ. Въ особенности внушало опасеніе состояніе одной женщины, только что перенесшей тяжелую операцію удаленія гортани. Мольбы мужа, указывавшаго на окровавленныя повязки своей жены, разрѣшить ему занять номеръ, остались тщетны. Что сталось съ этой несчастной, г. П—кинъ не знаетъ, но полагаетъ, что расчитывать на благополучное возвращеніе больной въ Россію—мало надежды.

По словамъ того же доктора на островѣ Рюгенѣ почти у всѣхъ дамъ появились отеки ногъ, въ болѣе тяжкихъ случаяхъ осложненныя изъязвленіями. Обувь пришлось или разрѣзать, или вовсе бросить. И несмотря на это, нѣмцы не только не разрѣшали пригласить мѣстнаго врача, но даже не разрѣшали послать въ аптеку за лекарствомъ

---

[1]) См. «Петроградск. Газ.» отъ 31-го іюля.

по рецепту русскихъ докторовъ, изъ числа «военноплѣнныхъ».

Фрейлина Ихъ Величествъ баронесса Т. А. Каульбарсъ намъ сообщала, что при остановкѣ въ Кенигсбергѣ, когда стража не позволяла генералу, страдающему астмой, подышать свѣжимъ воздухомъ, она предупредила, что отецъ можетъ умереть, на что послѣдовалъ отвѣтъ: «Пусть умираетъ,—намъ будетъ лучше!»

Видя безчинство нѣмецкихъ офицеровъ, безнаказанно издѣвавшихся надъ «военноплѣнными» изъ числа мирныхъ путешественниковъ, нѣкоторые русскіе, имѣвшіе знакомства среди нѣмецкихъ вліятельныхъ лицъ, пробовали обратить ихъ вниманіе на происходящее безобразіе. Такъ, напримѣръ, графиня Канкрина разсказывала сотруднику «Новаго Времени», что, чувствуя себя совершенно больною, въ глубокомъ отчаяніи, она рѣшила «отправить германскому императору изъ Браунсберга телеграмму слѣдующаго содержанія: «Его императорскому величеству. Берлинъ. Какъ сестра покойнаго генерала Струкова, который удостаивался вниманія вашего величества, я позволяю себѣ обратиться къ вашему величеству съ покорной просьбой обратить вниманіе на положеніе русскихъ путешественниковъ, которые, по окончаніи курса леченія, по большей части въ германскихъ курортахъ, отправляются домой и теперь по военному времени арестуются. Среди насъ старые, больные мужчины, много женщинъ, есть беременныя, дѣти, большая часть путеше-

ственниковъ безъ средствъ, всѣ мы подъ усиленнымъ военнымъ конвоемъ доставлены въ Браунсбергъ. Мы глубоко обезпокоены за наше будущее, и я обращаюсь къ вашему величеству, моля принять къ сердцу положеніе несчастныхъ русскихъ путешественниковъ».

Одновременно графиня Канкрина послала телеграмму генералъ-адъютанту императора Вильгельма, графу Дона-фонъ-Шлобитену. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ графиня: «Мы окружены солдатами. Насъ запираютъ въ вагоны III и IV классовъ и такая давка, что пассажиры сидятъ одинъ на другомъ. Двери вагоновъ закрываются. Въ вагонѣ, гдѣ были заперты баронесса Каульбарсъ и двѣ ея дочери—фрейлины Ихъ Величествъ, не было туалета и имъ пришлось просидѣть въ вагонѣ въ теченіе 8 часовъ безвыходно. Я не хочу вамъ всего разсказывать, но представьте себѣ наше шествіе, со стариками, которыхъ солдаты заставляютъ идти пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока они падаютъ въ обморокъ, не выдерживая жары и всего ужаса, и вамъ станетъ ясно, что намъ пришлось пережить» [1]).

Ясно, что подобныя обращенія къ чувству порядочности швабовъ не оказывали никакого вліянія на судьбу заключенныхъ или же приносили имъ очень малое облегченіе. Такъ, намъ разсказывали, что баронесса К., будучи заперта въ

[1]) См. «Новое Время» 4-го августа.

Штетинѣ съ семействомъ въ свиной хлѣвъ, телеграфировала о своемъ плачевномъ положенiи графу Дона-фонъ-Шлобитену. Хотя отвѣта отъ Шлобитена не получилось, но въ доказательство того, что жалоба дошла по назначенiю, баронессѣ былъ доставленъ лишнiй пучокъ соломы, которая была набросана на землю, служа постелью измученнымъ путешественникамъ.

ГЛАВА V.

Нарушеніе законовъ и обычаевъ сухопутной войны.

Съ первыми же шагами нѣмецкихъ армій въ занятыхъ ими непріятельскихъ областяхъ послышались стоны и крики мирнаго населенія, преданнаго «огню и мечу». Увѣренность въ томъ, что современная война ведется лишь противъ непріятельскихъ армій, внушала мирнымъ жителямъ мысль о своей безопасности и удерживала ихъ у родныхъ очаговъ. Но первые раскаты пушекъ показали цивилизованному міру, что всѣ старанія послѣднихъ десятилѣтій, направленныя къ смягченію жестокостей войны, попраны нѣмцами.

Средневѣковымъ ужасомъ повѣяло отъ арміи, передъ доблестью которой еще нѣсколько дней назадъ готовъ былъ преклоняться весь міръ.

А, между тѣмъ, проповѣдь «устрашенія» во время войны всегда процвѣтала въ нѣмецкой арміи.

Въ объясненіяхъ «военныхъ обычаевъ въ сухопутной войнѣ», составленныхъ еще въ 1902 году германскимъ генеральнымъ штабомъ, говорится:

«Хотя война, по современнымъ понятіямъ, ведется главнымъ образомъ между лицами, составляющими враждебныя арміи, тѣмъ не менѣе ни одинъ гражданинъ или житель занятаго непріятелемъ государства не будетъ въ состояніи совершенно избѣгнуть тѣхъ тягостей, стѣсненій, жертвъ и убытковъ, которые являются естественнымъ результатомъ военнаго положенія.

Война, ведущаяся энергично, не можетъ быть направлена исключительно противъ комбатантовъ враждебнаго государства и его укрѣпленныхъ пунктовъ. Напротивъ, она будетъ и должна стремиться также разрушать у непріятеля всѣ какъ духовные, такъ и матеріальные вспомогательные источники къ веденію борьбы [1]). О требованіяхъ гуманности, т.-е. о пощадѣ людей и имуществъ, можетъ быть рѣчь только настолько, насколько это допускаютъ самая природа и цѣль войны» [2]).

Хотя, по ученію германскаго генеральнаго штаба, «смыслъ войны позволяетъ всякому воюю-

[1]) По мнѣнію Мольтке, слѣдуетъ наносить удары всѣмъ вспомогательнымъ источникамъ силы непріятельской страны, какъ-то: финансамъ, желѣзнымъ дорогамъ, продовольственнымъ средствамъ, даже самому престижу правительства.

[2]) См. указ. соч. въ русскомъ изданіи «военно-статистическаго отдѣла главнаго штаба».

щему государству примѣнять всѣ средства, могущія содѣйствовать достиженію цѣли войны», но «въ интересахъ самого воюющаго» изъ «боязни репрессалій», слѣдуетъ сократить «произволъ» и «пользованіе нѣкоторыми средствами ограничить, отъ другихъ же совсѣмъ отказаться».

«Въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ Женевской конвенціи и Брюссельской и Гаагской конференцій» были «попытки воздѣйствовать на развитіе военныхъ обычаевъ въ духѣ, прямо противорѣчащемъ самой природѣ войны и ея конечнымъ цѣлямъ». Въ виду этого германскій генеральный штабъ, усматривая «нѣкоторую опасность того, чтобы офицеръ не пришелъ къ невѣрнымъ взглядамъ на самую сущность войны», издалъ цитируемую нами книгу въ надеждѣ «предохранить его отъ преувеличенно-гуманныхъ взглядовъ и научить понимать, что война безъ нѣкоторыхъ крутыхъ мѣръ обойтись не можетъ, что, напротивъ, часто въ строгомъ примѣненіи этихъ мѣръ и заключается истинная гуманность» и т. д.

Настоящая война показала, что опасенія германскаго генеральнаго штаба за развращающее вліяніе, въ смыслѣ «преувеличенно-гуманныхъ взглядовъ», на офицерство нѣмецкой арміи «духа рыцарства, идей христіанства, поднявшагося уровня образованія» были напрасны. Нѣмецкая армія по способу веденія войны не безъ успѣха можетъ конкурировать съ воинами каннибаловъ.

Требованія Гаагской конвенціи, чтобы войска уважали жизнь и честь обывателей непріятельской

страны, ихъ семейныя и имущественныя права, а также религію и обряды вѣры; чтобы во время военныхъ дѣйствій не употребляли оружія, снарядовъ и веществъ, способныхъ причинить излишнія страданія, не пользовались бы для обмана формой враждующей съ ними арміи; чтобы войска не атаковали, не бомбардировали городовъ, селеній, жилищъ или строеній, не занятыхъ противникомъ или его складами предметовъ, потребныхъ для цѣлей войны; чтобы съ ранеными и больными обращались человѣчно и подбирали бы ихъ безъ различія, къ какой арміи они принадлежатъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, чтобы сражающіяся арміи соблюдали минимальныя требованія, долженствующія приниматься въ расчетъ всякимъ уважающимъ себя воиномъ,—принесены въ жертву «смыслу войны», какъ этотъ смыслъ понимается потерявшими право на человѣческое достоинство руководителями нѣмецкихъ армій.

Жалобы на попраніе нѣмцами законовъ и обычаевъ войны несутся со всѣхъ пунктовъ, куда они вступаютъ, и въ настоящее время получили уже официальныя подтвержденія.

Въ подкрѣпленіе сказаннаго приведемъ слѣдующіе документы:

Парижъ (18/VIII). Агентству Гаваса сообщаютъ: «Правительство Французской республики довело до свѣдѣнія державъ, подписавшихъ Гаагскія конвенціи, о нижеслѣдующихъ нарушеніяхъ германскими военными властями конвенціи, подпи-

санной 5 октября 1907 года германскимъ правительствомъ.

Согласно донесенію главнокомандующаго восточной арміей отъ 28 іюля 1914 г., нѣмцы добили значительное число раненыхъ, стрѣляя въ нихъ въ упоръ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ размѣры ранъ. Другихъ раненыхъ намѣренно топтали и наносили имъ удары каблуками.

Германскіе и баварскіе пѣхотинцы систематически поджигали деревни въ области Барбасъ-Монтиньи-Монтре-Парю, черезъ которыя они проходили, между тѣмъ какъ во время сраженія артиллерійскіе снаряды ни съ той, ни съ другой стороны не могли вызвать пожара. Въ той же мѣстности германцы заставляли жителей итти впереди ихъ развѣдчиковъ. Согласно донесенію отъ 29 іюля 1914 г., германскія войска сжигаютъ деревни, убиваютъ жителей, заставляютъ итти передъ собою женщинъ и дѣтей при выходѣ изъ деревень на поле сраженія; такъ, напримѣръ, во время сраженія 28 іюля у Сельи, добивая раненыхъ, нѣмцы убивали плѣнныхъ. Правительство республики, въ виду подобнаго образа дѣйствій, осуждаемаго всѣмъ міромъ, предоставляетъ всѣмъ цивилизованнымъ державамъ судить объ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя навсегда обезчещиваютъ виновную въ нихъ воюющую сторону». (ПА).

Парижъ, 8 (21), VIII. Правительство республики, полагая, что проявленія жестокости и варварства со стороны нѣмцевъ должны быть без-

отлагательно засвидѣтельствованы, въ нотѣ, обращенной къ державамъ, оповѣщаетъ весь міръ о преступныхъ нарушеніяхъ правъ и обычаевъ войны, которые должны лечь неизгладимымъ пятномъ на допустившую ихъ воюющую сторону.

Вотъ текстъ этого меморандума:

«Правительство Французской республики имѣетъ честь оповѣстить державы, подписавшія Гаагскую конвенцію, о нижеизложенныхъ фактахъ, допущенныхъ германскими властями въ нарушеніе конвенціи, подписанной 18-го октября 1907 года представителями императорскаго германскаго правительства.

Согласно донесенію главнокомандующаго французской арміи отъ 10-го августа 1914 года, германскія войска добивали значительное число французскихъ раненыхъ выстрѣлами въ упоръ, о чемъ свидѣтельствуютъ характеръ и размѣры пораненій. Другіе раненые были умышленно затоптаны конницей или истязались ударами каблуковъ.

Согласно донесенію отъ 10-го августа, баварская пѣхота въ округахъ Барбасъ, Гарбулье, Монтиньи, Монтре (близъ Бельфора) и Парюксъ систематически выжигала деревни, черезъ которыя проходила. Это должно заключить изъ того, что за это время въ этомъ районѣ не было сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны ни одного орудійнаго выстрѣла, который бы могъ вызвать пожаръ. Въ тѣхъ же округахъ баварцы заставляли мѣстныхъ жителей итти впереди непріятельскихъ

развѣдчиковъ, дабы принять на себя первый огонь въ случаѣ столкновенія.

Донесеніе отъ 11-го августа также констатируетъ, что германскія войска сжигаютъ деревни, избиваютъ жителей. Для того, чтобы пройти деревней, впереди отряда ведутъ женщинъ и дѣтей. На поляхъ битвъ они добиваютъ раненыхъ и разстрѣливаютъ плѣнныхъ.

Правительство республики, въ виду наличія подобныхъ дѣяній, противныхъ совѣсти, предоставляетъ цивилизованнымъ государствамъ сдѣлать достойную оцѣнку этимъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя покрываютъ неизгладимымъ позоромъ допускающую ихъ армію» (Петр.).

Парижъ, 8 (21), VIII. Французское правительство обратилось къ державамъ, подписавшимъ Гаагскія конвенціи, съ меморандумомъ, въ которомъ протестуетъ противъ бомбардировки открытаго и незащищеннаго города Понтъ-а-Муссонъ, произведенной безъ предварительнаго увѣдомленія и разрушительное дѣйствіе которой было направлено, главнымъ образомъ, противъ госпиталя и историческихъ памятниковъ. Во время обстрѣла 7 человѣкъ было убито, 8 ранено, притомъ все женщины и дѣти. Бомбардировка, не сопровождавшаяся занятіемъ города, является безцѣльной жестокостью (Петр.).

Парижъ, 8 (21), VIII. Министры военный и внутреннихъ дѣлъ обратились къ префектамъ со слѣдующимъ циркуляромъ:

«Списокъ звѣрствъ и нарушеній права и обычаевъ войны, совершенныхъ нѣмцами, увеличивается съ каждымъ днемъ. Можно прійти къ заключенію, что проявленіе варварства по отношенію къ дѣтямъ, женщинамъ, старцамъ и раненымъ является у нѣмцевъ системой веденія войны.

Правительство республики рѣшило составить полный въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ этихъ злодѣяній, совершенныхъ арміей или даже самимъ населеніемъ страны, которая уже вычеркнута изъ числа цивилизованныхъ. Вамъ предлагается собрать свидѣтельскія показанія всѣхъ лицъ, которыя находились въ Германіи за послѣдній мѣсяцъ, или вблизи ея границы, и которыя подвергались преслѣдованію со стороны населенія Германіи. Вы должны стараться добыть подтвержденія этимъ свидѣтельскимъ показаніямъ. Вы составите, такимъ образомъ, при посредствѣ такихъ показаній и подтвержденій, съ соблюденіемъ законныхъ формальностей, особое досье, въ которомъ должны быть собраны всѣ факты, которые произошли за время отъ 22-го іюля (начало обостренія политическаго положенія) вплоть до 25-го августа. Начиная съ 25-го августа, вы будете представлять правительству списки новыхъ фактовъ того же порядка, въ подтвержденіе которыхъ вы будете собирать справки, заслуживающія довѣрія» (Петр.).

Парижъ, 2 (15), VIII. Бельгійцы образовали особую комиссію, въ составѣ видныхъ юристовъ, которая займется регистраціей всѣхъ правона-

рушеній и жестокостей, допущенныхъ нѣмцами въ настоящей войнѣ.

Докладъ этой комиссіи будетъ представленъ всѣмъ державамъ (Петр.).

Лондонъ, 12 (25) августа (ПА). Бюро печати сообщаетъ: «Бельгійскій посланникъ опубликовалъ сообщеніе, опровергающее обвиненіе нѣмцами гражданскаго населенія Бельгіи въ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Посланникъ въ свою очередь обвиняетъ нѣмцевъ въ звѣрскихъ поступкахъ, совершенныхъ надъ поселянами, женщинами и дѣтьми. Онъ приводитъ неопровержимыя доказательства того, что нѣмцы калѣчатъ и сжигаютъ заживо поселянъ, похищаютъ молодыхъ дѣвушекъ, насилуютъ дѣтей. Онъ разсказываетъ, что, напримѣръ, полковникъ Вандаммъ лежалъ раненый послѣ боя и былъ убитъ германскими пѣхотинцами, стрѣлявшими изъ револьвера ему въ ротъ. Въ другомъ случаѣ германская конница занимала деревню Ленсино и была атакована бельгійской пѣхотой, причемъ одинъ германскій офицеръ былъ убитъ въ бою бельгійскими войсками, а затѣмъ похороненъ по приказанію командовавшаго бельгійскаго офицера.

Ни одинъ мирный житель не участвовалъ въ этомъ бою. Тѣмъ не менѣе въ названную деревню вторглись значительные отряды германской кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты съ пулеметами и артиллерійскимъ огнемъ уничтожили двѣ фермы и шесть находившихся въ отдаленіи домовъ.

Затѣмъ все мужское населеніе было собрано въ одно мѣсто и ему было приказано выдать все имѣющееся оружіе. Однако, несмотря на то, что не было обнаружено огнестрѣльнаго оружія съ признаками недавней стрѣльбы, вторгшіеся германцы разбили поселянъ на три группы, изъ которыхъ одна была связана по рукамъ, причемъ 11 человѣкъ были поставлены въ ровъ, гдѣ ихъ потомъ нашли съ черепами, пробитыми пулями германскихъ ружей. Бельгійскій солдатъ, принадлежащій къ составу батальоновъ велосипедистовъ-карабинеровъ, будучи раненъ и взятъ въ плѣнъ, былъ затѣмъ повѣшенъ. Другой солдатъ, помогавшій раненому товарищу, былъ привязанъ къ телеграфному столбу на дорогѣ въ Сентъ-Дронъ и разстрѣлянъ».

Лондонъ, 12 (25) августа (ПА). Бюро печати опубликовало о германскихъ звѣрствахъ, совершенныхъ въ Бельгіи

Сюда относятся: стрѣльба въ санитаровъ и докторовъ, разстрѣляніе плѣнныхъ и частныхъ лицъ, массовыя казни жителей въ Аршотѣ, сожженіе деревень, стрѣльба въ женщинъ, пользованіе бѣлымъ флагомъ въ качествѣ военной хитрости и т. д.

Бюро печати устанавливаетъ, что эти звѣрства, повидимому, совершались въ деревняхъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ терроризовать народъ. Въ большихъ городахъ, подобно Брюсселю, гдѣ очевидцами являются представители нейтральныхъ державъ, повидимому, не совершено эксцессовъ».

Лондонъ, 15 августа. Бюро печати опубликовало слѣдующее сообщеніе бельгійскаго министерства.

«Во вторникъ бельгійцы разбили германскій корпусъ, который отступилъ въ безпорядкѣ къ Лувену. Германскіе отряды, охранявшіе входъ въ городъ, открыли огонь по своимъ же войскамъ, принявъ ихъ за бельгійцевъ. Впослѣдствіи же германцы стали утверждать, что не ихъ войска, а жители города Лувена стрѣляли въ нѣмцевъ, несмотря на то, что все населеніе было обезоружено уже недѣлю тому назадъ. Не производя никакого разслѣдованія, командующій германскими силами объявилъ, что городъ будетъ немедленно разрушенъ. Жителямъ было приказано покинуть дома. Мужчины были заключены въ тюрьму, а женщины и дѣти увезены неизвѣстно куда. Затѣмъ солдаты подожгли съ разныхъ сторонъ лувенскій соборъ св. Петра; кромѣ того, сожжены университетская библіотека и разныя научныя учрежденія. Нѣсколько гражданъ разстрѣляны. Однимъ словомъ, отъ города въ 45 тысячъ жителей, бывшаго умственнымъ центромъ культурнѣйшей страны съ XV столѣтія, нынѣ осталось одно лишь пепелище (ПА).

Сербскій посланникъ Спалайковичъ получилъ телеграфное сообщеніе отъ министра-президента Пашича, что 8 августа королевскимъ сербскимъ правительствомъ отправлена испанскому посланнику въ Бухарестѣ телеграфная нота слѣдующаго содержанія:

«Австро-Венгерская главная квартира издала приказъ командирамъ частей уничтожать посѣвы, поджигать деревни, убивать и вѣшать попадающихся жителей. Австро-венгерскія войска, при своемъ отступленіи у р. Дрины, произвели ужасныя опустошенія. Наши войска нашли изувѣченными и убитыми австро-венгерскими солдатами жертвы, большая часть которыхъ—старики, женщины и дѣти. Означенныя звѣрства, совершенныя австро-венгерскими войсками, такъ потрясли нашу армію, что весьма трудно будетъ удержать ее отъ мести.

Сообщая о семъ вашему превосходительству, имѣю честь просить васъ довести до свѣдѣнія австро-венгерскаго правительства о всѣхъ этихъ фактахъ, наглядно нарушающихъ право войны, и одновременно сообщить Австро-Венгріи, что и Сербія будетъ принуждена употребить въ видѣ репрессалій всѣ самыя строжайшія мѣры, которыя будутъ ей позволены военнымъ правомъ, послѣ такого звѣрскаго поступка австро-венгерскихъ войскъ».

Эта нота сербскимъ посланникомъ была 9 августа сообщена министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову.

Парижъ, 2 (15) VIII. Международное соціалистическое бюро въ Брюсселѣ рѣшило всѣми доступными средствами довести до свѣдѣнія германскаго и австрійскаго пролетаріата, а также пролетаріата всѣхъ нейтральныхъ странъ о всѣхъ проявленіяхъ дикости со стороны германской

арміи, о добиваніи раненыхъ, о злоупотребленіи бѣлымъ флагомъ, разстрѣлѣ мирнаго населенія, разграбленіи частнаго и общественнаго достоянія, совершенныхъ нѣмецкими солдатами въ Бельгіи, вопреки правиламъ международныхъ Женевской и Гаагской конвенцій.

Раздаются голоса протеста и у насъ. По сообщенію газетъ, вслѣдствіе того, что германскія и австрійскія войска въ сраженіяхъ неоднократно нарушали Женевскую конвенцію, пристрѣливая раненыхъ, безчеловѣчно относясь къ военноплѣннымъ, злоупотребляя парламентерскимъ и флагомъ Краснаго Креста и т. д.,—членъ главнаго управленія россійскаго общества Краснаго Креста, А. И. Гучковъ, сдѣлалъ особое заявленіе въ Красный Крестъ, указавъ на рядъ нарушеній Женевской конвенціи со стороны германской и австрійской армій.

По тѣмъ даннымъ, которыя удалось добыть А. И. Гучкову, случаевъ нарушенія Женевской конвенціи наблюдалось довольно много.

Главное управленіе Краснаго Креста рѣшило зарегистровать подобныя нарушенія и обратиться съ протестомъ по поводу нихъ къ международному комитету Краснаго Креста въ Женевѣ [1]).

[1]) Наша работа была закончена, когда появилось правительственное сообщеніе о нѣмецкихъ звѣрствахъ въ отношеніи русскихъ путешественниковъ. Сообщеніе это приведено у насъ въ началѣ книги.

Укажемъ отдѣльные факты нѣмецкаго звѣрства въ отношеніи противной арміи и ея представителей, а также въ отношеніи мирныхъ гражданъ занятыхъ ими областей:

Парижъ, 31/VII. Комендантъ крѣпости Мезьеръ доноситъ военному министерству:

«Я отправился въ мезьерскій госпиталь, чтобы посѣтить и ободрить раненыхъ. При этомъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ заявилъ мнѣ, что 26-го іюля около 1 ч. 30 м. дня его рота понесла нѣкоторыя потери и должна была отступить, такъ что онъ остался одинъ на полѣ сраженія съ нѣсколькими другими ранеными.

Тутъ онъ увидѣлъ, какъ германскій кавалеристъ приканчивалъ револьверными выстрѣлами раненаго стрѣлка. Самъ офицеръ избѣгъ смерти лишь потому, что притворился мертвымъ. Онъ слышалъ 5 или 6 револьверныхъ выстрѣловъ, но не видѣлъ, въ кого они были направлены.

Другой раненый стрѣлокъ той же роты также слышалъ револьверные выстрѣлы и нѣсколько другихъ стрѣлковъ подтвердили сообщенные факты.

Подобныя проявленія дикости не требуютъ комментаріевъ и должны быть оповѣщены всему міру» (Петр.).

Парижъ, 8 (21), VIII. Доставляемые съ театра военныхъ дѣйствій раненые разсказываютъ о возмутительныхъ проявленіяхъ нѣмецкаго варварства.

Одного гусара, упавшаго съ лошади, нѣмцы привязали къ конскому хвосту и волокли по зем-

лѣ, а потомъ разстрѣляли. Другой французскій драгунъ былъ раненъ въ голову и вышибленъ изъ сѣдла. Когда онъ лежалъ на землѣ, къ нему подскочилъ нѣмецъ, вытащилъ ножъ и отрѣзалъ ему ухо. Приведенный въ себя невыносимой болью, драгунъ поднялся и пронзилъ палача пикой (Петр.).

Парижъ. Нѣмцы продолжаютъ отличаться жестокостью. Въ Вельмѣ, около St.-Trond, они подожгли фермы, взявъ крестьянъ въ видѣ залога, съ намѣреніемъ поставить ихъ передъ собой, если бельгійцы напали бы на нихъ. Убили одного крестьянина въ его домѣ, умертвили пятерыхъ рабочихъ на поляхъ, разстрѣляли двухъ крестьянъ, взятыхъ проводниками.

Бельгійское правительство офиціально сообщитъ нейтральнымъ державамъ о варварскихъ поступкахъ нѣмцевъ и о злоупотребленіи бѣлымъ флагомъ. Они убиваютъ плѣнныхъ, раненыхъ и производятъ грабежи.

Парижъ, 2 (15), VIII. Въ одномъ изъ столкновеній подъ Льежомъ нѣмецкіе солдаты убили бельгійскаго врача, который оказывалъ помощь раненымъ.

Были также неоднократные случаи стрѣльбы по повозкамъ Краснаго Креста (Петр.).

Лондонъ, 1 (14) августа. (Соб. кор. ПА). Велосипедисты-стрѣлки доносятъ, что нѣмцы убиваютъ плѣнныхъ.

Таурогенъ, 2, VIII. Установлено, что германцы пристрѣлили попавшагося въ засаду и раненаго дозорнаго пограничника Геннадія Туркина.

Это второй случай разстрѣливанія русскаго раненаго солдата.

Корреспондентъ «Петербургскаго Курьера» сообщаетъ изъ Риги слѣдующее:

«Изъ разсказа раненаго корнета М., лежащаго тутъ въ госпиталѣ, я узнаю, что германцы добивали нашихъ солдатъ, раненыхъ даже легко, нѣсколькими выстрѣлами въ голову» (6/VII).

Парижъ, 9 августа. Французское правительство обратилось съ протестомъ къ державамъ, подписавшимъ Гаагскую конвенцію, противъ употребленія нѣмцами пуль думъ-думъ. Французское правительство напоминаетъ, что Германія подписала соотвѣтствующую декларацію въ Гаагѣ, воспрещающую употребленіе разрывныхъ пуль. (Аг. Гаваса).

Въ объявленіи Верховнаго Главнокомандующаго галицко-польскія сокольскія дружины предваряются, что, въ виду употребленія ими разрывныхъ пуль, они лишены правъ воюющей стороны.

По объявленію нашего генеральнаго штаба (8/VIII), въ бою у Сокаля, среди пуль, коими стрѣлялъ противникъ, обнаружены разрывныя, образчики коихъ имѣются.

Варшавскій корреспондентъ «Новаго Времени» говоритъ:

«Варварству пруссаковъ нѣтъ предѣловъ. Солдаты, бывшіе въ плѣну, но затѣмъ отбитые, разсказываютъ, что раненыхъ пытали, добивались узнать расположеніе нашихъ войскъ. Когда тѣ отвѣчали незнаніемъ, то били ихъ прикла-

дами, хладнокровно разстрѣливали, отмѣривая шаги.

Одинъ изъ офицеровъ далъ мнѣ патронъ съ пулей «думъ-думъ». Высылаю его въ Петроградъ. Пусть всѣ видятъ и знаютъ, какъ варварски ведутъ войну войска императора Вильгельма». (15/VIII).

Тотъ же корреспондентъ дальше пишетъ: «Когда казаки попадутся нѣмцамъ, то приходится плохо. Рѣжутъ руки, уши и всячески издѣваются».

«Бирж. Вѣд.» сообщаютъ:

«Одинъ изъ раненыхъ русскихъ офицеровъ разсказываетъ, что онъ былъ очевидцемъ слѣдующей ужасной сцены въ Восточной Пруссіи.

Во время боя нашъ офицеръ былъ раненъ и, лишившись сознанія, остался на полѣ сраженія. Вскорѣ, придя въ себя, онъ увидѣлъ, что «нѣсколько германскихъ офицеровъ расхаживали по полю сраженія и тщательно разыскивали раненыхъ. Замѣтивъ ихъ, офицеры подходили къ раненымъ и, перевертывая погоны, отыскивали офицеровъ.

Какъ только нѣмцы находили русскаго раненаго офицера, они пристрѣливали его изъ револьвера».

Очевидцу этой ужасной картины пришлось притвориться мертвымъ, и этимъ путемъ онъ избѣжалъ омерзительной расправы.

По словамъ сотрудника «Нов. Вр.», одинъ раненый, пробывшій въ германскомъ плѣну полчаса времени, разсказалъ слѣдующее:

«Раненаго меня взяли въ плѣнъ... Спрашиваютъ, гдѣ расположены наши войска... Что я имъ могу сказать... Говорю, не знаю... Хватили прикладомъ сперва въ грудь, потомъ въ спину... Повалился на землю... Кое-какъ собрался съ силами, поползъ къ дереву... Притаился, стою, жду. Подходитъ прусскій офицеръ, спокойно отсчиталъ отъ меня пять шаговъ и стрѣляетъ въ грудь... А рядомъ расправлялись съ нашимъ офицеромъ... То же пытали о расположеніи войска, а когда не сказалъ, схватили на штыки, подбросили и въ мертвое тѣло дали залпъ... Дальше ничего не помню... Очнулся у своихъ... Казаки отбили, дай имъ Богъ здоровья!» [1]).

«Утро Россіи» передаетъ, «что особымъ приказомъ по дѣйствующей арміи запрещено пользоваться захваченнымъ непріятельскимъ фуражомъ. Приказъ этотъ въ компетентныхъ кругахъ объясняется тѣмъ, что нѣмцы кладутъ въ оставляемый фуражъ ядъ. Въ Эйдкуненѣ въ фуражѣ былъ обнаруженъ стрихнинъ. Въ Эйдкуненѣ оказались отравленными также вода и остатки пищи» (17/VIII).

По словамъ депутата Маркова 1-го съ нимъ изъ Шпандау въ Данцигъ «ѣхалъ молодой русскій офицеръ, штабсъ-капитанъ, кажется полякъ. Нѣмцы схватили его и такъ скрутили ему назадъ руки, что локти сошлись у него за спиной. Его куда-то

[1]) См. «Нов. Вр». 22 августа.

отвели, предупредивъ, что разстрѣляютъ» («Бирж. Вѣд.» 1/VIII).

По сообщенію екатеринославскаго купца М. И. Эль, съ нимъ «въ одномъ вагонѣ ѣхалъ русскій офицеръ, фамиліи котораго мнѣ такъ и не удалось узнать,—говоритъ г. Эль.—Мы обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими фразами на русскомъ языкѣ, и этого, повидимому, было достаточно, чтобы въ вагонъ на ближайшей же остановкѣ явились жандармы и потребовали у насъ паспорта.

Повидимому, документъ, предъявленный русскимъ офицеромъ, не удовлетворилъ жандармовъ; моего соотечественника арестовали и, по выходѣ изъ вагона, тутъ же на глазахъ удивленно смотрѣвшей въ окна вагоновъ публики заковали въ ручные и ножные кандалы. Куда его послѣ дѣли, мнѣ неизвѣстно». («Петр. Кур.» 1/VIII).

Парижъ (9/VII). Въ Клермонъ-Ферранѣ арестованы 83 нѣмца, захваченныхъ въ окрестностяхъ Мюльгаузена во время первыхъ сраженій. Ихъ будутъ судить военно-полевымъ судомъ, такъ какъ они грабили мертвыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія (Петр.).

Спеціальный комитетъ, организованный въ Бельгіи для установленія фактовъ нарушенія нѣмцами международнаго права и обычаевъ войны, сообщаетъ:

«Въ ночь на 6-е августа около 100 нѣмецкихъ солдатъ, подойдя на 175 метровъ къ нашимъ траншеямъ, побросавъ оружіе, подняли руки вверхъ и выставили бѣлый флагъ. Командовавшій бельгій-

скимъ отрядомъ приказалъ прекратить огонь и отправился къ нимъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ. Не успѣлъ онъ подойти на 100 метровъ, какъ его поразила пуля».

Въ Парижъ доставлено 70 нѣмецкихъ солдатъ, обвиняемыхъ въ мародерствѣ. Со знакомъ Краснаго Креста на рукавахъ, они грабили раненыхъ на полѣ сраженія («Р. Сл.» 8/VIII).

Въ Калишѣ, г-жа Френкель, найдя среди убитыхъ трупъ своего мужа, замѣтила, что мизинецъ лѣвой руки, на которомъ убитый носилъ кольцо съ крупнымъ брилліантомъ, былъ отрубленъ («Веч. Вр.» 5/VIII).

Варшава. Мѣстныя газеты подчеркиваютъ, что германцы прибѣгаютъ ко всякимъ средствамъ, чтобы увеличить свою армію. Они требуютъ, чтобы русскіе запасные вступали въ нѣмецкія войска, забираютъ насильно польскую молодежь въ качествѣ «охотниковъ» и распространяютъ объявленія въ родѣ нижеслѣдующаго:

«Объявленіе.

«Прусскія военныя власти объявляютъ:

«Каждый резервистъ, который пойдетъ на мобилизацію русскаго войска и будетъ встрѣченъ на дорогѣ къ сборному пункту, тотчасъ же будетъ разстрѣлянъ на основаніи полевого суда.

Торнскій губернаторъ».

(«Гол. М.» 4/VIII).

Парижъ, 5/VII. Префектъ департамента Мертъ-и-Мозель сообщаетъ министру внутреннихъ дѣлъ: «Нѣмцы совершаютъ повсюду акты возмутительныхъ жестокостей. Въ окрестностяхъ Бановиль, Сирей и Бламонъ нѣмцы разстрѣляли много стариковъ, дѣвушекъ и дѣтей. Непріятель систематически поджигаетъ селенія и совершаетъ грабежи. Въ городѣ Баденвилье солдаты убили одиннадцать человѣкъ, между ними жену мэра. Городъ подвергся обстрѣлу, 78 домовъ были облиты керосиномъ и сожжены. Церковь разрушена орудійнымъ огнемъ. Нѣмцы увели 15 заложниковъ. Въ городѣ Бремениль нѣмцы убили пять мирныхъ жителей, между ними 74-хъ-лѣтняго старика. Особенно возмутительнымъ актомъ жестокости было сожженіе дома, въ которомъ находился тяжелобольной и его престарѣлая мать» (А. Гаваса).

Парижъ, 6/VIII. Среди писемъ, найденныхъ у нѣмецкихъ солдатъ, съ безусловной точностью установлено, что сжиганіе деревень и убійство жителей является мѣрой общаго характера и что жители сожженныхъ деревень не произвели ни одного ружейнаго выстрѣла и, наконецъ, что приказъ о разстрѣлѣ преподанъ высшимъ начальствомъ (ПА).

Копенгагенъ, 6/VIII. Агенство Вольфа сообщаетъ изъ Берлина, что германскимъ войскамъ отданъ приказъ разстрѣливать всякаго домовладѣльца Эльзасъ-Лотарингіи, который предоставитъ убѣжище въ своемъ домѣ французскимъ воинамъ, одѣтымъ въ форму или же въ штатское

платье. Той же участи подвергнутся домовладѣльцы, которые утаятъ о присутствіи или о приближеніи такихъ лицъ (ПА).

Парижъ. «Humanité» сообщаетъ, что германскія войска, вошедшія въ Варжасъ, маленькій городокъ близъ Вервье, заставляли жителей вооружаться и стрѣлять въ бельгійскія войска, приговоривъ къ разстрѣлу бургомистровъ. Одинъ почтенный старикъ пытался вступить въ переговоры съ нѣмцами, но ему отвѣтили: «Такъ какъ вы пытаетесь защищать приговоренныхъ, то будете также разстрѣляны». Одинъ изъ бургомистровъ принужденъ былъ собрать все населеніе городка на площади для присутствованія при казни, но самъ онъ немедленно убѣжалъ на голландскую границу.

Въ маленькомъ мѣстечкѣ Берно, около Родо, нѣмцы разстрѣляли священника и 30 крестьянъ (31/VII).

Копенгагенъ. Звѣрства нѣмцевъ въ Эльзасѣ продолжаются. Они разстрѣляли слѣпого епископа Каннегизера, автора многихъ выдающихся сочиненій по исторіи церкви (Петр. 9/VIII).

Копенгагенъ (число не указано) (ПА). «Агентство Рицау» опубликовало полученный отъ здѣшняго французскаго посланника отчетъ о жестокостяхъ, совершенныхъ германскими войсками надъ сельскимъ населеніемъ при отступленіи изъ французской Лотарингіи.

Парижъ. Каждый день приноситъ новости о невѣроятныхъ жестокостяхъ нѣмцевъ. Они сжи-

гаютъ до тла бельгійскія деревни. Нѣмцы подожгли пограничную французскую деревню Афлевилль въ то время, когда поселяне были въ церкви.

Нѣмцы угрожаютъ разстрѣломъ бельгійскимъ крестьянамъ, если тѣ не пожелаютъ стрѣлять въ своихъ («Веч. Вр.» 30/VII).

Парижъ. Изъ Брюсселя телеграфируютъ, что въ неукрѣпленныхъ городахъ, какъ: Вервье, Визе, Варсажъ, нѣмцы заключили въ тюрьму представителей всѣхъ гражданскихъ властей. Они также разстрѣляли множество гражданъ, чтобы распространить панику въ бельгійской арміи, какъ это было въ 1870 году («Веч. Вр.» 30/VII).

Парижъ, 8 (21) VIII. Изъ Бельгіи сообщаютъ:

Въ Бирваертѣ нѣмцы перебили дѣтей и дѣвушекъ, смѣявшихся, когда нѣмецкія войска проходили по деревнѣ.

Въ Овергеспенѣ одного фермера нѣмцы сожгли со всѣми домашними на его фермѣ.

Въ Вальсбетцѣ четверо крестьянъ разстрѣляны.

Жители Линсмо были буквально изрублены, послѣ чего ихъ тѣла были обернуты въ солому и зажжены, какъ факелы.

Деревня Цехленъ сожжена.

Беззащитныхъ невооруженныхъ поселянъ привязывали къ деревьямъ и разстрѣливали (Петр.).

Парижъ, 8 (21), VIII. Бельгійцы, бѣжавшіе изъ района военныхъ дѣйствій въ Гентъ, разсказываютъ о звѣрствахъ, творимыхъ нѣмцами.

Были случаи, когда нѣмцы, поджигая дома, бросали въ огонь маленькихъ дѣтей (Петр.).

Парижъ, 31/VII. Агентство Гаваса сообщаетъ: «Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ за эту недѣлю нѣмцы прибѣгали къ варварскимъ пріемамъ, разстрѣливали заложниковъ, производили всяческія насилія, поджоги; разстрѣляли старшину мѣстечка Иньэ, поставивъ ему въ вину то, что населеніе мѣстечка способствовало побѣгу военноплѣннаго.

Амстердамъ, 9 (22) августа (ПА). Корреспондентъ «Роттердамше Курантъ» сообщаетъ, со словъ бѣглецовъ, прибывшихъ изъ Льежа, что нѣмцы возложили на провинцію Льежъ военную контрибуцію въ 50 милліоновъ франковъ.

Лондонъ, 9 (22) августа (ПА). Бюро печати сообщаетъ, что нѣмцы обложили Брюссель военной контрибуціей въ 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или въ 200 милліоновъ франковъ.

Въ Вержболовѣ нѣмцы разграбили церковь (Петр. 9/VIII).

Рига. При бомбардировкѣ Либавы 20 іюля въ портъ и городъ брошено было до 300 снарядовъ. Надъ госпитальными зданіями развѣвались шесть флаговъ Краснаго Креста; въ госпиталѣ лежали больные; въ него брошено 86 снарядовъ. Послѣ бомбардировки порта германцы перемѣнили прицѣлъ и дали десятокъ выстрѣловъ по публикѣ, собравшейся на пляжѣ на гуляньи, въ трехъ верстахъ въ сторонѣ отъ порта («Нов. Вр.» 8/VIII).

Приведенная нами хроника германскихъ звѣрствъ на театрѣ военныхъ дѣйствій показываетъ, какъ мало рыцарскаго благородства въ нѣмецкихъ офицерахъ и солдатахъ. Они не достойны носить

высокое званіе «воина», такъ какъ усвоили себѣ всѣ варварскія свойства мародеровъ временъ тридцатилѣтней войны.

Но какъ чутки нѣмцы къ международнымъ гарантіямъ, разъ дѣло касается ихъ. По сообщенію газетъ, германское правительство заявило протестъ Китаю по поводу нарушенія его нейтралитета союзными войсками. Даже китайское правительство было удивлено наглой глупостью Германіи, систематически передъ тѣмъ нарушавшей нейтралитетъ и Бельгіи, и Люксембурга, и Японіи, и самого Китая. Очевидно, нѣмцы понимаютъ только языкъ репрессалій.

ГЛАВА VI.

Нѣмцы въ Калишѣ.

Пребываніе нѣмцевъ въ Калишѣ и Ченстоховѣ представляется какимъ-то кошмаромъ, напоминающимъ варварскія времена гунновъ.

Въ поступкахъ нѣмецкихъ офицеровъ нельзя найти не только и тѣни благородства уважающихъ себя людей, но даже зачатковъ здраваго смысла. Всѣ ихъ звѣрства въ этихъ городахъ напоминаютъ «пиръ во время чумы». Кажется, что люди отчаялись въ успѣхѣ своего дѣла, чуютъ неизбѣжную близость своей гибели и въ припадкѣ безумнаго страха спѣшатъ утолить животныя наклонности.

Постыдные подвиги нѣмцевъ въ Калишѣ получили довольно подробное освѣщеніе, и мы изъ накопившагося обширнаго матеріала выбрали лишь тѣ повѣствованія, которыя казались намъ наиболѣе спокойными, а потому и болѣе правдоподобными.

Сообщеніе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба.

2-го августа о нѣмецкихъ звѣрствахъ въ Калишѣ главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало приводимое нами сообщеніе:

«Изъ безупречныхъ источниковъ передаютъ слѣдующія подробности о пребываніи въ Калишѣ германскихъ войскъ.

Изъ разспросовъ покинувшихъ городъ Калишъ жителей выяснилось, что 20-го іюля туда прибыли германскія войска, въ количествѣ двухъ полковъ пѣхоты, одного полка кавалеріи и двухъ батарей. Они предупредили жителей не волноваться, а продолжать свои обычныя занятія. Комендантомъ города былъ назначенъ генералъ Прейскеръ, имѣющій на погонахъ, какъ и другіе офицеры и нижніе чины, 11—155.

22-го числа, получивъ извѣстіе, что прусскій разъѣздъ встрѣтился на Турекскомъ шоссе съ нашимъ и имѣлъ съ нимъ перестрѣлку, генералъ Прейскеръ сейчасъ же вывелъ находившихся въ городѣ солдатъ, отошелъ къ станціи Щипіорно, вызвалъ батарею на позиціи на возвышеніе около станціи Калишъ, откуда артиллерія стала бомбардировать городъ съ шести часовъ до семи часовъ вечера. Затѣмъ городъ былъ оцѣпленъ, чтобы никто не могъ выйти, и были введены слѣдующія репрессіи.

Мѣстнымъ жителямъ было предложено освободить всѣ комнаты своихъ квартиръ для постоя, за исключеніемъ одной, которую хозяева могли

оставить для себя. Кромѣ того, хозяевамъ было приказано кормить постояльцевъ, а затѣмъ послѣдовало распоряженіе всѣмъ поставлять ежедневно къ магистрату 1,800 фунтовъ ветчины. Когда одинъ изъ мясниковъ, доставивъ все имѣвшееся у него количество ветчины, заявилъ, что больше не имѣетъ, въ виду отсутствія подвоза, то тутъ же былъ разстрѣлянъ...

Когда президентъ города Буковинскій, собравъ съ населенія по приказу генерала Прейскера 50 тысячъ рублей, вручилъ ихъ нѣмцамъ, то былъ тотчасъ же сбитъ съ ногъ, подвергнутъ побоямъ ногами и истязанію, послѣ чего лишился чувствъ. Когда же одинъ изъ сторожей магистрата подложилъ ему подъ голову свое пальто, то былъ разстрѣлянъ тутъ же, у стѣны.

Губернскій казначей Соколовъ былъ подвергнутъ разстрѣлу послѣ того, какъ на вопросъ—гдѣ деньги,—отвѣтилъ, что уничтожилъ ихъ по приказанію министра финансовъ, въ удостовѣреніе чего показалъ телеграмму.

Стражникъ Лясота, появившійся на улицахъ съ шашкой, былъ убитъ. Возвращавшіеся изъ города Ласка запасные въ большомъ количествѣ были также убиты.

Увезены изъ города Калиша неизвѣстно куда слѣдующія лица: начальникъ уѣзда Васильевъ, священникъ Семеновскій, нѣсколько ксендзовъ, раввинъ, предсѣдатель окружнаго суда Зеландъ, начальникъ тюрьмы Жарицкій и помѣщикъ Дейчманъ.

Тюрьма закрыта и арестанты два дня не получали пищи.

Рафаилъ Френкель въ видѣ выкупа далъ чекъ на 500 тысячъ рублей, хранящихся въ прусскомъ банкѣ, и 20 тысячъ наличныхъ, но несмотря на это былъ взятъ пруссаками. По дорогѣ на вокзалъ онъ скончался отъ паралича сердца.

Среди убитыхъ видѣли секретаря магистрата Подгулинскаго и двухъ объѣздчиковъ стражи.

Трупы лежатъ неубранными на улицахъ и въ канавахъ. Ночью въ домахъ приказано держать свѣтъ въ окнахъ, а за нарушеніе каждаго постановленія генерала Прейскера приказано разстрѣливать десятаго. Населеніе въ паникѣ разбѣгается. Крестьяне-поляки оказываютъ полное содѣйствіе бѣгущимъ жителямъ, снабжая ихъ не только своей одеждой, но и безвозмездно предоставляя подводы».

Дополнимъ этотъ безстрастный протоколъ живыми словами жителей бѣднаго Калиша.

Донесеніе начальника калишской учебной инспекціи статскаго совѣтника Ф. И. Малеванскаго [1]).

Исполняющій обязанности начальника Калишской учебной дирекціи статскій совѣтникъ Ф. И. Малеванскій представилъ попечителю варшавскаго учебнаго округа докладную записку, въ которой сообщаетъ слѣдующее:

---

[1]) Свѣдѣнія эти въ наше распоряженіе любезно предоставлены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

«По объявленіи 18-го іюля мобилизаціи, я, исполняя обязанности начальника Калишской учебной дирекціи, считалъ необходимымъ оставаться въ городѣ Калишѣ въ томъ убѣжденіи, что и въ случаѣ вступленія въ городъ нѣмецкихъ войскъ я, какъ мирный гражданинъ, не подвергаю опасности жизнь свою и членовъ своей семьи (жена и пятеро дѣтей). 19-го іюля замѣтно было повышенное настроеніе жителей, всѣ были въ тревожномъ ожиданіи вступленія нѣмецкихъ войскъ въ городъ Калишъ.

Въ воскресенье, 20-го іюля, въ два часа дня явились нѣмецкій офицеръ и нѣсколько солдатъ, которые были встрѣчены президентомъ города; къ вечеру того же дня вступилъ въ городъ Калишъ нѣмецкій отрядъ, состоящій изъ нѣсколькихъ офицеровъ и 4—5-ти сотенъ солдатъ.

Въ понедѣльникъ, 21-го іюля, за подписью коменданта майора Прейскера, были расклеены по городу объявленія на трехъ языкахъ: русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ. Въ этихъ объявленіяхъ Прейскеръ гарантировалъ неприкосновенность жизни и имущества жителей, при сохраненіи ими спокойствія и порядка, въ противномъ случаѣ грозилъ разстрѣляніемъ. Понедѣльникъ прошелъ спокойно до вечера, но въ 11 час. 15 мин. ночи неожиданно послышалась учащенная ружейная стрѣльба, вскорѣ затѣмъ стихшая.

Во вторникъ, 2-го іюля, утромъ появились на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за подписью Прейскера, объявленія, въ которыхъ онъ заявлялъ,

что въ прошлую ночь въ нѣмецкія войска стрѣляли изъ магистрата и нѣкоторыхъ улицъ, въ виду чего городъ долженъ уплатить ему, Прейскеру, 50 тысячъ рублей до 5 часовъ дня; въ случаѣ неисполненія этого приказанія до указаннаго времени, городъ будетъ бомбардированъ, причемъ въ случаѣ повторенія стрѣльбы въ нѣмецкій отрядъ, каждый десятый житель города Калиша будетъ разстрѣлянъ. 50 тысячъ рублей были немедленно переданы магистратомъ города коменданту, который между прочимъ захватилъ тогда же 29 тысячъ рублей, остававшихся еще въ городской кассѣ, уже безъ всякихъ объясненій. Въ тотъ же день, 22-го іюля, комендантъ потребовалъ къ себѣ настоятеля православнаго собора протоіерея Н. Семеновскаго, предсѣдателя окружнаго суда г. Зеланда, президента города г. Буковинскаго и нѣсколькихъ крупныхъ фабрикантовъ и немедленно всѣхъ отправилъ въ Германію въ видѣ заложниковъ.

Послѣ ночной стрѣльбы на площади, около магистрата и на прилегающихъ къ площади улицахъ оказалось много убитыхъ жителей и нѣсколько убитыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Между прочимъ, въ городѣ упорно циркулировали слухи, что нѣмецкіе солдаты убиты нѣмецкими пулями; слухи эти, говорили, исходятъ отъ Калишскихъ врачей, осматривавшихъ убитыхъ и пользовавшихъ раненыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Трупы убитыхъ жителей лежали на площадяхъ и улицахъ; въ городѣ наступила полнѣйшая паника: магазины были закрыты, на улицахъ рѣдко можно

было увидѣть проходящаго человѣка; по городу ходили нѣмецкіе патрули и обыскивали каждаго; городъ замеръ.

Во вторникъ и среду (22-го и 23-го іюля) часто слышалась ружейная стрѣльба,—это нѣмецкіе патрули разстрѣливали мирныхъ и беззащитныхъ жителей, которые въ силу крайней необходимости выходили изъ домовъ за провизіей. Дома, особенно центральныхъ улицъ, совершенно изрѣшетены пулями, окна выбиты, весь городъ положительно усѣянъ гильзами отъ выстрѣленныхъ патроновъ.

24-го іюля (четвергъ) по городу были расклеены объявленія коменданта,—Прейскеръ увѣрялъ жителей, что «волосъ съ головы ихъ не упадетъ», если они сохранятъ спокойствіе и порядокъ, въ противномъ случаѣ городъ будетъ бомбардированъ. Это объявленіе послѣ безумнаго разстрѣла въ теченіе двухъ предыдущихъ дней мирнаго населенія города было, разумѣется, наглымъ издѣвательствомъ коменданта надъ беззащитностью жителей. Между прочимъ, въ томъ же объявленіи (отъ 24-го іюля) было приказано съ наступленіемъ сумерокъ освѣщать всѣ окна, выходящія на улицу, въ продолженіе всей ночи. Цѣль этого приказанія вскорѣ опредѣлилась: ночью началась бомбардировка города изъ пушекъ, расположенныхъ въ разстояніи 3-хъ верстъ, у сгорѣвшаго зданія желѣзнодорожной станціи Калишъ. Въ пятницу (25-го іюля) нѣсколько разъ была ружейная и орудійная стрѣльба.

Въ 8 часовъ вечера въ пятницу (25-го іюля) началась систематическая бомбардировка города и продолжалась съ небольшими перерывами до 5-ти часовъ утра; надъ городомъ стояло большое зарево пожара: горѣлъ магистратъ и другія зданія въ центральной части города. Въ пятницу же явился приказъ коменданта представить списки всѣхъ оставшихся въ домахъ жителей, а въ субботу (26-го іюля) нѣмецкіе солдаты хватали всѣхъ мужчинъ на улицахъ и въ домахъ и отправляли къ мѣсту расположенія нѣмецкихъ пушекъ, у сгорѣвшаго вокзала.

Всѣ эти полныя смертнаго ужаса дни и ночи я проводилъ съ своей семьей почти безъ пищи въ погребѣ, гдѣ ежеминутно ждалъ смерти своей или членовъ своей семьи. Ужасный ревъ орудій, видъ убитыхъ, лежавшихъ на улицахъ и площадяхъ города, паническое бѣгство обезумѣвшихъ отъ страха жителей, смертный ужасъ на лицахъ жены и дѣтей создавали невыносимое психическое состояніе.

Опасаясь ежеминутно быть захваченнымъ нѣмецкими солдатами, я рѣшилъ въ субботу (26-го) въ 10 часовъ утра бѣжать, оставивъ на произволъ судьбы все свое имущество. Я, больная жена, пять дѣтей и жившій въ сосѣдствѣ со мной учитель мужской гимназіи г. Барановскій, вышли изъ дома послѣдними, всѣ жильцы уже разбѣжались. Шелъ проливной дождь. Шли подъ страхомъ встрѣчи съ нѣмецкими патрулями, переступая черезъ трупы убитыхъ, лежавшихъ на улицахъ,

и благополучно вышли изъ объятаго со всѣхъ сторонъ пожаромъ города Калиша на шоссе, въ сторону, противоположную расположенію нѣмецкаго отряда. Переходя изъ одной деревни въ другую, а, гдѣ возможно, нанимая лошадей, благополучно избѣжавъ встрѣчи съ нѣмецкими патрулями, 31-го іюля (четвергъ) я достигъ со своей семьей и учителемъ г. Барановскимъ желѣзнодорожной станціи Ловичъ, откуда по желѣзной дорогѣ прибылъ того же числа ночью въ гор. Варшаву».

Разсказъ г. Л. К—ва[1].

Въ «Новомъ Времени» очевидецъ «прусской гнусности», г. Л. К—въ, въ слѣдующихъ краскахъ описываетъ пребываніе нѣмцевъ въ Калишѣ:

«Нѣмцы вошли въ Калишъ на другой день послѣ объявленія войны, т. е. 20-го іюля къ вечеру. Въ городѣ появился батальонъ прусской пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Сейчасъ же началась жестокая реквизиція. Солдаты были расквартированы. Дѣлалось это съ особливой прусской грубостью. Такъ, напримѣръ, у владѣльца книжнаго магазина Михели изъ четырехъ комнатъ квартиры три были отданы подъ постой пруссаковъ. Въ этихъ трехъ комнатахъ поселилось 12 солдатъ. Въ понедѣльникъ все шло сравнительно благополучно. По утрамъ расквар-

[1]) См. «Нов. Вр.» 29 іюля.

тированные солдаты встрѣчали своихъ хозяевъ словами: «Gut Morgen», а вечеромъ, уходя спать, прощались привѣтствіемъ: «Gute Nacht». Мѣстнымъ стражникамъ пруссаки предписали оставаться въ формѣ и нести полицейскую службу, какъ раньше.

Но потомъ все круто измѣнилось. Дѣло въ томъ, что прусскіе кавалерійскіе патрули ушли изъ Калиша къ сѣверо-востоку на развѣдки. Тамъ они столкнулись съ русскими кавалеристами и въ стычкѣ потерпѣли полное пораженіе. Когда оставшіеся въ Калишѣ пруссаки объ этомъ узнали, началась месть,—озлобленная, дикая и подлая. Прежде всего къ начальнику прусскаго отряда былъ потребованъ президентъ города Буковинскій. Съ него потребовали денегъ въ видѣ контрибуціи съ города. Буковинскій заявилъ, что у него никакихъ денегъ нѣтъ. Тогда прусскій полковникъ позвалъ солдатъ и приказалъ его бить. Несчастнаго избили до полусмерти и выбросили окровавленнаго на улицу. Курьеръ магистрата, увидѣвъ Буковинскаго полумертвымъ, вынесъ на улицу подушку и матрацъ и положилъ раненаго. Пруссаки схватили его, отвели къ ближайшему забору и разстрѣляли.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ дикихъ экзекуцій надъ мирными обывателями. Къ прусскому полковнику привели управляющаго казначействомъ Соколова.

— Принесите сейчасъ всю наличность казначейства,—приказалъ пруссакъ.

— У меня никакой наличности нѣтъ,—отвѣчалъ Соколовъ.

— Принесите книги.

Осмотрѣли книги, изъ которыхъ выяснилось, что въ казначействѣ должно находиться 200,000 р.

— Гдѣ деньги?—закричалъ полковникъ.

— Вотъ телеграмма,—сказалъ Соколовъ,—которой мнѣ предписано сжечь всю наличность.

— Вы сожгли?

— Сжегъ.

— Разстрѣлять!—закричалъ пруссакъ.

Соколова тутъ же на улицѣ разстрѣляли.

Затѣмъ привели трехъ стражниковъ, которые стояли неподалеку.

Всѣ они были въ формѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.

— Почему вы въ формѣ?—спросилъ полковникъ.

— По вашему предписанію,—отвѣчали они.

— Разстрѣлять всѣхъ троихъ.

Стражниковъ тутъ же прикончили.

Далѣе началась полная вакханалія. Хватали мирныхъ, преимущественно богатыхъ обывателей и объявляли ихъ заложниками. Первыми были захвачены обыватели съ нѣмецкими фамиліями—три богатыхъ фабриканта: Френкель, Дейчманъ и Миллеръ. Френкель отъ жестокаго обращенія съ нимъ умеръ. Двое другихъ были заперты въ погребѣ. Наконецъ, схватили предсѣдателя окружнаго суда Зеланда. Трупъ Френкеля запретили хоронить...

Во вторникъ, предъ уходомъ изъ Калиша, нѣмцы дошли до невѣроятнаго варварства. Солдаты ходили по улицамъ и пачками стрѣляли въ населеніе. Перебили много народа. Наконецъ, къ ночи пруссаки ушли и обыватели вздохнули съ облегченіемъ».

Разсказъ жены столоначальника Калишской Судебной палаты Н. Ф. Кутуковой [1]).

Супруга столоначальника Калишской судебной палаты Н. Ф. Кутукова передаетъ слѣдующія подробности про кровавые дни въ Калишѣ:

«Въ ночь на 20-е іюля,—разсказываетъ г-жа Кутукова,—мы узнали объ объявленіи Германіей войны Россіи. Настроеніе стало тревожное. Въ эту ночь мы не спали.

Мужъ мой, Александръ Леонидовичъ Кутуковъ, какъ прапорщикъ запаса, немедленно выѣхалъ изъ города въ полкъ, указанный ему воинскимъ начальникомъ. Съ этого момента я своего мужа больше не видала.

Въ часъ ночи на 20-е мы услышали приближающійся топотъ лошадей и одиночные выстрѣлы.

Затѣмъ раздался грохотъ взрыва.

Черезъ нѣсколько минутъ къ городу прискакалъ германскій отрядъ съ зажженными факелами.

Нѣмцы проѣхали по встревоженнымъ улицамъ Калиша. Убѣдившись, что войска нѣтъ, и со

---

[1]) См. «Рус. Сл.» отъ 3 августа.

стороны мирныхъ жителей нельзя ожидать сопротивленія, враги ускакали обратно.

Черезъ три часа, т. е. въ 4 часа утра на воскресенье, нѣмецкія войска вошли въ городъ.

Началась экзекуція.

Нѣмцы потребовали выдачи всѣхъ денегъ, имѣвшихся, по ихъ свѣдѣніямъ, въ казенныхъ учрежденіяхъ.

Первой жертвой сталъ казначей Соколовъ, разстрѣлянный, какъ извѣстно, послѣ того, какъ онъ заявилъ, что бумажныя деньги онъ, по распоряженію начальства, сжегъ.

Соколова и еще трехъ лицъ разстрѣляли въ зданіи ратуши.

— Два дня спустя,—продолжала г-жа Кутукова,—я видѣла у ратуши четыре валяющихся трупа. Лица ихъ почернѣли.

У одного изъ разстрѣлянныхъ снесенъ черепъ. У другого вывалился мозгъ.

Первое время въ городѣ было тихо. Нѣмцы подыскивали себѣ помѣщенія.

Вечеромъ въ нѣмецкихъ солдатъ кто-то бросилъ камнемъ. Кто это сдѣлалъ,—установить не удалось, да и разслѣдованія нѣмцы не производили, а немедленно походнымъ маршемъ выступили изъ города.

Но тутъ-то и началось самое роковое.

Въ 14-ти верстахъ отъ города нѣмцы остановились.

На городъ была направлена артиллерія. Раздался залпъ, другой, третій.

Въ городѣ началась паника. Нѣсколько домовъ были повреждены ядрами.

Окончивъ разстрѣлъ города, нѣмцы снова вошли въ него. Потомъ они еще два раза такимъ же образомъ покидали городъ: отступали и подвергали обстрѣлу.

Тогда жители рѣшили отправить къ нѣмцамъ депутацію съ просьбой прекратить обстрѣлъ мирныхъ жителей.

Послѣ третьей бомбардировки нѣмцы прислали развѣдочный отрядъ и, убѣдившись, что въ Калишѣ—одни только перепуганные до смерти жители, окончательно заняли его.

На улицахъ появилось объявленіе начальника германскаго отряда, приказавшаго съ 5-ти часовъ вечера на всю ночь зажигать огни.

Во вторникъ я пошла въ аптеку. Наскочившій патруль чуть не задавилъ меня лошадьми.

Потомъ проходившій солдатъ цинично похлопалъ меня по плечу. Мнѣ удалось скрыться отъ него.

На слѣдующій день мнѣ пришлось наблюдать такую сцену.

Переодѣтый въ штатское платье, шелъ по улицѣ стражникъ корчемной стражи. Его остановилъ нѣмецкій солдатъ и что-то сказалъ. Стражникъ вздрогнулъ, взглянулъ на солдата обезумѣвшими глазами.

Нѣмецъ схватилъ стражника, толкнулъ его къ забору, направилъ ружье и выстрѣлилъ. Стражникъ тутъ же упалъ, сраженный пулей на-смерть.

Жена этого стражника,—ихъ обоихъ я хорошо знаю,—увидѣвъ трупъ, обезумѣвшая, убѣжала въ поле, бросивъ дѣтей. Потомъ говорили, что эта женщина помѣшалась.

Всего на улицахъ города можно было видѣть 18 валявшихся труповъ разстрѣлянныхъ обывателей. Трупы не убирались.

Когда вступившихъ въ городъ германцевъ встрѣтила городская депутація, они направили на нее ружья, но потомъ велѣли депутатамъ вести подъ уздцы своихъ лошадей въ городъ.

Особеннымъ издѣвательствомъ подверглись богатые жители Калиша. Одинъ купецъ умеръ отъ потрясенія.

На второй день пребыванія нѣмцевъ въ Калишѣ началось бѣгство жителей изъ города.

Объятые ужасомъ, жители бросались во всѣ стороны, стремясь выбраться въ поле и на дорогу, спасаясь отъ вѣрной смерти, которая имъ грозила въ городѣ.

23-го іюля, утромъ, я съ дьякономъ Коньковскимъ, переодѣтымъ и остриженнымъ, и еще группой другихъ лицъ покинули городъ.

Верстъ 15 мы бѣжали полями, минуя селенія.

Потомъ мы разыскали крестьянскія фуры и добрались до города Кутно.

Здѣсь мы встрѣтили русскихъ солдатъ.

Нашей радости не было границъ.

Упавъ къ ногамъ одного солдата, я ухватилась за его колѣни и забилась въ истерикѣ.

Ужасы пережитой бомбардировки и разстрѣла разстроили мое здоровье.

По ночамъ я просыпаюсь и слышу грохотъ пушекъ, вижу трупы разстрѣлянныхъ. Все мое имущество осталось въ Калишѣ. Я бѣжала, въ чемъ была, захвативъ только пуделя. Успокоилась только въ Варшавѣ».

Разсказъ калишскаго губернскаго медицинскаго инспектора г. Икавитца [1]).

Приводимъ еще разсказъ калишскаго губернскаго медицинскаго инспектора г-на Икавитца, записанный съ его словъ редакціей «Рязанской Жизни».

«20-го іюля, приблизительно въ полдень, на улицахъ Калиша появился нѣмецкій верховой и направился къ магистрату.

Заявившись въ магистратъ, верховой-посланецъ нѣмцевъ спросилъ бургомистра города—сдается ли городъ мирно.

Въ тотъ же день вечеромъ нѣмецкій отрядъ вступилъ въ городъ. Командиръ отряда майоръ Прейскеръ потребовалъ къ себѣ бургомистра Буковинскаго и потребовалъ у него ключи отъ города.

21-го іюля утромъ по городу были расклеены объявленія Прейскера, что Калишъ нѣмецкій городъ. Въ этотъ же день Прейскеръ потребовалъ

---

[1]) См. «Ряз. Ж.» 2 августа.

подъ угрозой смерти отъ бургомистра Буковинскаго денегъ... Тотъ отдалъ имъ 26,000 руб.

22-го іюля утромъ на углу улицъ Жозефины и Врацлавской раздался провокаторскій выстрѣлъ въ нѣмецкій отрядъ.

И по улицамъ началась безпорядочная стрѣльба изъ ружей и ручныхъ пулеметовъ. Нѣмцы, не разбирая, стрѣляли и въ своихъ солдатъ.

Послѣ этого Прейскеръ наложилъ на городъ штрафъ въ 50.000 руб., какъ возмездіе за безпорядокъ въ городѣ.

Деньги должны были быть внесены къ 5 часамъ вечера.

Когда Буковинскій заявилъ Прейскеру, что денегъ у него нѣтъ, то его нѣмцы выволокли на улицу, разложили крестомъ передъ зданіемъ магистрата и начали бить — ногами, прикладами.

Избіеніе продолжалось въ теченіе 8 часовъ.

Одновременно съ этимъ были схвачены 16 именитыхъ гражданъ, какъ заложники, и въ числѣ ихъ предсѣдатель окружнаго суда Зеландъ, православный священникъ Семеновскій, два ксендза, прелатъ Плашай, раввинъ, уѣздный начальникъ Васильевъ, банкиры Френкель и Мамритъ и друг.

Отъ Френкеля Прейскеръ потребовалъ денегъ. Нѣмцамъ было извѣстно, что у него имѣются деньги въ берлинскихъ банкахъ. Френкель написалъ на имя одного изъ берлинскихъ банковъ чекъ на 500.000 руб. и выдалъ наличными 26.000 руб.

Получивъ чекъ и деньги, Прейскеръ приказалъ Френкеля разстрѣлять, но дорогою онъ скончался отъ паралича сердца.

Къ 5 часамъ вечера наложенный на городъ 50-титысячный штрафъ былъ внесенъ.

Прошелъ небольшой промежутокъ времени. Около 6 часовъ вечера началась бомбардировка города. Всего по городу было сдѣлано до 50 залповъ.

Къ вечеру Прейскеръ изъ гостиницы «Европа», гдѣ онъ первоначально остановился, выбрался за городъ, за вокзалъ, къ мѣстечку Скальмержицы. Туда же удалился и нѣмецкій отрядъ и сталъ окапываться.

24-го іюля, утромъ, въ городѣ вновь появились нѣмцы. На этотъ разъ была и конница. По общему впечатлѣнію нѣмецкій отрядъ достигалъ 4—5 тысячъ человѣкъ.

И въ этотъ день какой-то провокаторъ на углу Каноницкой и Вроцлавской ул. бросилъ въ отрядъ камнемъ. Немедленно же по городу началась новая бомбардировка.

Тутъ было выпущено до 100 выстрѣловъ шрапнелью.

Перепуганные жители похоронились въ подвалахъ, рискуя или быть заживо погребенными или погибнуть съ голоду, такъ какъ на улицу не было возможности, не рискуя жизнью, выбраться.

Съ 25-го на 26-е іюля съ 9 часовъ вечера началась третья бомбардировка города, продолжавшаяся до 6—7 часовъ утра.

Нѣмцы стрѣляли методически: 3—5 минутъ стрѣляли, минутъ 15 перерывъ, и затѣмъ опять стрѣльба.

Всего въ эту ночь по городу было выпущено до 200 выстрѣловъ шрапнелью. Слышались также характерные выстрѣлы изъ мортиръ.

Бѣжать изъ города г. Икавитцу и многимъ другимъ обывателямъ помогъ русскій патруль человѣкъ въ 40, неожиданно ворвавшійся въ городъ. При видѣ его весь 4—5 тысячный нѣмецкій отрядъ бросился бѣжать за городъ. Этимъ-то моментомъ воспользовались жители и выбрались изъ города.

Первый день вступленія въ городъ нѣмцевъ прошелъ еще спокойно. Они даже расплачивались деньгами за забираемые ими продукты. Но со второго дня начались неописуемыя звѣрства. Нѣмецкіе солдаты безъ всякой причины начинали стрѣлять вдоль улицъ.

И женщины и дѣти,—все, что попадалось на улицѣ, падало подъ ихъ выстрѣлами. Нѣмцы врывались въ дома, схватывали мужчинъ и угоняли ихъ въ Познань заложниками.

Изъ города не было возможности выбраться. Кругомъ ходили патрули и стрѣляли въ пробовавшихъ выбраться изъ города. Самъ г. Икавитцъ, когда ему удалось бѣжать, видѣлъ массу труповъ по шоссе, ведущему изъ города.

Всѣ эти ужасы не всѣмъ обывателямъ Калиша удалось благополучно пережить. Многіе сошли съ ума.

По городу бѣгали мужчины и женщины безъ костюмовъ и въ припадкѣ умоизступленія кричали, пѣли, плясали.

Въ Калишѣ нѣмцы, когда въ немъ былъ еще г. Икавитцъ, сожгли магистратъ. Снесенъ куполъ съ православнаго собора, разрушенъ старинный костелъ Святого Іосифа и много частныхъ домовъ.

Между прочимъ, г. Икавитцъ отмѣчаетъ, что во время стрѣльбы погибло много и самихъ нѣмцевъ. Улицы въ Калишѣ узкія, пули рикошетомъ отскакивали отъ зданій и разили самихъ нападающихъ».

Дополняемъ приведенные разсказы нѣкоторыми подробностями.

Въ «Рѣчи», со словъ отставного полковника Н. И. Ч—вича, между прочимъ приведены интересныя детали, которыми полковникъ Ч—вичъ дополняетъ извѣстную исторію о смерти отъ «разрыва сердца» калишскаго богача Френкеля. Когда послѣ уплаты потребованныхъ съ города 50 тыс. руб., послѣ отобранія у него всѣхъ личныхъ средствъ, Френкеля съ нѣсколькими гражданами вели по городу два нѣмецкіе солдата, онъ все молилъ взять извозчика, указывая на свою болѣзнь, то одинъ солдатъ ударилъ его прикладомъ. Френкель упалъ безъ признаковъ жизни. Тогда солдатъ нагнулся надъ нимъ, послушалъ сердце и «констатировалъ»:

— Издохъ!

Ударивъ затѣмъ упавшаго штыкомъ въ грудь, солдатъ отправился дальше.

Въ числѣ взятыхъ на принудительныя земляныя работы оказались предсѣдатель окружнаго суда Зеландъ, тов. прок. Воробьевъ, ревизоръ акцизнаго управленія Опманъ, мѣстный судебный слѣдователь и др. Какова ихъ дальнѣйшая судьба, полковнику Ч—вичу неизвѣстно.

Самъ онъ, высидѣвъ въ городѣ шесть дней,— послѣдніе три въ подвалѣ,—бѣжалъ.

Передъ самымъ уходомъ полковника Ч—вича изъ Калиша нѣмцы разстрѣляли большую партію безоружныхъ русскихъ запасныхъ. Эти запасные отправились въ ближайшій городокъ по приказанію мобилизовавшаго ихъ начальства. Не найдя тамъ никакихъ властей, они возвратились въ Калишъ. Когда они подходили къ городу, нѣмцы открыли по нимъ пальбу и всѣхъ разстрѣляли. Всего за 6 дней пребыванія Ч—вича въ Калишѣ, тамъ было убито, по его словамъ, свыше 1,000 мирныхъ жителей» [1]).

Прибывшіе изъ Калиша г-жа Качковская и г. Гловацкій утверждаютъ, что «массоваго изнасилованія польскихъ дѣвушекъ, о чемъ сообщалось въ газетахъ, не было, но отдѣльные случаи посягательствъ на женскую и дѣвичью честь имѣли мѣсто. Между прочимъ, на глазахъ отца были изнасилованы двѣ еврейскія дѣвушки.

Отецъ въ гнѣвѣ сказалъ, что такъ поступали лишь воины Навуходоносора и что какъ тогда,

---

[1]) См. «Рѣчь» 5 августа (экст. вып.).

такъ и нынѣ Господь накажетъ насильниковъ. За это еврей былъ разстрѣлянъ.

Лейтенантъ требовалъ отъ дѣвицы Зеймъ, въ домѣ родителей которой ему было отведено помѣщеніе, чтобы она ему отдалась, увѣряя, что этимъ онъ дѣлаетъ ей честь, такъ какъ она, благодаря его ласкамъ, родитъ первая въ Калишѣ будущаго подданнаго Германской имперіи. За это дерзкое предложеніе дѣвица Зеймъ дала лейтенанту пощечину и была разстрѣляна.

Разстрѣляли и двухъ ея братьевъ» [1]).

«Голосу Москвы» изъ Варшавы телеграфировали:

«Нѣмцы объявили, что имущество жителей въ полной безопасности и что можно открывать торговыя заведенія. Одинъ изъ владѣльцевъ, Берлинеръ, открылъ лавку съ винами и всякими припасами, прусскіе солдаты вошли, напились и наѣлись, а затѣмъ закололи штыками сына Берлинера, самого его тяжело ранили, весь же домъ въ концѣ концовъ подожгли. Въ лавкѣ Шадковскаго то же сдѣлала другая группа «культуртрегеровъ», гдѣ въ результатѣ угощенія мужъ и жена Шадковскіе пали убитыми.

Въ домѣ Щецинскаго на Главномъ рынкѣ пруссаки перебили всѣхъ мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей. Но это еще не все: у убитаго Френкеля нѣмцы взяли 8,000 руб., т. е. ограбили трупъ, какъ самые отвратительные «шакалы войны».

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.» 2 августа.

Майоръ Прейскеръ—блондинъ съ просѣдью, высокаго роста, бритый, съ немного подстриженными усами, лѣтъ 40—45,—отличается военной выправкой» [1]).

Дополняемъ калишскія звѣрства нѣмцевъ еще отрывкомъ изъ длиннаго разсказа бѣжавшихъ въ Москву присяжныхъ повѣренныхъ гг. Гадомскаго и Буша, помѣщеннаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» [2]).

«26-го іюля одни солдаты обходили дворы, вызывали и арестовывали всѣхъ мужчинъ, а другіе, съ пучками соломы за поясомъ, поджигали въ разныхъ мѣстахъ дома.

Жителей, спрятавшихся во время канонады въ погребахъ и подвалахъ, вызывали во дворъ, разставляли около стѣны, прицѣливались въ нихъ изъ винтовокъ, били по лицу; одному, у котораго въ карманѣ оказалась коробка спичекъ, стали забивать ее въ ротъ, утверждая, что онъ поджигалъ городъ. Обыскавъ подвалы и прирѣзавъ штыками тѣхъ, которые оттуда не вышли, не пощадивъ ни женщинъ, ни дѣтей, повели всѣхъ мужчинъ, многихъ въ одномъ бѣльѣ, заставивъ ихъ поднять руки, на площадь; кто отставалъ или просто почему-либо не нравился солдату, подгоняли ударами кулакомъ и прикладомъ, а нѣкоторыхъ подкалывали штыкомъ.

---

[1]) См. назв. газ. 5 августа.
[2]) См. назв. газ. отъ 8 августа.

На площади, куда согнали часовъ въ 6 утра всѣхъ мужчинъ, генералъ держалъ рѣчь: «Если все пройдетъ тихо и спокойно и солдатамъ не будетъ причинено никакого вреда, то вы не всѣ погибнете, если же что-либо случится,—уничтожу всѣхъ безъ исключенія и пощады».

Послѣ этого погнали всѣхъ въ поле, раздѣлили группами по 10-ти человѣкъ и начали распоряжаться, чтобы задержанные поворачивались то въ одну, то въ другую сторону.

Солдаты при этомъ утѣшали, что пока разстрѣляютъ только десятаго. Въ числѣ арестованныхъ былъ и слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ кн. Крымъ-Шамхаловъ, который предъявлялъ удостовѣреніе о своей личности; удостовѣреніе это швырнули въ грязь. Впослѣдствіи и слѣдователь, и предсѣдатель суда были взяты заложниками, но первый, по слухамъ, бѣжалъ.

Подъ дождемъ и дулами винтовокъ продержали до восьми часовъ утра, а затѣмъ повели въ казарму для стражниковъ и оставили подъ военной охраной, предупредивъ, что въ случаѣ шума или какого-нибудь несчастья съ солдатами казарму подожгутъ и заключенные тамъ сгорятъ.

Только въ 5 часовъ вечера дали грязной воды для утоленія жажды, а немного спустя принесли и буквально швырнули въ толпу около 800 человѣкъ 5—6 кусковъ хлѣба; пришлось отдать его подросткамъ, которые также оказались въ числѣ заключенныхъ.

Во все время пребыванія въ казармѣ унтеръ-офицеръ утѣшалъ, что мучиться осталось задержаннымъ недолго, такъ какъ скоро перестрѣляютъ если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ.

Въ 6½ часовъ вечера, по приказанію унтеръ-офицера, опять раздѣлились на десятки, опять пошли въ поле; тамъ снова дѣлали разные повороты, пока, наконецъ, не явился лейтенантъ съ рѣчью: «Идите домой и скажите семьямъ, что мы всѣхъ до одного перерѣжемъ, если что-нибудь случится съ солдатами. Вы теперь германскіе подданные, Германія относится одинаково хорошо ко всѣмъ,—и къ полякамъ, и къ евреямъ».

Послѣ рѣчи, всѣхъ задержанныхъ около 8-ми часовъ вечера направили въ городъ, приказали итти тихо, угрожая иначе разстрѣломъ. Такъ и дошли до города—жители впереди, солдаты позади. Пронесся слухъ, что въ это время въ городѣ были русскіе патрули.

Утромъ 27-го, въ воскресенье, жители поспѣшили убѣжать изъ Калиша».

Разсказъ г. Соколовой [1]).

Однимъ изъ центральныхъ мѣстъ нѣмецкихъ звѣрствъ въ Калишѣ является разстрѣлъ казначея Соколова. Вотъ какъ описываетъ обстоятельства, сопровождавшія геройскую смерть Соколова, оставшаяся въ живыхъ вдова.

[1]) См. «Нов. Вр.» 5 августа.

«Въ понедѣльникъ вечеромъ,—говоритъ Е. Н. Соколова,—мы поняли, что намъ не спастись, и рѣшили провести ночь съ дѣтьми въ подвалѣ. Подъ утро снова раздавались выстрѣлы, а затѣмъ какъ будто все стихло. Около двѣнадцати часовъ дня я стала приготовлять обѣдъ... Раздались стуки въ дверь. Я почуяла нѣчто недоброе и рѣшила не открывать... Стукъ повторился... Кто-то сталъ ломиться и я поняла, что спасенія нѣтъ... Я открыла дверь... Вошедшій германецъ, окруженный пятью солдатами, направилъ на меня револьверъ. Мужъ мой, усталый отъ безсонной ночи, отдыхалъ въ спальнѣ... Нѣмцы ворвались въ комнату и стащили мужа съ кровати, приказавъ ему слѣдовать за ними. Онъ безпрекословно повиновался. Я пошла за нимъ... Насъ довели до моста... Тутъ мнѣ заявили, что я должна возвратиться домой, такъ какъ моего мужа поведутъ на допросъ къ коменданту... Всѣ мои мольбы о томъ, чтобы меня не разлучали съ мужемъ, остались безъ вниманія... Въ теченіе получаса я, какъ сумасшедшая, металась по городу. Въ концѣ концовъ я пробралась къ магистрату. Здѣсь находился комендантъ города Прейскеръ. Я спросила его, какая участь постигла моего мужа? Германскій офицеръ отвѣтилъ: «Если онъ живъ, то вернется домой, а если онъ мертвый, то вы его найдете»... Тутъ же я узнала, что мужъ мой былъ убитъ однимъ изъ германскихъ офицеровъ. Трупъ его былъ опознанъ на площади магистрата... Рядомъ съ нимъ лежалъ обезглавленный трупъ неизвѣст-

наго. Цѣлая улица вблизи магистрата была полна трупами русскихъ... Я спрашивала, за что убили моего мужа? Нѣмцы не хотѣли отвѣчать и только одинъ офицеръ замѣтилъ: «Даромъ нѣмцы никого не убиваютъ». Оказалось, что комендантъ требовалъ отъ моего мужа выдать наличность кассы казначейства... Мужъ заявилъ, что оставшаяся въ казначействѣ сумма въ полмилліона рублей кредитными бумажками уничтожена имъ, а вексельная бумага и марки облиты сѣрной кислотой.

Я обратилась къ германскимъ офицерамъ съ просьбой о разрѣшеніи похоронить мужа, но они отказали мнѣ въ этомъ, и онъ былъ погребенъ санитарной комиссіей.

Нѣмцы разстрѣляли также и пристава Костенко и многихъ другихъ чиновниковъ, погребенныхъ затѣмъ въ братскихъ могилахъ.

Со вторника до субботы я находилась въ Калишѣ. Нѣмецкія войска постепенно покидали городъ, причемъ солдаты рыли окопы и устраивали волчьи ямы.

Ужасную ночь я провела вмѣстѣ съ моими дѣтьми съ пятницы на субботу... Все время доносились выстрѣлы... Домъ нашъ дрожалъ... Надъ городомъ стоялъ туманъ отъ дыма пороха... Начались пожары.... Съ улицы доносились рыданія женщинъ и дѣтей... Подъ утро выстрѣлы прекратились... Мнѣ разсказывали, что въ эту ночь нѣмцы поставили вплотную одинъ за другимъ десять русскихъ жителей Калиша и съ криками: «Смотрите, какъ сильно бьютъ наши пули», стрѣ-

ляли въ несчастныхъ. Въ субботу, утромъ, я рѣшила во что бы то ни стало вмѣстѣ съ дѣтьми покинуть Калишъ. Чиновникъ казначейства Царевъ, какимъ-то чудомъ избѣгнувшій разстрѣла, помогъ мнѣ выполнить мое желаніе. Мы пробрались черезъ городъ, который выглядѣлъ мертвымъ. Дальше по пути мы встрѣчали много бѣглецовъ... Намъ пришлось съ ребятишками пройти въ бродъ рѣку... Усталые, еле живые, мы добрались до селенія Опетувокъ...».

Записка ревизора калишско-петроковскаго акцизнаго управленія инженеръ-технолога Эдмунда Ивановича Опмана о разгромѣ города Калиша и нѣмецкихъ звѣрствахъ, учиненныхъ надъ мирными жителями за время съ 20 по 27 іюля 1914 года [1]).

«20 іюля, спустя полчаса послѣ появленія въ Калишѣ двухъ прусскихъ улановъ, вошелъ въ городъ германскій разъѣздъ во главѣ съ офицеромъ. На встрѣчу разъѣзду вышли на главную Вроцлавскую улицу съ бѣлымъ флагомъ президентъ города и 3 видныхъ обывателя, знающихъ нѣмецкій языкъ. Офицеръ бесѣдовалъ съ делегатами города около 15 минутъ, приставляя поочередно дуло своего револьвера къ виску каждаго изъ нихъ, въ это же время всѣ солдаты разъѣзда держали въ рукахъ револьверы и пики направленными въ сторону делегатовъ. Разспросивъ

1) См. «Нов. Вр.» 17 августа.

президента о положенiи города и получивъ завѣренiе делегатовъ и президента о спокойномъ и миролюбивомъ настроенiи обывателей, офицеръ, выстрѣливъ изъ револьвера въ воздухъ, направился къ магистрату, а затѣмъ къ «Европейской гостиницѣ». Къ ночи городъ былъ занятъ батальономъ пѣхоты 155 Императора Александра III полка и отрядомъ уланъ. Командиръ батальона Прейскеръ объявилъ, что онъ вступаетъ въ обязанности коменданта города, причемъ до понедѣльника приказалъ охранять городъ сформировавшейся изъ обывателей милицiи и 30 полицейскимъ стражникамъ съ приставомъ Костенкомъ во главѣ подъ общимъ руководствомъ президента Буковинскаго. Въ понедѣльникъ утромъ 21 iюля на всѣхъ углахъ появились объявленiя коменданта Прейскера, въ коихъ жители призывались къ спокойствiю; имъ предлагалось открывать торговлю, такъ какъ жизнь и цѣлость имущества жителей внѣ опасности. Въ этотъ же день комендантъ ввелъ въ городѣ военное положенiе. Въ тотъ же день, въ понедѣльникъ, въ 11 часовъ ночи, когда въ городъ кучками возвращались изъ гор. Ласка нѣсколько десятковъ запасныхъ, бѣжавшiй съ главнаго рынка еврейскiй подростокъ крикнулъ проходившему въ это время по Вроцлавской улицѣ нѣмецкому патрулю, что въ рынкѣ замѣтилъ нѣсколько казаковъ. Патруль сейчасъ же застрѣлилъ проходившихъ въ то время (на углу Вейской улицы) нѣсколькихъ жителей города и поднялъ тревогу. Въ темнотѣ и подъ влiянiемъ

страха, въ общей свалкѣ, нѣмецкіе стрѣлки, принявъ своихъ уланъ за непріятеля, начали перестрѣлку, въ которой убито и ранено не менѣе 30 нѣмецкихъ солдатъ. Отдѣльные отряды нѣмецкихъ войскъ, убѣгая изъ города въ безпорядкѣ, обстрѣливали направо и налѣво попадавшихся жителей города, окна и двери домовъ.

Улицы города, по которымъ пробѣгали войска, усѣяны были какъ патронными гильзами, такъ и цѣлыми патронами. Затѣмъ началось обстрѣливаніе городскихъ улицъ пулеметами, установленными на рогаткѣ, и разстрѣлъ всѣхъ мужчинъ, живущихъ въ домахъ, изъ которыхъ, якобы, по указанію нѣмецкихъ солдатъ, были сдѣланы выстрѣлы въ нѣмецкія войска. Убито и разстрѣляно болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ много возвращавшихся изъ Ласка запасныхъ.

Съ утра во вторникъ 22-го (4-го) посыпались на городъ одна за другой репрессіи: 1) разстрѣливались всѣ лица, имѣющія при себѣ какое-либо оружіе, а равно лица, у которыхъ оружіе найдено было на квартирѣ, несмотря на то, что 24-часовой срокъ сдачи оружія, указанный въ объявленіи Прейскера, еще не истекъ; разстрѣлянъ былъ губернскій казначей Соколовъ, уничтожившій до прихода нѣмцевъ наличныя суммы казначейства; 2) комендантомъ Прейскеромъ наложена была на городъ контрибуція въ 50,000 руб.; днемъ раньше, въ понедѣльникъ, тѣмъ же Прейскеромъ конфискованы около 30,000 рублей, хранившихся въ магистратѣ наличными; 3) объявлено распоряже-

ніе коменданта, что если кѣмъ-либо изъ жителей будетъ причиненъ малѣйшій вредъ хотя бы одному прусскому солдату, напримѣръ, будетъ брошенъ камень, то каждый десятый мужчина въ городѣ будетъ разстрѣлянъ, городъ подвергнется бомбардировкѣ, а заподозрѣнные дома будутъ гранатами сравнены съ землей; окна во всѣхъ квартирахъ приказано было освѣщать до утра; 4) Прейскеръ взялъ въ городѣ заложниковъ—больного престарѣлаго предсѣдателя окружнаго суда, священника, ксендзовъ, подраввина, президента города (сильно побитаго нѣмцами), начальника уѣзда, начальника тюрьмы и нѣсколькихъ самыхъ состоятельныхъ обывателей города.

Взявъ заложниковъ, Прейскеръ рѣшилъ выйти съ войсками изъ города и расположиться лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Калиша, ближе къ прусской границѣ. Заложникамъ приказано было итти впереди войскъ, а во время обстрѣла заподозрѣнныхъ домовъ имъ приказано было ложиться ничкомъ на землю, надъ ихъ головами стрѣляли. Повторялось это нѣсколько разъ, и въ концѣ концовъ больной сердцемъ и растяженіемъ жилъ въ ногахъ богатый фабрикантъ Генрихъ Френкель не могъ самостоятельно подняться. Комендантъ сейчасъ же велѣлъ ближайшему солдату заколоть штыкомъ Френкеля и сбросить тѣло его въ ровъ; затѣмъ вдовѣ убитаго, пожелавшей взять его трупъ, дѣлались всевозможныя препятствія до вымогательства включительно (потребовали за выдачу тѣла 50,000 марокъ). До-

рогой перстень съ брилліантами исчезъ съ пальца убитаго.

Лишь только войска съ заложниками покинули Калишъ, началась бомбардировка города въ наказаніе якобы за пролитую кровь прусскихъ солдатъ; сдѣлано было около 70 пушечныхъ выстрѣловъ, при чемъ повреждены главнымъ образомъ верхніе этажи зданій. Пушечныя ядра пробивали насквозь четыре стѣны подъ-рядъ. Въ числѣ другихъ убитъ богатый домовладѣлецъ Батковскій, жена же его опасно ранена. Обстрѣливались одинаково какъ частные дома, такъ и больница, церковь и костелъ. Всѣ жители города въ паническомъ страхѣ попрятались въ подвалы, откуда многіе, боясь возобновленія бомбардировки, не выходили нѣсколько дней, терпя холодъ и голодъ и проводя большую часть времени въ молитвѣ. Женщины и дѣти въ истерическихъ судорогахъ обнимали своихъ дѣтей, отцовъ и братьевъ, увѣренныя, что послѣдній ихъ часъ уже наступилъ. Такъ въ предсмертныхъ размышленіяхъ и молитвѣ, калишане провели нѣсколько кошмарныхъ дней (вторникъ, среда, четвергъ и пятница).

Съ утра въ пятницу 25 іюля черезъ Калишъ стали проходить саксонскія войска, пѣхота и уланы, сопровождаемые пресловутымъ 155 полкомъ, во главѣ съ комендантомъ Прейскеромъ. Часть войскъ направилась по Ставишинскому шоссе, другая часть, пройдя по городу, возвратилась въ прежній лагерь. Отъ стрѣльбы изъ пушекъ, винтовокъ и пулеметовъ повреждены были

многіе телефонные столбы, и телефонные провода въ большомъ количествѣ застилали улицы. Лошадь одного молодого офицера такъ запуталась въ проволоку, что упала на переднія ноги; офицеръ, не отдавая себѣ отчета въ происшедшемъ, выстрѣлилъ изъ револьвера. Выстрѣлъ послужилъ поводомъ ко всеобщей паникѣ; опять началось обстрѣливаніе оконъ домовъ, нѣкоторыхъ открытыхъ магазиновъ и разстрѣлъ людей, случайно проходившихъ по улицамъ. Стрѣляли изъ пулеметовъ по всему городу. Солдаты врывались въ дома и въ магазины, грабили, поджигали и вырѣзывали цѣлыя семьи, женщинъ, дѣтей и стариковъ. Убиты и ранены нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ зданіи магистрата, гдѣ по приказанію коменданта собрались городскіе служащіе, зарублены были топоромъ на смерть городской кассиръ Пашкевичъ и три сторожа. На Бабиной и Вроцлавской улицахъ лежала масса труповъ людей, дѣтей и даже лошадей. Вскорѣ костромъ запылало красивое зданіе магистрата и начались пожары въ разныхъ мѣстахъ города. Въ 8¾ часовъ началась по городу пушечная пальба (пулями, гранатами и шрапнелью), продолжавшаяся непрерывно до 5½ часовъ утра. Сдѣлано было въ городѣ свыше 400 выстрѣловъ; послѣ каждаго выстрѣла раздавался шумъ обваливавшихся частей зданій и истерическій крикъ женщинъ и дѣтей.

Наконецъ, въ 5½ часовъ утра въ субботу 26 іюля пальба прекратилась, и все какъ будто замерло кругомъ. Однако, тишина продолжалась

недолго. Внезапно во всѣ окна и ворота по Вроцлавской улицѣ съ неистовымъ крикомъ и шумомъ стали вламываться разсвирѣпѣвшіе нѣмецкіе солдаты и, врываясь во всѣ квартиры, съ крикомъ «руки вверхъ», арестовывали всѣхъ попавшихся мужчинъ, въ возрастѣ отъ 10 лѣтъ; женщинамъ и дѣтямъ приказано было забиться въ одинъ уголъ и стать на колѣни. Когда жена моя подскочила къ солдатамъ и стала по-нѣмецки упрекать ихъ за то, что они издѣваются надъ дѣтьми и хотѣла отбить отъ нихъ моего 12-ти-лѣтняго сына, которому также приказано было поднять руки вверхъ и слѣдовать за всѣми арестованными, то подоспѣвшій къ тому времени офицеръ ударилъ ее такъ сильно прикладомъ ружья, что она упала на полъ и сейчасъ же получила горловое кровотеченіе. Арестовано было болѣе 700 человѣкъ, въ томъ числѣ много подростковъ и стариковъ; арестованъ былъ также въ числѣ другихъ 80-ти-лѣтній старикъ, ксендзъ Викторъ, монахъ-реформатъ. Всѣ арестованные сейчасъ же были обысканы самымъ тщательнымъ образомъ по нѣсколько разъ; меня ругали площадною бранью за то, что нашли въ карманѣ двѣ полныхъ коробки спичекъ; у слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ князя Крымъ-Шахмалова отобрали его портфель съ документами и 200 рублей, у товарища прокурора Воробьева отобрали съ крикомъ небольшой перочинный ножъ. Сильно избиты были присяжный повѣренный Гадомскій и губернскій провизоръ 70-ти-лѣтній старикъ Прусаковскій. Всѣхъ насъ называли опас-

ными русскими шпіонами и высказывали предположеніе, что мы первые стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ. Послѣ обыска всѣхъ насъ окружили сильнымъ конвоемъ солдатъ и, приказавъ все время держать руки вверхъ, повели въ свой лагерь. Дождь шелъ проливной, а многіе изъ арестованныхъ были въ одномъ лишь нижнемъ бѣльѣ, безъ сапогъ. По дорогѣ намъ было объявлено, что насъ ведутъ на разстрѣлъ въ наказаніе за пролитую кровь нѣмецкихъ солдатъ; кто не въ состояніи былъ итти скоро, того ударяли прикладами ружей и ранили штыками такъ, что многіе истекали кровью. Когда мы прибыли въ поле около лагеря, тамъ только что кончилась экзекуція разстрѣла 19 мужчинъ, взятыхъ въ тотъ же день изъ заподозрѣнныхъ домовъ. Всѣхъ насъ подѣлили на нѣсколько партій и рядовъ, по 10 человѣкъ въ рядъ; приказано было смотрѣть лишь впередъ; съ одной стороны недалеко отъ насъ стали на колѣни нѣмецкіе солдаты съ направленными на насъ ружьями, съ другой стороны поставленъ былъ все время молившійся старикъ-ксендзъ. Офицеры давали какія-то порученія солдатамъ. Словомъ, полная картина разстрѣла. Продержали насъ подъ страхомъ ежеминутнаго разстрѣла около часу. Затѣмъ каждой изъ партіи въ отдѣльности приказано было отправиться въ одинъ изъ трехъ недалеко находящихся бараковъ пограничной стражи. Намъ было объявлено, что сейчасъ состоится надъ нами полевой судъ и, пожалуй, разстрѣляютъ лишь каждаго десятаго. Баракъ

закрыли и оставили насъ въ полномъ невѣдѣнiи относительно нашей судьбы въ удушливой невыносимой атмосферѣ (человѣкъ стоялъ вплотную къ человѣку). Наконецъ, въ полдень явился къ намъ фельдфебель и, заявивъ отъ имени коменданта, что въ Берлинъ послана телеграмма съ просьбою о помилованiи и замѣнѣ казни каторжными работами въ Острово или Познани, предложилъ намъ написать прощальныя письма роднымъ. Затѣмъ тотъ же фельдфебель сообщилъ намъ, что въ этотъ день, кромѣ воды, которую привезутъ намъ къ вечеру, никакой ѣды мы больше не получимъ, и разрѣшилъ до 9 часовъ вечера выходить изъ барака по одиночкѣ, предваривъ, что въ девять часовъ вечера мы будемъ заперты на ключъ до слѣдующаго утра, причемъ желанiе выйти, разговоръ съ патрулями или приближенiе къ окошку будутъ наказываемы разстрѣломъ всего барака. Около 4 часовъ пополудни намъ принесли въ корытахъ немного грязной воды и запретили даже послать за хлѣбомъ на собственный счетъ. Въ томительномъ ожиданiи проходили минуты за минутами. Наконецъ въ 7 часовъ явился въ баракъ тотъ же фельдфебель, приказалъ намъ выстроиться въ ряды по 10 человѣкъ и подъ усиленнымъ конвоемъ вывелъ насъ въ поле, гдѣ опять повторилась утренняя картина, такъ похожая на приготовленiе къ разстрѣлу. На этотъ разъ не пришлось ожидать такъ долго и предъ нами вскорѣ предсталъ блестящiй саксонскiй генералъ, обратившiйся къ

намъ со слѣдующими приблизительно словами: «Только что получилъ всемилостивѣйшую телеграмму кайзера Вильгельма и могу вамъ сообщить, что кайзеръ нашъ въ порывѣ великодушія приказалъ на сей разъ помиловать васъ всѣхъ, считая васъ своими прусскими подданными. Кайзеръ просилъ сообщить вамъ, что онъ одинаково милостиво относится ко всѣмъ націямъ, входящимъ въ составъ его государства, какъ-то: нѣмцамъ, русскимъ и полякамъ, а потому, хотя преступленіе ваше и ужасное: на Вроцлавской улицѣ пролилась вчера кровь 12 его самыхъ дѣльныхъ солдатъ, изъ коихъ пять уже умерло, но кайзеръ, желая дать новымъ своимъ подданнымъ примѣръ великодушія, отпускаетъ васъ всѣхъ домой и прощаетъ вамъ вашу вину. Помните только, что если въ послѣдующіе дни упадетъ хотя бы волосокъ съ головы прусскаго солдата, то всѣ вы будете разстрѣляны или заколоты. Да здравствуетъ кайзеръ». Затѣмъ намъ приказано было разойтись по домамъ.

На обратномъ пути въ городъ повсюду видны были пылающіе костромъ дома въ разныхъ частяхъ города. Оказывается, что послѣ ареста мужчинъ другая партія нѣмецкихъ солдатъ ходила по городу съ соломою и керосиномъ и поджигала оставленные на попеченіи женщинъ и дѣтей дома и магазины, открывая вездѣ газовые рожки. Въ тотъ же день вечеромъ городъ, насчитывавшій до 80,000 жителей, опустѣлъ совершенно. Люди убѣгали изъ города въ чемъ кто былъ. Никто изъ

жителей города послѣ столькихъ кошмарныхъ сюрпризовъ не хотѣлъ оставаться дольше подъ покровительствомъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ. Когда въ воскресенье утромъ 27 іюля я съ семьею покидалъ городъ, въ немъ царствовала мертвая тишина, и лишь дымъ догоравшихъ зданій, разбросанныя по улицамъ цѣнныя вещи и кое-гдѣ валявшіеся еще неприбранными трупы людей, свидѣтельствовали о только что пережитой Калишемъ страшной кровавой трагедіи.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лицъ, побывавшихъ въ Калишѣ въ теченіе недѣли съ 27 іюля по 3 августа, нѣмецкое войско, совмѣстно съ выпущенными прусскими властями изъ калишской тюрьмы преступниками, все время продолжаетъ звѣрское дѣло разрушенія города. Выгорѣла уже вся центральная часть города,— Старый рынокъ со всѣми примыкающими къ нему улицами. Горятъ костелы, казенныя зданія и лучшіе частные дома. Оставленные на произволъ судьбы квартиры, магазины и лавки разграблены окончательно».

Въ заключеніе настоящей главы приводимъ текстуальный переводъ объявленія «коменданта» Калиша майора Прейскера, снимокъ съ котораго былъ помѣщенъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» [1]).

Вотъ переводъ текста объявленія:

[1]) См. назв. газ. отъ 4 августа.

Комендантура. Калишъ 4—8 1914.

Магистрату Калиша.

Послѣ того, какъ сегодняшней ночью была произведена изъ домовъ стрѣльба по занявшимъ Калишъ войскамъ, прекращается всякое снисхожденіе къ населенію.

Я запрещаю всякія сношенія жителей съ мѣстностями внѣ города и объявляю недѣйствительными выданныя разрѣшительныя свидѣтельства.

Всѣ гостиницы закрываются. Исключеніе («Европейскій отель»), гдѣ я остаюсь жить.

Нахожденіе безъ нужды на улицахъ и площадяхъ запрещено. Вообще не разрѣшено останавливаться.

Невыполненіе военныхъ приказаній карается смертью.

Арестованные сегодняшней ночью 6 гражданъ остаются подъ моимъ заключеніемъ и будутъ при малѣйшемъ сопротивленіи разстрѣляны.

Для искупленія происшествій сегодняшней ночи городъ долженъ сегодня до 5 часовъ пополудни уплатить сумму въ 50 (пятьдесятъ) тысячъ рублей.

При повтореніи непріязненныхъ дѣйствій со стороны населенія будетъ разстрѣлянъ каждый десятый житель.

Съ 8 часовъ вечера всѣ дома должны быть закрыты и всѣ окна освѣщены.

Магистратъ долженъ распорядиться немедленнымъ опубликованіемъ сего.

Я запрещаю выпускъ газетъ.

Комендантъ Калиша

(подп.) Прейскеръ

Майоръ и комендантъ

11—155.

ГЛАВА VII.

Нѣмцы въ Ченстоховѣ.

Всѣ насилія и издѣвательства надъ мирными жителями, которыя нѣмцы чинили въ Калишѣ, повторились и въ Ченстоховѣ, но съ присоединеніемъ еще ограбленія Ясногорскаго монастыря и оскорбленіемъ чтимой всѣмъ католическимъ міромъ, а равно и православными Ченстоховской иконы Божіей Матери.

«Варш. М.» передаетъ содержаніе донесенія настоятеля Ченстоховскаго монастыря митрополиту римско-католическихъ церквей Ключинскому о нѣмецкихъ звѣрствахъ въ Ченстоховскомъ монастырѣ.

«При вторженіи нѣмцевъ въ Ченстоховъ новые хозяева, явившись къ настоятелю монастыря, первымъ дѣломъ потребовали отъ него денегъ.

Получивъ отказъ, нѣмцы сняли съ иконы Божіей Матери золотой, усыпанный брилліантами, вѣнецъ, подаренный монастырю папою римскимъ,

и драгоцѣнный крестъ, преподнесенный папою Сигизмундомъ.

На другой день послѣ появленія нѣмцевъ въ Ченстоховѣ, среди поляковъ распространился слухъ, что нѣмецкіе солдаты устроили ночью въ стѣнахъ Ченстоховскаго Ясногорскаго монастыря, святыни всей Польши, безобразную оргію.

Въ ту же ночь нѣмецкій кавалерійскій патруль изъ пяти человѣкъ, разъѣзжавшій около монастыря, подвергся обстрѣлу со стороны польскихъ добровольцевъ, мѣстныхъ жителей.

Трое изъ патруля были убиты на мѣстѣ. Когда на выстрѣлы прискакалъ отрядъ нѣмцевъ, то польскіе дружинники уже скрылись на коняхъ. Затѣмъ началась месть нѣмцевъ. Не поймавъ виновниковъ, нѣмцы открыли безпорядочную пальбу по городу».

«Въ Ясногорскомъ монастырѣ хранились тысячи пудовъ серебра и золота, жертвованнаго паломниками. Огромное количество жемчуговъ, брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней, украшавшихъ ризу и вѣнецъ иконы. Среди этихъ камней находились большой рѣдкости, имѣющіе огромную цѣнность: жемчужина, пожертвованная канцлеромъ княземъ Любомирскимъ, подаренная ему турецкимъ посломъ; гигантскій рубинъ изъ рукоятки ятагана, отбитаго королемъ Яномъ Собѣскимъ подъ Вѣной; изумрудъ, вѣсящій болѣе 300 каратовъ, пожертвованный неизвѣстнымъ лицомъ, опустившимъ его въ 1812 году въ кружку

для сбора пожертвованій. Теперь все это ограблено нѣмцами...»

При вступленіи въ Ченстоховъ нѣмецкій «комендантъ», полковникъ Цоллернъ [1]) выпустилъ слѣдующее объявленіе, которое редакторы ченстоховскихъ газетъ были вынуждены печатать подъ угрозой разстрѣла:

«Императоръ Вильгельмъ является сердечнымъ другомъ поляковъ. Подъ скипетромъ императорскаго дома Гогенцоллерновъ проживаетъ около 4 милліоновъ поляковъ, пользующихся всѣми правами и доведшихъ свое благосостояніе до высокой степени. Императоръ Вильгельмъ хорошо освѣдомленъ о томъ, что Ясногорскій монастырь въ Ченстоховѣ является центромъ паломничества поляковъ. Поэтому императоръ въ знакъ своихъ дружескихъ чувствъ къ полякамъ рѣшилъ возложить свои дары на чудотворную икону Ченстоховской Божіей Матери».

Послѣдующее поведеніе нѣмцевъ показало всю лживость ихъ обѣщаній [2]).

---

[1]) Вскорѣ комендантъ Ченстохова Цоллернъ былъ смѣщенъ и назначенъ другой комендантъ—оберъ-лейтенантъ Рейхъ.

[2]) По приказанію коменданта, ченстоховскія газеты сообщали слѣдующія свѣдѣнія о войнѣ: «Японія объявила войну Россіи. Швеція воюетъ съ Россіей и заняла Финляндію. Австрійскія войска въ Бѣлградѣ. Король сербскій Петръ въ плѣну. Итальянскія войска перешли французскую границу» и т. п.

Въ «Петроградскомъ Листкѣ», со словъ ченстоховскихъ бѣглецовъ, описано хозяйничаніе нѣмцевъ въ Ченстоховѣ.

«Вступленіе германскихъ войскъ въ Ченстоховъ произошло въ воскресенье, 20-го іюля, утромъ.

Для устрашенія жителей города, нѣмецкій полковникъ, руководившій вступленіемъ войскъ, распорядился выставить вдоль городскихъ улицъ пушки, изъ которыхъ тутъ же для острастки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ.

Стрѣльба изъ пушекъ по центральнымъ улицамъ произвела неописуемую панику среди мирныхъ жителей.

Всѣ обыватели города попрятались въ подвалахъ и въ квартирахъ.

Навстрѣчу нѣмецкимъ войскамъ вышла съ бѣлымъ флагомъ депутація, въ которую входили представители магистрата и городского населенія, настоятель Ясногорскаго католическаго монастыря, православные священники и два раввина.

Вмѣсто всякихъ объясненій, по распоряженію германскихъ офицеровъ, всѣхъ ихъ немедленно арестовали.

— Вы будете у насъ заложниками,—объяснили нѣмцы перепуганнымъ депутатамъ.—Если населеніе города будетъ вести себя неподобающимъ образомъ и не будетъ исполнять нашихъ приказаній, то мы васъ разстрѣляемъ.

Надъ духовенствомъ нѣмцы допустили грубое надругательство, совершенное солдатами тутъ же на глазахъ своихъ офицеровъ.

Прежде всего германцы обратили вниманіе на мѣстное казначейство, а также на городскія кредитныя и банковыя учрежденія.

Въ банкахъ и кредитныхъ обществахъ германцы конфисковали около двухъ сотъ тысячъ рублей деньгами.

Одинъ изъ директоровъ банка, полякъ, вступилъ въ объясненіе по поводу конфискаціи денегъ и категорически заявилъ, что капиталы частныхъ предпріятій конфискаціи не подлежатъ.

Присутствовавшій тутъ же нѣмецкій лейтенантъ ударилъ его рукояткой револьвера съ такой силой, что сломалъ ему челюсть и выбилъ глазъ.

Послѣ этого искалѣченный полякъ былъ схваченъ нѣмецкими солдатами и брошенъ въ какой-то сырой подвалъ.

Дальше начинаются ужасы, передъ которыми содрогнется весь христіанскій міръ, почитающій чудотворную икону Ченстоховской Божіей Матери, хранящуюся въ Ченстоховскомъ Ясногорскомъ католическомъ монастырѣ.

Штабъ нѣмецкихъ войскъ занялъ всѣ помѣщенія монастыря. Всѣхъ монаховъ выгнали изъ келій и выселили изъ монастыря.

Монастырская касса Ясногорскаго монастыря, который считается однимъ изъ наиболѣе богатыхъ, была ограблена.

Германцы захватили изъ монастырской кассы около полумилліона рублей.

Кромѣ того, нѣмцы забрали всѣ хранившіяся въ монастырѣ драгоцѣнности и реликвіи.

Всѣ драгоцѣнности, принесенныя вѣрующими для украшенія чудотворнаго образа, были также похищены.

Возмущенные до глубины души католики-очевидцы обратились къ германцамъ съ просьбой не чинить такого оскорбленія надъ иконою Богоматери и не издѣваться надъ религіознымъ чувствомъ католиковъ.

Въ отвѣтъ на это нѣмецкій майоръ фонъ-Миллеръ громко заявилъ:

— Если раздастся еще хоть одинъ протестъ, то я прикажу сейчасъ же повѣсить протестанта наверху ясногорской башни.

Всѣ въ ужасѣ смолкли.

Ясногорскій монастырь представляетъ собою древнюю польскую крѣпость, отразившую еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ нашествіе шведовъ.

Весь монастырь окруженъ валами, канавами и мостами.

Воспользовавшись этимъ, нѣмцы на валахъ немедленно установили пушки и пулеметы.

На высокой монастырской колокольнѣ устроенъ наблюдательный пунктъ и станція безпроволочнаго телеграфа.

Вечеромъ прусскіе «герои» обратили вниманіе на монастырскій погребъ, въ которомъ хранились старыя вина, предназначенныя на случай посѣщенія монастыря высокими особами.

Дорогое вино полилось рѣкой.

Въ кутежѣ принимали участіе не только офицеры, но и нижніе чины.

Когда кутежъ достигъ высшей точки, по распоряженію германскихъ офицеровъ, изъ города въ монастырь было доставлено нѣсколько молодыхъ полекъ, принадлежащихъ къ мѣстному высшему обществу.

Въ числѣ доставленныхъ были дочери видныхъ ченстоховскихъ домовладѣльцевъ гг. Ф. и В.

Началась возмутительная оргія.

Для того, чтобы усугубить издѣвательство, германскій начальникъ распорядился привести въ залъ заложниковъ, т.-е. представителей города и духовенство, вышедшихъ встрѣчать нѣмцевъ.

Ихъ выстроили около стѣны и приказали наблюдать за всей послѣдующей возмутительной и ужасной сценой.

Жена одного изъ заложниковъ оказалась въ числѣ другихъ женщинъ, доставленныхъ на оргію.

Заложникъ умолялъ убить его, но не дѣлать его свидѣтелемъ невыносимой сцены.

Надругательство надъ женщинами было публичнымъ.

Въ заключеніе нѣмцы тутъ же разстрѣляли двухъ заложниковъ» [1]).

Той же «оргіи въ Ясногорскомъ монастырѣ» посвященъ разсказъ Елены С., дѣвушки лѣтъ 19—20, пріѣхавшей изъ Ченстохова въ Петербургъ.

Вотъ, что она разсказываетъ:

---

[1]) См. «Пет. Лист.» отъ 31 іюля.

«Какъ только нѣмцы перешли границу, до насъ, жителей Ченстохова, стали доноситься зловѣщіе слухи о неслыханныхъ злодѣяніяхъ. Ограбленные и разоренные крестьяне стали стекаться въ Ченстоховъ со всѣхъ сторонъ, и изъ устъ въ уста передавались такіе разсказы, что волосы становились дыбомъ. Но мы почему-то были спокойны, мы думали, что нѣмцы не осмѣлятся коснуться нашихъ святынь.

Первые нѣмецкіе отряды вошли въ городъ около трехъ часовъ утра и расположились бивуакомъ возлѣ монастыря, но въ самый монастырь никто изъ нихъ пока не входилъ. Сначала солдаты вели себя довольно мирно, и жители начали было уже понемногу успокаиваться, но лишь только появились драгуны, какъ картина сразу перемѣнилась.

Командиръ драгунскаго полка распорядился окружить монастырь со всѣхъ сторонъ и никого туда не впускать, а всѣхъ выходящихъ обыскивать. Эти распоряженія не предвѣщали для насъ ничего добраго. Всѣ жители высыпали изъ домовъ и съ замираніемъ сердца слѣдили за тѣмъ, какъ кольцо нѣмецкихъ войскъ все тѣснѣе и тѣснѣе стягивалось вокругъ монастыря. Офицеры разъѣзжали по улицамъ и отмѣчали мѣломъ на воротахъ каждаго дома количество солдатъ для постоя. Вскорѣ не было ни одного дома, откуда не раздавалась бы пьяная солдатская ругань. На улицахъ солдаты ловили и цѣловали женщинъ и подъ видомъ обысковъ позволяли себѣ грубости. Однако, населеніе сносило все это молча, ибо у всѣхъ еще

теплилась надежда, что святыня осквернена не будетъ. Мы твердо рѣшили перенести всякія насилія и издѣвательства, лишь бы спасти монастырь.

Къ начальнику отряда была отправлена депутація, состоявшая изъ самыхъ почтенныхъ и уважаемыхъ обывателей, съ просьбой не оскорблять религіозныхъ чувствъ населенія. Командиръ заявилъ, что по долгу службы онъ обязанъ сдѣлать опись монастырскихъ сокровищъ, но что все останется въ цѣлости на мѣстѣ, если жители будутъ вести себя корректно по отношенію къ войску.

Въ два часа дня нѣмцы потребовали, чтобы имъ открыли монастырскія ворота. Приказаніе было исполнено немедленно, и командиръ отряда, окруженный офицерами, въ сопровожденіи небольшого отряда солдатъ вошелъ въ монастырь.

День прошелъ, сравнительно, спокойно. Около восьми часовъ вечера нѣсколько офицеровъ въ сопровожденіи солдатъ стали обходить дома и собирать женщинъ якобы для какихъ-то работъ и уборки помѣщеній монастыря. Старались выбирать наиболѣе молодыхъ и красивыхъ. Не подозрѣвая гнуснаго замысла, никто противъ этого не возражалъ. Находились даже такія дѣвушки изъ хорошихъ домовъ, которыя сами вызывались итти, чтобы потрудиться въ чтимой обители.

Въ числѣ другихъ вызвана была и я.

Насъ разбили по партіямъ по десяти человѣкъ въ каждой. Первая партія женщинъ, въ которой была моя мать, отправилась немедленно, черезъ

два часа—вторая, и около часу ночи отправилась послѣдняя партія, въ которой была и я.

Когда мы вошли въ монастырь, то первое, что насъ поразило, это—донесшіеся до насъ звуки военнаго оркестра. Однако, о всей правдѣ мы еще не подозрѣвали. Насъ привели въ довольно обширную келью и велѣли здѣсь обождать. Къ намъ приставили двухъ солдатъ, которые грозно окликали насъ, когда мы начинали между собой разговаривать по-польски. Черезъ полчаса солдаты вкатили боченокъ вина и принесли стаканы. Вошелъ офицеръ и на ломаномъ польскомъ языкѣ сказалъ:

— Вамъ предстоитъ трудная работа, а потому вамъ необходимо подкрѣпить свои силы.

Сказавъ это, онъ разсмѣялся и грубо ущипнулъ одну изъ дѣвушекъ.

Стали разливать вино въ стаканы. Пить заставляли насильно. Когда я наотрѣзъ отказалась выпить предложенный мнѣ стаканъ, то по знаку офицера на меня набросились два солдата, схватили меня за руки и запрокинули голову назадъ, а третій насильно влилъ мнѣ въ ротъ вино.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ вину что-то подмѣшали, такъ какъ всѣ женщины, выпившія вино, стали жаловаться на сильное головокруженіе.

Послѣ этого насъ, то по-одиночкѣ, то попарно, стали выводить изъ келій.

Когда очередь дошла до меня, то я хотѣла было оказать сопротивленіе, но солдаты схватили

меня подъ руки и поволокли по коридору. Я потеряла сознаніе...

Когда на другой день утромъ я добрела домой, я застала свою мать на постели въ глубокомъ обморокѣ. Я нѣсколько разъ приводила ее въ чувство, и она каждый разъ снова впадала въ глубокій обморокъ... Надъ ней надругались такъ же, какъ надо мной...

Я рѣшила уѣхать изъ дому. Сюда, къ сестрѣ, такъ какъ послѣ того, что случилось, мы не могли съ матерью смотрѣть другъ другу въ глаза» [1]).

«Извѣстія о гнусной оргіи, устроенной «побѣдителями» въ Ясногорскомъ католическомъ монастырѣ,—говоритъ «Петроградскій Листокъ»,—распространились по всему Ченстохову.

Польское населеніе, въ массѣ глубоко-религіозное, было потрясено отношеніемъ пруссаковъ къ величайшей католической святынѣ—Ченстоховской Богоматери.

Весь городъ впалъ въ уныніе.

Нѣкоторые предложили объявить общій трауръ.

Дамы это предложеніе немедленно же привели въ исполненіе и уже къ вечеру появились на улицахъ въ траурныхъ костюмахъ [2]).

Въ городѣ передавали, что въ концѣ оргіи, натѣшившись надругательствомъ надъ женщи-

---

[1]) См. «Пет. Кур.» 6 августа.

[2]) По словамъ «Дня» (отъ 1 авг.), «нѣмцы смѣялись и вслухъ глумились надъ вѣрующими, съ циничной откровенностью разсказывая имъ о томъ, какъ они «хорошо провели ночь въ Ченстоховскомъ монастырѣ».

нами, германцы глубоко унизили все духовенство, взятое въ видѣ заложниковъ, въ томъ числѣ и настоятеля ченстоховскаго Ясногорскаго монастыря.

Среди польскаго населенія возникла мысль объ организаціи тайной польской самообороны.

Рѣшили примѣрно наказать варваровъ.

Съ этою цѣлью изъ ченстоховскихъ обывателей, а также жителей окрестныхъ деревень былъ организованъ польскій летучій отрядъ, поставившій цѣлью нанести возможно большій вредъ непріятельскимъ отрядамъ.

Глухою ночью, когда городъ казался вымершимъ и никого, кромѣ прусскихъ часовыхъ и патрулей не было видно, въ отдаленномъ районѣ, возлѣ бывшихъ постовъ пограничной стражи, раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ.

Нѣмцы всполошились, думая, что къ городу неожиданно подступили русскія войска.

По направленію выстрѣловъ помчались нѣмецкіе кавалеристы.

Глазамъ ихъ представилась печальная картина.

На дорогѣ въ предсмертныхъ судорогахъ лежали пятеро нѣмецкихъ кавалеристовъ, находившихся въ патрулѣ.

Трое вскорѣ умерли, а двое другихъ находились въ безсознательномъ состояніи.

Какъ выяснилось, на патруль было произведено нападеніе неизвѣстными лицами.

Нападавшіе отбили у пруссаковъ лошадей и скрылись, снявъ съ нѣмецкихъ солдатъ все ихъ вооруженіе.

О нападеніи на патруль было немедленно доложено германскому коменданту.

Послѣдній приказалъ организовать розыски нападавшихъ и произвести обстрѣлъ всего города.

Въ два дома, занятыхъ поляками, былъ произведенъ рядъ выстрѣловъ, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито.

Два заложника были подвергнуты публичной экзекуціи.

Послѣ этого комендантъ объявилъ, что если нападеніе повторится, то всѣ заложники будутъ разстрѣляны.

Однако этимъ дѣло не кончилось.

Часовъ въ 5 дня комендантъ собралъ въ Ясногорскомъ монастырѣ видныхъ горожанъ и предложилъ имъ немедленно указать виновниковъ нападенія на патруль и ихъ пособниковъ.

Среди польскаго населенія предателя не нашлось.

Послѣ неудачнаго допроса горожанъ, германцы немедленно же заключили нѣкоторыхъ въ подвалы Ясногорскаго монастыря.

Ихъ дальнѣйшая судьба неизвѣстна» [1]).

Одинъ ченстоховскій общественный дѣятель г. Стеффанъ разсказалъ слѣдующее о нѣмецкихъ неистовствахъ въ Ченстоховѣ.

---

[1]) См. «Пет. Лист.» 1 августа.

«На другой день послѣ вступленія нѣмцевъ, по городу съ быстротой молніи распространились слухи о дикихъ оргіяхъ, устроенныхъ нѣмцами въ стѣнахъ Ясногорскаго монастыря и о кощунственномъ ограбленіи чудотворной иконы Богоматери.

Столь неслыханный вандализмъ вызвалъ сильнѣйшее негодованіе во всѣхъ слояхъ польскаго общества и поднялъ чувство ненависти къ нѣмцамъ.

Въ знакъ глубокой печали по поводу случившагося, все населеніе Ченстохова, сособенно женщины, облеклось въ трауръ. Стали раздаваться сначала тихіе, а потомъ болѣе громкіе возгласы протеста.

Между тѣмъ конные патрули разъѣзжали по городу, убивая на пути всѣхъ, кто казался имъ болѣе или менѣе подозрительнымъ. Къ вечеру второго дня, по приказанію коменданта, поселившагося въ квартирѣ настоятеля монастыря, по городу разсыпались солдаты и начали безъ разбора надругиваться надъ молодыми женщинами, находящимися въ монастырѣ. Этихъ женщинъ они забирали съ собой. Такихъ случаевъ было до 40.

Происходившія при этомъ сцены не поддаются описанію. Женщинъ вырывали изъ рукъ ихъ родственниковъ. Лейтенантъ, руководившій этой позорной экспедиціей, вошелъ въ квартиру одной молодой помѣщицы, пріѣхавшей въ Ченстоховъ для леченія ребенка за нѣсколько дней до вторженія туда нѣмцевъ. Помѣщицу лейтенантъ пытался обнять. Обезумѣвшая отъ страха женщина

оттолкнула наглаго солдата. Взбѣшенный варваръ ударомъ кулака по лицу сшибъ ее съ ногъ, а затѣмъ каблукомъ разбилъ ей лицо, сломавъ при этомъ челюсть.

Рабочіе, случайно бывшіе свидѣтелями этой дикой сцены, не могли сдержать своего возмущенія, и одинъ изъ нихъ бросилъ въ окно дома помѣщицы, гдѣ происходила эта варварская расправа съ беззащитной женщиной, камень въ нѣмецкаго лейтенанта. Камень попалъ въ цѣль. Ушибленный пруссакъ крикнулъ солдатъ и тѣ, явившись мгновенно во дворъ, перестрѣляли на мѣстѣ 7 рабочихъ.

Захватъ женщинъ, безсмысленный разстрѣлъ стариковъ и дѣтей переполнили чашу терпѣнія горожанъ, и въ ту же ночь среди населенія Ченстохова былъ организованъ летучій отрядъ партизановъ.

Подъ утро на окраинѣ города загремѣли партизанскіе выстрѣлы, которыми былъ уничтоженъ непріятельскій разъѣздъ изъ 5 человѣкъ.

Виновные такъ и остались неразысканными.

Эта расправа привела къ тому, что, по приказанію коменданта, у всѣхъ жителей Ченстохова было отобрано солдатами всякое оружіе до кухонныхъ ножей включительно. И уже послѣ этого нѣмцы дали волю своимъ дикимъ инстинктамъ. Началось поголовное варварское избіеніе мужского населенія.

Разсвирѣпѣвшіе пруссаки выволакивали мужчинъ изъ домовъ и, избивъ, пристрѣливали на порогахъ квартиръ. На улицахъ города можно было

каждые 50 шаговъ, а то и меньше, наткнуться на одинъ или два обезображенныхъ трупа.

Особенно ужасенъ былъ трупъ крестьянина, лежавшаго на рыночной площади противъ костела. Разрубленное поперекъ ударомъ шашки лицо его, съ широко раскрытыми, полными ужаса глазами производило жуткое впечатлѣніе.

Угнетенное настроеніе города усилилось еще болѣе къ вечеру. Изъ монастыря возвратились обезчещенныя жертвы. Стоны и крики отчаянія неслись со всѣхъ сторонъ. Не было въ Ченстоховѣ ни одного человѣка, который бы въ этотъ день не пострадалъ.

Слухи объ оскорбленіи святынь монастыря и духовенства, чтимыхъ всѣмъ населеніемъ, быстро разнеслись по окрестнымъ деревнямъ. Поляки, преисполненные глубокаго религіознаго чувства и почтенія къ монастырю, поднялись, какъ одинъ человѣкъ.

Старики, женщины и дѣти были немедленно уведены въ лѣса и отдаленныя селенія, все же мужское населеніе, вооружившись косами и вилами, а кто ружьями, скрылось по лѣсамъ, сжигая за собой всѣ запасы хлѣба и корма, чтобы они не достались нѣмцамъ.

Рабочіе ченстоховскихъ и ближайшихъ фабрикъ соединились въ дружины, поклявшись такъ или иначе отомстить ненавистнымъ пришельцамъ»[1]).

---

[1]) См. «Пет. Курьеръ» отъ 3 августа.

«Петроградской Газетѣ» сообщаютъ изъ Варшавы:

«Нѣмецкіе солдаты, ворвавшись въ монастырь, разграбили всѣ цѣнности, срывали ризы съ иконъ, разбивали статуи святыхъ, стрѣляли изъ ружей и револьверовъ въ иконы. Въ день занятія Ченстохова нѣмецкіе солдаты, разграбивъ винные погреба, устроили оргіи.

Пьяные озвѣрѣлые германскіе солдаты и офицеры бѣгали по улицамъ, врывались въ частные дома и хватали женщинъ...

Гнусные злодѣи не щадили даже малолѣтнихъ.

Нѣкоторыя женщины, чтобы не попасть въ руки германскихъ варваровъ, прибѣгли къ самоубійству.

Нашлись смѣлыя женщины, которыя съ топорами бросались на своихъ мучителей и дорогой цѣной продавали свою жизнь».

И въ Ченстоховѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, нѣмцы доставляли себѣ удовольствіе издѣваться мученіями людей, находящихся подъ угрозой смерти цѣлыми часами.

«За междоусобную свалку германскихъ солдатъ,—сообщаютъ «Рус. Сл.» изъ Варшавы,—жестоко поплатились жители Ченстохова, изъ числа которыхъ было разстрѣляно 18 мужчинъ.

Въ числѣ жертвъ безсмысленной расправы оказался 80-ти-лѣтній старикъ Менжницкій.

Большая группа арестованныхъ ночью мужчинъ была поставлена подъ разстрѣлъ.

При этомъ нѣмцы томительно затягивали приготовленія казни. Медленно разставляли осужден-

ныхъ возлѣ стѣны. Наконецъ, приказали имъ обнажить головы.

— Матко, ратуй насъ! Матко, ратуй насъ, бо гинемы!—молились осужденные.

Солдаты, тѣмъ временемъ, не торопясь, выстраивались противъ осужденныхъ и, наконецъ, направили на нихъ дула ружей.

Послѣ небольшой паузы разстрѣлъ, по приказанію коменданта, былъ отмѣненъ.

Послѣ этого помилованныхъ держали подъ арестомъ безъ пищи въ теченіе цѣлаго дня.

Всѣхъ приходившихъ провѣдать арестованныхъ нѣмцы задерживали.

Къ вечеру число арестованныхъ женщинъ и мужчинъ превысило 1.500 человѣкъ.

Всѣхъ ихъ объявили военноплѣнными и подъ конвоемъ отправили въ Германію» [1]).

Заканчивая изслѣдованіе нѣмецкихъ звѣрствъ, мы высказываемъ увѣренность, что на всемъ земномъ шарѣ не найдется ни одного существа, болѣе подлаго, жестокаго и презрѣннаго, чѣмъ нѣмецкій воинъ.

---

[1]) См. назв. газ. отъ 1 августа.

ДОБАВЛЕНІЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

ГЛАВА VIII.

Въ нѣмецкомъ плѣну.

Кошмарныя извѣстія, идущія съ театра войны о невѣроятныхъ мученіяхъ, которымъ подвергаются наши воины, попавшіе въ презрѣнныя руки нѣмцевъ, отодвинули на задній планъ мученія русскихъ путешественниковъ, находящихся въ непріятельской неволѣ. Друзья нѣмцевъ, которыхъ, къ сожалѣнію, еще достаточно въ Россіи, пользуясь этимъ, усиленно распространяютъ слухи, что, если въ Германіи русскіе путешественники и подвергались нѣкоторымъ непріятностямъ, то только въ первые дни войны. Теперь-де безпокоиться объ участи родныхъ и знакомыхъ, еще не вернувшихся съ нѣмецкихъ курортовъ, нѣтъ основаній, такъ какъ честь и свобода русскихъ ограждаются нѣмецкими властями.

Какая наглая и злонамѣренная ложь!

Въ самые послѣдніе дни, какъ и въ началѣ войны, нѣмцы остаются нѣмцами. Тѣ же муче-

нія и тѣ же издѣвательства надъ беззащитными путешественниками. Только на дняхъ, а именно въ концѣ сентября, въ нѣмецкихъ газетахъ вновь появились объявленія властей, призывающія добрыхъ бюргеровъ прійти на помощь правительству въ поимкѣ русскихъ шпіоновъ, которые, по словамъ этихъ гнусныхъ инсинуацій, кишмя-кишатъ въ Германіи.

Для насъ понятны подобные погромные вопли. Въ началѣ войны Вильгельмъ наускивалъ свору своихъ подлецовъ на русскихъ, съ цѣлью возбудить воинственный пылъ, боясь за исходъ предпринятой мобилизаціи. Въ послѣдніе дни русскіе въ Германіи должны были вновь явиться жертвами искупленія, чтобы отвлечь вниманіе нѣмецкихъ мѣднолобыхъ патріотовъ отъ безславныхъ для ихъ армій полей сраженія.

Вотъ почему вновь появились погромныя обращенія въ газетахъ и вотъ почему, какъ мы слышали отъ Е. К. фонъ-Валь, кронпринцъ, подражая лаврамъ отца, призывалъ берлинскія толпы «свирѣпѣе обращаться съ русскими».

Ниже мы помѣщаемъ копію съ объявленія правительственнаго комиссара округа Фридбергъ, въ Гессенѣ, которое было напечатано 21 (8) сентября 1914 года въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ «Wetterauer Anzeiger».

Изъ этого оффиціальнаго документа становится очевиднымъ, что оскорбленія, преслѣдованія и истязанія, которымъ подвергаются до самыхъ послѣднихъ дней русскіе въ Германіи, не являются

единичными и случайными фактами, учиненными уличной публикой, наоборотъ, позорное поведеніе бѣлыхъ дикарей служитъ логическимъ проявленіемъ системы, не только терпимой, но и рекомендованной органами правительственной власти.

Вотъ это объявленіе:

Amtlicher Teil.

Bekanntmachung.

Es wird hierdurch zur öffentlichen Kenntnis gebracht, daß jede Begünstigung der hier anwesenden Russen mit den schärfsten Strafen bedroht ist. Gegen Zuwiderhandelnde wird unnachsichtlich vorgegangen.

Friedberg, den 21 September 1914

Großherzogliches Kreisamt.

Herberg.[1])

Текстъ этотъ въ русскомъ переводѣ обозначаетъ слѣдующее:

«Объявленіе».

«Настоящимъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что всякое проявленіе благожелательности по отношенію къ находящимся здѣсь русскимъ повлечетъ за собой строжайшія наказанія. Нарушители этого постановленія будутъ преслѣдоваться безъ послабленія».

---

[1]) Документъ этотъ вывезенъ изъ Германіи членомъ Государственнаго Совѣта Ф. А. Ивановымъ и препровожденъ имъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Отношеніе къ русскимъ, какъ выразился въ бесѣдѣ съ нами членъ Государственной Думы Я. А. Львовъ, продолжаетъ быть «скотское. Такъ могутъ обращаться только разбойники со своей жертвой передъ тѣмъ, какъ ее зарѣзать». Русскихъ оскорбляютъ, унижаютъ, бьютъ. Подобное обращеніе, говоритъ г. Львовъ, является системой, чтобы показать русскимъ, въ какой зависимости они находятся отъ нѣмцевъ. Эта подлая система соткана изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ дѣйствій, направленныхъ къ одной цѣли—къ причиненію какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ мученій своимъ жертвамъ!

По словамъ лицъ, въ искренности которыхъ усумниться нельзя, какъ напр., по словамъ проф. Н. И. Карѣева [1]) чиновника Министерства Земледѣлія С. И. Хатимскаго [2]) и др., русскихъ призываютъ въ полицейскіе участки, гдѣ подвергаютъ антропометрическому изслѣдованію и фотографированію, какъ уголовныхъ преступниковъ [3]).

На улицахъ, даже столичныхъ городовъ, не говоря уже о болѣе мелкихъ нѣмецкихъ гнѣздахъ, русскимъ показываться небезопасно, такъ какъ всегда можно подвергнуться избіенію со стороны толпы или же со стороны солдатъ и полицейскихъ.

---

[1]) См. «Русск. Вѣд.» 12 сентября.

[2]) «Бирж. Вѣд.» 5 сентября.

[3]) См. также «Бирж. Вѣд.» 30 сент. (веч. вып.).

Я. А. Львовъ намъ сообщилъ нѣсколько печальныхъ случаевъ, очевидцемъ которыхъ онъ былъ. Такъ, напримѣръ, въ Нейстрелицѣ, на вокзалѣ, русскій почтенный господинъ, будучи съ больной женой, пытался сѣсть въ вагонъ. Очутившійся тутъ же солдатъ выбросилъ этого господина изъ вагона, причемъ побилъ его. Въ самомъ городѣ, когда русскіе проходили подъ конвоемъ по улицамъ, одна дама въ послѣдней степени беременности стала отставать, не будучи въ силахъ поспѣвать за прочими, и полицейскій конвоиръ побилъ ее на глазахъ маленькой дочки этой дамы.

Частный повѣренный при виленскомъ окружномъ судѣ С. Н. Гавандо разсказываетъ, что на вокзалѣ Бамберга онъ со своей женой былъ арестованъ, несмотря на то, что всѣ требуемые документы были въ порядкѣ.

Когда г. г. Гавандо повели по городу въ тюрьму, то на нихъ со всѣхъ сторонъ набросился народъ.

«Я,—говоритъ г. Гавендо,—шелъ впереди, а жена съ агентомъ сзади. Народъ сталъ бить мою жену. Обернувшись на ея крикъ, я увидѣлъ, что толпа бьетъ ее по головѣ и она обливается кровью. Я отъ ужаса почти лишился ума, сталъ бѣгать и кричать о спасеніи. На меня набросился солдатъ и шашкой сталъ бить меня сзади по головѣ. Я схватился руками за голову, но солдатъ продолжалъ наносить удары по рукамъ. Въ безчувственномъ состояніи я упалъ и тутъ же около

меня упала и жена. Мы лежали на землѣ въ лужѣ крови, и однако народъ продолжалъ бить насъ, преимущественно каблуками, до тѣхъ поръ, пока на крикъ и шумъ не прибѣжала тюремная стража, во главѣ со смотрителемъ тюрьмы (это было недалеко отъ тюрьмы), которая, вырвавъ насъ изъ рукъ озвѣрѣвшей толпы, на рукахъ отнесла насъ, безчувственныхъ, въ тюрьму, гдѣ долгое время приводили насъ въ чувство холодными компрессами. Все наше платье облито было кровью, особенно у жены моей. Вызвали тюремнаго врача. У меня оказались на головѣ три раны, но не глубокія, и порѣзы рукъ, а у жены моей на головѣ двѣ глубокія раны и вся голова, шея, руки и плечи избитыми, сплошь черныя отъ кровоподтековъ»[1].

Въ «Петроградской Газетѣ» г. Н. А. Шаскольскій разсказываетъ, что жертвой нѣмецкаго звѣрства оказался братъ русскаго посла въ Норвегіи, В. В. Арсеньевъ.

«Избивали г. Арсеньева,—говоритъ г. Шаскольскій,—до потери сознанія.

Избіеніе носило характеръ самой утонченной пытки: били не только прикладами, кулаками, но кололи булавками и какими-то острыми щипцами.

Въ заключеніе чисто средневѣковыхъ инквизиторскихъ пытокъ, безумно рыдавшую, бившуюся въ истерикѣ жену г. Арсеньева, утѣшили добрымъ обѣщаніемъ:

---

[1]) «Виленскій Курьеръ» 25 августа.

«— Не волнуйтесь понапрасну, все равно вашъ мужъ будетъ разстрѣлянъ».

Когда же отчаявшаяся женщина пошла къ германскимъ властямъ жаловаться и искать защиты, ей любезно пообѣщали «разстрѣлять или повѣсить и ее».

Заступившуюся за гг. Арсеньевыхъ русскую дѣвушку растлили въ присутствіи германскихъ офицеровъ и властей» [1]).

По словамъ члена Гос. Сов. Ф. А. Иванова, «русскихъ, при перевозкѣ изъ ближайшихъ курортовъ въ Гомбургъ, избивали, а самое главное русскія женщины были насилованы нѣмецкими офицерами и солдатами» [2]).

Намъ сообщили невѣроятный случай изнасилованія нѣмецкими солдатами на вокзалѣ въ Гамбургѣ одной почтенной дамы, въ весьма преклонномъ возрастѣ. Фактъ этотъ ужасенъ по своей гнусности, и если мы рѣшили о немъ упомянуть, то исключительно потому, что не можемъ сомнѣваться въ его дѣйствительности, такъ какъ свѣдѣнія о немъ получили отъ двухъ представительницъ лучшаго петроградскаго общества.

Нѣмецкіе мерзавцы по своей жестокости превзошли наиболѣе свирѣпыхъ отщепенцевъ человѣческаго рода. Имъ мало изнасиловать женщину, они еще затѣмъ терзаютъ ее душу, потѣшаясь надъ постигшимъ ее несчастьемъ.

---

[1]) «Петр. Газ.». 27-го сентября.

[2]) «Биржь. Вѣд.» 22-го сентября (веч. вып.).

Однажды ночью, въ гор. Островѣ, гдѣ содержались арестованные русскіе путешественники, разсказываетъ сотрудникъ «Ран. Утра» со словъ очевидца, нѣмецкіе шуцманы уволокли пять молодыхъ дамъ, въ числѣ которыхъ была жена доктора Б., изъ Ловича. Попытка отбить несчастныхъ кончилась плачевно, такъ какъ нѣмецкіе солдаты звѣрски избили заступавшихся. Только «подъ утро, когда мы всѣ лежали почти безъ сознанія,—говоритъ очевидецъ этой ужасной трагедіи,—дверь въ мѣсто нашего заключенія открылась, и туда нѣмецкіе солдаты втолкнули пять истерзанныхъ женщинъ.

Свѣтало... На уголъ, гдѣ въ глухихъ рыданіяхъ бились на полу обезчещенныя женщины, никто изъ насъ не осмѣлился смотрѣть. Сердце въ груди ныло страшно и, казалось, хотѣло прекратиться биться. Сознаніе непоправимаго горя, налетѣвшаго на нашихъ несчастныхъ спутницъ, охватило всѣхъ».

Въ дальнѣйшемъ пути изъ Острова, нѣмецкіе солдаты, зная о случившемся, «цинично оглядывали несчастныхъ, дѣлая вслѣдъ самыя оскорбительныя замѣчанія» [1]).

Еще не настало время, чтобы откровенно разсказать всѣ подробности тѣхъ жестокостей, которымъ подвергались русскія женщины въ нѣмецкомъ плѣну.

Характеръ издѣвательства зависѣлъ отъ изоб-

---

[1]) «Раннее Утро» 7-го августа.

рѣтательности «лейтенантовъ», по преимуществу прусскихъ, такъ какъ наиболѣе свирѣпствовали пруссаки. Такъ, напримѣръ, по словамъ баронессы О. Е. Каульбарсъ,—сообщившей намъ много интересныхъ фактовъ—въ Ростокѣ русскихъ женщинъ, заключенныхъ въ тамошнюю тюрьму, водили въ баню подъ надзоромъ лейтенанта, присутствовавшаго въ продолженіе всего купанія и позволявшаго при этомъ, глядя наглыми глазами на оголенныя женскія тѣла, дѣлать самыя гнусныя, циничныя замѣчанія. Конечно, подобные порядки могли существовать только съ вѣдома коменданта, майора фонъ-Трескау, извѣстнаго многимъ русскимъ по своимъ прежнимъ посѣщеніямъ Россіи [1]).

Въ томъ же Ростокѣ, женщины подвергались самымъ унизительнымъ обыскамъ: ихъ раздѣвали до-нага, расплетали волосы, отыскивая шпіонскія записочки [2]). Одной молодой дѣвушкѣ хорошей фамиліи, о чемъ мы слыхали отъ О. Е. Каульбарсъ, прусскій лейтенантъ приказалъ раздѣться, снявъ даже рубашку, а затѣмъ ее заключили въ одиночную камеру, гдѣ не давали пищи болѣе двухъ сутокъ. И это безъ всякаго основанія...

Послѣ сказаннаго неудивительно, что многія наши соотечественницы заплатили своей жизнью

---

[1]) «Бирж. Вѣд.» даже утверждаютъ, что этотъ жестокій и свирѣпый господинъ «владѣлецъ обширныхъ помѣстій въ Польшѣ» (13 окт. утр. вып.).

[2]) См. «Петр. Газ.» 2 октября.

за цѣлебное дѣйствіе нѣмецкихъ водъ, о чемъ поступаютъ все новыя и новыя свѣдѣнія.

Такъ, напримѣръ, одесскій корреспондентъ «Петр. Газеты», со словъ внучки генерала Черняева, сообщаетъ, что въ Салоникахъ скончалась княгиня Урусова, не будучи въ силахъ пережить нѣмецкія жестокости, которымъ она подвергалась, находясь въ австрійскомъ плѣну [1]).

Затѣмъ въ припадкѣ нервнаго разстройства, какъ слѣдствіе пережитаго въ Берлинѣ, 2-го сентября, по возвращеніи въ Петроградъ, повѣсилась пожилая (50 лѣтъ) женщина, М. А. Елисѣева.

Наконецъ, должно замѣтить, что полная неизвѣстность о судьбѣ, постигшей въ Германіи русскихъ путешественниковъ, въ связи съ установленными уже фактами нѣмецкихъ звѣрствъ, причиняетъ ихъ родственникамъ тяжкія нравственныя терзанія, ведущія даже къ самоубійству. Напомнимъ трагическую смерть престарѣлаго инженера Л. Ю. Яблоновскаго, вызванную, испытанными имъ страданіями, связанными съ задержаніемъ его семьи въ нѣмецкомъ плѣну.

Весною этого года жена, дочь и больной сынъ Яблоновскаго выѣхали въ Германію, гдѣ ихъ застала война. Несмотря на болѣзнь сына, нѣмцы насильно увезли его въ Берлинъ и помѣстили отдѣльно отъ матери, въ одномъ зданіи со всѣми военноплѣнными. Не имѣя долгое время извѣ-

---

[1]) См. также «Веч. Время» 30-го августа, разсказъ доктора Герзони.

стій отъ жены, Яблоновскій послалъ на розыски своего второго сына. Посланный Яблоновскимъ сынъ былъ схваченъ нѣмцами на границѣ съ Голландіей и заточенъ въ крѣпость, уже какъ шпіонъ. О судьбѣ жены и дѣтей до Яблоновскаго доходили самыя невѣроятныя извѣстія. Онъ нѣсколько разъ обращался черезъ испанское посольство въ Германію съ запросомъ о судьбѣ близкихъ ему лицъ, но отвѣта не было. На второй мѣсяцъ войны Л. Ю. Яблоновскій самъ отправился на розыски жены и дѣтей сначала въ Данію, а затѣмъ въ Голландію, велъ безконечную переписку, но на всѣ его запросы нѣмцы отвѣчали циничнымъ издѣвательствомъ. Ему сообщали, что его дѣти военноплѣнные, жена же сошла съ ума. Пробывъ въ Голландіи до самыхъ послѣднихъ дней и ничего не добившись (нѣмцы отказались принять даже деньги, которыя Яблоновскій просилъ переслать дѣтямъ и женѣ), онъ вернулся 20-го сентября въ Петроградъ совершенно больнымъ и разбитымъ.

Между тѣмъ, по словамъ вернувшагося изъ Берлина, уже послѣ смерти отца, молодого г. Яблоновскаго, его «мать посылала массу писемъ отцу, сообщая всѣ подробности случившагося, но, какъ теперь выяснилось, покойный писемъ этихъ не получалъ» [1]).

Послѣднее извѣстіе изъ Германіи, дошедшее до Яблоновскаго, сообщало, что нѣмцы разстрѣ-

---

[1]) См. «Веч. Вр.» отъ 2-го октября.

ляли его второго сына, и что жена его подъ вліяніемъ всего пережитаго сошла съ ума. Извѣстіе осталось непровѣреннымъ, но для Яблоновскаго оно имѣло роковое значеніе. 27-го сентября прислуга нашла Яблоновскаго мертвымъ, съ простреленной грудью, въ кабинетѣ. Покойный оставилъ нѣсколько писемъ, изъ которыхъ видно, что самоубійство Яблоновскаго явилось логическимъ слѣдствіемъ пережитыхъ тревогъ.

Покойному шелъ 51-й годъ [1]).

Не менѣе тяжелыя мученія перенесли тѣ многочисленные несчастные русскіе плѣнники, которые, благодаря подлой политикѣ нѣмцевъ, будучи задержанными въ Германіи и Австріи, не имѣли возможности обмѣняться прощальнымъ поцѣлуемъ съ родными имъ героями, значительной части которой суждено будетъ положить свою жизнь на поляхъ сраженій.

Обращеніе нѣмцевъ съ русскими «военноплѣнными», изъ числа мирныхъ путешественниковъ, самое хамское. Все расчитано на то, чтобы нашимъ соотечественникамъ причинить какъ можно больше нравственныхъ мученій. Русскіе содержатся въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ, въ конюшняхъ Рулебена, и даже въ телятникахъ и свинарникахъ [2]). Жизнь

---

[1]) «Нов. Вр.» 28-го сентября.

[2]) Товарищъ оберъ-прокурора угол. кас. деп. сената С. А. Червинскій любезно намъ сообщаетъ. «Когда я, по прибытіи въ Штетинъ, спросилъ начальника конвоя, зачѣмъ насъ привели на бойню, то онъ отвѣтилъ, что русскихъ можно помѣщать только въ хлѣву, такъ какъ они

въ «лагерѣ военноплѣнныхъ», въ Рулебенѣ, рисуетъ копенгагенскій корреспондентъ «Русскаго Слова», узнавшій о тамошнихъ порядкахъ изъ собственнаго опыта [1]).

«Положеніе русскихъ мирныхъ гражданъ, задержанныхъ въ Германіи въ качествѣ военноплѣнныхъ и содержащихся въ Рулебенѣ, по словамъ названной кореспонденціи, ухудшается съ каждымъ днемъ.

Въ то время, какъ германскіе подданные, задержанные въ Россіи, пользуются свободой, въ Берлинѣ, наоборотъ, болѣе двухъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ, среди которыхъ довольно большая группа интеллигентовъ, содержатся взаперти, въ условіяхъ, оскорбляющихъ человѣческое достоинство, истязающихъ тѣло и душу. Съ внѣшнимъ міромъ эти несчастные разобщены почти совершенно. На свиданія къ нимъ допускаютъ только разъ въ недѣлю, но и тутъ время свиданій ограничено всего получасомъ. Разговаривать по телефону съ живущими въ Берлинѣ друзьями и даже родными воспрещается. Корреспонденція подвергается строжайшей и придирчивой цензурѣ.

Помѣщаются плѣнные въ конюшняхъ, но и здѣсь они набиты, какъ сельди въ бочкѣ. Ни кро-

---

не лучше свиней и что насъ ожидаетъ, конечно, смертная казнь, но, къ сожалѣнію, еще не получено соотвѣтствующаго распоряженія».

[1]) См. назв. газету отъ 27-го сентября

ватей, ни, тѣмъ болѣе, столовъ или стульевъ нѣтъ и въ поминѣ. Плѣннымъ приходится спать на матрасикахъ, набитыхъ соломой и брошенныхъ прямо на полъ. Здѣсь на нихъ набарсываются миріады насѣкомыхъ, которыми буквально кишатъ эти конюшни. Дрожь отвращенія охватываетъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ ужасѣ, который пишущему эти строки довелось испытать на своей собственной спинѣ.

Нѣкоторые изъ интеллигентовъ пробовали протествовать, пробовали заявлять, что они не привыкли ни спать въ лошадиныхъ стойлахъ, ни подвергаться такому грубому, унизительному обращенію.

На всѣ такіе протесты комендантъ, или его представитель, неизмѣнно отвѣчаютъ:

— Вы, господа,—военноплѣнные. Соотвѣтственно этому вашему положенію вы и устроены. Кроватей мы вамъ дать не можемъ,—онѣ намъ нужны для нашихъ раненыхъ. Впрочемъ, разъ вы тутъ живете, то это уже не лошадиныя стойла. А салоновъ мы вамъ отводить не можемъ...

Караульные унтеръ-офицеры издѣваются надъ плѣнными, словно умышленно бьютъ на то, чтобы плѣнные потеряли терпѣніе и взбунтовались.

Если кто-либо изъ интеллигентовъ позволитъ себѣ поперечить унтеръ-офицеру, тотъ обрушивается на него съ крикомъ: «Молчать!» и съ площадной бранью, угрожая при этомъ карцеромъ.

Повсюду въ лагерѣ развѣшены плакаты, грозящіе разстрѣломъ за малѣйшую попытку противодѣйствія властямъ.

Присяжный повѣренный Гольдбергъ, москвичъ, и инженеръ Минеевъ по 31 часу просидѣли въ карцерѣ только лишь за то, что недостаточно проворно повиновались приказаніямъ унтеръ-офицера.

Несмотря на суровость репрессій, плѣнные доведены до такого изступленія, что столкновенія между ними и унтеръ-офицерами происходятъ почти ежедневно.

Плѣнными пользуются для различныхъ черныхъ работъ, а кромѣ того, ежедневно по два часа гоняютъ ихъ вокругъ лагеря.

Всѣ попытки комитета помощи добиться освобожденія хотя бы только интеллигентовъ, всѣ попытки устроить имъ разрѣшеніе на жительство въ Берлинѣ, потерпѣли фіаско.

— Кто намъ поручится,—спрашиваютъ власти,—что русскіе интеллигенты, будучи выпущены на свободу, не займутся шпіонажемъ и первые не начнутъ стрѣлять въ насъ, когда русскіе войдутъ въ Берлинъ?

Испанское посольство безсильно что-либо сдѣлать для улучшенія того режима, подъ какимъ живутъ въ Берлинѣ русскіе плѣнные.

Нервы у всѣхъ плѣнныхъ до того взвинчены и издерганы, что, того гляди, это прорвется открытымъ возмущеніемъ, за которое ихъ, конечно, заставятъ дорого расплатиться [1])».

---

[1]) Вернувшійся изъ Германіи г. Яблоновскій, о которомъ мы упоминали нѣсколько выше, также свидѣтель-

Зная нѣмецкихъ судей, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что если дѣло дойдетъ до суда, то приговоръ можетъ быть лишь одинъ: «разстрѣлять».

Картину современнаго германскаго суда надъ русскими плѣнными рисуетъ д-ръ Ф., возвратившійся изъ Америки черезъ Гамбургъ и Берлинъ [1]).

По словамъ г. Ф., «это былъ судъ страшно скорый. По одному подводили къ столу «шпіоновъ». Словъ было мало. Здѣсь уже витала смерть. Подсудимымъ-обреченнымъ задавались одни и тѣ же вопросы, въ однихъ и тѣхъ же скупыхъ словахъ. «Имя», «фамилія», «откуда», «занятіе»—и все. И каждое слово звучало, какъ ударъ по гробовой крышкѣ. Въ результатѣ допроса короткое, сухое заявленіе: «шпіонъ». Осужденнаго отводили въ сторону. Люди были совершенно раздавлены страхомъ, ночной мглой, суровостью судейскихъ лицъ, неожиданностью обрушившагося на нихъ насчастья и не могли ничего говорить. Судъ этотъ былъ какой-то послѣдней формальностью въ уже заключенной за нимъ сдѣлкѣ со смертью. Докторъ хотѣлъ было что-то сказать, но почувствовалъ, что здѣсь не разговариваютъ. Онъ попробовалъ попросить дать ему переводчика, чтобы объяснить

ствуетъ, что «за послѣднее время режимъ въ Рулебенѣ для русскихъ военноплѣнныхъ сталъ еще суровѣе, причемъ свиданія съ родными болѣе ограничены, чѣмъ прежде. Задержанные питаются солдатской пищей («Веч. Время» 2-го октября).

[1]) См. «День» отъ 27-го сентября.

суду ужасную ошибку, но его сразу перебили, едва ли разслышавъ. Точно звукъ его голоса кощунственно нарушалъ мѣрно развивавшуюся мрачную мессу смерти. Доктора допрашивали послѣднимъ и также отвели въ сторону.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ на томъ же разстояніи другъ отъ друга отвели на другой дворъ. Посреди двора стоялъ столбъ, въ сторонѣ запряженная платформа.

Начались разстрѣлы.

Сначала завязали на спинѣ руки, затѣмъ завязывали глаза. Подводилъ къ столбу солдатъ, привязывалъ у поясницы и отходилъ въ сторону. Впереди на разстояніи 20 шаговъ выстраивались шесть солдатъ. Команда и залпъ. Верхняя половина тѣла, окровавленная, свѣшивалась внизъ. Трупъ отвязывали и клали на фургонъ. Стояли всѣ обреченные и смотрѣли. Не было уже и страха. Былъ столбнякъ. Шли къ столбу покорно. Не плакали, не упирались, не кричали. Точно еще до разстрѣла стали мервецами.

Затѣмъ повели второго—остался 41 обреченный. Повели третьяго—осталось сорокъ.

Разстрѣлы шли правильно безъ заминки. Всѣ оставались на мѣстахъ и тупо смотрѣли на столбъ. Иногда высокой струей брызнетъ кровь. Иногда изрѣшетенная жертва оставалась въ той же позѣ».

Чтобы подвергнуться разстрѣлу, въ нѣмецкомъ плѣну не нужно даже совершить какую-либо провинность, но достаточно, если несчастные узники заболѣютъ.

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» представитель крупной лодзинской фирмы, «человѣкъ заслуживающій полнаго довѣрія», г. Ф., вернувшійся въ концѣ сентября изъ нѣмецкаго плѣна, разсказываетъ, что подъ Кюстриномъ, близъ Берлина, среди русскихъ плѣнниковъ «вслѣдствіе продолжительнаго заключенія, а также изъ-за сквернаго питанія, развились быстро различныя заболѣванія.

Германскіе врачи, осматривавшіе двѣ недѣли тому назадъ нѣкоторыхъ заключенныхъ, среди которыхъ были двѣ женщины, нашли, что среди русскихъ наблюдаются гастрическія заболѣванія неопредѣленнаго характера.

Въ особенности въ рѣзкой формѣ гастритомъ были больны два молодыхъ русскихъ человѣка и двѣ женщины.

Послѣ доклада врачей коменданту Кюстрина объ этихъ четырехъ больныхъ русскихъ, было сдѣлано распоряженіе отдѣлить ихъ отъ всѣхъ остальныхъ заключенныхъ.

Въ ту же ночь всѣ четверо были, какъ объяснили остальнымъ заключеннымъ, «разстрѣляны», по постановленію коменданта и его адъютантовъ, изобразившихъ изъ себя военно-полевой судъ.

Германцы въ своей жестокости, съ инквизиціонной холодностью издѣваясь надъ остальными заключенными, говорили:

— Смотрите, не заболѣвайте, ибо васъ ждетъ такая же участь» [1]).

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.» 2-го октября (в. в.).

Конечно, въ смерти этихъ несчастныхъ нашихъ соотечественниковъ, наравнѣ съ непосредственными палачами, виновными являются и нѣмецкіе доктора, не вступившіеся за участь своихъ паціентовъ. Впрочемъ, ничего другого отъ нѣмецкихъ лѣкарей ожидать нельзя, такъ какъ, сбросивъ льстивую маску лакейства, эти европейскія знаменитости, разжирѣвшія на деньгахъ русскихъ больныхъ, предстали предъ нашими глазами все тѣми же нѣмцами,—подлыми, жестокими, склонными всегда къ воровству и мелкому мошенничеству.

По словамъ г-жи А. Чернявской, «лѣчившаяся въ Киссингенѣ г-жа Ванновская заняла послѣ объявленія войны у своего постояннаго врача 300 марокъ.

Докторъ далъ денегъ какъ-будто охотно, но черезъ нѣсколько дней прислалъ ей карточку съ требованіемъ или немедленно возмѣстить долгъ, или прислать ему взамѣнъ долга... кольцо, которое онъ видѣлъ на рукѣ дочери г-жи Ванновской.

Кольцо доктору было послано.

Черезъ нѣсколько дней докторъ прислалъ второе письмо, въ которомъ, заявляя, что ему не уплачено за какой-то визитъ, требовалъ другое кольцо дочери г-жи Ванновской.

Боясь попасть въ тюрьму, Ванновскія послали доктору и второе кольцо.

Фамилія этого врача—*Лейсеръ*»[1]).

---

1) «Рус. Сл.» отъ 31-го августа.

Отъ М. О. Эпштейна мы слыхали объ алчности проф. Кохерта, практикующаго въ Амресвилѣ. Незадолго до войны, Кохертъ сдѣлалъ серьезную операцію г-жѣ М. Лихтъ (изъ Брестъ-Литовска), взявъ за эту операцію 1.500 франковъ. Недѣли черезъ двѣ, уже послѣ начала войны, г-жа Лихтъ почувствовала приступы сильной боли и рѣшила вновь лечь въ санаторію проф. Кохерта. Не имѣя наличныхъ денегъ и не имѣя возможности получить по аккредитиву, г-жа Лихтъ просила проф. Кохерта обождать уплату за леченіе, указывая на создавшееся положеніе. Однако, Кохертъ рѣшительно отклонилъ эти условія своей паціентки, требуя, чтобы она впередъ заплатила значительную сумму денегъ.

Въ Наугеймѣ, какъ намъ сообщала баронесса О. Е. Каульбарсъ, докторъ Эссеръ, узнавъ, что военныя власти разрѣшили нѣкоторымъ состоятельнымъ русскимъ выѣхать изъ курорта, обратился къ коменданту съ просьбой отобрать выданныя пропускныя свидѣтельства, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что «у этихъ русскихъ имѣется еще много денегъ». И, конечно, просьба Эссера была признана вполнѣ основательной.

Въ Ростокѣ, о чемъ мы слыхали отъ Я. А. Львова, русскій-нѣмецъ, г. Д-ке, встрѣтивъ на улицѣ хорошо знакомаго профессора мѣстнаго медицинскаго факультета Кюна, попросилъ его оказать содѣйствіе къ своему возвращенію въ Россію. Каково же было удивленіе г-на Д, когда Кюнъ, прійдя въ непонятное раздраженіе, раскричался

на Д., топая при этомъ ногами, выругалъ его и заявилъ: «я уже написалъ коменданту о томъ, что онъ русскимъ предоставляетъ слишкомъ много свободы и посовѣтовалъ ему всѣхъ васъ разстрѣлять. Хотите, чтобы я написалъ ему еще разъ?»

Въ томъ же Ростокѣ, по словамъ доктора Герзони, русскихъ врачей, для провѣрки ихъ заявленій о своемъ званіи, экзаменовалъ мѣстный врачъ, при чемъ, по окончаніи экзамена, культурный нѣмецъ потребовалъ со своихъ коллегъ «за трудъ» по десяти марокъ съ каждаго [1]).

Чтобы покончить съ нѣмецкими врачами, сошлемся еще на свидѣтельство г-жи Б. Шперлингъ, мужъ которой скончался въ бреславльской больницѣ.

«Въ больницѣ мой мужъ, пишетъ гжа Шперлингъ, можетъ быть, и поправился бы, если бы тамъ было человѣческое обращеніе; но младшій врачъ и сидѣлка дѣлали со своей стороны все, что могли, чтобы привести къ роковой развязкѣ. Напримѣръ, докторъ кричалъ на мужа, а сидѣлка говорила, что русскихъ разстрѣливаютъ на улицахъ Бреславля. Разными издѣвательствами по адресу русскихъ они довели до того, что сердце моего бѣднаго мужа не выдержало, и онъ умеръ. Вѣдь они изъ бумагъ видѣли, что мы курортные гости, которые изъ года въ годъ пріѣзжаютъ въ тотъ же «Рейнертсъ». И это все-таки не остановило этихъ жестокихъ людей. Я себѣ никогда

[1]) См. «Веч. Вр.» 30-го августа.

не могла представить, что эти отполированные нѣмцы, въ сущности, такъ грубы и безсердечны!» [1]).

Неужели же позорное поведеніе во время этой войны нѣмецкихъ врачей не окажетъ отрезвляющаго воздѣйствія на русскую путешествующую публику? Неужели же и въ будущемъ найдутся отщепенцы нашей родины, которые вновь повезутъ русское золото въ нѣмецкіе курорты, превращенные въ настоящее время въ каторжныя тюрьмы, въ которыхъ томятся тысячи неповинныхъ ни въ чемъ русскихъ гражданъ?

Въ видѣ примѣра истиннаго отношенія къ русскимъ на нѣмецкихъ курортахъ, приведемъ разсказъ г-жи А. Чернявской «о возмутительномъ обращеніи съ русскими въ Киссингенѣ,—въ томъ Киссингенѣ, который выросъ на русскія деньги.

«Москвичамъ Брюхатовымъ, — разсказываетъ г-жа Чернявская,—нечѣмъ было расплатиться по счету въ «Заннеръ-отелѣ».

Они показывали свои аккредитивы и просили повѣрить имъ по векселямъ, но владѣльцы отеля были неприклонны.

За гг. Брюхатовыхъ вступился помѣщикъ Бобянскій, у котораго также не было съ собой денегъ, но зато были кое-какія драгоцѣнныя вещи.

Г. Бобянскій предложилъ въ уплату за долгъ гг. Брюхатовыхъ въ 600 марокъ нѣсколько своихъ брильянтовыхъ колецъ и часовую цѣпочку, стоящія 4,000 рублей.

---

[1]) См. «Веч. Вр.» 26-го сентября.

Владѣльцы отеля «Заннеръ-отель» взяли эти вещи» [1]).

Въ томъ же Киссингенѣ, какъ мы слыхали отъ г-жи С. М. Эпштейнъ, администрація гостиницы «Викторія» послѣ начала войны за 100 рублей давала 120 марокъ. Когда же наличныя деньги у русскихъ вышли, то они принуждены были за свое содержаніе расплачиваться брильянтовыми и другими драгоцѣнностями, такъ какъ бывшая всегда предупредительной администрація «Викторіи» въ это время не хотѣла отсрочить уплату денегъ, не считаясь съ невозможностью для русскихъ получить деньги по аккредитивамъ.

Выше мы приводили разсказъ русскаго плѣнника о режимѣ, который нѣмцами былъ установленъ въ «лагерѣ русскихъ», въ Рулебенѣ. Мало чѣмъ отличались и другія мѣста заключеній нашихъ соотечественниковъ. Всѣ эти Шпандау, Моабиты, Эрфурты, Коленбахи, Деберицы, Ростоки, Бреславли и т. п. застѣнки, въ которыхъ русскихъ путешественниковъ били, истязали, морили голодомъ и разстрѣливали, не должны быть оставлены безъ вниманія при заключеніи мира. Непосредственные виновники нѣмецкой подлости должны быть выданы во власть русскаго правительства и, конечно, подобнымъ звѣрямъ подобаетъ коротать остатокъ своихъ дней только въ каторжныхъ тюрьмахъ.

Членъ Государственной Думы Я. А. Львовъ,

---

[1]) «Рус. Сл.» 31-го августа.

просидѣвшій въ ростокской тюрьмѣ одинъ мѣсяцъ и двадцать дней, любезно подѣлился съ нами впечатлѣніями пережитого.

Арестованъ Я. А. Львовъ былъ 20—21 іюля въ Нейстрелицѣ, откуда, въ числѣ значительной партіи русскихъ, попалъ въ ростокскую тюрьму, гдѣ заключенныхъ набралось до 700 человѣкъ. Ростокскій комендантъ майоръ фонъ-Трескау обращался съ русскими въ высшей степени грубо: кричалъ на нихъ, грозилъ за каждый пустякъ разстрѣломъ, набрасывался на нихъ съ выразительной жестикуляціей руками, не стѣсняясь даже подносить кулаки къ лицамъ интеллигентныхъ женщинъ.

Непосредственнымъ начальникомъ арестованныхъ считался полицейскій офицеръ лейтенантъ фонъ-Вигерсъ, характеристику котораго даетъ на страницахъ «Русскаго Слова» профессоръ І. М. Гольдштейнъ.

Вигерсъ, по словамъ этого свидѣтеля, «былъ человѣкъ грубый, злобный, дѣлавшій все, чтобы ухудшить и безъ того тяжелое и невыносимое положеніе заключенныхъ въ тюрьму русскихъ» [1].

Приведя въ тюрьму,—разсказываетъ дальше г. Львовъ,—русскихъ женщинъ, дѣтей, мужчинъ и больныхъ заперли въ одну комнату, гдѣ держали въ теченіе восьми дней. Только по истеченіи этого срока женщины и больные были помѣщены въ особыя камеры; мужчины же, безъ раз-

[1]) «Рус. Сл.» 23-го сентября.

личія ихъ положенія, всѣ остались въ грязныхъ подвалахъ и коридорахъ тюрьмы. Дамамъ были даны кровати съ матрацами, набитыми соломою, а мужчинамъ приходилось спать на полу, подостлавъ лишь тонкій слой соломы. Предчувствуя участь, которая ожидала русскихъ плѣнниковъ, одна дама, вступая въ тюрьму, выразила неудовольствіе. Этотъ протестъ обозлилъ Вигерса и онъ ударилъ по головѣ даму, осмѣлившуюся подать свой голосъ.

Будили заключенныхъ въ пять часовъ утра, причемъ къ шести часамъ уже всѣ русскіе должны были быть готовыми, такъ какъ въ это время приносили невозможную бурду, подъ названіемъ «кофе».

Запаздывать русскимъ на позволялось. Бывали случаи, что заспавшихся плѣнниковъ обливали холодной водой. Г. Львовъ вспоминаетъ одинъ возмутительный случай, когда унтеръ-офицеръ окатилъ холодной водой русскую даму, бившуюся въ лихорадкѣ, съ весьма поднятой температурой. Мужъ этой дамы заступился за несчастную жену, за что унтеръ-офицеръ нанесъ ему нѣсколько ударовъ.

Въ теченіе шести недѣль, что пробылъ г-нъ Львовъ въ ростокской тюрьмѣ, русскимъ не позволяли вовсе курить, угрожая разстрѣлять нарушителей этого запрета.

Вотъ что разсказываетъ по данному поводу докторъ Герзони, сидѣвшій въ тюрьмѣ одновременно съ Я. А. Львовымъ.

«Въ глубокомъ ужасѣ размѣстились мы на полу, на соломѣ, безъ подушекъ и одѣялъ. Утромъ произошелъ скандалъ. Кто-то изъ русскихъ закурилъ и вошедшій къ намъ комендантъ заявилъ, что если еще разъ онъ узнаетъ, что курятъ, то прикажетъ разстрѣлять всѣхъ здѣсь находящихся. По распоряженію этого коменданта на крышу училища, гдѣ мы находились, былъ приставленъ часовой, который долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, курятъ ли русскіе, или нѣтъ» [1]).

Наконецъ, по словамъ проф. Гольдштейна, ростокскихъ узниковъ «возмущали издѣвательства нѣмцевъ, которые развлекались тѣмъ, что на глазахъ толпы русскихъ дѣлали театральныя приготовленія къ разстрѣлу. Раздавали солдатамъ боевые патроны, выкатывали пушку, выносили траурные катафалки и т. п.

Конечно, съ дамами дѣлались истерики, да и мужчины чувствовали себя не особенно хорошо.

Все это, видимо, очень нравилось нѣмцамъ, но было безконечно гнусно.

Когда издѣвательства достигли крайнихъ предѣловъ,—говоритъ Гольдштейнъ,—я обратился къ завѣдующему полиціей съ предупрежденіемъ, что слухи о поведеніи нѣмцевъ могутъ дойти до Россіи. Въ Россіи живетъ много уроженцевъ Мекленбургъ-Стрелица, и русскіе могутъ въ отместку всѣхъ мекленбуржцевъ выдѣлить въ особую группу и создать для нихъ «спеціальный режимъ».

[1]) «Вечернее Время» 30-го августа.

Противъ всякихъ ожиданій, эта угроза подѣйствовала» [1]).

Къ сожалѣнію, наши власти не учли заячью психологію нѣмецкихъ негодяевъ и не только не принимали въ отношеніи задержанныхъ у насъ тевтоновъ никакихъ репрессій, но даже снисходительно относились къ ихъ наглымъ выходкамъ, справедливо оскорблявшимъ долготерпѣніе русскаго человѣка.

Русскимъ, почему-либо не заключеннымъ въ нѣмецкихъ тюрьмахъ, приходилось переживать много тяжелыхъ минутъ. При каждомъ случаѣ, говоритъ г-жа А. С-чъ, нѣмцы «начинали ругать въ лицо не только васъ, но и вашу національность, вашу религію, вашу страну, честь дѣтей и родителей,—все, что вамъ близко и дорого... Вѣдь, надо же было, восклицаетъ названный авторъ, такъ унизить человѣка, чтобы онъ радовался, если его только не били! Ругательства въ счетъ ужъ не шли...» [2]).

Проживая, якобы, на свободѣ, русскіе на самомъ дѣлѣ были подъ непрестаннымъ надзоромъ тайныхъ агентовъ. Въ Берлинѣ, напримѣръ,— говоритъ проф. Н. И. Карѣевъ, «я безъ разрѣшенія полиціи не имѣлъ права даже перемѣнить квартиру и обязанъ былъ являться въ полицейскій участокъ каждые три дня и т. п.» [3]).

---

[1]) «Русск. Сл.» 23-го сентября.
[2]) А. С-чъ. Въ Берлинѣ во время войны.
[3]) «Русск. Вѣд.» 12-го сентября.

Это обязательное посѣщеніе участка среди русскихъ, по словамъ г-жи А. С-чъ, называлось «абонементомъ». Въ томъ же Берлинѣ,—говоритъ г-жа А. С-чъ, «даже дома, даже въ бесѣдѣ между собой намъ запрещалось говорить по-русски».

Чтобы имѣть представленіе, что переживаютъ наши соотечественники въ нѣмецкомъ плѣну, приведемъ выдержки изъ любезно предоставленнаго намъ интереснаго письма С. Н. Юнкеръ (урожденной Ланской), возвратившейся на родину въ серединѣ минувшаго сентября.

«Въ продолженіе семи недѣль,—разсказываетъ С. Н. Юнкеръ,—изо дня въ день мы, убитые горемъ русскіе, направлялись рано утромъ на городскую площадь, чтобы читать только вѣсти о неслыханныхъ побѣдахъ нѣмцевъ и объ «ужасахъ», творящихся въ нашей несчастной родинѣ. Въ продолженіе семи недѣль бродили несчастные затерянные русскіе по роскошнымъ паркамъ Бадена, и, встрѣчаясь съ угнетенными соотечественниками, перекидывались нѣсколькими словами, оглядываясь робко на прохожихъ, боясь чѣмъ-нибудь выдать свою національность.

Въ одинъ изъ такихъ дней первой недѣли расклеили по городу большіе плакаты, извѣщавшіе, чтобы всѣ «иностранцы» явились къ 9 часамъ утра въ полицейское «бюро развѣдокъ» за инструкціями. Съ утра передъ дверью полицейскаго управленія тѣснилась масса народа, такъ какъ въ Баденъ были привезены русскіе со всего Шварцвальда, изъ санаторій, больницъ, курор-

товъ и т. д. По очереди подходили русскіе къ столу. Нужно было стоять передъ городовымъ, развалившимся на стулѣ, который задавалъ вопросы. Послѣ подписи опросныхъ листовъ, городовой говорилъ съ серьезнымъ лицомъ каждому: «Вамъ запрещается: говорить по-русски, осуждать германское правительство, приходить домой, въ отель, позже 9 часовъ вечера, не выходить за предѣлы города, писать можно только въ нейтральныя страны и въ другія мѣста Германіи» и т. д. «Въ случаѣ неисполненія правилъ, вы будете по меньшей мѣрѣ немедленно разстрѣляны». «Ступайте и ведите себя прилично».

На другой же день опять расклеиваются распоряженія полиціи слѣдующаго содержанія: «Граждане Бадена! Нашъ городъ кишитъ (es wimmelt) русскими шпіонами; призываемъ всѣхъ честныхъ патріотовъ немедленно помогать правительству ловить всѣхъ кажущихся подозрительными лицъ, независимо отъ пола, возраста и сословія. Помогайте, слѣдите, доносите, этимъ вы только окажете родинѣ услугу». И вотъ началась травля.

День проходилъ въ писаніи просьбъ всевозможному нѣмецкому начальству, во всѣ посольства и консульства съ мольбою помочь хотя какъ-нибудь дать о себѣ вѣсть на родину. Несешь (такъ было приказано) всѣ эти просьбы и мольбы въ почтамтъ. Стоишь передъ почтмейстеромъ, пока онъ важно читаетъ твою бумагу или письмо и—или благосклонно принимается писаніе, или

швыряется ею въ физіономію, съ обидной фразой глумленія, а то просто съ окрикомъ: «Zurück»—и хлопъ!—захлопнулось оконце.

Сколько мучительныхъ сценъ глухой скорби, отчаянья, тоски и незаслуженныхъ обидъ видѣли эти стѣны!

Помню одну даму, задержанную въ Баденѣ, куда она пріѣхала на денекъ изъ Берна къ знакомымъ, оставивъ двухъ маленькихъ дѣтей съ няней въ Бернѣ. Назадъ ее не пускали, а дѣтей не позволили взять въ Баденъ-Баденъ,—и она пять недѣль не имѣла понятія, гдѣ они и что съ ними... Глаза у нея были совсѣмъ полоумные, шляпа всегда какъ-то сбита на бокъ на непричесанныхъ волосахъ. Соотечественники помогали ей писать просьбы рѣшительно ко всѣмъ властямъ, но ничто не помогло и, въ концѣ концовъ, ей все-таки велѣли выѣхать изъ Бадена, а Швейцарія (тогда) къ себѣ никого не принимала.

Наконецъ, одинъ-другой русскій получили разрѣшеніе уѣхать... Получивъ приказаніе, идемъ въ полицію. Съ какимъ терпѣніемъ стоишь въ толпѣ передъ маленькой грязной дверью участка, съ какой надеждой смотришь на нее. Душно въ коридорѣ, жарко... Наконецъ, входимъ. Опять сидитъ полицейскій чиновникъ; вы стоите. Спрашиваетъ: кто вы? почему хотите уѣхать?—просматриваетъ паспортъ, даетъ листокъ.

«Въ слѣдующую комнату, въ военный отдѣлъ».—Тамъ два молодца сидятъ за столами, перебираютъ бумаги.

На ваше: «Guten Tag»—ни слова. Стоимъ, ждемъ, пока одинъ изъ нихъ, полагая, что мы уже достаточно почувствовали въ какой находимся унизительной отъ него власти, спроситъ: «Вамъ что?»—«Да, вотъ, получили повѣстку явиться за разрѣшеніемъ»...—«Имя?» «возрастъ?» «причина желанія уѣхать?». Идемъ въ слѣдующую комнату, уже съ отпускнымъ билетомъ отъ «Министерства Внутреннихъ дѣлъ Великаго Баденскаго герцогства». Въ этой камерѣ сидитъ молодой, розовый, бѣлокурый, но свирѣпый начальникъ. Входимъ. Розовый, свирѣпый германецъ молча бросаетъ на столъ нашъ отпускъ и молча отворачивается къ своимъ бумагамъ. На ваши: «danke sehr, adieu»,—ни слова, ни поворота головы...

На другой день мы выѣхали въ Берлинъ, гдѣ насъ ждало новое испытаніе. Оказалось, что разрѣшеніе великаго герцогства Баденскаго не имѣетъ никакой цѣны. Надо идти опять въ участокъ, въ полицейское управленіе, въ комендантуру. Вездѣ васъ опрашиваютъ, штемпелюютъ вашъ паспортъ и въ концѣ даютъ только листокъ на «право проживанія въ Берлинѣ». Выѣхать же куда-либо по желѣзной дорогѣ безъ печати самого коменданта вы не имѣете права.

И снова начались просьбы, мольбы, хлопоты, но все безъ результата! Помню я одну молодую чахоточную даму, съ больнымъ четырехлѣтнимъ мальчикомъ, только что перенесшимъ кошмарную операцію. Доѣхала она до Берлина разбитая окончательно. Хлопотать самой — нѣтъ силъ. Ле-

жала и мучительно ожидала будущаго. Средства на исходѣ. Разсчитывая каждую копѣйку, чтобы прокормить сына, она, захлебываясь отъ волненія, съ ужасомъ говорила о той минутѣ, когда изсякнутъ средства, если «разрѣшеніе» коменданта не послѣдуетъ скоро...

Подруга ея, съ двумя крошками, мальчикомъ и семимѣсячной дѣвочкой, дошла до истерическаго состоянія, бросаясь во всевозможныя «комитеты», общества и къ мало-мальски вліятельнымъ лицамъ, чтобы получить разрѣшеніе. Мужья этихъ дамъ были оставлены въ Баденѣ, какъ военноплѣнные, а имъ разрѣшено было выѣхать на родину...

Тяжесть подобныхъ издѣвательствъ и глумленій заключалась въ томъ, что, получивъ «милостивое разрѣшеніе» одного изъ многочисленныхъ герцогствъ, люди, попадая въ Берлинъ, Гамбургъ и другіе города и будучи увѣрены въ концѣ мученій,—получали въ лицо наглую фразу: «Что? Вамъ разрѣшило Баденское министерство уѣхать? Нѣтъ, вы подождете, пока мы вамъ это разрѣшимъ». Листъ отпускной отбирался—и чувство, близкое къ полному отчаянію, охватывало изболѣвшую душу...»

Въ такой неизвѣстности о завтрашнемъ днѣ томятся наши соотечественники въ Германіи. Чего-либо опредѣленнаго узнать невозможно. «На мои вопросы,—говорила намъ баронесса О. Е. Каульбарсъ,—когда насъ отпустятъ въ Россію, наблюдавшій за нами лейтенантъ съ важнымъ видомъ повторялъ:

«— Na ja, das hängt ganz von unseren Siegen ab».

Съ перваго дня объявленія войны, русскіе въ Германіи поставлены были внѣ закона и всякій негодяй могъ безнаказанно бить ихъ, не говоря уже объ оскорбленіяхъ

Чтобы показать, на что могли разсчитывать въ самомъ благопріятномъ случаѣ русскіе, находясь въ Германіи, мы приведемъ разсказъ молодой дамы, Л. М. Б.,—дочери генерала, любезно подѣлившейся съ нами своими воспоминаніями. Дѣло происходило въ самомъ началѣ войны.

«Въ 9 часовъ вечера, мы пріѣхали въ Кенигсбергъ,—пишетъ г-жа Б.—На площади, передъ вокзаломъ, насъ ожидала толпа. Увидя русскихъ, все зашевелилось, послышалась ругань, угрозы и въ воздухѣ замелькали кулаки. Мы были окружены солдатами, которые спасали насъ отъ толпы, но это не мѣшало публикѣ плевать въ насъ, давать тумаки и награждать щипками. Мы шли сквозь строй, изнемогая подъ тяжестью своихъ вещей, погоняемые солдатскими кулаками и прикладами. Какой-то приличный господинъ замахнулся палкой на мою маму, шедшую передо мной, но она успѣла увернуться, и палка скользнула лишь по спинѣ...

На моихъ глазахъ солдаты били прикладами старика-рабочаго, которому больныя ноги мѣшали нагнуться и поднять съ земли упавшій чемоданчикъ. Не знаю, что съ нимъ случилось дальше, но этого рабочаго я больше, во все время нашихъ мытарствъ, уже не встрѣчала. Заглядѣвшись на

эту расправу, я немного отстала отъ своей партіи; меня нагналъ конвоирующій насъ солдатъ и ударилъ меня кулакомъ въ спину съ такой силой, что я съ трудомъ удержалась на ногахъ.

Пройдя такимъ образомъ черезъ весь городъ, мы предстали передъ воротами тюрьмы, которыя поглотили уже не одну тысячу русскихъ и теперь были гостепріимно открыты для насъ.

На сырой землѣ и на мощеномъ двору спали въ повалку русскія семьи, дѣти и женщины, среди которыхъ было много больныхъ. Накрапывалъ дождь.

Мы размѣстились во дворѣ на своихъ чемоданахъ. Кругомъ возвышалось со всѣхъ четырехъ сторонъ большое пятиэтажное зданіе, въ которомъ, по словамъ пьянаго офицера, содержатся «русскіе шпіоны».

На этомъ дворѣ насъ продержали часа полтора. Хотѣлось ѣсть и пить, но все это было ничто въ сравненіи съ ужаснымъ состояніемъ духа...

Вдругъ кто-то заговорилъ надъ моимъ ухомъ,— это былъ надзиратель. Нагло и подло глядя на меня, онъ сыпалъ по моему адресу пошлые и дешевые комплименты, уговаривая остаться и никуда не уѣзжать отсюда. Не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ разговоръ, но раздалась команда и насъ, выстроивъ, повели опять черезъ городъ.

Башенные часы пробили два удара. На площади пришлось ждать около часу. Возлѣ насъ прогуливались два очень прилично одѣтые господина, которые, остановившись невдалекѣ отъ

меня, начали говорить между собою, по моему адресу: «Sehen sie, eine junge Gräfin ist dabei?!» и, называя такъ, они изысканно оскорбляли меня, какъ женщину. Чего только они не говорили! Одинъ дѣлалъ грязныя предложенія, другой спрашивалъ, за какую сумму я продаю свою невинность. Нужно было много выдержки, чтобы не дать имъ по физіономіи, но я скользила по нимъ безразличнымъ взглядомъ и не произносила ни слова. «Пойдемъ, эта дура не понимаетъ ни слова по-нѣмецки», сказалъ одинъ изъ нихъ, отчаявшись услышать отъ меня хотя бы одно слово. И они отошли прочь. Физическое утомленіе брало верхъ, ноги подкашивались, и не удивительно, такъ какъ мы пятнадцать часовъ ничего не ѣли.

Насъ ввели на вокзалъ и въ проходѣ, на сквознякѣ, мы простояли не менѣе часа. На просьбы дать намъ возможность купить что-нибудь въ буфетѣ, солдаты смѣялись и отвѣчали: «Вы можете и съ голоду подохнуть. Цѣлой кучей собакъ меньше будетъ»...

Въ 4½ часа насъ посадили въ вагонъ IV класса и заперли. Насъ оказалось 18 человѣкъ. Не обращая вниманія на грязный полъ, мы вповалку улеглись, подложивъ подъ головы чемоданы, и заснули кошмарнымъ, мертвымъ сномъ. Вагонъ попался старый и размѣститься всѣмъ не было возможности, а потому спали въ двѣ очереди, по два часа. Здѣсь уже не было различія: полъ, возрастъ, общественное положеніе—все сравнялось. Было 18 измученныхъ, несчастныхъ людей,

нуждающихся въ отдыхѣ и солидная дама, проспавъ свои два часа, уступала мѣсто еврею-рабочему, а крохотный мальчикъ клевалъ носомъ, стоя у окна, пока, черезъ два часа, не встанетъ его старшая сестренка и не уступитъ ему свое мѣсто...»

Какъ всѣ эти картинки далеки отъ тѣхъ благъ, которыми пользуются у насъ, въ Россіи, представители этой подлой націи.

ГЛАВА IX.

Подъ нѣмецкимъ владычествомъ.

Первые ужасы австро-германскаго нашествія на Россію пришлось пережить несчастному Калишу, въ которомъ презрѣнный майоръ Прейскеръ показалъ, до какой степени нравственнаго одичанія можетъ дойти современный намъ нѣмецъ. Убійства беззащитнаго населенія, безъ различія пола и возраста, разбои, грабежи, поджоги и насилованія женщинъ обозначаютъ пути наступленія армій нашего противника. Всѣ нравственные принципы, отличающіе современнаго культурнаго человѣка отъ звѣроподобныхъ дикарей, затоптаны въ грязь нѣмецкими полчищами мародеровъ, и эти ихъ дѣйствія, конечно, послужатъ исходной точкой новаго отношенія къ тевтонамъ со стороны народовъ всего цивилизованнаго міра послѣ войны. Въ частности, мы, русскіе, окажемся недостойными памяти нашихъ доблестныхъ братьевъ, павшихъ на поляхъ сраженій, если по прежнему будемъ гостепріимно

отворять двери своихъ домовъ убійцамъ и насильникамъ; если будемъ поддерживать съ ними дѣловыя сношенія; если, наконецъ, будемъ пожимать руки, обагренныя невинной кровью младенцевъ, женщинъ, стариковъ и сраженныхъ на поляхъ битвъ нашихъ раненыхъ воиновъ, систематически добиваемыхъ нѣмецкой сволочью.

Есть предѣлъ даже миролюбію народовъ, перейдя который это чувство вырождается въ жалкое лакейство.

Къ извѣстнымъ уже фактамъ нѣмецкаго распутства въ Калишѣ приведемъ нѣсколько новыхъ данныхъ.

Бѣжавъ изъ нѣмецкаго плѣна, бывшій президентъ Калиша, г. Буковинскій, подѣлился на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» пережитыми страданіями съ русскимъ обществомъ.

Позаимствуемъ нѣкоторыя подробности страдныхъ дней калишанъ изъ его интереснаго разсказа.

«Въ 2 ч. дня 20-го іюля,—пишетъ г. Буковинскій,—въ Калишъ вступилъ первый маленькій нѣмецкій отрядъ въ составѣ семи уланъ и восьми солдатъ на велосипедахъ, а около 12 часа ночи вступилъ первый батальонъ нѣмецкой пѣхоты съ сотней уланъ подъ командой майора Прейскера [1]). Послѣ размѣщенія своего батальона

[1]) Маіоръ Прейскеръ передъ началомъ войны командовалъ 2 баталіономъ 155 (7. 3—Прусскаго) пѣхотнаго полка, квартировавшаго въ гор. Острово, близъ Калиша. По разсказамъ калишанъ, въ мирное время Прейскеръ съ женою заѣжали въ Калишъ, гдѣ у него были знакомые

по различнымъ школьнымъ и общественнымъ зданiямъ, въ два часа ночи майоръ Прейскеръ пригласилъ меня въ свою квартиру въ «Европейской» гостиницѣ, гдѣ остановились и всѣ офицеры въ числѣ около 25 человѣкъ. Тутъ майоръ далъ приказанiе, чтобы на слѣдующiй день доставить для 820 человѣкъ продовольствiе, состоящее изъ кофе, мяса и хлѣба. На слѣдующiй день нѣмцами была конфискована городская касса, изъ которой забрали около тридцати тысячъ наличными и всѣ документы, которые обѣщали возвратить на слѣдующiй день.

21-го числа вечеромъ пошли по городу тревожные слухи, что наступаетъ какая-то неизвѣстная колонна, и вскорѣ раздались выстрѣлы патрульныхъ въ южной сторонѣ города. Въ теченiе пятнадцати минутъ весь нѣмецкiй отрядъ выступилъ на улицы въ полной боевой готовности, и спустя нѣсколько минутъ раздались выстрѣлы изъ ружей и пулеметовъ. Стрѣльба съ минуту на минуту усиливалась и, какъ оказалось, жертвами этой стрѣльбы пали до 400 невинныхъ жителей города. Нѣмецкiе солдаты, размѣщенные въ южной части города, не зная, изъ-за чего произошла тревога,

---

среди населенiя, разгромленнаго впослѣдствiи имъ-же города. Между прочимъ, въ числѣ водившихъ съ Прейскеромъ знакомство былъ богатый еврей Френкель, приговоренный затѣмъ къ разстрѣлу своимъ добрымъ прiятелемъ. 3 баталiономъ того же полка командовалъ маiоръ Шмидтъ, также, по словамъ кореспондента «Веч. Вр.», прославившiйся своею подлой жестокостью. (Примѣч. наше).

выступили на улицы, устроили баррикады, изъ-за которыхъ изъ ружей и пулеметовъ стрѣляли въ свой нѣмецкій отрядъ, слѣдовавшій имъ навстрѣчу съ сѣверной стороны города, и такимъ образомъ убили восемь и ранили двадцать девять. При осмотрѣ въ мѣстной больницѣ врачами были найдены пули только нѣмецкія. Впослѣдствіи майоръ Прейскеръ, желая избѣгнуть личной отвѣтственности за столь непріятный инцидентъ, старался отнести все происшествіе къ нападенію мѣстныхъ жителей на нѣмецкія войска, утверждаяя, что въ нихъ стрѣляли жители изъ своихъ домовъ. Нѣмецкіе солдаты стали ловить на улицахъ спокойныхъ гражданъ, размѣщали ихъ на мостовой и заставляли лежать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ спиной вверхъ, съ вытянутыми руками поверхъ головы. Потомъ Прейскеръ разъѣзжалъ по всѣхъ этимъ пунктамъ и въ своемъ присутствіи приказывалъ разстрѣливать десятки людей, не спрашивая, кто они и въ чемъ они провинились.

Меня изъ квартиры вытащили въ часъ ночи въ одной рубашкѣ и заставили лежать на мостовой въ описанномъ положеніи. Продержали такимъ образомъ до пяти часовъ дня, и за каждый поворотъ головой или тѣломъ били, топтали ногами или толкали прикладомъ. За одно движеніе головы я получилъ отъ прусскаго солдата такой ударъ прикладомъ въ голову, что упалъ въ обморокъ и потерялъ сознаніе.

Наконецъ, появился комендантъ Прейскеръ, приказалъ меня поднять и, показывая на ладони

два невыстрѣленныхъ патрона и около полфунта дроби, сказалъ: «Das ist Ihre Freundschaft». Я удивился и спросилъ, откуда онъ взялъ эти патроны и эту дробь. Онъ объяснилъ, что нашелъ на улицѣ. Тогда я объяснилъ, что вѣдь невыстрѣленные патроны и найденная имъ дробь не могутъ служить доказательствомъ выстрѣловъ со стороны жителей. И вообще я отрицалъ, чтобы въ нѣмцевъ стрѣляли калишане. Прейскеръ тогда сказалъ, что первые два выстрѣла пущены были моей рукой изъ зданія ратуши. Это меня до того взволновало, что я закричалъ: «Das ist falsch!», за что опять поколотили меня рукоятками револьверовъ окружающіе меня офицеры. Въ то время, какъ я лежалъ на мостовой, привели изъ зданія ратуши дежурныхъ чиновниковъ и двухъ курьеровъ. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ меня въ одной рубашкѣ, снялъ съ себя мундиръ и покрылъ меня имъ. За это онъ поплатился жизнью; его и рядомъ съ нимъ лежавшаго акцизнаго чиновника моментально разстрѣляли. Фамилія курьера—Владиславъ Элингеръ. Такимъ образомъ, разстрѣляли и убили въ эту ночь не менѣе 400 человѣкъ. Меня отпустили домой, приказавъ явиться къ майору черезъ часъ.

Заставили городъ заплатить контрибуцію въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ рублей, которые слѣдовало собрать въ теченіе четырехъ часовъ подъ угрозой разстрѣлянія меня.

Къ счастью, удалось эти деньги найти и уплатить въ назначенное время. По полученіи денегъ Прейскеръ меня посадилъ подъ арестъ вмѣстѣ

съ двадцатью обывателями гор. Калиша, арестованными раньше.

Насъ продержали нѣсколько часовъ и потомъ въ сопровожденіи всего отряда, который выступилъ изъ Калиша, насъ повели къ калишскому вокзалу.

Дошли мы благополучно до вокзала, отстоящаго отъ города на три версты. Но, когда мы уже подходили къ вокзалу, раздался сигнальный выстрѣлъ изъ револьвера малаго калибра, послѣ котораго сопровождавшіе насъ солдаты разступились въ обѣ стороны, оставивъ насъ на серединѣ улицы. Моментально началась стрѣльба, и пули засвистѣли надъ нашими голодами. Одинъ изъ сопровождавшихъ насъ солдатъ, полякъ, закричалъ: «Ложитесь», и мы легли на землю. Послѣ прекращенія стрѣльбы мы встали. Насъ тогда поставили подъ заборъ и сказали, что разстрѣляютъ. Продержавъ насъ въ такомъ положеніи около часа, повели насъ обратно и направили въ сторону прусской границы по шоссейной дорогѣ, откуда послѣ прохода двухъ верстъ опять вернули, поставили подъ стѣну и опять грозили разстрѣлять. Въ третій разъ то же самое послѣдовало въ помѣщеніи казармъ пограничной стражи, но и здѣсь не разстрѣляли, а опять повели дальше, въ поле, въ свой лагерь, въ которомъ находились уже орудія. Тамъ поставили подъ вѣтряной мельницей, и тогда опять майоръ Прейскеръ приказалъ насъ разстрѣлять. Одного изъ насъ, г. Гантке, послали въ городъ съ извѣстіемъ, что насъ разстрѣляютъ,

а если въ городѣ еще будутъ стрѣлять въ нѣмцевъ, то каждаго десятаго мужчину постигнетъ такая же судьба. Продержавъ насъ опять больше чѣмъ полчаса, не разстрѣляли, а отправили сидѣть въ вѣтряной мельницѣ, въ которой для 18 человѣкъ было столько мѣста, что лишь можно было тамъ стоять. Въ такомъ положеніи, почти безъ ѣды и безъ воды, мы пробыли около трехъ сутокъ. Запирая насъ въ вѣтряной мельницѣ, фельдфебель объявилъ, что совѣтомъ офицеровъ рѣшено насъ сжечь вмѣстѣ съ мельницей. Понятно, мы всю ночь не спали и вѣрили, что драконовское обѣщаніе будетъ исполнено.

Въ теченіе трехъ дней нашего проживанія въ оригинальной тюрьмѣ бомбардировался городъ, на что мы вынуждены были смотрѣть, не зная, какая судьба постигнетъ наши семьи. Послѣ того насъ отправили пѣшкомъ въ отдаленную на семь верстъ прусскую станцію желѣзной дороги Скальмержины, посадили въ вагонъ для провоза скота и заставили стоять всю дорогу лицомъ къ стѣнѣ, съ руками вверхъ, не допуская ни малѣйшаго поворота въ какую-либо сторону.

Въ такимъ условіяхъ мы доѣхали до гор. Познани, находясь въ дорогѣ болѣе 11 часовъ. Въ Познани насъ водили по городу, по главнымъ его улицамъ, какъ дикихъ звѣрей. Надъ нами издѣвались, насъ бранили и толкали, на насъ плевали. Потомъ повели въ тюрьму, въ которой мы должны были сидѣть въ отдѣльныхъ камерахъ, причемъ съ нами обходились, какъ съ арестан-

тами и такъ же кормили, какъ арестантовъ. Только спустя три дня послѣ допроса намъ разрѣшили получать припасы на свой счетъ и обращались съ нами болѣе культурно.

Послѣ произведеннаго слѣдствія и выясненія дѣла прокуроромъ уголовнаго суда намъ объявили черезъ командира корпуса генерала фонъ-Бернарди, что мы будемъ освобождены въ скоромъ времени. И дѣйствительно, по истеченіи двѣнадцати дней зашелъ въ тюрьму генералъ фонъ-Лене, комендантъ познанской крѣпости, вызвалъ меня въ коридоръ и произнесъ рѣчь въ томъ духѣ, что высшія нѣмецкія власти даютъ намъ знать, что для Польши настали времена надежды на соединеніе всѣхъ частей ея (но безъ Познани) въ одно цѣлое.

Наконецъ, насъ отпустили, и мы доѣхали до Калиша. Но какой же ужасъ представился моимъ глазамъ послѣ возвращенія! Я одинъ проникъ въ Калишъ и увидѣлъ, что послѣ сотни пожаровъ отъ прекраснаго Калиша остались лишь одни слѣды, кучи развалинъ и пепла. Какъ оказалось, все имущество, всѣ продукты, мебель, платье — все, что представляло какую-нибудь цѣнность, было вывезено нѣмцами на фурахъ, принудительно доставляемыхъ окрестными помѣщиками и крестьянами, въ Германію. Ограбленные же дома впослѣдствіи были сожжены. Мѣстный госпиталь св. Троицы былъ подвергнутъ бомбардировкѣ наравнѣ съ прочими частными строеніями несмотря на громадные флаги Краснаго Креста,

помѣщенные на крышахъ и на стѣнахъ сей больницы. Въ пріютахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ всѣ призрѣваемые, старики и дѣти голодали, такъ какъ всѣ запасы и продукты нѣмцами были вывезены, а подвозъ изъ окрестныхъ деревень и не допускался, и былъ невозможенъ, такъ какъ городъ находился и находится до сихъ поръ на осадномъ положеніи.

Послѣ нашего отъѣзда въ Познань городъ былъ подвергнутъ страшной бомбардировкѣ. Въ одну ночь 25-го іюля выпущено до 400 пушечныхъ выстрѣловъ, послѣ чего городъ былъ разрушенъ и возникло много пожаровъ, уничтожившихъ окончательно Калишъ. Впослѣдствіи поджогами самихъ солдатъ сожжено свыше 400 домовъ въ центрѣ города, такъ что въ немъ не осталось ни одной лавки, ни одного магазина, уцѣлѣли лишь окраины.

На другой же день Прейскеръ приказалъ насильно вывести всѣхъ мужчинъ изъ подваловъ, въ которыхъ передъ бомбардировкой попрятались люди, и выведено было такимъ образомъ въ двухъ партіяхъ 1,660 людей и за городомъ раздѣлены на десятки. Каждый десятый долженъ быть разстрѣлянъ. Такимъ образомъ разстрѣляли въ одномъ мѣстѣ около 20 человѣкъ, а въ другомъ—9 человѣкъ, такъ какъ въ это время нечаянно прибылъ какой-то офицеръ въ автомобилѣ и воспретилъ дальнѣйшій разстрѣлъ. Неудивительно, что послѣ того все населеніе разбѣжалось, куда кто могъ, оставляя все свое состояніе, лишь бы спасти жизнь.

Въ тотъ самый день усиленной бамбардировки, т.-е. 25-го іюля, были созваны въ два часа дня въ зданіи городской ратуши всѣ чиновники магистрата и домовладѣльцы, будто бы съ цѣлью привести жизнь города въ прежній видъ и возстановить въ немъ прежнюю жизнь. Собиравшіеся тогда жители увидѣли, что вдоль всего города разставлены были прусскіе солдаты въ два ряда. Вдругъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ. Вслѣдъ за тѣмъ солдаты разбѣжались по всему городу и убивали всѣхъ встрѣчныхъ на улицахъ. Такимъ образомъ не было улицы, на которой не лежало бы по нѣсколько труповъ. Около пяти часовъ вечера подожгли зданіе ратуши, не предупредивъ объ этомъ ни моей семьи, ни прислуги. Напротивъ, всѣ выходы заперли наглухо и поставили при нихъ патрули. Моя семья спаслась какимъ-то чудомъ, уйдя черезъ смежный частный дворъ.

Нѣмцы назначили меня официально бюргермейстеромъ, и это окончательно заставило меня бѣжать изъ несчастнаго города. 28-го августа я бѣжалъ.

Какъ оказалось изъ выясненныхъ фактовъ, разрушеніе города и его бомбардировка были уже заблаговременно предвидѣны штабомъ нѣмецкой арміи, и провокація со стороны нѣмцевъ очевидна, такъ какъ никто изъ мѣстныхъ жителей гор. Калиша не слышалъ ни одного выстрѣла, а всѣ выстрѣлы сдѣланы были ими самыми.

Число погибшихъ невинныхъ жителей трудно опредѣлить, такъ какъ сотни убитыхъ сами прус-

саки закапывали безъ малѣйшаго содѣйствія и безъ присутствія кого-либо изъ мѣстныхъ жителей. Но число это можно опредѣлить не менѣе, какъ въ 4,000 жертвъ. Убивали цѣлыя семьи, не щадили ни маленькихъ дѣтей, ни женщинъ. Въ одномъ лишь домѣ Щетинскаго перебили больше 40 людей» [1]).

Самъ Прейскеръ подавалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ къ убійствамъ и насилованію женщинъ.

Матеріалы для біографіи Прейскера пополняются данными, приведенными въ «Раннемъ Утрѣ» со словъ калишскаго бѣглеца, г. Ксаверія Кол-скаго.

«Предо мною,—пишетъ сотрудникъ названной газеты,—стоитъ бѣглецъ изъ Калиша.

Онъ кажется выходцемъ съ того свѣта.

Еще такъ недавно этотъ человѣкъ былъ полонъ жизни и энергіи.

Имѣлъ въ Калишѣ большое дѣло. Имѣлъ семью, которую любилъ. Имѣлъ средства. Пользовался уваженіемъ окружающихъ. Былъ виднымъ благотворителемъ.

Теперь онъ нищъ.

Его семья?..

Дочь обезчещена и убита майоромъ Прейскеромъ, а жена не въ силахъ была пережить ужаса, разыгравшагося на ея глазахъ, и убѣжала... Куда?.. Этого не знаетъ никто...

---

[1]) См. Русс. Вѣд.», 13 сентября.

Ксаверій Кс-кій роется въ какихъ-то газетныхъ вырѣзкахъ.

— Вотъ,—говоритъ онъ мнѣ, подавая одну изъ нихъ:—нашелъ. Прочтите: я не умѣю такъ разсказать, но я это видѣлъ.

Въ вырѣзкѣ говорилось о молодой красивой учительницѣ калишской коммерческой школы.

— Она была такая чудная дѣвушка,—говоритъ К-скій:—образованная, съ ангельскимъ лицомъ и характеромъ, и этотъ негодяй сдѣлалъ съ ней то, что дѣлалъ съ другими...

Ее приволокли къ нему грубые солдаты; всю ночь онъ тѣшился и издѣвался надъ ней, а утромъ выгналъ... съ издѣвательствами:

— Ты не можешь угодить прусскому офицеру... Даже дѣвкой не умѣешь быть пріятной!..

Выйдя отъ майора, дѣвушка отравилась...

Она не могла уже больше жить...

Дальше въ той же вырѣзкѣ сообщалось:

«Майоръ Прейскеръ приказалъ разложить на площади нѣсколько убитыхъ дѣвочекъ-подростковъ, сначала изнасилованныхъ имъ и его офицерами. И поставилъ часового.

— Если кто изъ родныхъ придетъ за трупами—въ штыки! Какъ говядину, колите.

Бродячія, голодныя собаки поотъѣдали этимъ дѣвочкамъ-мученицамъ щеки, превративъ личики въ обглоданныя кровавыя массы.

Часовые не только не отгоняли собакъ, но даже смѣялись:

— Вотъ, разукрасили,—теперь и отецъ съ матерью не узнаютъ своихъ дочерей» [1]).

Нѣмецкія газеты оправдываютъ разгромъ Калиша, утверждая, что нѣмецкій отрядъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ этой репрессаліи, наказывая населеніе злополучнаго города за стрѣльбу по нѣмецкимъ солдатамъ.

Какая подлая и наглая ложь!

Никто изъ калишанъ не посягалъ на жизнь нѣмецкихъ солдатъ уже потому лишь, что жители Калиша, какъ говорилъ намъ бывшій тамъ слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ князь Б. М. Крымъ-Шахмаловъ, при вступленіи нѣмецкихъ войскъ вѣрили въ ихъ благородство и надѣялись на собственную свою безопасность.

Князь Крымъ-Шахмаловъ утверждаетъ, что первая стрѣльба на улицахъ Калиша, 21 іюля, была произведена самими же нѣмцами во время паники, происшедшей среди ихъ солдатъ, благодаря пущенному кѣмъ-то слуху о приближеніи русскихъ войскъ.

Нѣмцы стрѣляли другъ въ друга. Оказались убитые и раненые. Самъ князь Крымъ-Шахмаловъ насчиталъ не менѣе 12 пострадавшихъ нѣмецкихъ солдатъ, наблюдая за происходившимъ изъ окна своей квартиры, а отъ доктора Дрешера слыхалъ, что въ этой перестрѣлкѣ пострадало до 50 нѣмцевъ.

Боясь отвѣтственности передъ начальствомъ за происшедшій безпорядокъ и понесенныя потери,

[1]) «Раннее Утро» 5 сентября.

Прейскеръ солгалъ, обвиняя въ стрѣльбѣ калишанъ.

Точно также лгутъ нѣмцы, говоря, что 25-го іюля, при вступленіи саксонцевъ въ Калишъ, кто-то выстрѣлилъ въ ѣхавшаго впереди отряда нѣмецкаго офицера. Князь Крымъ-Шамхаловъ лично слыхалъ отъ вдовы бывшаго предсѣдателя калишскаго окружнаго суда г-жи Нимандеръ, явившейся очевидицей происшедшаго, что лошадь саксонскаго офицера упала, запутавшись въ валявшихся по улицамъ города порванныхъ телеграфныхъ и телефонныхъ проводахъ. Офицеръ, будучи выброшенъ изъ сѣдла, выстрѣлилъ изъ револьвера, и вслѣдъ за нимъ солдаты открыли стрѣльбу по городу. Между тѣмъ за это, якобы, покушеніе на жизнь нѣмецкаго офицера Калишъ былъ подвергнутъ ужасамъ новой бомбардировки.

Наконецъ, по словамъ князя, онъ самъ видѣлъ, какъ нѣмецкіе солдаты бѣгали по Вроцлавской улицѣ, обливали дома керосиномъ изъ имѣвшихся у нихъ маленькихъ сосудовъ и, подбрасывая солому, зажигали строенія. Отъ Е. Н. Соколовой, вдовы такъ трагически погибшаго калишскаго казначея, мы также слыхали, что нѣмецкіе солдаты умышленно поджигали дома, при чемъ, говоритъ г-жа Соколова, были случаи, что нѣмцы, опьянѣвшіе отъ пролитой крови своихъ жертвъ, бросали въ пламя случайныхъ прохожихъ, по преимуществу женщинъ и дѣтей.

Германскія и австрійскія войска, вторгнув-

шіяся въ наши предѣлы, прежде всего предаются мародерству. Всюду, гдѣ они побывали, цвѣтущія имѣнія и цѣлыя поселки превращены въ груды развалинъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что австрійская армія, не исключая и дикихъ, свирѣпыхъ венгерцевъ, свои разбойничьи привычки заимствовала отъ германцевъ. По крайней мѣрѣ, въ первое время австрійскіе начальники старались по возможности избѣгнуть гнусныхъ расправъ съ мирнымъ населеніемъ.

Такъ, напримѣръ, вступивъ 17-го октября (нов. ст.) въ Каменецъ-Подольскъ, австрійскій «комендантъ» генералъ-майоръ баронъ Тетеаниза, якобы, стрѣльбу по войскамъ, въ видѣ контрибуціи, наложенной на городъ, потребовалъ доставить: «450 пудовъ разрѣзаннаго воловьяго мяса, 790 пудовъ свѣжаго хлѣба, 200.000 рублей золотомъ и серебромъ, 100 подводъ.

Мясо и хлѣбъ должно держать наготовѣ, чтобы эти запасы по краткому указанію (къ 8 часамъ утра) могли быть доставлены войску.

Это выходитъ деньгами: за мясо—1.706 руб.—5.527,500 кр., за хлѣбъ—777 руб.—2.520,10 кр.»[1]).

Въ уплату контрибуціи, комиссія каменецъ-подольцевъ внесла: 10.363 рубля, 21 дукатъ, 6 ящиковъ серебряныхъ вещей, 14 мѣшковъ серебряныхъ вещей, 1 свертокъ съ серебряными вещами, кромѣ того 450 пудовъ мяса, 720 пудовъ хлѣба.

---

[1]) «Вечерн. Вр.» 23-го сентября.

Однако, говоритъ корреспондентъ «Вечерн. Вр.», «черезъ день, на основаніи того, что жители Каменецъ-Подольска въ стрѣльбѣ не участвовали и ни въ чемъ неповинны, австрійскія власти вернули обратно всѣ деньги и драгоцѣнности» [1]).

Къ вящшему позору нашихъ противниковъ, благородное поведеніе австро-венгерской арміи продолжалось недолго. Съ одной стороны, пагубный примѣръ германскихъ войскъ, съ первыхъ же дней занявшихся грабежами и убійствами, а, съ другой стороны, понесенное пораженіе, развратили австро-венгерскую армію, солдаты которой, по словамъ «Армейскаго Вѣстника», стали «мало-по-малу превращаться въ разнузданныя полчища дикихъ мародеровъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти грабятъ и разрушаютъ имѣнія поляковъ» [2]).

И въ дальнѣйшемъ по своимъ звѣрствамъ австрійская армія оказалась достойной своихъ союзниковъ германцевъ.

Мародерствуя въ южной части Привислинскаго края, австрійскія войска, по словамъ «Варш. Мысли», «навѣстили, между прочимъ, помѣщика, скотовода и коннозаводчика А. Будны. Въ помѣстьѣ къ нему явился «цвѣтъ» австрійской кавалеріи—отрядъ венгерскихъ гусаръ, которые насчитываютъ въ своихъ рядахъ много представителей высшей австро-венгерской аристократіи.

---

[1]) Ibid.

[2]) «Арм. Вѣстн.» 14-го сентября.

Изъ числа послѣднихъ въ помѣстье прибыли графъ Зичи, баронъ Сардасъ и другіе. Прежде всего «гости» заказали обильный обѣдъ, а въ ожиданіи его пошли любоваться роскошнымъ домомъ г. Будны и осмотрѣли его конскій заводъ. Осмотръ сопровождался самымъ беззастѣнчивымъ грабежомъ. Баронъ Сардасъ открыто стащилъ со стола и положилъ въ карманъ дорогіе золотые часы съ цѣпочкой и брелоками, а когда г. Будны пытался протестовать, то вытащилъ револьверъ и недвусмысленно пригрозилъ имъ г. Будны. Его «соратникъ», графъ Зичи, запасшись маленькимъ ручнымъ саквояжемъ, сложилъ туда «на память» дорогія бездѣлушки, украшавшія кабинетъ и гостиную г. Будны, а третій офицеръ, «попрактичнѣе», снялъ съ г. Будны мѣховую «венгерку», а изъ шкафа укралъ гетры и хлыстъ съ дорогой рукояткой. На конскомъ заводѣ офицеры выбрали шесть чистокровныхъ скакуновъ, общею стоимостью въ 50 тысячъ рублей, и «реквизировали» ихъ. Послѣ обѣда пьяная компанія рѣшила «слегка развлечься» и отправилась на свиной дворъ. Выпустивъ здѣсь изъ хлѣвовъ свиней, пьяные офицеры устроили «охоту», и перестрѣляли нѣсколько десятковъ дорогихъ іоркширскихъ производителей и матокъ. Въ общемъ итогѣ визитъ австрійской аристократіи обошелся г. Б. свыше 80 тысячъ рублей» [1]).

---

[1]) «Варш. Мысль» 10-го сентября.

«Свое отступленіе, — пишетъ корреспондентъ «Нов. Вр.»,—австрійцы сопровождаютъ опустошеніемъ, сжигая деревни, покинутыя жителями, и разстрѣливая въ дикой злобѣ неповинныхъ поляковъ, которымъ сулили всѣ блага міра.

Въ двухъ мѣстахъ за Люблиномъ они разстрѣляли ксендзовъ, обвиняя въ сигнализаціи русскимъ.

Среди взятыхъ за эти дни находится капитанъ Шмидтъ, прославившійся поджогами мирныхъ деревень, разрушеніемъ костеловъ и безчинствами надъ поселянами» [1]).

Ту же картину отступленія австрійцевъ рисуетъ «Вечернее Время».

«Путь отступленія непріятеля,—говоритъ телеграмма изъ Варшавы,—обозначается разрушенными и сгорѣвшими деревнями. Первая между Люблиномъ и Красникомъ Недвжвицы-Малыя спалена до основанія. Среди деревни торчатъ черныя трубы, указывающія, гдѣ стояли дома, на ихъ мѣстѣ груды кирпича, истлѣвшія балки и кучи пепла. Вступивъ въ деревню, австрійцы прогнали крестьянъ въ ближайшій лѣсъ и держали тамъ десять дней. Двоихъ хлоповъ убили, двухъ женщинъ нашли мертвыми, третью въ безпамятствѣ и изступленіи.

Другія деревни сравнены съ землей. Въ деревнѣ Положены, близъ Янова, не осталось даже

[1]) «Нов. Вр.» 29-го августа.

трубъ, только уголья напоминаютъ, что недавно въ этомъ мѣстѣ жили люди» [1]).

«Новое Время» приводитъ выдержки изъ офицерскихъ писемъ: «Я видѣлъ лично, своими глазами, варварство и безобразіе со стороны австрійцевъ, какъ они поджигали деревню, бѣгая отъ дома къ дому, у той голытьбы и бѣдноты, которая осталась цѣлой отъ нашихъ артиллерійскихъ снарядовъ. Городъ Іозефовъ (Юзефовъ) на рѣкѣ Вислѣ выжженъ до тла, и сердце мое защемило, когда я проходилъ его съ полкомъ».

«Мы стояли въ помѣщичьемъ домѣ. Каждая комната напоминала Вавилонъ. Все драгоцѣнное—фарфоръ, гравюры, обстановка—валялось на полу побитое и поломанное...» [2]).

По донесенію холмскаго губернатора, г. Кашкарова, министру внутреннихъ дѣлъ:

«Обслѣдованіемъ выяснена потрясающая картина разоренія и ограбленія непріятелемъ крестьянъ Томашовскаго, Бѣлгорайскаго и части Замостскаго уѣздовъ.

Населеніе лишено крова, продовольствія и посѣвнаго хлѣба» [3]).

Первые, какъ мы уже говорили, мародерскій способъ войны стали примѣнять германцы. Въ этой арміи мародерствуютъ всѣ,—начиная съ

---

1) «Веч. Вр.» 8-го сентября.

2) «Нов. Вр.» 24-го сентября.

3) «Рус. Слово» 19-го сентября.

кронпринца Фридриха-Вильгельма и кончая последнимъ обознымъ шуцманомъ.

Газета «Matin», въ своемъ бордоскомъ изданіи, помѣстила письмо баронессы де-Бай (de Bay), въ которомъ «баронесса обвиняетъ германскаго кронпринца въ разграбленіи древняго замка бароновъ де-Бай, близъ Шампобера.

— Кронпринцъ, этотъ наслѣдникъ престола, который никогда не будетъ царствовать,—пишетъ баронесса де-Бай,—разграбилъ музей, въ которомъ баронъ де-Бай съ благоговѣніемъ хранилъ результаты 28-лѣтнихъ изысканій, путешествій и археологическихъ раскопокъ.

Разбиты всѣ витрины, стоявшія въ галлереѣ, въ 45 метровъ длины.

Все разграблено, все украдено: оружіе, драгоцѣнности, бездѣлушки, медали, уники, драгоцѣнные сосуды изъ чеканнаго золота.

Похищены также всѣ великолѣпные подарки, которые Царь пожаловалъ барону де-Бай въ память объ его миссіи въ Россію и о музеѣ 1812 года.

Похищены дивные гобелены, миніатюры, ковры и т. п.

Увезены вещи, наиболѣе дорогія по воспоминаніямъ.

Упакованы: мебель, картины, наиболѣе рѣдкія произведенія искусствъ.

Все это сдѣлано съ выборомъ и умѣніемъ, удивительнымъ для вандала.

Однако, послѣдніе ящики съ награбленнымъ онъ долженъ былъ бросить въ спѣшкѣ отступленія.

Наши престарѣлые слуги, оставшіеся вѣрными своему долгу, плакали. Вѣдь это была частица ихъ души,—все то, что увозили въ Германію.

Богъ не далъ времени громилѣ-кронпринцу убить ихъ въ замковой часовнѣ, и часовню некогда было сжечь. Онъ только смѣялся, глядя на изображеніе Пресвятой Дѣвы, подъ покровительствомъ которой находится нашъ древній замокъ.

Онъ смѣялся такъ, какъ, должно быть, смѣялся его гнусный отецъ въ тотъ моментъ, когда пламя охватило Реймскій соборъ» [1]).

Напрасно нѣмецкія газеты выступили въ защиту «подмоченной» репутаціи Фридриха-Вильгельма. Случай грабежа, произведеннаго лично германскимъ кронпринцомъ, подтверждается съ неопровержимой достовѣрностью. «Несмотря на энергичныя германскія опроверженія, баронесса де-Бай продолжаетъ категорически обвинять кронпринца въ ограбленіи драгоцѣнныхъ коллекцій, хранившихся въ ея замкѣ.

Въ своемъ новомъ письмѣ, помѣщенномъ въ «Matin», баронесса разсказываетъ, что кронпринцъ, хозяйничая въ ея замкѣ, призвалъ деревенскаго слесаря и, приставивъ ему къ головѣ револьверъ, заставилъ открывать хранилища и помогать укладывать похищенныя вещи» [2]).

Проявившіяся у кронпринца мародерскія наклонности подтверждаются свѣдѣніями, идущими

---

[1]) «Рус. Сл.» 18-го сентября.
[2]) «Веч. Вр.» 24-го сентября.

и изъ другихъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, «Вечернему Времени» телеграфируютъ изъ Нью-Іорка, что «американскіе корреспонденты, находящіеся въ германской арміи, сообщаютъ, что 6-го сентября германскій кронпринцъ и его офицеры выпили 3,000 бутылокъ шампанскаго въ замкѣ Монъ-де-Мондъ за успѣхъ германскаго оружія.

Офицеры и солдаты были такъ пьяны, что атака суданской пѣхоты и французской полевой артиллеріи имѣла своимъ результатомъ плѣненіе 3.000 германскихъ солдатъ, которые совершенно не могли идти и сражаться» [1].

По сообщенію газетъ, другой германскій принцъ, Эйтель, будучи въ Куломье, разгромилъ винный погребъ и напился со своими офицерами «до положенія ризъ...» [2].

По этому поводу «Пет. Кур.» пишетъ: «занявъ, со своей свитой, лучшій отель въ городѣ, принцъ Эйтель велѣлъ подать огромное количество шампанскаго и дорогихъ красныхъ винъ, заявивъ, что по счету за все забранное заплатитъ «прекрасная Франція!» (№ отъ 7 окт.).

Наконецъ, приведемъ разсказъ «Matin» «о посѣщеніи Реймса сыномъ Вильгельма Гогенцоллерна, принцемъ Августомъ-Вильгельмомъ, и братомъ Вильгельма II, принцемъ Генрихомъ Прусскимъ.

---

[1] «Веч. Вр.» 23-го сентября.

[2] «Бирж. Вѣд.» 8-го сентября.

Они прибыли вечеромъ 28 августа и остановились въ гостиницѣ. Принцы потребовали четырехъ заложниковъ изъ богатыхъ и уважаемыхъ жителей города, положивъ ихъ ночевать въ коридорѣ, рядомъ съ комнатами, гдѣ спали принцы.

— Если на насъ будетъ ночью совершено покушеніе, то заложники будутъ повѣшены,—заявилъ принцъ Генрихъ Прусскій.

На слѣдующее утро оба принца поспѣшно покинули Реймсъ, такъ какъ къ городу начали подходить французскія войска.

На память сынъ и братъ Вильгельма II увезли съ собою изъ гостиницы всѣ серебряныя ложки и нѣсколько серебряныхъ вазъ» [1].

Можно ли послѣ приведенныхъ случаевъ воровства со стороны германскихъ принцевъ удивляться подлому поведенію солдатъ арміи Вильгельма II?

Въ печати появилось уже достаточно свѣдѣній о нѣмецкихъ мародерахъ, но, конечно, въ будущемъ мы узнаемъ еще болѣе кошмарныя подробности. Вступая въ русскіе города и поселки, германцы прежде всего предавались грабежамъ и убійствамъ.

Такъ, напримѣръ, занявъ эскадрономъ кавалеріи Юрбургъ (на границѣ Сувалкской и Гродненской губерній), «германцы поселились въ замкѣ члена Государственной Думы князя Васильчи-

---

[1]) «Петроградск. Газета» 21-го сентября.

кова, гдѣ потребовали 250 ведеръ пива, коньяку и водки.

Служащихъ замка нѣмцы избили плетьми и, угрожая смертной казнью, заставили исполнять всѣ приказанія.

Въ мѣстечкѣ нѣмцы забрали весь хлѣбъ въ зернѣ, всѣ продукты, цѣнныя вещи и платье.

Посылали нѣмцы и въ другіе пограничные пункты разъѣзды, которые грабили населеніе. Ограбленнымъ выдавались бумажки съ надписью: «должно заплатить русское правительство».

Оставшаяся въ Таурогенѣ бѣднота была обложена контрибуціей въ 80.000 марокъ. Надъ неимущими издѣвались и грозили смертью» [1]).

По словамъ жены офицера, при приближеніи нѣмцевъ къ Сувалкамъ «русскія семьи столь поспѣшно уѣзжали изъ города, что захватывали съ собой только самыя необходимыя вещи, оставляя мебель и домашнюю утварь на произволъ судьбы. Этимъ не замедлили воспользоваться практичные нѣмцы. Спустя нѣсколько дней послѣ занятія Сувалокъ, туда изъ пограничныхъ прусскихъ городовъ прибыли жены нѣсколькихъ офицеровъ. Онѣ стали обходить покинутыя русскими квартиры. Повидимому, ихъ обстановка понравилась имъ, и онѣ стали отбирать лучшія вещи. У населенія были потребованы подводы. Офицерскія жены лично распоряжались упаковкой понравившихся имъ вещей. Обстановка была тщательно и аккуратно упакована, уложена на подводы и

[1]) «Рус. Сл.» 16-го сентября.

отправлена. Увозились не только цѣнныя вещи, платья, ковры, но даже и мебель. У жены офицера, сообщающей эти факты, между прочимъ, увезено прекрасное піанино. Нѣмцы оцѣнили, повидимому, по достоинству собственноручно вышитыя потерпѣвшей оконныя гардины, сняли ихъ и также увезли» [1]).

Для перевозки наворованнаго добра къ себѣ на родину, какъ сообщаетъ «Петроградск. тел. аг.» (24-го сент.), нѣмецкіе офицеры затребовали 1.200 обывательскихъ подводъ.

«Голосу Москвы» передаютъ, что «часть германскаго гарнизона въ Ченстоховѣ отправилась въ расположенное вблизи имѣніе Великаго Князя Михаила Александровича «Загурже» и произвела тамъ полнѣйшій разгромъ.

Всѣ оказавшіяся во дворцѣ Великаго Князя цѣнныя вещи разграблены, а дорогая обстановка разрублена. Награбленное имущество нѣмцы увезли на фургонахъ въ Ченстоховъ.

Нѣмцы увели изъ имѣнія также весь скотъ, лошадей, забрали кареты и простыя телѣги.

Разграбивъ все имѣніе, нѣмцы подожгли дворецъ со всѣми службами и нѣкоторые дома» [2]).

Въ Томашовѣ-Равскомъ нѣмецкіе офицеры взяли изъ магазиновъ «товаровъ на нѣсколько тысячъ рублей, не выдавъ квитанціи. Одинъ изъ нихъ, квартировавшій у мѣстнаго обывателя Зиль-

---

[1]) «Гол. Москвы» 23-го сентября.

[2]) «Гол. Москвы» 10-го сентября.

бера, присвоилъ даже шелковое одѣяло и подушку хозяевъ.

Въ качествѣ заложниковъ нѣмцы взяли домовладѣльца Вольскаго и 5 желѣзнодорожныхъ служащихъ. По нѣсколько разъ въ сутки они выводили ихъ въ поле и грозили разстрѣломъ. У Вольскаго нѣмцы взяли 5 лошадей, большой запасъ соломы и сѣна, не уплативъ ему за это ни копѣйки» [1]).

Мѣстечки Яновъ и Хорзели, Плоцкой губерніи, «нѣмцами разграблены и сожжены.

«Въ Яновѣ послѣ пожара уцѣлѣли лишь часовня и баня. Остальные дома со всѣмъ имуществомъ превращены въ груду развалинъ.

Мѣстечко Хорзели нѣмцы подожгли съ четырехъ сторонъ, предварительно разграбивъ. Сгорѣло нѣсколько сотъ домовъ» [2]).

По словамъ «Литовской Руси», въ районѣ «вержболовскаго узла желѣзныхъ дорогъ, обнаруженъ полнѣйшій разгромъ, произведенный германцами во время своего пребыванія на этихъ станціяхъ. Нѣмцы разрушили положительно всѣ станціонныя зданія» [3]).

«Въ окрестностяхъ Опочни, Радомской губерніи, во время пребыванія нѣмцевъ ограблены всѣ имѣнія и деревни. Нѣмцы забирали лошадей, овесъ и хлѣбъ» [4]).

---

[1]) «Гол. Москвы» 3-го сентября.
[2]) «Рус. Сл.» 17-го сентября.
[3]) «Нов. Время» 1-го октября.
[4]) «Руск. Сл.» 28-го августа.

За то въ Конинѣ «германская оккупація окончилась жалкимъ фарсомъ, достойнымъ вниманія будущаго историка доблестной арміи императора Вильгельма II. Начальникъ германскаго оккупаціоннаго отряда лейтенантъ фонъ-Лауницъ началъ съ того, что приказалъ явившейся къ нему депутаціи отъ городского населенія немедленно доставить 200 карманныхъ часовъ, 200 будильниковъ и 228 тулуповъ.

Фонъ-Лауницъ, исполнивъ свой патріотическій долгъ, распорядился насчетъ завтрака. Онъ велѣлъ принести себѣ 2 фунта икры и двѣ бутылки коньяку. Несчастные жители Конина очутились въ очень непріятномъ положеніи, такъ какъ во всемъ городѣ не оказалось икры. Послѣ того какъ лейтенантъ удовлетворилъ свой аппетитъ, на рынкѣ состоялся парадъ германскимъ солдатамъ, заключавшійся въ томъ, что фонъ-Лауницъ гарцовалъ на лошади передъ выстроившимися въ четыреугольникъ солдатами, державшими ружья наготовѣ.

Во время этого спектакля въ отдаленномъ концѣ рынка показалось похоронное шествіе. Германцамъ почему-то представилось, что это возвращаются въ городъ русскіе солдаты, и они пустились въ бѣгство.

Обезумѣвшіе отъ паническаго страха, германцы остановились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Конина—въ Голинѣ, гдѣ они первымъ дѣломъ принялись грабить мирныхъ жителей. Награбленное добро они нагрузили на подводы. Но имъ не

удалось воспользоваться плодами грабежа. Увидѣвъ приближающееся огромное облако пыли, они подумали, что по шоссейной дорогѣ ѣдутъ казаки, и опять ретировались бѣгствомъ.

Предполагаемые казаки оказались просто-напросто стадомъ воловъ, мирно возвращавшихся съ пастбища» [1]).

По словамъ «Варшавскаго Дневника», Клобуцкъ, небольшой посадъ близъ Ченстохова, «уничтоженъ пруссаками почти до основанія. Нѣмцы заняли Клобуцкъ 20-го іюля, но гарнизона не оставили, а лишь высылали часто дозоры или отряды въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Такъ продолжалось до 19-го августа, когда вошелъ въ посадъ нѣмецкій отрядъ изъ 200 нижнихъ чиновъ, восьми орудій и трехъ пулеметовъ, везя раненыхъ на возахъ и на отдѣльномъ возу убитыхъ. Комендантъ кратко заявилъ, что за понесенныя нѣмцами потери и за пріемъ, оказанный русскимъ войскамъ, посадъ подвергнутъ будетъ бомбардировкѣ. Раздался сухой трескъ пулеметовъ, за ними одинъ за другимъ залпы. Продолжалось это около получаса. Отрядъ вышелъ къ кладбищу и едва охваченные паническимъ ужасомъ жители начали немного приходить въ себя, со стороны кладбища посыпались шрапнели. Бомбардированы были домъ, въ которомъ помѣщался судъ, гминное управленіе и домъ нотаріуса. Десять человѣкъ въ этихъ квартирахъ были убиты.

---

[1]) «Бирж. Вѣд.» 31-го августа (веч. вып.).

Когда затихли орудiйные выстрѣлы, пруссаки ворвались въ посадъ и начали производить обыски. Разстрѣляли войта, солтыса и подсолтыса. Одновременно пруссаки разбѣжались по посаду, стрѣляя въ находившихся въ своихъ квартирахъ жителей, и подожгли восемь домовъ, начавъ съ деревянной пристройки у зданiя гминнаго суда. Четвертая часть посада была охвачена огнемъ. Нѣмцы бросились громить лавки, грабить и уничтожать товары. Не уцѣлѣло почти ни одного магазина. Въ 8 часовъ вечера пруссаки ушли, а черезъ полчаса бомбардировка возобновилась».

Въ Радомѣ, «когда всѣ припасы въ лавкахъ нѣмцами были забраны, то «комендантъ» города майоръ Шевалери предложилъ президенту, какъ предсѣдателю обывательскаго комитета, въ теченiе двухъ часовъ доставить назначенное имъ количество муки, овса, сѣна и соломы, и все было доставлено въ срокъ, такъ какъ комендантъ грозилъ бомбардировкой города и разстрѣломъ заложниковъ.

Послѣ ухода нѣмецкихъ войскъ многiя квартиры жителей Радома, оставившихъ городъ 21-го августа, оказались разграбленными совершенно. Больше другихъ улицъ пострадали Широкая и Люблинская. Солдаты грабили даже мебель, сносили ее въ городской садъ и тамъ продавали» [1]).

По докладу преподавателя Радомской мужской гимназiи г. Сигизмунда Свидзинскаго попе-

---

[1]) «Русск. Сл.» 3-го сентября.

чителю варшавскаго учебнаго округа, разгрому подверглась названная гимназія, въ помѣщеніи которой были размѣщены нѣмецкіе офицеры и солдаты.

Вотъ въ какомъ видѣ рисуетъ нѣмецкій вандализмъ г. Свидзинскій:

«Въ классѣ природовѣдѣнія взломаны шкафы, приборы и книги выброшены, поломаны и порваны; все стеклянное перебито. Лѣстница, ведущая на дворъ изъ коридора, вся завалена грудою ученическихъ работъ, чертежей и рисунковъ, вынутыхъ изъ стоящихъ въ коридорѣ шкафовъ.

Въ актовомъ залѣ валяется разная мебель и музыкальные инструменты, отчасти разбитые и поломанные; выстрѣлами разбито нѣсколько стеколъ; портреты цѣлы.

Въ верхнемъ этажѣ, во-первыхъ, церковь: въ ней всѣ шкафы и ящики силою открыты, церковная утварь и сосуды выброшены и перерыты, но, кажется, цѣлы; служителя говорятъ, что нѣсколько штукъ церковной одежды утащено или выброшено на улицу. Въ алтарѣ шкафчики и ящики открыты, вино выпито, но дарохранительница, прикрытая полотнянымъ чехломъ, кажется, не тронута. Образа цѣлы. На полу солома и разные обломки, такъ какъ здѣсь солдаты ночевали. Всѣ кружки для сбора денегъ разломаны и деньги взяты. Въ ризницѣ разбиты и раскрыты ящики со свѣчами, съ виномъ, шкафъ съ ризами, но ризы оставлены, кажется, въ порядкѣ, только все перерыто,—очевидно, искали денегъ и вина.

Квартира директора въ полнѣйшемъ разру-

шенiи; здѣсь, кромѣ фотографiй и картинъ на стѣнахъ и растенiй въ горшкахъ, ничего не оставлено въ цѣлости...

Такой же полный разгромъ произведенъ въ канцелярiи гимназiи и въ квартирѣ письмоводителя. Здѣсь осталось въ цѣлости только пiанино, всѣ остальныя вещи и посуда буквально уничтожены, разбиты, разломаны, не пощадили даже дѣтскихъ игрушекъ. Въ кухнѣ подъ окномъ человѣческiя испражненiя.

Въ канцелярiи входная дверь разломана и нижняя часть ея вырвана. Всѣ ящики взломаны, бумаги выброшены и порваны, печати поломаны, пишущiя машины испорчены, письменныя принадлежности утащены, фисгармонiя взломана, вѣсы для писемъ сломаны. Во второй комнатѣ на серединѣ лежитъ разбитая желѣзная касса, въ которой вырвано дно и верхняя стѣнка; пепелъ и цементъ, заполняющiе пространство между стѣнками, разсыпаны кругомъ и касса опорожнена».

Однимъ словомъ, «гимназiя представляетъ картину разгрома, напоминающую нашествiе монголовъ и вандаловъ. Особенно пострадали частныя квартиры: директора, письмоводителя, служителя и канцелярiи гимназiи.

Гимназiю занимали германскiя войска въ двухъ или даже въ трехъ партiяхъ. Одна партiя уходила, другая приходила, и каждая прибавляла свою лепту разрушенiя» [1]).

[1]) Свѣдѣнiя эти намъ любезно сообщены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя.

Владѣлецъ имѣнія «Раеца», близъ Радома, разсказалъ сотруднику «Веч. Вр.» о тѣхъ слѣдахъ, которые оставили нѣмцы послѣ своего ухода изъ имѣнія.

«Раецъ» былъ знятъ «отрядомъ уланъ третьей ландверной кавалерійской бригады. Первымъ долгомъ они потребовали обѣдъ и вина. Сразу напились и принялись безчинствовать. Въ домѣ остановились офицеры, а въ людскихъ и на конюшнѣ— солдаты. Весь мой скотъ, конечно, забрали. Заборы пошли на костры. Птицу и поросятъ перекололи. Цѣлыя сутки они только и знали, что ѣли, пили да безобразничали... И, знаете, солдаты ихъ оказались гораздо культурнѣе офицеровъ. Вообразите, въ домѣ не осталось ни одного цѣлаго стула! Шкапы и сундуки были взломаны и оттуда выбрали все платье и все бѣлье. Не пощадили ни одного стакана, ни одной чашки. Въ комнатѣ жены разбили туалетный приборъ и какія-то пустячныя статуэтки. Фотографіи, какія у насъ висѣли по стѣнамъ, исковеркали и сорвали, а въ альбомѣ на всѣхъ карточкахъ прокололи глаза! И, вѣдь, все это дѣлали взрослые люди, офицеры! На письменномъ столѣ у себя я нашелъ двѣ визитныя карточки: «Майоръ Фогель фонъ-Фогельштейнъ» и «лейтенантъ Гансъ Гильденбрандтъ». Въ гостиной и въ столовой на столѣ они оставили еще другіе слѣды, о которыхъ говорить неудобно» [1].

---

[1]) «Веч. Вр.» 23-го сентября.

Въ мѣстечкѣ Згержѣ (близъ Лодзи) грабежами распоряжался комендантъ майоръ Браунсъ. Собираясь уѣзжать изъ мѣстечка, разсказывалъ сотруднику «Русскаго Слова» бѣжавшій оттуда, нѣкто А., «нѣмцы предложили жителямъ мѣстечка въ теченіе тридцати минутъ доставить на площадь всѣхъ лошадей и повозки. Не довольствуясь этимъ, нѣмцы сами разбрелись по конюшнямъ и стали забирать лошадей. Когда же лошадей оказалось все-таки мало, они поставили человѣкъ сто солдатъ на дорогѣ, ведущей въ Лодзь, и стали останавливать всѣхъ ѣхавшихъ какъ въ Лодзь, такъ и изъ Лодзи. Задерживавшіяся подводы съ товаромъ отправлялись въ мѣстечко, при чемъ товаръ сваливался прямо на площади. Часа черезъ два нѣмцы уѣхали» [1]).

Въ Александровѣ «комендантъ Вагнеръ свирѣпствовалъ какъ звѣрь» [2]). Одно время «въ Александровѣ было разомъ три коменданта: одинъ грабилъ по окрестностямъ, другой командовалъ войсками, а третій отправлялъ награбленное въ Германію» [3]).

Интересно отмѣтить, что отправка наворованнаго добра подъ наблюденіемъ нѣмецкихъ офицеровъ производилась и въ другихъ мѣстахъ. На-

---

[1]) «Рус. Сл.» 10-го октября.

[2]) Показанія законоучителя высшаго начальнаго училища въ посадѣ Александровѣ-Пограничномъ, ксендза Франца Щигловскаго, сдѣланныя попечителю варшавскаго учебнаго округа («Нов. Вр.» 2-го октября).

[3]) Ibid.

примѣръ, сотрудникъ «Новаго Времени» подробно рисуетъ картину «реквизиціи», произведенной нѣмцами въ Сувалкахъ, при бѣгствѣ ихъ оттуда.

«Въ послѣдніе дни, говорится въ названной газетѣ, когда въ Сувалкахъ появились первые дезертиры изъ разбитыхъ отрядовъ арміи генерала Гинденбурга, былъ отданъ приказъ привлечь къ реквизиціи «пищевыхъ продуктовъ» и мѣстное населеніе. Пруссаки согнали со всѣхъ концовъ города и изъ окрестныхъ деревень мужиковъ и заставили ихъ грабить дома своихъ же русскихъ. Все награбленное складывалось на подводы и отвозилось «nach Vaterland»...

Помимо этой «реквизиціи пищевыхъ продуктовъ», которая была поручена нѣмецкимъ бабамъ, производился еще и открытый грабежъ частныхъ и казенныхъ помѣщеній.

Ландштурмисты, отобравъ подводы у мѣстнаго населенія, приступили къ грабежу частныхъ квартиръ и казенныхъ зданій. Грабилось все, что только можно было свезти на подводѣ,—начиная съ шубы, верхняго платья, бѣлья, кроватей, посуды и кончая мебелью, дѣтскими игрушками, альбомами, пепельницами, занавѣсями, лампами, зеркалами, часами, коврами и пр.

Все это конфисковалось, видимо, въ пользу казны, такъ какъ свозилось на казенныхъ подводахъ, и наблюденіе за этой реквизиціей-грабежомъ лежало на военномъ комендантѣ.

Комендантъ ревниво оберегалъ интересы казны и строго слѣдилъ, чтобы предметы реквизиціи не

попадали вмѣсто казенныхъ подводъ въ карманы ландштурмистовъ и въ повозки милыхъ дамъ, которымъ была поручена «реквизиція пищевыхъ продуктовъ».

Такъ, двѣ бабы, имѣвшія неосторожность проѣхать съ подводой, нагруженной «пищевыми продуктами», въ родѣ швейныхъ машинъ, одѣялъ, зеркалъ и стульевъ,—мимо квартиры коменданта, были остановлены и должны были возвратить конфискованное на мѣсто. Впрочемъ, вслѣдъ за ними были посланы казенныя подводы, на которыя и погрузили отнятое у мародерокъ»...

Такъ разбойничали нѣмцы въ самомъ городѣ а вокругъ него оставили «не мало сожженныхъ домовъ и разграбленныхъ усадебъ. Отъ цѣлыхъ деревень остались только одинокія черныя трубы. Около уцѣлѣвшихъ помѣщичьихъ домовъ осколки посуды, клочки бѣлья. Внутри ничего цѣлаго. Изъ перинъ и подушекъ выпущенъ пухъ, самоваръ валяется на полу, приплюснутый ударомъ тяжелаго сапога. У шкаповъ и комодовъ ящики вскрыты штыками и очищены.

Чего нельзя было унести, то испорчено» [1]).

---

[1]) См. «Нов. Вр.» 2-го октября.

Въ гор. Конинѣ, «нѣмцы разграбили всѣ магазины и разорили много домовъ» (Петрогр. Газ.» 19-го сент.). Корреспондентъ «Gaz. Poran.» сообщаетъ, что при отступленіи нѣмцы окончательно разгромили Прушковъ, заходя въ помѣщенія и забирая вещи и бѣлье.

Сотрудникъ «Русскаго Слова», вернувшись въ Бѣлостокъ изъ поѣздки «по мѣстамъ недавнихъ боевъ», пишетъ:

«По пути своего отступленія отъ Осовца германскія войска, занимаясь мародерствомъ, подвергали дома жителей форменному погрому.

Въ Граевѣ не уцѣлѣло ни одного зажиточнаго дома, откуда бы германцы не вывезли цѣнныхъ вещей и даже обстановки.

— Въ нашей квартирѣ,—разсказываетъ одна изъ состоятельныхъ жительницъ, показывая на полное разрушеніе,—по всѣмъ признакамъ квартировали два офицера и нѣсколько солдатъ, судя потому, что при отступленіи, очевидно, въ поспѣшности, мои «гости» забыли два офицерскихъ мундира.

Мало того, что забрали всѣ цѣнныя вещи, бѣлье и многіе предметы обихода,—варварски поломали мебель, разбили трюмо, исковеркали рояль.

Разбито даже небольшое туалетное зеркало, и весь туалетный столъ перевернутъ.

Офицеры располагались на кроватяхъ въ спальнѣ. Обширный залъ они обратили въ отхожее мѣсто.

Всѣ награбленныя вещи, по разсказамъ очевидцевъ, были отправлены въ Германію въ первые же дни по занятіи Граева.

Львовскій корреспондентъ «Петрогр. Курьера» пишетъ: «Австрійскіе солдаты повсюду ходили по домамъ, безцѣльно уничтожая имущество населенія. Пускали пухъ изъ перинъ, ломали все» (№ отъ 3-го октября).

Погрузка шла почти цѣлый день.

Небезынтересно отмѣтить, что когда германцы отступили, то въ одномъ изъ станцiонныхъ помѣщенiй былъ захваченъ офицеръ, основательно нагрузившiйся награбленнымъ виномъ и проспавшiй отступленiе своей части.

По пути своего отступленiя германскiя войска уничтожали села и деревни,—не только наши, но и свои.

Городъ Прокинъ, расположенный на германской границѣ, весь сожженъ до тла. Многiе дома совершенно разрушены.

Жители въ большинствѣ разбѣжались; нѣкоторые бродятъ на пепелищѣ, собирая свой скарбъ.

По линiи отступленiя германскихъ войскъ къ Маркграбову горитъ цѣлый рядъ селенiй. Зарево пожаровъ освѣщаетъ небо на далекое пространство» [1]).

Армiя, претендовавшая еще такъ недавно на исключительное уваженiе къ себѣ, превратилась въ банду разбойниковъ, спѣшащихъ обворовать мѣстныхъ жителей и отправить награбленное къ себѣ, «nach Vaterland». По словамъ «Армейскаго Вѣстника», «нѣмцы за послѣднiе дни отправили къ себѣ въ Германiю массу поѣздовъ, даже блиндированныхъ, въ которыхъ они увезли награбленныя въ Польшѣ богатства» [2]). Грабежами, хуже того, мелкими, копѣечными воровствами, занимаются,

[1]) «Рус. Сл.» 4-го октября.
[2]) «Нов. Вр.» 13-го октября.

не говоря уже о солдатахъ, не только рядовые нѣмецкіе офицеры, но даже офицеры генеральнаго штаба.

«Близъ дер. Ольшанки,—разсказываетъ раненый офицеръ,—удалось перехватить заблудившійся нѣмецкій автомобиль. Ѣхалъ онъ съ нашей стороны. Обстрѣляли, онъ сразу остановился и изъ него вышли, какъ потомъ выяснилось, офицеръ генеральнаго штаба, его адъютантъ и шоферъ. Въ автомобилѣ нашли награбленное вино, дамскій костюмъ, шляпку и пр., и кромѣ этого письмо офицера къ женѣ, въ которомъ онъ между прочимъ сообщаетъ, что «въ Россіи намъ воевать трудно, но все-таки разбили (такой-то) корпусъ и преодолѣваемъ дальнѣйшія препятствія». Дата письма относится къ ихъ поспѣшному и съ огромнымъ урономъ отступленію, уже послѣ гибели многихъ тысячъ на Нѣманѣ» [1]).

Не думалъ ли этотъ мелкій воришка, что, похищая дамскую шляпку, онъ слѣдуетъ завѣтамъ фельдмаршала Мольтке и «наноситъ удары вспомогательнымъ источникамъ силы непріятельской страны: финансамъ и продовольственнымъ средствамъ?»

---

[1]) «Нов. Вр.» 7-го октября.

«Варшавская Мысль» (6-го сентября), говоря объ австрійскихъ звѣрствахъ въ Люблинскомъ районѣ военныхъ дѣйствій, замѣчаетъ: «что особенно поражало, такъ это участіе въ грабежѣ офицеровъ» (въ селѣ Потурженѣ).

Нѣмецкіе «офицеры, — говоритъ сотрудникъ «Новаго Времени»,—по части грабежа не отставали отъ бабъ и нижнихъ чиновъ. Тѣ квартиры, гдѣ жили офицеры германской арміи, послѣ ихъ ухода совершенно опустѣли.

Вся домашняя обстановка во многихъ квартирахъ теперь состоитъ изъ отрывного календаря, шкафа и рояля. Все остальное разграблено прусскими офицерами, которые стяжали теперь славу мародеровъ. Для болѣе успѣшнаго грабежа многіе офицеры вызвали изъ Пруссіи своихъ женъ, которыя практическими совѣтами способствовали болѣе цѣлесообразному и дѣйствительному грабежу» [1]).

Подобныя картинки даютъ правильное освѣщеніе пресловутой «нѣмецкой честности». Воруютъ нѣмецкіе офицеры и достойныя ихъ жены, воруютъ всюду,—въ Россіи, въ Бельгіи, во Франціи.

«Петроградской Газетѣ» телеграфируютъ изъ Бордо: «Собраны показанія многочисленныхъ свидѣтелей относительно участія въ грабежахъ женъ офицеровъ германскихъ войскъ.

При взятіи того или иного города нѣмки участвуютъ въ грабежахъ вмѣстѣ со своими мужьями, производя эти грабежи систематически.

Все награбленное накладывается на повозки, причемъ укладывать вещи помогаютъ нѣмецкіе солдаты.

---

[1]) «Нов. Вр.» 2-го октября.

Расхищаются бѣлье, мебель, предметы искусства и вообще все то, что можно увезти» [1]).

Когда же, наконецъ, у насъ, русскихъ, настанетъ просвѣтлѣніе и мы перестанемъ считать всю эту сволочь культурной націей, достойной нашего общества?

Не довольствуясь воровствомъ и грабежами, австро-германскія арміи учиняли мучительныя звѣрства въ отношеніи мирнаго, беззащитнаго населенія занятыхъ областей.

Такъ, напримѣръ, по донесенію начальника кѣлецкой учебной дирекціи г. Гринкевича въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, одного стражника нѣмцы «пытали, прежде чѣмъ разстрѣлять. Его зарыли въ могилу еще живымъ, тяжело ранивъ и истерзавъ» [2]).

«Литовская Русь» также сообщаетъ, что нѣмцы въ Сургахъ убили полицейскаго стражника, распоровъ несчастному животъ [3]).

Г. А. Ст—ну изъ Новоселицъ пишутъ, что австрійцы «пытали крестьянъ, обливали имъ ноги керосиномъ и поджигали» [4]).

По словамъ «Курьера Поранняго», въ городѣ Блошки, Калишской губерніи, нѣмецкія войска арестовали мѣстнаго помѣщика Бронислава Гу-

---

[1]) «Петр. Газ.» 5-го октября.
[2]) «Петр. Курьеръ» 3-го октября.
[3]) «Петр. Газета» 21-го сентября.
[4]) «Нов. Вр.» 11-го сентября.

товскаго, судили его военно-полевымъ судомъ и приговорили къ смертной казни.

Затѣмъ заставили Гутовскаго вырыть самому себѣ могилу и несчастнаго разстрѣляли.

Все это было сдѣлано на глазахъ семьи Гутовскаго, которую подлые изверги заставили присутствовать при экзекуціи [1]).

«Крестьяне деревни Піотровки разсказываютъ, что, уходя, австрійцы заперли въ одной избѣ до 40 мужчинъ, женщинъ и дѣтей и подожгли ее. Спасли ихъ только усилія мужчинъ, которые успѣли выломать стѣны, пока не обвалился потолокъ. Женщины и дѣти задыхались въ дыму» [2]).

«Петроградскому Курьеру» сообщаютъ, что «отступающіе австрійцы отличались большой жестокостью: они, совершенно не стѣсняясь, избивали неповинное ни въ чемъ населеніе.

Возлѣ Комарня, деревни совершенно сожженной, пряталась женщина съ тремя дѣтьми въ ямѣ, вырытой снарядомъ. Ее нашелъ венгерскій солдатъ, убилъ штыкомъ, не пощадивъ и дѣтей...

Убилъ только потому, что она кивнула головой на вопросъ, русская она или нѣтъ.

Во многихъ селахъ офицеры приказывали собираться населенію на площадяхъ, а потомъ открывали по безоружной толпѣ огонь» [3]).

По словамъ «Утра Россіи», «озвѣрѣвшіе вен-

---

[1]) «Петр. Газ.» 19-го сентября.
[2]) «Нов. Вр.» 20-го сентября.
[3]) «Петр. Курьеръ» 3-го октября.

герцы поднимали дѣтей на штыки, бросали ихъ въ пылающіе дома, запирали цѣлыя семейства въ домахъ и поджигали ихъ» [1]).

Въ «Голосѣ Москвы» львовскій корреспондентъ газеты пишетъ, что въ деревнѣ Борчѣ, рудзцкаго уѣзда, «нѣсколькихъ крестьянъ австрійцы подвѣсили къ дереву, на кладбищѣ. Несчастные висѣли, пока ихъ не спасли односельчане.

Въ Чулавичахъ австрійцы загнали русскихъ плѣнныхъ въ домъ, въ числѣ восьми человѣкъ, заперли ихъ тамъ и подожгли домъ со всѣхъ сторонъ.

Всѣ восемь заживо сгорѣли.

Въ деревнѣ Громно и во многихъ другихъ австрійцы истязали крестьянъ за симпатіи къ русскимъ.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ увели съ собою».

Передъ глазами, далѣе пишетъ этотъ же корреспондентъ, «до сихъ поръ стоитъ старикъ съ отрѣзанными ушами.

Невозможно забыть этого ужаснаго выраженія молчаливаго мученія, которое свѣтится въ его глазахъ.

Я хотѣлъ заговорить съ нимъ, но онъ открылъ ротъ и показалъ, что у него вырванъ языкъ, и тутъ

---

[1]) «Утро Россіи» 11-го сентября.

«Голосъ Москвы» (20-го сент.) также пишетъ, что «были случаи, когда въ погреба и подвалы, въ которыхъ прятались крестьяне, австрійцы бросали пылающія головни и солому, солдаты же, стоя у входа, не позволяли уходить изъ огня. Такимъ образомъ сожжено много народа».

же сталъ на колѣни и горячо молился и плакалъ, радуясь освобожденію родной страны отъ варваровъ.

Одна мать съ плачемъ разсказывала, что у нея австрійцы увели троихъ дѣтей, а вернули только одного, гдѣ двое другихъ,—она не знаетъ»[1]).

«Отъ красиваго, зажиточнаго, многолюднаго села Юрова остался лишь длинный рядъ почернѣвшихъ дымовыхъ трубъ. Здѣсь нѣмцы неистовствовали съ особой злобой. Еще при появленіи первыхъ отрядовъ юровцы услышали угрозу: «Здѣсь изъ москалей надѣлаемъ ветчины». И надѣлали. Учинивъ поджоги въ 40 мѣстахъ, швабы стали стрѣлять въ тѣхъ, кто кидался спасать имущество. Перепуганное населеніе, выскакивая изъ объятыхъ пламенемъ жилищъ, подъ пулями спасалось куда попало. Нѣкоторыя семьи запрятались въ погреба, иныя въ картофельныя ямы. Замѣтивъ это, швабы стали зажигать солому и бросать ее въ ямы на живыхъ людей. Обезумѣвшіе отъ ужаса, несчастные стали выползать изъ ямъ, но тутъ встрѣчали ихъ штыками и пулями. Изъ одной ямы выползъ какой-то 7-лѣтній мальчикъ и бросился бѣжать, но вражья пуля насквозь пронзила ему грудь. Онъ упалъ, но остался живъ. Погибшихъ лютою смертью въ погребахъ насчитываютъ 42 человѣка, Старика Базарника швабы, по словамъ бѣжавшихъ изъ плѣна, присудили къ разстрѣлу, выполняющемуся у нихъ въ 4 пріема:

---

[1]) «Гол. Москвы» 25-го сентября.

сначала даютъ залпъ по ногамъ, затѣмъ—по животу, потомъ стрѣляютъ въ грудь и, наконецъ, въ голову. Залпы раздѣляются значительными интервалами. Послѣ второго залпа 80-лѣтній Базарникъ промолвилъ: «Я умираю за святую православную вѣру и за родную Русь, но знайте, вороги, что не сломить вамъ русской силы. Русскій Царь вотъ такъ разотретъ васъ!» Базарникъ сложилъ руки ладонями и сдѣлалъ выразительный жестъ растиранія. Послѣдовалъ тертій залпъ и старикъ умолкъ. Такою же смертью умеръ и церковный учитель Гиль, до самой смерти ободрявшій товарищей своихъ по несчастью» [1].

Австрійскія звѣрства въ Галиціи достаточно ярко обрисованы въ слѣдующей телеграммѣ львовскаго корреспондента Петроградскаго Агентства (25-го сент.).

«Прикарпатская Русь», говорится въ ней, оглашаетъ извлеченныя изъ архива бывшаго намѣстничества телеграммы ко всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ Галиціи.

Одна телеграмма гласитъ: «Всѣхъ арестованныхъ, политически заподозрѣнныхъ и неблагонадежныхъ руссофиловъ, поскольку они еще не преданы военному суду, выслать немедленно во львовскую тюрьму и арестовать всѣхъ, кто только подозрителенъ».

По этимъ телеграммамъ, сообщаетъ газета, ежедневно арестовывались сотни русскихъ. Тюрь-

---

[1]) «Нов. Вр.» 24-го сентября.

мы оказались переполненными. Около 10.000 русскихъ были заточены въ австрійскія и мадьярскія тюрьмы, среди нихъ—адвокаты, судьи, священники, крестьяне, женщины, старики и 12-лѣтнія дѣти. Арестованныхъ заковывали въ кандалы и водили по улицамъ, позволяя толпѣ издѣваться и глумиться, а поруганныхъ и избитыхъ вывозили затѣмъ въ далекія тюрьмы Линца, Терезіенштадта, Пильзена и Коморна.

15 августа, когда русская армія приближалась ко Львову, намѣстничество по телеграфу приказало всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ: «Выслать немедленно часть оставшихся еще въ мѣстныхъ тюрьмахъ русскихъ прямо въ Краковъ».

18 августа, за два дня до взятія Львова, отсюда выведены послѣдніе 700 арестованныхъ русскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

По дорогѣ на вокзалъ ихъ били и мучили.

70-лѣтній священникъ, упавшій на улицѣ, добитъ солдатскими штыками и прикрытъ на улицѣ соломой. Только немногіе счастливцы, которыхъ австрійцы не успѣли вывести, освобождены побѣдоносными русскими отрядами. Такъ въ Самборѣ освобождено 400 человѣкъ, преимущественно крестьянъ, а во Львовѣ 177 человѣкъ».

16-тилѣтняя дѣвушка, В. М. Андронова, разсказываетъ еще одинъ изъ кровавыхъ калишскихъ эпизодовъ.

Когда, по словамъ дѣвушки, въ городѣ начались пожары и послышались выстрѣлы, то она направилась домой и, «добѣжавши, увидѣла, что

ворота и крыльцо заперты, домъ горитъ, кругомъ нѣмцы. Въ окно освѣщеннаго пламенемъ дома А—ва разсмотрѣла мать и двухъ братьевъ: они бѣгали по комнатамъ и, повидимому, искали выхода, но двери вездѣ были заперты нѣмцами. Скоро рухнула крыша и задавила мать и обоихъ братьевъ Андроновой. Въ ужасѣ отъ видѣннаго, она побѣжала вонъ изъ города» [1]).

«Варшавская Мысль» сообщаетъ, что «въ Добжевицахъ имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ.

Въ первые же дни по объявленіи войны, нѣмцы энергично принялись за фортификаціонныя работы, къ каковымъ привлекалось все мѣстное населеніе.

На одну изъ такихъ работъ былъ поставленъ весьма почтенныхъ лѣтъ старецъ, къ тому же и больной.

Будучи не въ силахъ работать, онъ часто падалъ отъ изнеможенія, но безжалостные культурные палачи XX вѣка—нѣмцы, для подбадриванія, избивали его чѣмъ попало.

Жена несчастнаго, желая разжалобить инквизиторовъ, привела своихъ дѣтей и на колѣняхъ умоляла офицера избавить больного мужа отъ непосильныхъ работъ. Тотъ разсвирѣпѣлъ, произвелъ выстрѣлъ въ женщину, тяжко ранивъ ее. Отъ полученной раны она умерла спустя два дня» [2]).

---

[1]) «Нов. Вр.» 31-го августа.

[2]) «Варш. Мысль» 1-го сентября.

Нѣмцы широко пользовались работами русскихъ подданныхъ, захваченныхъ въ занятыхъ областяхъ, заставляя ихъ, вопреки гаагской конвенціи, работать по укрѣпленію позицій. По этому поводу захваченный въ Ченстоховѣ служащій графини Броницкой, Миклашевскій, возвратившійся изъ нѣмецкаго плѣна, «разсказываетъ, что въ большой партіи плѣнныхъ жителей его провезли по многимъ городамъ Германіи, заставляли нагружать военные запасы, мести улицы, убирать на скотобойняхъ, хоронить умершихъ солдатъ, вывозить нечистоты, рыть волчьи ямы и траншеи, затѣмъ одѣли въ военную форму и отправили въ Люневиль драться съ Французами. Въ перестрѣлкѣ съ Французами до двухсотъ Германцевъ, въ числѣ ихъ десять офицеровъ, оказались убитыми въ спину. Это приписали плѣннымъ русскимъ, часть которыхъ разстрѣляли, остальныхъ, въ числѣ ихъ Миклашевскаго, отправили на островъ Рюгенъ и разрѣшили вернуться на родину» [1]).

Другой ченстоховецъ, побывавшій въ нѣмецкомъ плѣну, С. Ф. Конинскій, говоритъ, что, доставивъ своихъ плѣнниковъ въ Силезію, нѣмцы начали «обучать ихъ наскоро военному дѣлу и, распредѣливъ ихъ по разнымъ полкамъ, отправили въ Бельгію и на французскую границу, гдѣ, какъ имъ это было обѣщано, ихъ послали въ первый огонь» [2]).

---

[1]) «Нов. Вр.» 12-го сентября.
[2]) «Веч. Вр.» 3-го сентября.

Въ крѣпости Глогау, по словамъ Г. Ф. Ставинскаго, обученіе военному дѣлу русско-подданныхъ производилось подъ руководствомъ майора Фохтса и лейтенантовъ Кригіуса и фонъ-Штольца. Получивъ достаточную, по мнѣнію тевтоновъ, военную подготовку, г. Ставинскій со своими товарищами по несчастью былъ зачисленъ въ 91 пѣхотный полкъ и отправленъ къ Люневилю, гдѣ, въ бою 20 августа, оказалось нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ убитыхъ въ спину, о чемъ уже говорилось выше со словъ г. Миклашевскаго, благодаря чему г. Ставинскій избавился отъ чести служить въ доблестныхъ войскахъ германскаго кайзера [1]).

Ощущая, очевидно, острую нужду въ солдатахъ, нѣмцы, «занявъ часть Польши до р. Варты, объявили тамъ всеобщую мобилизацію. Молодежь взята подъ ружье и отправлена на французскій театръ военныхъ дѣйствій, старикамъ приказано начать работы по возведенію окоповъ» [2]).

«Призываются всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 16 до 45 лѣтъ. Предѣльнымъ срокомъ для явки назначено 5 сентября. Приказъ объ этомъ неслыханномъ наборѣ распространяется на Калишъ и слѣдующія деревни вокругъ Калиша: Борчиско, Коспельная, Шипіорна, Носковъ, Загожинскъ, Завадзе, Рыпинскъ и Хмельники.

Но, еще до истеченія назначеннаго срока, нѣмцы стали врываться въ частныя квартиры и

[1]) «Веч. Вр.» 7-го сентября.

[2]) «Гол. Москвы» 15-го сентября.

силой таскать людей на службу. Оказывавшихъ сопротивленіе постигала немедленная казнь. Въ теченіе недѣли казнены такимъ образомъ 22 человѣка» [1]).

Вскорѣ мобилизація была распространена и на другія «анексированные» русскіе уѣзды. Такъ, напримѣръ, «въ Кoнинѣ нѣмцы арестовали всѣхъ чиновъ добровольной пожарной дружины.

Младшихъ чиновъ дружины они отправили сражаться на западный фронтъ противъ французовъ, а старшихъ членовъ заставляютъ работать надъ сооруженіемъ окоповъ» [2]).

Уводя въ плѣнъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, австро-германцы издѣвались надъ стариками и дѣтьми, а женщинъ поголовно насиловали.

Корреспондентъ «Рус. Вѣд.», проѣхавшій по слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ по окрестностямъ Люблина, пишетъ между прочимъ о нравахъ австрійской арміи.

«Крестьяне, съ которыми мы говорили, съ ужасомъ разсказывали намъ о неистовствахъ австрійцевъ: они грабили наступая и грабили отступая, жгли, когда шли впередъ, и жгли, когда бѣжали отъ преслѣдующихъ ихъ казаковъ. Особенно всѣ жаловались на тѣ насилія, которыя чинились австрійцами надъ женщинами.

---

[1]) «Гол. Москвы» 10-го сентября. См. также названную газету отъ 23-го сентября.

[2]) «Петрогр. Газета» 19-го сентября.

«Женская повинность» была возведена у австрійцевъ чуть ли не въ систему. Офицеры прямо приказывали: привести въ такую-то часть войска столько-то женщинъ. Не исполнить подобнаго приказа было невозможно: за ослушаніе полагался разстрѣлъ. Одна старуха сдѣлалась популярной въ округѣ (да, вѣроятно, и нажилась), продавая особое питье, которое будто бы предохраняетъ женщинъ отъ послѣдствій пребыванія съ австрійцами.

— Какъ же у васъ относятся къ дѣвушкамъ, которыя побывали у австрійцевъ?—спросили мы одного крестьянима.

— Что же дѣлать?—угрюмо отвѣчаетъ тотъ.—Всѣ у нихъ побывали, всѣ одинаковы!» [1]).

Дѣйствительно, сотрудники газетъ, посѣтившіе лично мѣста, очищенныя отъ австро-германскихъ негодяевъ, всѣ въ одинъ голосъ твердятъ: «нѣмцы и мадьяры насилуютъ женщинъ».

Приведемъ нѣсколько фактовъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ.

На страницахъ «Нов. Вр.» г. Кравченко дѣлится своими впечатлѣніями, полученными при посѣщеніи имъ мѣстностей, на которыхъ еще слышится запахъ свѣжей крови.

---

[1]) «Русскія Вѣдомости» 25 сентября.

Г-ну А. Ст—ну сообщаютъ, что «изъ Калинкауцъ (село близъ Новоселицъ) австрійцы подъ конвоемъ отвели въ лагерь пятьдесятъ женщинъ и дѣвушекъ» («Нов. Вр.» 11 сентября).

«Создавая свою армію,—пишетъ онъ,—австрійцы взяли все населеніе, способное носить оружіе. Они забрали молодыхъ парней и всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ. Куда и зачѣмъ послѣднихъ—неизвѣстно. Быть можетъ, изъ опасенія, что онѣ достанутся русскимъ войскамъ? Не думаю. Война, а вмѣстѣ съ нею и безнаказанность всякаго нѣмецкаго командира какой бы то ни было части, что мы наблюдали и у пруссаковъ и на каждомъ шагу видно здѣсь—развязали имъ руки. Они желали хоть чѣмъ-нибудь утѣшить себя и солдата» [1]).

«Варшавская Мысль» пишетъ: «Дѣвушекъ по ночамъ разбираютъ нѣмецкіе солдаты по палаткамъ и тамъ ихъ насилуютъ. Среди забранныхъ дѣвушекъ и женщинъ смертность огромная. Ихъ тутъ же, вблизи окоповъ, велятъ хоронить роднымъ.

Нѣсколькихъ помѣшавшихся отъ страха женщинъ и мужчинъ нѣмцы звѣрски убили. Доходитъ до того, что плѣннымъ даютъ ружья и приказываютъ разстрѣливать своихъ провинившихся собратьевъ, женъ, сыновей, дочерей» [2]).

---

[1]) «Нов. Вр.» 10-го октября.

[2]) «Варш. М.» 17-го сентября.

«Гол. М.» говоритъ: «Женщинъ и дѣвицъ, работающихъ при сооруженіи окоповъ, нѣмецкіе (пруссаки) солдаты насилуютъ» (20 сент.).

«Бирж. Вѣд.» также утверждаютъ, что «дѣвушекъ и женщинъ болѣе молодого возраста нѣмцы берутъ на ночь въ свои палатки» (21 сент.).

Та же газета сообщаетъ: «При занятіи мѣстностей въ Лащовѣ, все женское населеніе было изнасиловано австрійцами; почти во всякомъ селѣ есть умирающія изъ-за этого женщины и дѣвушки. Не стѣснялись матерей, которыя цѣловали руки насильникамъ, прося пощадить ихъ часто малолѣтнихъ дѣтей,—ничто не помогало. Вѣшали за малѣйшее сопротивленіе, часто происходящее отъ непониманія языка. Мучили всѣхъ, постоянно показывая веревку или ножъ; мучили особенно тѣхъ, кто не боялся заявить о своей преданности Родинѣ и Государю. Въ этихъ звѣрствахъ особою жестокостью отличались мадьяры и «соколы» [1]).

Массовое насилованіе женщинъ въ Лащовѣ подтверждаетъ «Р. У.». «Въ Лащовѣ, говоритъ газета,—изнасилованы многія женщины... На Волыни австрійцы увели 30 дѣвушекъ» [2]).

«Въ началѣ австрійцы вели себя мягко, но послѣ неудачъ начали свирѣпствовать. Уходя, они жгли дома и бросали людей въ пламя. Особенной жестокостью отличались венгерцы и босняки, убивавшіе дѣтей и насиловавшіе женщинъ» [3]).

---

[1]) «Варш. М.» 6-го сентября.

[2]) «Раннее Утро» 5-го сентября.

«Гол. М.» сообщаетъ: «Отступая, австрійцы увели съ собою много женщинъ» (20 сент.).

«Утро Россіи» (12 сент.) также пишетъ, что «озлобленные неудачами австрійцы насиловали женщинъ, уводя изнасилованныхъ съ собою».

[3]) «Русскія Вѣд.» 13-го сентября.

«Въ пограничныхъ мѣстностяхъ Ломжинской губерніи,—пишетъ «Варш. Дн.»,—нѣмцы при отступленіи не ограничились тѣмъ, что забрали у крестьянъ весь скотъ, всѣ повозки, всѣ съѣстные припасы и всѣ «кожухи», но, кромѣ того, увели всю крестьянскую молодежь. Мужчинъ они заставляютъ переносить тяжести и копать укрѣпленія, а дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ принуждаютъ, подъ угрозою смерти, удовлетворять грязнымъ похотямъ солдатъ» [1]).

Примѣръ психопатическаго варварства сообщилъ сотруднику «Новаго Времени» сельскій священникъ изъ Холмщины.

Около села Долгобычева,—разсказываетъ священникъ,—весь день шелъ бой. Ночью же австрійцы вошли въ село и начались насилія. «У одного крестьянина была шестнадцатилѣтняя дочь. Почти весь взводъ совершилъ надъ ней насиліе. Отецъ бросился на-земь, цѣловалъ имъ сапоги, прося: «Убейте меня, не трогайте только ее». Но ничто не помогло. Мадьяры убили крестьянина, а надъ дѣвушкой совершили гнусное насиліе до полнаго обморока. Бѣдную дѣвушку, впавшую въ обморочное состояніе, двое держали за руки, двое за ноги на воздухѣ и насиловали. Когда другія женщины увидѣли эти издѣвательства, на нихъ напалъ паническій страхъ. Женщины бросились ко мнѣ, прося, чтобы я ихъ заперъ въ церкви».

---

[1]) «Варшавскій Дневникъ» 17-го сентября.

[2]) «Нов. Вр.» 18-го сентября.

Въ Сувалкахъ, по словамъ той же газеты, одинъ изъ подлыхъ насильниковъ понесъ заслуженное наказаніе.

«Нѣмцы разграбили городъ, увезли много цѣннаго съ собой и оставили по себѣ память отвратительныхъ насильниковъ,—пишетъ корреспондентъ «Нов. Вр.».—Вошедшій въ городъ нашъ авангардъ на одномъ изъ дворовъ предмѣстья нашелъ трупъ германскаго офицера... Здѣсь разыгралась трагедія. Этотъ мерзавецъ изнасиловалъ женщину, мать подростка-гимназиста, и открыто насмѣхался при этомъ надъ беззащитнымъ сыномъ.

Когда при приближеніи нашихъ войскъ непріятель спѣшно очистилъ городъ, офицеръ этотъ, пьяный, замѣшкался и остался. Мальчикъ подстерегъ его и выстрѣлами изъ револьвера убилъ, отмстивъ за безчестье матери...» [1]).

«Въ Судоргахъ, Ковенской губ., пьяные нѣмцы потребовали къ себѣ женщинъ и дѣвушекъ. Несмотря на категорическое требованіе, подкрѣпленное угрозой разстрѣломъ, крестьяне наотрѣзъ отказались исполнить этотъ приказъ, не убоявшись угрозъ. Тогда пьяная орда нѣмцевъ начала обходить крестьянскія хаты и на глазахъ мужчинъ совершала насилія надъ женщинами, дѣвушками и даже подростками. Мужчинъ въ это время охраняли вооруженные солдаты» [2]).

---

[1]) «Нов. Вр.» 1-го октября.

[2]) «Бирж. Вѣд.» 28-го сентября (у. вып.).

Австро-германскимъ подлецамъ недостаточно было насиловать женщинъ. Нѣтъ, ихъ скотская натура требовала еще издѣвательствъ надъ предсмертными муками несчастныхъ жертвъ, требовала еще упиться кровью избиваемыхъ младенцевъ.

Членъ Гос. Думы отъ Люблинской губерніи, Наконечный, объѣхавъ тѣ мѣста губерніи, которыя подверглись австрійскому нашествію, передаетъ видѣнные имъ ужасы.

Уходя подъ давленіемъ русскихъ войскъ, по словамъ г. Наконечнаго, «разсвирѣпѣвшіе австрійцы бросали людей въ пылающіе дома. Особеннымъ ожесточеніемъ отличались венгры и босняки. Было много случаевъ, когда солдаты подхватывали на штыки дѣтей и бросали ихъ въ огонь. Постоянно совершались насилія надъ женщинами, подвергавшимися самымъ возмутительнымъ издѣвательствамъ. У нѣкоторыхъ отрѣзаны груди. (Одна изъ женщинъ съ отрѣзанными грудями отослана въ Петроградъ)» [1]).

Сообщенія о женщинахъ съ отрѣзанными грудями въ газетахъ встрѣчаются очень часто. Такъ, напримѣръ, «Русскому Слову» сообщаютъ изъ Люблина: «Звѣрства деморализованной австрійской арміи не знаютъ предѣловъ.

По свидѣтельству уполномоченнаго Краснаго Креста А. А. Стаховича, лично опрашивавшаго

---

[1]) «Гол. М.» 20-го сентября. См. также «Утро Россіи» 12-го сентября.

мѣстное населеніе, въ деревнѣ Петроково и въ окрестныхъ сельскихъ пунктахъ среди убитыхъ австрійцами мирныхъ жителей подобрано нѣсколько женскихъ тѣлъ съ отрѣзанными грудями.

Отступая, австрійцы захватываютъ съ собой женщинъ и дѣвушекъ» [1]).

Рижскій корреспондентъ той же газеты телеграфируетъ: «Въ пограничныхъ нѣмецкихъ усадьбахъ, гдѣ въ числѣ батраковъ было много русскихъ, наши воинскіе отряды постоянно встрѣчаютъ трупы убитыхъ русскихъ рабочихъ. Одна работница найдена съ вырѣзанными грудями» [2]).

Далѣе, офицеръ, раненый подъ Люблиномъ, разсказываетъ въ «Днѣ», что «въ мѣстностяхъ между Зарашевымъ и Кайшановымъ намъ въ цѣломъ рядѣ деревень попадались изнасилованныя польскія и еврейскія дѣвушки съ вырѣзанными грудями. Я самъ видѣлъ этихъ несчастныхъ» [3]).

Удовлетворивъ свою гнусную похоть, нѣмцы и мадьяры затѣмъ мучаютъ несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ, даже убиваютъ ихъ.

Такъ, по словамъ «Нов. Вр.», подбирая трупы убитыхъ австрійцевъ на позиціяхъ передъ Саномъ, наши «услышали слабый стонъ; приподняли блиндажъ—и нашли женщинъ. Сперва одну, затѣмъ другую, третью...

---

[1]) Рус. Сл.» 2-го сентября.

[2]) «Рус. Сл.» 11-го сентября.

[3]) «День» 5-го сентября.

Ихъ затащили въ окопы нѣмцы изъ польскихъ деревень, держали подъ обстрѣломъ, а ночью издѣвались надъ беззащитными, предаваясь разврату и гнусностямъ. Женщинъ нашли полуживыми, истерзанными, истекавшими кровью, голодными—задыхавшимися въ трупномъ зловоніи. Почти всѣ онѣ вскорѣ умерли, но двѣ пока выжили» [1]).

«Русское Слово также сообщаетъ, что въ австрійскихъ траншеяхъ «были найдены двѣ женщины изнасилованными и заколотыми» (4 сент.).

Испытывая страхъ передъ русскими войсками, австро-мадьяры, въ подлинномъ смыслѣ, прятались «за бабьи юбки».

Раненый подъ Люблиномъ нашъ пріятель, капитанъ Д. М. Муратовъ, сообщилъ намъ, что, идя въ атаку, австрійцы передъ собою гнали женщинъ и дѣвушекъ, забранныхъ изъ сосѣднихъ деревень. Наши доблестныя войска сумѣли разбить австрійцевъ, пощадивъ при этомъ несчастныхъ женщинъ.

При повѣркѣ оказалось, что среди женщинъ было нѣсколько переодѣтыхъ солдатъ и офицеровъ.

Подобный же случай одинъ докторъ сообщаетъ В. В. Розанову:

«Во время отступленія австрійскихъ войскъ,—пишетъ врачъ,—въ свои засады они забирали женъ и дѣтей польскихъ крестьянъ и ставили ихъ на на-

---

[1]) «Нов. Вр.» 27-го сентября.

сыпь, изъ-за которой стрѣляли въ наши войска, но наши молодцы умѣли обойти ихъ сзади и выгоняли изъ окоповъ, не нанося вреда женщинамъ и дѣтямъ» [1]),

Въ послѣднихъ нашихъ строкахъ упоминается чаще объ австрійской арміи, чѣмъ о германской. Но это не потому, что послѣдняя благороднѣе первой. Нѣтъ, въ отношеніи подлости, жестокости и негодяйства трудно рѣшить, который изъ нашихъ противниковъ превосходитъ другого. Болѣе частое упоминаніе объ австрійцахъ объясняется лишь тѣмъ, что въ то время, когда пишутся эти строки, нѣмецкія банды мародеровъ еще только-что выгоняются изъ занимаемыхъ ими русскихъ губерній. Весь ужасъ германскаго владычества мы узнаемъ въ будущемъ. А, судя по дѣйствіямъ тевтоновъ во Франціи и въ Бельгіи, судя по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя все же доходятъ до насъ изъ Привислинскихъ губерній и Литвы, намъ предстоитъ услышать разсказы, отъ которыхъ мутится умъ и леденѣетъ въ жилахъ кровь.

«Несмотря на свое поспѣшное бѣгство,—говорится со словъ «Армейскаго Вѣстника» въ «Нов. Вр.»,—нѣмцы все-таки успѣли проявить на населеніи свою варварскую жестокость. Передъ своимъ уходомъ изъ с. Горбатки (станція Горбатки въ 16 верстахъ на западъ отъ Ивангорода) 8 октября нѣмцы собрали окрестныхъ крестьянъ,

---

[1]) «Нов. Вр.» 17-го сентября.

избили ихъ, заперли всѣхъ въ одинъ домъ и, уходя, домъ этотъ подожгли. Крестьяне чудомъ спаслись черезъ выбитыя окна. Есть предположеніе, что это продѣлали гвардейцы, т. е. лучшія германскія войска». [1]).

Участникъ боя подъ Варшавой 29 сентября, въ «Рус. Вѣд.» пишетъ: «Первое, на что мы обратили вниманіе, войдя въ деревню вслѣдъ за нѣмцами, была убитая женщина, прикрывавшая своимъ тѣломъ мертваго ребенка» [2]).

Раненый въ бояхъ съ пруссаками капитанъ Ченстуховъ намъ передавалъ, что въ одной деревнѣ, близъ Сувалокъ (названіе этой деревни капитанъ не помнитъ), онъ слышалъ отъ старой крестьянки слѣдующій разсказъ, подтвержденный затѣмъ односельчанами.

Дня за два до прихода нашихъ войскъ, нѣмецкіе солдаты, обходя хаты, отбирали у крестьянъ все, что попадалось подъ руку. Старушка сама поспѣшила выдать нѣмецкимъ мародерамъ остатки хлѣба и картофеля, припрятавъ лишь сапоги сына, уѣхавшаго съ подводами въ Гродно. Когда нѣмцы обнаружили сапоги, то стали избивать старую женщину, въ защиту которой вступилась ея нѣвѣстка, присутствовавшая при дикой расправѣ. Разсерженный этимъ, одинъ изъ негодяевъ ткнулъ штыкомъ въ грудь молодую женщину, а другой, уже послѣ того, какъ она упала, ударилъ ее при-

---

[1]) «Нов. Вр.» 13-го октября.
[2]) «Рус. Вѣд.» 11-го октября.

кладомъ по головѣ, раздробивъ черепъ. Не довольствуясь этимъ убійствомъ, мерзавецъ схватилъ за ножки младенца, лежащаго въ люлькѣ, взмахнулъ имъ и ударилъ головою объ полъ. Затѣмъ у мертваго ребенка отрѣзалъ ухо, бросивъ его въ лицо обезумѣвшей отъ ужаса старой женщины. Капитанъ Ченстуховъ самъ видѣлъ свѣжій могильный холмъ, засыпанный на дворѣ избушки.

Не хватаетъ словъ, чтобы изобразить всю гнусность изподлившихся нѣмцевъ.

Для характеристики отношеній нѣмцевъ къ мирному населенію «Рѣчь», между прочимъ, сообщаетъ слѣдующій фактъ.

«Въ домѣ одного изъ старыхъ домохозяевъ одной деревни, — пишетъ газета, — жилъ прусскій офицеръ. Все время онъ обращался съ хозяевами корректно и даже дружелюбно, разсказывая о себѣ, показывая фотографіи своей семьи и читая полученныя письма. Получивъ приказъ объ отступленіи, офицеръ, передавъ вещи денщику, поспѣшилъ къ поджидавшимъ его во дворѣ товарищамъ. Вдругъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, офицеръ далъ знакъ товарищамъ подождать его, вернулся въ домъ и, быстро выхвативъ револьверъ, убилъ выстрѣломъ наповалъ хозяина, потомъ вышелъ, сѣлъ на коня и ускакалъ» [1]).

Не довольствуясь убійствами мирныхъ жителей, нашъ презрѣнный врагъ пытался насадить среди русскихъ войскъ и мирнаго населенія эпи-

[1]) «Рѣчь» 13-го октября.

демію холеры. Объ этихъ подлыхъ замыслахъ тевтоновъ, къ счастью, своевременно было узнано, и властями были приняты надлежащія мѣры, о чемъ, напримѣръ, можно судить по объявленіямъ президента Радома, предупреждавшаго жителей, что «по полученнымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нѣмцы въ Берлинѣ приготовляютъ стеклянныя трубки съ холерными бацилами съ цѣлью заразить воду въ колодцахъ» [1]). Вѣроятно, культуры холеры, для распространенія среди нашихъ войскъ эпидеміи, германцы передали также австрійцамъ, такъ какъ, по сообщенію «Армейскаго Вѣстника», «7 октября нашъ врачъ представилъ при рапортѣ 12 склянокъ, оставленныхъ отступающими съ лѣваго берега Сана австрійцами мѣстной жительницѣ для раздачи русскимъ солдатамъ» [2]). Еще ранѣе, «Бирж. Вѣд.» говорили, что «факты отравленія австрійцами воды были установлены многими врачами, которые производили анализъ воды въ мѣстностяхъ, оставленныхъ австрійцами» [3]).

Для полноты характеристики нѣмецкой жестокости и нѣмецкаго негодяйства, вспомнимъ ихъ гнусные поступки на земляхъ нашихъ союзниковъ.

Бельгійскій сенаторъ Фонтэнъ на большомъ митингѣ въ Лондонѣ «сообщилъ подробныя свѣ-

---

[1]) «Гол. Москвы» 15-го и 21-го сентября.
[2]) «Нов. Вр.» 13-го октября.
[3]) Бирж. Вѣд.» 4-го октября (утр. в.).

дѣнія о томъ, какъ германскіе солдаты и офицеры систематически жгли лица бельгійскихъ дѣтей сигарами и спичками»[1].

Одинъ англичанинъ доставилъ въ редакцію «Вечерняго Времени» полученное имъ изъ Англіи письмо отъ отца, въ которомъ сообщается о бельгійскихъ бѣглецахъ, спасшихся въ Англію.

«Среди нихъ,—пишетъ англичанинъ,—всеобщую жалость вызываетъ маленькая дѣвочка 5—6 лѣтъ, которую пріютилъ католическій священникъ, съ отрѣзанными руками. Все это сдѣлали нѣмецкіе звѣри. Къ сожалѣнію, говорятъ, такихъ дѣтей нѣсколько среди спасшихся изъ Бельгіи. Тутъ же, въ Чипли, находится англичанка, путешествовавшая со своимъ мужемъ по Германіи. Она послѣ объявленія войны была захвачена нѣмцами, которые раздѣли ее до-гола и заставили ее идти съ мужемъ такъ впереди германскихъ войскъ. Она сошла съ ума и, говорятъ, находится въ безнадежномъ состояніи»[2].

Сестра милосердія, американка, побывавшая въ нѣмецкомъ плѣну, на страницахъ «Daily News» сообщаетъ, что она видѣла, какъ въ бельгійской деревнѣ пьяные германскіе солдаты, собравъ при-

---

[1]) «Нов. Вр.» 26-го сентября.

[2]) «Веч. Вр.» 3-го октября. Парижскій корреспондентъ «Рус. Сл.» пишетъ (16 окт.), что онъ «самъ лично видѣлъ въ телѣжкѣ, запряженной собакой, женщину съ тремя дѣтьми, и у всѣхъ этихъ трехъ отрублены правыя руки. Они говорятъ, что это злое дѣло совершили нѣмецкіе солдаты. Перевязки имъ пришлось дѣлать самимъ».

близительно 35 бельгійскихъ дѣтей, развлекались тѣмъ, что подбрасывали ихъ на штыки» [1]).

Генералъ Рюккель въ разговорѣ съ сотрудникомъ «Нов. Вр.» сказалъ: «Я знаю случаи ужасныхъ несчастій въ бельгійскихъ семьяхъ, гдѣ нѣсколько барышень лучшаго общества были изнасилованы на глазахъ матерей...» [2])

Подобный же фактъ, по словамъ «Le Journal», имѣлъ мѣсто въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ около Льежа, гдѣ несчастныя были привязаны къ скамьямъ и на глазахъ своихъ родныхъ и сосѣдей подвергались самымъ возмутительнымъ насиліямъ» [3]).

Наконецъ, въ антверпенской газетѣ «Lo Metropolo», отъ 5-го сентярбя, сообщалось, что «въ Вильверлэ (Бельгія) германцы подожгли городскую ратушу, а затѣмъ, схвативъ сестру милосердія, англичанку Юмъ, вырѣзали ей груди. Несчастная умерла въ ужасныхъ страданіяхъ» [4]).

Въ англійскомъ «Times» «со словъ одного изъ англійскихъ офицеровъ, находящихся во Франціи, говорилось, что германскія войска совершили во Франціи многочисленныя звѣрства надъ женщинами. Нѣмцы не только насиловали женщинъ и дѣвушекъ, но и пытали ихъ. Одной женщинѣ они отрѣзали обѣ груди [5])».

---

[1]) Телеграмма лондонскаго корреспондента Петроградскаго Агентства отъ 30-го августа.

[2]) «Нов. Вр.» 27-го сентября.

[3]) «Рус. Слово» 20-го августа.

[4]) «Нов. Вр.» 16-го сентября.

[5]) «Нов. Вр.» 3-го сентября.

Лондонскій корреспондентъ «Веч. Вр.» передаетъ, что англійская сестра милосердія «Миссъ Химъ умерла въ Бельгіи въ страшныхъ мученіяхъ послѣ того, какъ германскіе солдаты, издѣваясь, отрѣзали ей обѣ груди» [1].

Таковы наши противники въ неприкрашенномъ внѣшнимъ лоскомъ европейской культуры видѣ. При заключеніи мира, союзныя государства должны считаться съ нравственнымъ вырожденіемъ современныхъ нѣмцевъ, доходящихъ до низшей степени идіотизма. Для будущности европейской культуры еще недостаточно уничтожить прусскій милитаризмъ, съ Гогенцоллернами и пресловутымъ Круппомъ во главѣ. Въ будущемъ строѣ международной жизни нѣмцамъ не должно быть равнаго мѣста среди цивилизованныхъ государствъ, а потому, разгромивъ прусскій милитаризмъ, союзники должны подорвать экономическія силы тевтоновъ, чтобы нѣмцы, какъ низшая въ нравственномъ смыслѣ европейская нація, могли бы играть всего лишь роль рабочей силы.

---

[1]) «Веч. Вр.» 4-го сентября.

ГЛАВА X.

Святотатство нѣмцевъ.

Нѣмцы и мадьяры не показали бы міру всю низость своей хамской натуры, если бы удержались отъ соблазна обворовывать храмы и богохульствовать въ занятыхъ ими областяхъ. Безпримѣрное нравственное одичаніе нѣмцевъ совершенно затуманило ихъ умъ, благодаря чему солдаты-католики, попадая въ предѣлы Франціи и Бельгіи и нашей католической Польши, кощунствуютъ надъ церковными предметами, почитаемыми католической церковью священными.

Опять-таки и въ этой области нѣмецкихъ звѣрствъ примѣръ святотатства идетъ сверху— отъ самого Вильгельма и раболѣпствующихъ передъ нимъ пасторовъ.

12-го октября, въ «Daily News» опубликованъ полный кощунства приказъ, отданный Вильгельмомъ по войскамъ передъ наступленіемъ германской арміи на восточно-прусскомъ театрѣ войны, окончившимся пораженіемъ у Варшавы и Ивангорода:

«Солдаты, — восклицаетъ въ приказѣ Вильгельмъ,—помните, что вы избранный народъ! Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я императоръ германцевъ.

Я являюсь оружіемъ Всемогущаго! Я—Его мечъ и Его воля!

Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто противится моей волѣ!

Уничтоженіе и смерть всѣмъ, кто не вѣритъ въ мою божественную миссію!

Уничтоженіе и смерть трусливымъ!

Да погибнутъ всѣ враги германскаго народа!

Богъ требуетъ ихъ уничтоженія, Богъ, вѣщающій черезъ меня, приказываетъ вамъ исполнить Его святую волю».

Прочтя этотъ документъ, нельзя сомнѣваться, что германскій императоръ — человѣкъ ненормальный.

Ужасная болѣзнь, которой Вильгельмъ II заболѣлъ еще въ молодости, не прошла безслѣдно для его умственныхъ способностей. И трагизмъ нѣмцевъ заключается въ томъ, что припадки его болѣзненнаго состоянія они считаютъ проявленіемъ оригинальности, свойственной одареннымъ людямъ. По закону подражанія, злостныя причуды больного императора передаются солдатамъ его арміи, выражаясь у нихъ въ тѣхъ ужасныхъ звѣрствахъ, которыя проходятъ передъ нашими глазами. Вся Германія и ея мародерствующая армія являютъ интересный, съ научной точки

зрѣнія, и ужасный въ своей неудержимой жестокости примѣръ массоваго сумасшествія.

Солдаты, офицеры, врачи, ученые, даже нѣмецкіе принцы и служители церкви участвуютъ въ позорной свистоплясвѣ, напоминающей намъ эпидеміи безумія, свирѣпствовавшія въ самые темные періоды средневѣковья [1].

Примѣръ ярко выраженнаго умственнаго и нравственнаго идіотизма показалъ пасторъ Геймъ, депутатъ рейхстага. Въ «Фоссовой Газетѣ» онъ пишетъ: «Правда, что наши солдаты пристрѣливаютъ всѣхъ французскихъ и бельгійскихъ бездѣльниковъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора, а также, что Нѣмцы разрушали ихъ жилища. Однако, всякій, считающій, что это противно христіанскому ученію, лишь доказываетъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ истинномъ духѣ христіанства».

Другой достойный служитель церкви, пасторъ А. Кунде, на страницахъ офиціальнаго берлинскаго «Lokalanzeiger» обращается къ своимъ «духовнымъ дѣтямъ»:

«Узналъ я изъ газетъ, дорогія мои бреславльскія дѣти, что русскіе подданные, размѣщенные у насъ, получаютъ супъ изъ мяса и чечевицы. Если русскимъ собакамъ даютъ мясной бульонъ,

[1]) Въ Сувалкской губерніи, по словамъ «Нов. Вр.», «наравнѣ съ солдатами грабили и офицеры и даже оба духовныхъ лица, сопровождавшихъ гренадерскую дивизію— ксендзъ и пасторъ» (19 октября).

то я хотѣлъ бы узнать: не подаютъ ли имъ еще и изысканныхъ винъ? До тѣхъ поръ, пока въ Германіи имѣется хоть одинъ голодающій рабочій— до тѣхъ поръ и русскіе офицеры не помрутъ отъ похлебки на салѣ. До тѣхъ поръ, пока есть нѣмецкія дѣти, которыя питаются сухарями, до тѣхъ поръ я буду огненными словами протестовать противъ всякой роскоши для русскихъ офицеровъ. Боже спаси васъ, дорогія дѣти, отъ вашего излишняго мягкосердечія» [1]).

Получивъ разрѣшеніе своихъ озвѣрѣвшихъ пасторовъ Кунде, Гейма и К° убивать мирныхъ жителей и грабить ихъ имущество, нѣмецкіе мародеры сдѣлали дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи и начали обворовывать храмы, встрѣчающіеся на пути ихъ разбойничьяго набѣга.

Напримѣръ, «по полученному въ Святѣйшемъ Синодѣ офиціальному донесенію, во время пребыванія нѣмцевъ въ Радомѣ мѣстная гимназическая церковь подверглась большому поруганію и сильно пострадала. По всей церкви разбросана солома— слѣды ночлега нѣмцевъ, царскія врата и ящики открыты, и замки взломаны, около свѣчного ящика лежитъ груда какихъ-то бумагъ, около комода лежатъ въ кучѣ и безпорядкѣ воздухи и облаченія, плащаница въ церкви помята, отъ иконы Спасителя металлическій вѣнчикъ оторванъ, на солеѣ лежитъ камилавка, на св. престолѣ у Евангелія оправа испорчена, а около Евангелія лежитъ

---

[1]) Цитировано по «Нов. Вр.» отъ 28 сентября.

футляръ изъ-подъ камилавки, дарохранительница носитъ слѣды нѣмецкаго осмотра, такъ какъ футляръ сдвинутъ, дароносица поломана, кружки всѣ взломаны, шкафы въ ризницѣ всѣ вскрыты. Съ церкви, послѣ ухода нѣмцевъ, сняты фотографическіе снимки, увѣковѣчившіе слѣды пребыванія здѣсь непріятеля. Также подверглась поруганію и мѣстная полковая церковь» [1]).

Ксензъ Жолтисъ, родомъ литовецъ, передаетъ, что въ деревнѣ Сосновицѣ, близъ Варшавы, «послѣ нѣсколькихъ дней постоя прусскій офицеръ съ пятью солдатами ночью нагрянулъ на домъ священника и, связавъ настоятеля и викарнаго священника, приказалъ вести себя въ церковь, гдѣ онъ намѣревался сдѣлать обыскъ.

На вопросъ о цѣли обыска, офицеръ отвѣтилъ, что онъ получилъ точныя свѣдѣнія о сношеніяхъ обоихъ священниковъ съ русскими войсками и будетъ искать переписку.

При весьма тщательномъ обыскѣ прусскіе солдаты изломали и отчасти похитили церковную утварь, осквернили престолъ и взломали всѣ кружки для сбора пожертвованій» [2]).

Въ Галичѣ, по разсказамъ стараго дьяка, «австрійцы пришли въ церковь, какъ дикая орда. По чьему-то наущенію они набросились на священника и забрали его вмѣстѣ съ женой и малыми

[1]) «Приходскій Листокъ» 17 сентября.
[2]) «Веч. Вр.» 17 сентября.

дѣтьми и отправили въ Липцу въ тюрьму, какъ преступниковъ.

Изъ церковнаго ящика, взломавъ его, взяли они шестнадцать тысячъ кронъ церковныхъ денегъ» [1]).

Въ деревнѣ Борчѣ, Рудзскаго уѣзда, «австрійцы, разыскивая драгоцѣнности и оружіе, разорили до тла мѣстную церковь.

Они уничтожили образа, разграбили всю церковную утварь, разбили колокола» [2]).

Въ «Приходскомъ Листкѣ» напечатаны два телеграфныя донесенія Святѣйшему Синоду отъ преосвященнаго Анастасія, епископа холмскаго и люблинскаго, объ ужасахъ австрійскаго нашествія на Холмщину.

«Почтительнѣйше доношу Святѣйшему Синоду,— пишетъ преосвященный Анастасій,—что настоятель Бѣлгорайскаго собора священникъ Козловскій два раза былъ приговоренъ къ смертной казни за неповиновеніе австрійцамъ и по подозрѣнію въ шпіонствѣ, спасенъ защитничествомъ ксендза и нѣмца-чиновника; солдаты были безпощадны въ глумленіяхъ. Священники Ивановъ, Лагдъ, Крашкевичъ, Костъ и протоіерей Охотскій того же уѣзда уведены непріятелемъ въ Австрію; за Ивановымъ пошла семья—шесть человѣкъ дѣтей. Во многихъ церквахъ похищены драгоцѣнности; въ храмѣ села Тополиче былъ устроенъ лазаретъ; дома нѣкоторыхъ священниковъ, особенно Бекаревича въ Замостьѣ, подверглись без-

1) «Рѣчь» 13 октября.

2) «Голосъ Москвы» 25 сентября.

пощадному жестокому разгрому. Священника села Шмятина Крысина били прикладомъ въ грудь за то, что не указалъ стоянки казаковъ; у священника села Ходыванецъ Левицкаго, оставшагося съ паствой, ранена въ голову жена, шестнадцатилѣтняя дочь лишилась руки, старика-братчика Тополичскаго прихода безпощадно высѣкли за то, что ходитъ до попа. Наибольшую жестокость проявили венгерскіе полки. По полученнымъ свѣдѣніямъ, австрійскимъ войскамъ было поручено захватить Холмскую чудотворную икону и музей Холмскаго братства».

«Возвратившись изъ пограничныхъ приходовъ въ окрестностяхъ Томашова,—пишетъ епископъ Анастасій,—спѣшу дополнить предыдущую телеграмму сообщеніемъ о потрясающихъ ужасахъ, пережитыхъ православнымъ населеніемъ отъ венгерскихъ войскъ. Въ селѣ Ходыванцы, въ день Успенія, чрезъ ризничную дверь вошло въ храмъ нѣсколько прихожанъ, чтобы укрыться отъ снарядовъ и помолиться предъ иконой Божіей Матери. Взломавши западныя двери, солдаты на коняхъ, въ шапкахъ и съ трубками въ зубахъ въѣхали въ храмъ и стали стрѣлять. Вблизи храма были убиты церковный староста и его жена. Священника Левицкаго, пріѣхавшаго наканунѣ въ приходъ, схватили и влекли на арканѣ, пока не отбитъ былъ казаками. Въ Шлятинѣ разстрѣляли икону на алтарной наружной стѣнѣ» [1]).

---

[1]) «Приход. Лист.» 15 сентября.

«Архіепископомъ варшавскимъ Николаемъ представлено въ Св. Синодъ донесеніе настоятеля Николаевской волковышкинской церкви о разгромѣ названной церкви нѣмецкими войсками во время пребыванія ихъ въ Волковышкахъ. О. настоятель, въ своемъ донесеніи сообщаетъ, что при приближеніи (31-го августа) непріятеля на Волковышки онъ и псаломщикъ, взявъ съ собою антиминсъ и метрическую книгу, вмѣстѣ съ оставшимися къ тому времени въ городѣ православными жителями выѣхали изъ города. Волковышки были очищены отъ непріятеля нашими войсками 24-го сентября. 27-го сентября о. настоятель съ псаломщикомъ снова возвратились въ Волковышки и осмотрѣли церковь. При осмотрѣ оказалось, что наружная входная дубовая дверь и вторая рѣшетчатая были проломлены; дверь, ведущая со двора въ пономарку, а также и двѣ внутреннія двери изъ алтаря въ пономарку и ризницу оказались поврежденными, а наружный замокъ взломаннымъ. Имущество церкви найдено въ цѣлости, похищенъ только серебряный крестъ. Въ алтарной части выбиты и прострѣлены восемь стеколъ пулями и шрапнелью, осколки которой были найдены на полу. Въ средней части храма оказались валяющимися на полу окурки сигаръ» [1]).

Вообще говоря, религіозныя чувства мѣстнаго населенія, безцеремонно оскорбляются австрогерманскими арміями. Напримѣръ, «въ одной изъ

[1]) «Нов. Вр.» 17 октября.

деревень Новорадомскаго уѣзда (гмина Гидле) германская кавалерія помѣстилась въ костелѣ вмѣстѣ съ лошадьми» [1]).

«Войдя 15-го августа въ Радомъ, по словамъ «Арм. Вѣст.», пруссаки потребовали открыть два мѣстныхъ православныхъ храма, внутри которыхъ размѣстили на отдыхъ своихъ солдатъ. Вокругъ церковной ограды, на площади, поставили обозъ лошадей» [2]).

Послѣ ухода пруссаковъ изъ Радома, по словамъ «Варш. Дн.», «въ алтарѣ, на престолѣ и около него стояли пустыя бутылки изъ-подъ водки, завѣса при царскихъ вратахъ была подвязана фестонами, иконы порублены и поломаны».

Въ «Биржъ. Вѣд.» одинъ санитаръ разсказывалъ, что: «приходится не мало слышать отъ жителей мѣстностей, которыя занимали нѣмцы, про звѣрства и кощунства ихъ. Въ одинъ костелъ они поставили лошадей, превративъ его въ конюшню. Въ другомъ костелѣ они устраивали оргіи» [3]).

Въ Сосновицкій приходскій костелъ во время богослуженія «ворвались нѣмецкіе солдаты, схватили у алтаря ксендза Станислава Маркевку и потащили его на вокзалъ, въ штабъ отряда» [4]). Въ другой разъ «въ одномъ мѣстечкѣ, около Ченстохова, во время богослуженія въ костелѣ, среди

---

[1]) «Рус. Сл.» 1 октября.

[2]) «Армейскій Вѣстникъ» 29 сентября.

[3]) «Бирж. Вѣд.» 5 октября.

[4]) «Петр. Газ.» 21 сентября. Этотъ фактъ сообщается также въ «Рус. Сл.» 18 сентября.

молящихся распространенъ былъ приказъ, чтобы они послѣ службы не расходились, а собрались у костела. Толпа образовалась большая, къ ней подошли мѣстные жители. Вдругъ нѣмцы быстро подвезли пулеметъ, и началась стрѣльба по толпѣ, которая въ страхѣ разбѣжалась» [1]).

Подобный же случай, по словамъ «Рѣчи», произошелъ во Владиславовѣ: «когда русская армія стала приближаться, то нѣмцы, отступая, обстрѣляли костелъ, въ которомъ было много молящихся. Среди молящихся поднялась страшная паника. Одинъ изъ снарядовъ черезъ окно влетѣлъ во внутреннее помѣщеніе костела, въ гущу молящихся. Къ счастью, снарядъ не взорвался» [2]).

Желая предупредить, при отступленіи нѣмцевъ, обстрѣлъ костела, «ксендзъ дер. Кулигашки обратился съ просьбой къ нѣмецкому генералу пощадить костелъ. Генералъ, даже не призадумавшись, обѣщалъ исполнить просьбу ксендза и самъ же посовѣтовалъ спрятаться жителямъ въ костелѣ, если нѣмецкія войска будутъ обстрѣливать деревню.

Но это обѣщаніе оказалось обычной нѣмецкой подлостью. Какъ только начался бой, крестьяне, исполняя совѣтъ генерала, собрались всѣ въ костелъ. Однако, первыми же нѣмецкими снарядами костелъ былъ подожженъ. Въ огнѣ погибло много мирныхъ жителей и лишь немногимъ удалось спастись» [3]).

---

[1]) «Рѣчь» 19 сентября.
[2]) «Рѣчь» 9 октября.
[2]) «Бирж. Вѣд.» 5 октября.

Разрушеніе храмовъ, какъ видно, входитъ въ программу веденія войны бѣлыхъ дикарей, съ которыми намъ приходится воевать. Достаточно вспомнить разрушеніе Реймскаго собора, развалины котораго тысячелѣтіями будутъ говорить людямъ о безуміи Вильгельма и его полководцевъ, покушеніе на соборъ Богоматери въ Парижѣ, чтобы по достоинству оцѣнить нѣмецкій вандализмъ, не говоря уже о разрушеніи безконечнаго числа мелкихъ храмовъ.

Уничтожая храмы, нѣмцы съ какой-то сатанинской злостью обрушиваются на священниковъ и ксендзовъ.

Печатающаяся при штабѣ ковенской крѣпости «Литовская Русь» сообщаетъ, что 13-го августа, въ мѣстечкѣ Славики, Сувалкской губерніи, прусскіе гусары истязали мѣстнаго настоятеля, ксендза Штримовича и убили мѣстнаго викарнаго ксендза Пессо [1]).

«Австрійцы, по словамъ «Нов. Вр.», также издѣвались надъ нашими священниками, особенно въ западной части Холмщины. Они насильственно обрѣзывали бороду и волосы священникамъ и прежде всего, какъ приходили въ село, посылали цирюльниковъ къ «попу», чтобы его обрить. Вмѣстѣ съ бритьемъ производили и другія насилія; такъ, напримѣръ, по слухамъ, были даже случаи попытки оскопленія духовныхъ лицъ. Всю церковную утварь, золотую и серебряную, австро-венгер-

---

[1]) «Рѣчь» 14 сентября.

скіе солдаты самымъ безцеремоннымъ образомъ сдирали и расхищали. Послѣ окончательной нашей побѣды нерѣдко удавалось находить у плѣнныхъ предметы, награбленные изъ нашихъ церквей и монастырей»[1]).

«Въ Жолкевскомъ уѣздѣ настоятель прихода села Нагорцы, отецъ Набакъ, былъ задержанъ вмѣстѣ съ псаломщикомъ и дочерью. Набака австрійцы привязали къ дереву, завязали глаза и разстрѣляли. Та же участь послѣ издѣвательствъ постигла псаломщика и дочь»[2]).

Потерпѣвшихъ священниковъ отъ нѣмецкихъ звѣрствъ насчитываютъ десятками. Многіе потерпѣли во время отправленія богослуженія. Такъ, напримѣръ, въ «Варшавской Мысли» священникъ Будиловичъ сообщаетъ, что «въ Бѣлгорай (уѣздный городъ на югѣ Холмской губерніи) пришли австрійцы въ то время, когда священникъ о. Козловскій служилъ вечерню. Солдаты содрали съ него облаченіе и въ одномъ подрясникѣ, безъ шляпы, подъ конвоемъ отправили куда-то. Возлѣ церкви и въ церкви тѣ же австріяки надъ священникомъ издѣвались, тянули его за волосы, за бороду, имущество жителей грабили»[3]).

Ограничимся приведенными случаями, которые показываютъ, что отъ нѣмецкихъ звѣрствъ не были избавлены и служители церкви, которыхъ, ко-

---

[1]) «Нов. Вр.» 18 сентября.
[2]) «Рѣчь» 6 октября.
[3]) «Варш. М.» 1 октября.

нечно, уже нельзя заподозрить въ посягательствахъ на безопасность австро-германскихъ армій. Между тѣмъ, какъ извѣстно, нѣмцы учиненные ими звѣрства пытаются объяснить вызываемою необходимостью.

Ложь нѣмецкихъ официальныхъ сообщеній, кажется, начинаетъ вселять сомнѣнія даже въ умахъ незначительнаго числа самихъ нѣмцевъ, сохранившихъ проблески человѣческаго достоинства, не говоря уже о бывшихъ друзьяхъ и поклонникахъ нѣмецкой культуры.

Глава эта была нами закончена, когда появились новыя свѣдѣнія о нѣмецкомъ кощунствѣ.

По словамъ «Бирж. Вѣд.», «полковой священникъ Николай Луговской донесъ протопресвитеру военнаго духовенства, что по очищеніи врагами Сувалокъ онъ отправился осмотрѣть полковую церковь, причемъ оказалось:

«Всѣ двери въ храмѣ открыты со взломомъ. Въ церкви была устроена конюшня, что ясно видно по оставленной грязи и конскому помету, а также и по крюкамъ съ кольцами, ввинченными въ стѣну. Въ алтарѣ происходило пиршество, такъ какъ кругомъ валялись пустыя бутылки изъ-подъ вина, а послѣ оргіи полъ былъ кругомъ загаженъ. На святомъ престолѣ лежали всевозможныя тряпки, ломаные церковные кресты и сломаные вѣнчальные вѣнцы; на престолѣ видны слѣды отъ разлитаго вина.

Церковная библіотека разбита, всѣ книги переворочены. Ризница опустошена. Изъ оставшихся ризъ непріятель сдѣлалъ попоны для своихъ лошадей. Священное одѣяніе съ престола сорвано. Церковные подсвѣчники расхищены».

Другой священникъ, вернувшійся изъ плѣна, Іоаннъ Соколовъ, доноситъ протопресвитору, что нѣмецкіе солдаты, вырвавъ изъ рукъ другого плѣннаго нашего священника святой крестъ и дароносицу, бросили ихъ на землю и просыпали по дорогѣ Святые Дары. Помимо этого, офицеръ Т. сообщилъ протопресвитеру, что въ «Кальваріи нѣмцы бросили въ отхожее мѣсто святой крестъ, евангеліе и святые сосуды, чашу и дискосъ» [1]).

Также позорно вели себя нѣмцы и въ Маріамполѣ, гдѣ, по свѣдѣніямъ «Нов. Вр.», они «побывали въ церкви, взломавъ двери. Сломали свѣчной ящикъ и утащили всѣ восковыя свѣчи. Облаченіе священника рубили шашками. Съ престола покидали на полъ всѣ священные сосуды, обративъ его въ обѣденный столъ. На престолѣ осталась еще скорлупа отъ яицъ. Подъ престоломъ валялись грязные носки.

Въ Волковышкахъ, жаловался настоятель церкви о. Скоморовскій:

«Нѣмцы разбили двери въ церковь, проникли въ ризницу и пономарку. Все перевернули вверхъ дномъ.

Мы стали приводить въ наличность священные

---

[1]) «Бирж. Вѣд.» 19 октября.

предметы, которые нѣмцы раскидали по полу, не досчитались серебрянаго креста.

Въ полковой церкви нѣмецкіе солдаты устроили ночлегъ. Я нашелъ на полу набросанную солому. Облаченіями священника вытирали котлы послѣ варки пищи»[1]).

Можно ли подлое хамство нѣмцевъ объяснить только однимъ «прусскимъ милитаризмомъ?»

Нѣтъ, причины нѣмецкихъ звѣрствъ лежатъ глубже и разгадку ихъ нужно искать въ духовной организаціи нѣмецкой націи: жадной, жестокой, грубой и лживой.

Эта духовная ограниченность нѣмцевъ толкаетъ ихъ на совершеніе звѣрствъ, ужасъ которыхъ долженъ быть вписанъ кровавыми страницами въ исторію цивилизаціи Европы.

---

[1]) «Нов. Вр.» 19 октября.

ГЛАВА XI.

Нѣмецкія звѣрства на поляхъ сраженій.

Жестокости на войнѣ по ученію фельдмаршала Мольтке и по взглядамъ современныхъ нѣмцевъ.

Совершая свои жестокости, нѣмцы объясняютъ ихъ печальною, но тѣмъ не менѣе, якобы, неизбѣжною необходимостью. По ихъ воззрѣніямъ, «смыслъ войны» (Kriegsraison) требуетъ, чтобы въ отношеніи врага были использованы *всѣ средства*, могущія содѣйствовать достиженію цѣли войны. Конечно, подобная точка зрѣнія, идущая въ разрѣзъ основамъ современной морали цивилизованныхъ народовъ, свидѣтельствуетъ всего лишь о нравственномъ одичаніи нашихъ враговъ.

Преклоненіе передъ прусскимъ «бронированнымъ кулакомъ» оказало пагубное вліяніе на нравственный уровень нѣмцевъ. Только этимъ обстоятельствомъ, но отнюдь не пресловутымъ «смысломъ войны», можно объяснить нѣмецкую

жестокость. Въ доказательство нашихъ словъ, сошлемся на авторитетъ покойнаго фельдмаршала графа Мольтке.

Въ своихъ «военныхъ поученіяхъ» Мольтке говоритъ:

«Человѣколюбивое стремленіе облегчать страданія, приносимыя войною, заслуживаетъ полнаго уваженія... Уменьшенія ея ужасовъ прежде всего можно ждать при постепенномъ смягченіи нравовъ, а оттуда гуманности каждой отдѣльной личности. Такимъ образомъ, смягченіе нравовъ несомнѣнно отразится на способахъ веденія войны...

Поэтому, гуманность на войнѣ можно ожидать только въ связи съ высотою религіознаго и нравственнаго воспитанія каждаго гражданина въ отдѣльности, при высокихъ моральныхъ качествахъ начальниковъ, которые сами для себя создаютъ законы гуманности и поступаютъ согласно имъ, насколько это допускаютъ ненормальныя условія войны, гдѣ огромную роль играетъ индивидуальность. Изъ исторіи народовъ мы видимъ, что гуманное веденіе войны является слѣдствіемъ всеобщаго смягченія нравовъ. Стоитъ только сравнить ожесточенную тридцатилѣтнюю войну съ войнами новѣйшаго времени».

Въ частности, касаясь франко-прусской войны, фельдмаршалъ фонъ-Мольтке писалъ:

«Здѣсь не было ни грабежей, обогащавшихъ маршаловъ прежнихъ походовъ, ни ужасовъ восточныхъ войнъ. Въ два мѣсяца война была рѣшена, и лишь, когда революціонное правитель-

ство стало затягивать ее на гибель родной страны; бои приняли ожесточенный характеръ».

Престарѣлый фельдмаршалъ не ожидалъ, что приведенныя строки явятся въ будущемъ убійственнымъ обвинительнымъ актомъ противъ нравственной цѣнности имперіи, на созданіе величія которой ушла вся жизнь блестящаго фельдмаршала.

Настоящую войну нѣмецкіе генералы ведутъ совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ вели ихъ отцы франко-прусскую кампанію. Германская армія, прежде всего,—армія мародеровъ, армія убійцъ и насильниковъ, гдѣ жажда наживы играетъ самую главную цѣль войны. Слѣдуя примѣру германцевъ, австрійская армія также вскорѣ заимствовала эти качества, вообще свойственныя современнымъ нѣмцамъ.

Грабежи въ германской арміи поставлены на научную почву, и солдатамъ-грабителямъ германскій генеральный штабъ оказываетъ надлежащее содѣйствіе. Писательница Обрэй, вернувшаяся въ серединѣ октября изъ Бельгіи въ Лондонъ, сообщаетъ, что германцы строятъ въ разныхъ городахъ мастерскія для изготовленія орудій грабежа, въ видѣ отмычекъ, ломиковъ и отвертокъ, и раздаютъ ихъ солдатамъ [1]).

А, по словамъ газеты «Times», «нѣмецкій штабъ составилъ своего рода «Бедекеръ для грабителей». Въ этомъ путеводителѣ отмѣчены всѣ благоустроен-

[1]) «Веч. Вр.» 27 октября.

ные дома, какъ Бедекеръ отмѣчаетъ отели. Во многихъ случаяхъ приложены даже планы этихъ домовъ. Грабятъ нѣмцы съ большимъ разборомъ, и когда попадаютъ въ богатые дома, то уносятъ лишь цѣнную посуду, фарфоръ, картины, миніатюры, вина и даже модные дамскіе костюмы, что свидѣтельствуетъ о большомъ вкусѣ грабителей.

У одного извѣстнаго коллекціонера, живущаго близъ Брюсселя, нѣмцы забрали дорогую коллекцію восточнаго фарфора, тщательно уложивъ его и оставивъ владѣльцу только нѣсколько вещей, вызывающихъ сомнѣніе въ своей подлинности.

Оказывается, что этимъ грабежомъ руководилъ самъ принцъ Карлъ Гогенцоллернъ, зять короля Альберта и братъ короля Румыніи.

Одинъ принадлежащій къ высшему обществу бельгіецъ, деревенскій домъ котораго во время его отсутствія былъ разграбленъ, обратился къ военному губернатору Брюсселя съ жалобой. Нѣмецкія власти, считаясь, видимо, съ высокимъ рангомъ ограбленнаго, разрѣшили ему осмотрѣть склады при Сѣверномъ вокзалѣ, въ Брюсселѣ. Ограбленный нашелъ тамъ двѣсти ящиковъ, въ которыхъ были упакованы ограбленныя у него вещи и вещи его племянника» [1]).

Приказы, найденные у плѣнныхъ германскихъ и австрійскихъ солдатъ, неоспоримо показываютъ,

---

[1]) «Руск. Сл.» 28 октября. «Times», печатая о нѣмецкихъ грабежахъ со словъ бельгійца, перечисляетъ имена пострадавшихъ лицъ.

что мародерства и звѣрства въ этихъ арміяхъ поддерживаются на должной высотѣ ихъ начальниками.

Такъ, напримѣръ, газета «Excelsior» отъ 26-го сентября приводитъ слѣдующую телеграмму изъ Женевы: «Генералъ Штингеръ (Стенгеръ?), командующій 53 пѣхотной бригадой, отдалъ по своимъ войскамъ приказъ: «не брать никого въ плѣнъ, избивать всѣхъ, которые будутъ сдаваться въ одиночку или цѣлыми группами, и приканчивать раненыхъ, какъ вооруженныхъ, такъ и безоружныхъ. Нѣмцы, заканчиваетъ свой приказъ нѣмецкій генералъ, не должны оставлять позади себя ни одного живого Француза».

Изъ русскаго «высокоавторитетнаго» источника подтверждается наличіе подобнаго приказа генерала Стенгера.

«Допросомъ, произведеннымъ однимъ изъ полицейскихъ французскихъ комиссаровъ, уполномоченнымъ произвести слѣдствіе, подтверждено, что нѣмецкій генералъ Стенгеръ предписалъ своимъ войскамъ не давать пощады непріятельскимъ солдатамъ и добивать плѣнныхъ. Болѣе 20 военноплѣнныхъ 112-го и 142-го германскихъ пѣхотныхъ полковъ, входившихъ въ составъ бригады генерала Стенгера, подъ присягой подтвердили, что подлинный приказъ былъ отданъ 21-го августа. Въ ихъ присутствіи раненые французы были добиваемы. Среди офицеровъ 112-го германскаго полка особенно отличался приведеніемъ въ исполненіе этого приказа капитанъ Курціусъ».

На нашемъ театрѣ войны также находились подобные приказы.

Такъ, напримѣръ ротмистръ Далматовъ намъ говорилъ, что онъ лично читалъ приказъ генерала фонъ-Морнинга, дѣйствовавшаго въ Восточной Пруссіи, въ которомъ предписывалось плѣнныхъ казаковъ вѣшать. Затѣмъ, по словамъ «Рѣчи», прибывшій изъ Львова раненый офицеръ И. Е. Карповъ передалъ сотруднику «Одесск. Нов.» секретный приказъ, найденный у плѣнныхъ германскихъ офицеровъ въ районѣ Перемышля, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«До насъ дошли слухи, что германскія войска подверглись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нападенію не только со стороны непріятельской арміи, но и населенія. А потому приказываю разстрѣливать всѣхъ жителей въ непріятельскихъ мѣстахъ, у которыхъ только окажется оружіе, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Далѣе, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ населеніе окажетъ сопротивленіе, взять все населеніе, отъ мала до велика, въ плѣнъ, а города поджечь и сравнять съ землей. Подъ документомъ имѣется подпись» [1]).

Стрѣльба разрывными пулями.

Первый толчокъ къ варварству солдатъ воюющихъ съ нами армій былъ данъ австро-германскимъ правительствомъ введеніемъ въ обиходъ

[1]) «Рѣчь» 29 сентября.

обѣихъ армій разрывныхъ пуль. Огромное количество ящиковъ, отобранныхъ нашими войсками въ видѣ трофеевъ у германцевъ и австрійцевъ, исключаетъ всякую возможность объяснить появленіе варварскихъ пуль только печальною случайностью. Разрывныя пули, отобранныя у австро-германцевъ, изготовлены на казенныхъ нѣмецкихъ заводахъ, весьма сложной конструкціи [1]).

Изъ всей массы сообщеній о стрѣльбѣ разрывными пулями мы ограничимся лишь наиболѣе характерными [2]).

Прежде всего приведемъ сообщеніе штаба кіевскаго военнаго округа.

«Въ русской повременной печати,—говоритъ кіевскій штабъ,—неоднократно упоминались факты употребленія австрійскими войсками патроновъ съ разрывными пулями, какъ примѣры явнаго нарушенія ими международнаго соглашенія, выразившагося въ постановленіяхъ Петербургской деклараціи 1868 года и Брюсельской конференціи

[1]) Мы лично обозрѣвали нѣсколько пачекъ еще нестрѣленныхъ разрывныхъ пуль и утверждаемъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ изготовлены на казенныхъ заводахъ спеціально для винтовокъ казенныхъ австро-германскихъ образцовъ.

[2]) Свѣдѣнія о разрывныхъ пуляхъ приводятъ: «Новое Время» 6 сент.; 28 окт.; «Веч. Вр.» 5 сент.; 8 сент.; 16 и 17 сент.; «Руск. Инв.» 7 сент.; «Русск. Вѣд.» 30 сент.; «Бирж. Вѣд.» 2 сент.; «Петр. Газ.» 19 сент.; «Русск. Сл.» 1 и 3 сент.; «Ран. Утро» 12 сент.; «Гол. Москвы» 28 авг., 3, 6 и 7 сент. и т. д. Сверхъ того, въ текстѣ будутъ сдѣланы и другія ссылки.

1874 г., согласно которымъ употребленіе на войнѣ разрывныхъ снарядовъ, вѣсомъ менѣе 400 грамовъ, недопустимо.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ воспроизведены даже снимки съ фотографіи частей австрійской разрывной пули, извлеченныхъ въ лазаретѣ Краснаго Креста изъ раненаго подъ Люблиномъ нашего солдата.

Употребляемые австрійцами въ бою патроны съ разрывными пулями взяты были и на бивуакѣ, у курорта Лазенки (сѣверо-западнѣе Львова), поспѣшно покинутомъ австрійцами подъ натискомъ нашей конницы.

Восемь ящиковъ съ этими патронами (два неполныхъ) доставлены въ сентябрѣ въ кіевскій артиллерійскій складъ, въ которомъ подвергнуты тщательному осмотру. Ящики деревянные, продолговатой формы, съ желѣзными наугольниками. Въ каждомъ изъ нихъ оказалось 135 картонныхъ пачекъ, въ пачкахъ по двѣ обоймы съ 5 патронами.

Всего въ полномъ ящикѣ помѣщается 1,350 патроновъ. Вся укупорка отличается отъ укупорокъ обыкновенныхъ патроновъ, а на ящикахъ и пачкахъ имѣются клейма съ надписями «Uebungspatronen» (практическіе патроны) M. T. Weif 8. 1914 г.

Одновременно съ этими патронами въ штабъ доставлены изъ дѣйствующей арміи двѣ вскрытыя разрывныя пули и части ихъ, пульныя оболочки, ударники съ жаломъ и капсюли съ взрывчатымъ составомъ, помѣщающіеся въ верхней

части пуль. Къ нимъ приложенъ еще безформенный кусокъ металла, извлеченный изъ раны одного изъ нашихъ солдатъ, оказавшійся оболочкой подобныхъ пуль. Такимъ образомъ, фактъ употребленія австрійцами на войнѣ патроновъ съ разрывными пулями не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и хотя австрійцы называютъ такіе патроны учебными (практическими), а другіе считаютъ ихъ пристрѣлочными, пользованіе ими, допустимое въ мирное время при стрѣльбѣ по неживымъ цѣлямъ, можетъ имѣть оправданіе, но примѣненіе ихъ на войнѣ для стрѣльбы по людямъ, которымъ они наносятъ мучительныя раны, является возмутительнымъ нарушеніемъ требованій международнаго права».

Въ главномъ управленіи «Краснаго Креста» была получена отъ уполномоченнаго третьяго передового отряда телеграмма слѣдующаго содержанія:

«При взятіи австрійскихъ полевыхъ укрѣпленій въ выбитыхъ позиціяхъ обнаружено значительное количество разрывныхъ пуль, приготовленныхъ для употребленія въ особыхъ запечатанныхъ пакетахъ и пулеметныхъ лентахъ. Найдено также множество разстрѣлянныхъ патроновъ такого же характера. Патроны съ разрывными пулями носятъ дату 1914 г. и, по наблюденію, употребляются во всѣхъ случаяхъ, когда войска наши идутъ въ атаку. При перевязкахъ раненыхъ озна-

[1]) См. петроградскія газеты отъ 2 октября.

ченными пулями установленъ также разрывной характеръ таковыхъ и ихъ разрушающее дѣйствіе. Объ изложенномъ доношу на случай возможнаго принятія мѣръ противъ варварскаго нарушенія австрійцами международнаго соглашенія о неупотребленіи пуль «думъ-думъ». Образцы пуль находятся въ моемъ распоряженіи и могутъ быть высланы по первому требованію».

По полученіи этой телеграммы главное управленіе «Краснаго Креста» обратилось къ своему главноуполномоченному при штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго князю Б. Е. Васильчикову съ просьбой посодѣйствовать образованію особой комиссіи для разслѣдованія случаевъ употребленія австрійцами разрывныхъ пуль» [1]).

«Новому Времени» сообщаютъ изъ Варшавы, что «германскія регулярныя войска также не брезгаютъ пулями «думъ-думъ». Командующему арміей доставлено нѣсколько образцовъ такихъ пуль, отобранныхъ у нѣмцевъ. Въ лазаретахъ Краснаго Креста также констатированы раненія разрывными пулями» [2]).

По свидѣтельству нашихъ раненыхъ офицеровъ, «германцы первые начали примѣнять разрывныя пули, посыпая ими даже изъ пулеметовъ» [3]).

Систематическое употребленіе германцами разрывныхъ пуль подтверждается сообщеніемъ то-

---

[1]) См. петроградскія газеты отъ 4 сентября.
[2]) «Нов. Вр.» 13 сентября.
[3]) «Веч. Вр.» 5 сент.

кійскаго кореспондента петроградскаго агентства (29 сент.), согласно которому, «японцами установленъ фактъ пользованія нѣмцами въ Циндао пулями «думъ-думъ» [1]).

Дѣйствіе разрывныхъ пуль ужасно и надо быть извергомъ въ душѣ, чтобы употреблять это варварское оружіе даже противъ хищныхъ звѣрей безъ крайней къ тому необходимости.

Ниже мы воспроизводимъ фотографическій снимокъ разрывной пули, «доставленной военному министру ген.-адъют. Сухомлинову, которой былъ раненъ 10-го августа подъ Люблиномъ рядовой Мухамедъ Гали-Шакиръ. Изъ дневника исторіи болѣзни Шакира, засвидѣтельствованнаго старшимъ врачомъ Вяземскаго лазарета Краснаго Креста, обнаруживается слѣдующая картина необычайнаго раненія. Рана съ подрытыми краями на лѣвой рукѣ въ верхней части плеча съ наружной стороны. Большая мягкая опухоль въ области лѣвой лопатки; у наружнаго верхняго угла ея прощупывается пуля. Вторая рана на правой ногѣ; раненіе мягкихъ частей въ средней трети голени;

---

[1]) Запасъ разрывныхъ пуль, сдѣланный нѣмцами въ Циндао, былъ такъ великъ, что они не успѣли израсходовать его за время осады и при капитуляціи крѣпости японцами было найдено много ящиковъ съ пулями «думъ-думъ» (Петр. агентство 31 окт.). Отвѣтственность за это нарушеніе законовъ войны, конечно, падаетъ на бывшаго коменданта крѣпости—Мейера Вальдека. Понесетъ ли заслуженную кару этотъ нѣмецкій герой—узнаемъ въ будущемъ.

входное отверстіе находится на задней поверхности, выходное—на передней. Шакиру врачомъ были сдѣланы два разрѣза; первый—ниже гребня лопатки, второй—у внутренняго края лопатки; извлечена разбившаяся пуля, состоявшая изъ никелевой оболочки, свинца, мѣднаго цилиндра, съ заостреннымъ концомъ и мѣдной капсули, напоминающей пистонъ. Затѣмъ у больного былъ обнаруженъ гнойный затекъ вдоль плеча. По передне-боковой поверхности плеча сдѣланы два разрѣза и дренированы. Изъ раны извлечены три осколка оболочекъ пули. Таковы возмутительные пріемы веденія войны современными варварами, австрійцами и германцами.

Такимъ образомъ картина раненія рядового Шакира представляется въ слѣдующемъ видѣ. Австрійская или нѣмецкая пуля, начиненная сильно взрывчатымъ веществомъ, ударившись въ твердый костякъ лопатки, разорвалась и произвела свое губительное дѣйствіе. Получился эффектъ подобно дѣйствію артиллерійскаго снаряда.

Такъ-то соблюдаются нашими врагами постановленія Женевской конвенціи, запрещающей употребленіе разрывныхъ пуль и пуль «думъ-думъ» [1]).

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» былъ приведенъ рисунокъ частей усовершенствованной разрывной пули, «отнесенной спеціалистами къ категоріи экспрессныхъ пуль, разрывающихся при ударѣ о твердое тѣло вслѣдствіе давленія сжатаго воздуха».

---

[1]) См. «Нов. Вр.» 4 сентября.

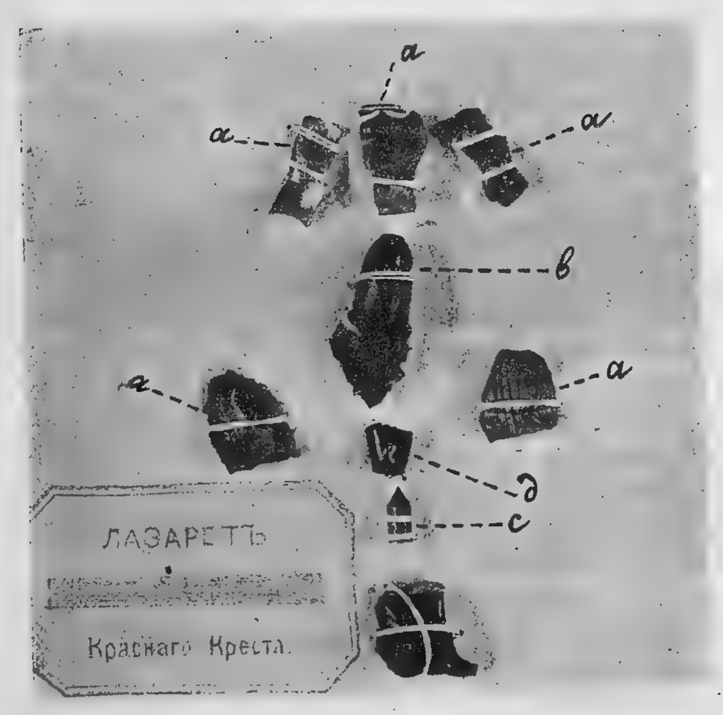
Части этой пули въ редакцію газеты были доставлены врачомъ С. А. Якобсономъ, извлеченныя имъ у одного изъ раненыхъ. Приводимъ выдержки изъ исторіи болѣзни оперированнаго, которыя врачъ предоставилъ въ распоряженіе редакціи «Русскихъ Вѣдомостей».

«Рядовой А. В. раненъ 23-го августа подъ Люблинымъ въ то время, когда находился въ окопахъ.

Въ Москву прибылъ 31-го августа. Помѣщенъ въ Измайловскую земскую больницу.

Рана—въ верхней трети лѣваго плеча; края раны разворочены, грязны; обильное гнойное отдѣленіе. Плечевая кость раздроблена, выходного отверстія нѣтъ. Въ тотъ же день операція. Рана расширена, удалено множество осколковъ плечевой кости и вмѣстѣ съ ними девять металлическихъ частей одной пули».

Среди послѣднихъ—цилиндрикъ, открытый съ одного края, и металлическій кружокъ, діаметромъ соотвѣтствующій открытому отверстію цилиндра; тонкая металлическая оболочка пули разорвана, приняла совершенно неправильную форму съ надорванными краями; уцѣлѣло только основаніе дна пули, гдѣ на наружной сторонѣ оболочки видны слѣды прохожденія пули по нарѣзамъ ствола; мѣстами съ внутренней стороны оболочки сохранились приливы свинца, нѣсколько кусочковъ котораго извлечено также отдѣльно изъ той же раны. Кромѣ этого, при операціи найдены еще другія мелкія части оболочки пули.

Разрывная пуля извлеченная изъ тѣла рядового Мухамедъ-Гали Шакира, ран. 10 авг. 1914 г. подъ Люблиномъ.

a) Никелевая оболочка. *c*) Ударникъ,
d) Свинцовая головка пули. *d*) Пистонъ.

«Мягкія части разорваны, частью омертвѣли. По удаленіи осколковъ и омертвѣвшихъ частей тампонада раны, повязка. Вечеромъ температура нормальная»... [1]).

---

[1]) «Русск. Вѣд.» 8 сентября. Свѣдѣнія объ употребленіи пуль-экспрессъ сообщаетъ также «Веч. Вр.» 17 сент.

Таковы пріемы борьбы, примѣняемые «культурной» націей. Пусть наши дѣти, внуки и правнуки до достоинству оцѣнятъ гнусную подлость впадающихъ въ состояніе варварства нѣмцевъ...

Добиваніе раненыхъ и разстрѣлы плѣнныхъ.

Отъ стрѣльбы разрывными пулями уже остается одинъ шагъ къ добиванію раненыхъ противниковъ и къ истязанію ихъ. И пунктуальные нѣмцы сдѣлали этотъ шагъ, перешагнувъ такимъ образомъ пропасть, отдѣляющую культурнаго европейца отъ нецивилизованнаго дикаря.

Свидѣтельства изъ этой области нѣмецкихъ звѣрствъ также многочисленны и также достовѣрны, а потому сомнѣній въ истинности приводимыхъ фактовъ, къ глубокому нашему сожалѣнію, не можетъ быть никакихъ. Мы неоднократно бесѣдовали съ ранеными нашими воинами и въ числѣ ихъ съ побывавшими въ нѣмецкомъ плѣну, и лично слыхали о добиваніи нашихъ раненыхъ, и о разстрѣлахъ плѣнниковъ, отдавшихся почему-либо въ нѣмецкія руки.

Одинъ рядовой намъ разсказывалъ, что, попавъ въ плѣнъ къ пруссакамъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ нѣмецкій конвоиръ пристрѣлилъ русскаго солдата, который, будучи раненымъ въ ногу, не могъ поспѣвать за партіей плѣнныхъ.

Раненый въ Восточной Пруссіи капитанъ Харкевичъ сообщилъ намъ нѣсколько случаевъ, слышанныхъ имъ непосредственно отъ пострадавшихъ.

Такъ, напримѣръ, лежавшій въ одномъ изъ бѣлостокскихъ госпиталей подпоручикъ Хрокало передавалъ капитану Харкевичу, что, когда онъ, будучи раненъ 12 августа, лежалъ на полѣ сраженія, то проходившіе мимо нѣмецкіе солдаты произвели въ него нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ которыхъ поручикъ былъ раненъ въ голову. Капитанъ Калужскаго пѣхотнаго полка, лежавшій въ 393 полевомъ госпиталѣ, сообщалъ капитану Харкевичу, что его, лежавшаго раненымъ, пытался заколоть нѣмецкій солдатъ, но причинилъ лишь легкую рану. Послѣ этого, негодяй сталъ заряжать винтовку, намѣреваясь пристрѣлить нашего офицера, но, къ счастью, былъ остановленъ проходившимъ мимо нѣмецкимъ лейтенантомъ.

Нашъ собесѣдникъ упомянулъ еще объ одномъ штабсъ-капитанѣ, которому, уже раненому, австрійскіе солдаты нанесли два удара прикладами, а затѣмъ, думая, что онъ мертвъ, срѣзали съ него бинокль, шашку, полевую сумку и стащили сапоги.

«Армейскій Вѣстникъ» сообщаетъ:

«Во время горячихъ августовскихъ боевъ въ Люблинской губерніи, при наступленіи одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ, былъ раненъ въ ногу штабсъ-капитанъ этого полка А. С. Чернявскій. Тотъ участокъ поля, на которомъ лежалъ раненый, временно, на нѣсколько минутъ, перешелъ въ руки австрійцевъ. И вотъ, австрійскій офицеръ, пробѣгая, видимо, уже назадъ, мимо лежавшаго штабсъ-капитана Чернявскаго, вы-

стрѣлилъ въ него, явно цѣля въ голову, но попалъ въ шею. Когда наши подобрали раненаго офицера, онъ еще былъ въ сознаніи и успѣлъ разсказать все происшедшее съ нимъ. Но вторая рана оказалась смертельной».

Подъ заголовкомъ «Еще и еще...» въ той же официіальной газетѣ разсказывается:

«13-го августа къ вечеру на бивакъ отряда подъ Монастыремъ казачій разъѣздъ привелъ бывшаго въ плѣну казака Степана Крыгина, который доложилъ слѣдующее:

12-го августа австрійцы взяли въ плѣнъ ветеринарнаго врача, сотеннаго ветеринарнаго фельдшера, младшаго ветеринарнаго фельдшера и четырехъ казаковъ, въ томъ числѣ и Крыгина. Всѣхъ плѣнныхъ отвели въ лѣсъ верстъ за восемь отъ Монастыря, поставили въ одну шеренгу, связали шпагатомъ руки, повернули задомъ и дали по нимъ одинъ залпъ, послѣ чего въ каждаго плѣннаго было произведено по два выстрѣла изъ револьверовъ. Всѣ были убиты, кромѣ казака Крыгина, который притворился мертвымъ, и ветеринарнаго врача, тяжело раненаго. Когда австрійскіе солдаты услышали, что ветеринарный врачъ еще стонетъ и проситъ добить его, то нѣсколько конныхъ солдатъ проѣхали по немъ на лошадяхъ. Послѣ ухода солдатъ Крыгинъ поползъ по направленію къ нашему отряду.

Казачій разъѣздъ, объѣзжая этотъ лѣсъ, подобралъ раненаго и привезъ на бивакъ. У казака Крыгина оказались три раны: въ поясную часть,

въ ключицу и въ лобную кость и слѣды тугой завязки тонкой веревки» [1]).

Наконецъ заимствуемъ еще одинъ разсказъ изъ «Армейскаго Вѣстника» подъ тѣмъ же много говорящимъ заглавіемъ.

«Раненый рядовой одного изъ пѣхотныхъ полковъ Михаилъ Безуховъ сообщилъ своему начальству нижеслѣдующее. Когда рота при наступленіи прорвалась на позиціи австрійцевъ, то его взводъ во главѣ съ полуротнымъ командиромъ былъ окруженъ преобладающими силами непріятеля, который заставилъ ихъ бросить оружіе и отвелъ въ сторону. Они, примирившись съ положеніемъ плѣнныхъ, сидѣли около дерева, а мимо проходили австрійцы навстрѣчу наступающимъ нашимъ войскамъ. Вдругъ австрійскій офицеръ новой проходящей роты быстро подошелъ къ нимъ, приказалъ встать и поднять руки кверху, а затѣмъ по его командѣ австрійцы начали ихъ разстрѣливать. Первымъ палъ офицеръ. Австріецъ въ него выстрѣлилъ въ упоръ. Безуховъ былъ раненъ, тѣмъ не менѣе австріецъ выстрѣлилъ въ него нѣсколько разъ, кололъ нѣсколько разъ штыкомъ и ударилъ ложей по головѣ. Солдатъ потерялъ сознаніе.

Когда онъ очнулся, брошенный въ полѣ, то замѣтилъ среди живыхъ и своего товарища рядового Рѣзниченко. Рѣзниченко приблизительно разсказалъ то же и добавилъ, что въ него сдѣлано бы-

---

[1]) Цитировано по «Нов. Вр.» 6 сентября.

ло нѣсколько выстрѣловъ и нѣсколько ударовъ штыкомъ.

Оба нижнихъ чина были захвачены въ первомъ бою 13-го августа, а подняты нашими санитарами 15-го, послѣ того, какъ австрійскія позиціи были заняты нашими войсками. У Михаила Рѣзниченко прострѣлены оба бедра, пулевая рана лѣваго бока, пулевая рана лѣваго плеча, нѣсколько поверхностныхъ кожныхъ штыковыхъ ранъ. У Михаила Безухова пулевая рана нижней части живота, три штыковыя кожныя раны живота и штыковая рана лѣваго локтя. Оба тяжело ранены. Изъ остальныхъ ихъ товарищей, захваченныхъ австрійцами, никто не остался въ живыхъ» [1]).

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» «изъ разсказовъ раненыхъ» приводится слѣдующая печальная исторія:

«Рядовой А., находящійся въ пропедевтической клиникѣ высшихъ женскихъ курсовъ, попалъ въ плѣнъ къ австрійцамъ въ Бухавѣ 24-го августа. Онъ разсказываетъ, что австрійцы его, уже безоружнаго, кололи штыками и въ концѣ-концовъ стали на немъ пробовать русскій штыкъ. И теперь на солдатѣ можно видѣть слѣды девяти штыковыхъ ранъ на спинѣ и животѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя проходятъ черезъ весь животъ, другія же, видимо, въ полость живота не проникли, а прошли наискось черезъ брюшную стѣнку. Совсѣмъ ослабшаго раненаго солдата раздѣли, и

[1]) «Арм. Вѣстн.» № 16.

голый онъ былъ доставленъ въ австрійскій лазаретъ. Онъ хвалилъ отношеніе австрійскаго врача-поляка и офицера-поляка въ лазаретѣ.

Когда черезъ нѣсколько дней подошелъ къ Бухавѣ русскій отрядъ, докторъ сказалъ нашимъ раненымъ: «Пришли ваши войска, ползите къ нимъ поскорѣе, а то тутъ вамъ можетъ быть плохо». Раненые поползли и были подобраны своими. Докторъ бросилъ свою шашку и тоже отправился къ русскимъ» [1]).

Корреспондентъ той же газеты пишетъ «съ австрійской границы»:

«Солдатъ раненъ въ ногу въ то время, когда пришлось ползкомъ отступать. Пуля прошла почти во всю длину ноги и раздробила кость. Когда онъ, уже раненый, почти безъ чувствъ, лежалъ, то проходившій мимо австрійскій солдатъ кольнулъ его въ бокъ штыкомъ. На счастье, штыкъ скользнулъ по боку, и рана оказалась незначительной.

Другой солдатъ разсказываетъ, что и его хотѣлъ приколоть австріецъ, но былъ остановленъ австрійскимъ офицеромъ, пригрозившимъ звѣрю револьверомъ.

Одинъ подпоручикъ, раненый въ бокъ во время сраженія при дер. Гопке, также чуть было не пострадалъ, уже будучи раненымъ. По его словамъ, австрійскій солдатъ уже замахнулся на него штыкомъ, но былъ остановленъ офицеромъ-венгерцемъ. Спасши подпоручика отъ смерти, офи-

---

[1]) «Русск. Вѣд.» 25-го сентября.

церъ-венгерецъ оказался, однако, не совсѣмъ добросовѣстнымъ. Онъ обшарилъ всѣ карманы у подпоручика, забралъ у него деньги, бинокль и флягу съ термосомъ» [1]).

Въ «Русскомъ Словѣ», со словъ рядового Рабенко, доставленнаго въ одинъ изъ московскихъ госпиталей, разсказывается, «что послѣ одного столкновенія въ окрестностяхъ Замостья, онъ и нѣсколько другихъ раненыхъ остались на полѣ сраженія.

Наѣхавшіе венгерскіе гусары начали издѣваться надъ ними. Стрѣляли въ лежачихъ, постепенно обстрѣливая руки, ноги и, наконецъ, голову. Въ каждаго раненаго дано было болѣе пяти выстрѣловъ, съ расчетомъ убивать по возможности медленнѣе.

Нѣкоторые венгерцы, спѣшившись, привязывали часть раненыхъ къ деревьямъ и стрѣляли въ нихъ, какъ въ мишень.

Одинъ изъ венгерцевъ ножомъ разрѣзалъ раненому мускулы ногъ.

Подоспѣвшій казачій разъѣздъ спасъ раненыхъ.

У Рабенка шесть ранъ. Его разсказъ, засвидѣтельствованный другими ранеными, офиціально запротоколенъ» [2]).

Въ «Голосѣ Москвы» раненый офицеръ сообщаетъ: «Въ одномъ изъ боевъ при мнѣ былъ ра-

---

[1]) «Русск. Вѣд.» 10-го сентября.

[2]) «Русское Слово» 3-го сентября.

ненъ въ ногу поручикъ N—скаго полка Вансовичъ. Въ то время, когда онъ самъ себѣ перевязывалъ рану, къ нему подкрался сзади австрійскій офицеръ и всадилъ ему штыкъ между лопатками»[1]).

«12-го сентября,—говорится въ «Бирж. Вѣд.»,—среди другихъ раненыхъ доставленъ въ Петроградъ рядовой Яковъ Барковъ, тяжело раненый штыкомъ глубоко въ брюшную полость. Двѣ недѣли онъ находился между жизнью и смертью; теперь ему стало немного легче, и вотъ что разсказываетъ онъ мнѣ:

— Участвовалъ въ бояхъ съ австрійцами и нѣмцами подъ Томашовымъ. 27-го августа вечеромъ наши штурмомъ взяли позицію непріятеля, и къ ночи мы, всего нѣсколько человѣкъ, оказались въ одномъ изъ взятыхъ у австрійцевъ окопѣ, далеко въ сторонѣ отъ своей части. Ночью большой отрядъ окружилъ нашъ окопъ и насъ взяли въ плѣнъ. Днемъ стали насъ допрашивать,—сколько войскъ у нашихъ, какіе полки.

Мы сказали—не знаемъ; тогда нѣмецкій солдатъ ткнулъ меня штыкомъ въ животъ и другихъ тоже штыками и саблями ранили, а одному руку отрубили за то, что мы ничего не сказали. Потомъ насъ, раненыхъ, били прикладами, заставляли итти, кто могъ—пошелъ, а кто упалъ. Я сперва шелъ, но потомъ въ глазахъ помутилось и я упалъ. Пришелъ въ себя, вижу—одинъ лежу

[1]) Голосъ Москвы» 7-го сентября.

въ полѣ, и силъ нѣтъ, и рана болитъ; такъ два дня лежалъ, пока нашъ санитаръ нашелъ меня» [1]).

Добиваніе нашихъ раненыхъ воиновъ германскими палачами введено въ систему, которая до того развратила этихъ негодяевъ, что они начали приканчивать зачастую и своихъ раненыхъ товарищей.

По этому поводу «Figaro» сообщаетъ слѣдующіе факты:

«Два нѣмецкихъ улана отдѣлились отъ своихъ товарищей. Подъ однимъ была убита лошадь, второй держался на конѣ, хотя у него уже была перебита правая рука. Спѣшившійся уланъ пронзилъ своего товарища пикой, вскочилъ на его лошадь и скрылся.

Маленькій отрядъ баварцевъ отступалъ съ боемъ. Раненый баварецъ опускается на землю, при видѣ чего офицеръ пристрѣливаетъ его изъ револьвера, чтобы онъ не могъ ничего разсказать, если бы попался въ плѣнъ.

О первомъ случаѣ сообщили раненые французы. О второмъ случаѣ разсказалъ плѣнный нѣмецъ, очевидецъ» [2]).

Въ «New-York Herald» отъ 2-го сентября помѣщена корреспонденція бельгійскаго сенатора Гіарда, въ которой, между прочимъ, говорится, что германцы пристрѣливаютъ своихъ собственныхъ тяжело раненыхъ съ цѣлью сосредоточить

---

[1]) «Бирж. Вѣд.» 14-го сентября.

[2]) Цитировано по «Русск. Слову» 21-го августа.

весь санитарный уходъ только на тѣхъ легко раненыхъ, которые по состоянію здоровья подаютъ надежду на возвращеніе въ строй...

Послѣ приведенныхъ нѣмецкихъ звѣрствъ, для названія которыхъ мы даже затрудняемся подыскать соотвѣтствующее слово, неудивительно, что «каждый день приноситъ извѣстія объ издѣвательствахъ пруссаковъ надъ нашими плѣнными и ранеными. То найдутъ повѣшеннаго казака, то приколотаго раненаго.

Подъ С., пишетъ корреспондентъ «Н. В.», мнѣ пришлось собственными глазами видѣть добитаго нѣмцами солдата. Нашли его казаки. Видятъ, лежитъ нашъ среди непріятельскихъ труповъ.

— Братцы,—предложилъ сотникъ,—возьмемъ своего и похоронимъ съ честью.

Спѣшились два казака, осмотрѣли солдатика. Только на ногѣ легкая рана. Хотѣли поднять, но когда одинъ изъ казаковъ дотронулся до головы, то почувствовалъ, будто шуршитъ что-то: подъ кожей шуршали осколки черепа.

Очевидно, ударомъ приклада размозжилъ злобный нѣмецъ голову несчастному раненому.

Стали внимательно оглядывать казаки своего. Открытый ротъ зіялъ пустотой,—языкъ былъ вырѣзанъ» [1]).

Изъ Рязани «Русскому Слову» передаютъ:

«Прибывшіе раненые подтверждаютъ факты добиванія нѣмцами раненыхъ русскихъ солдатъ.

---

[1]) «Нов. Вр.», 8-го октября.

Находящійся сейчасъ въ городскомъ лазаретѣ полковникъ С. Хора самъ пострадалъ отъ варварства нѣмцевъ.

— Во время стычки съ нѣмцами русскіе должны были отступить, — разсказываетъ Хора, — потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными. Явились нѣмцы, стали осматривать раненыхъ, оставшихся на полѣ.

Тѣхъ, кто подавалъ признаки жизни стономъ или движеніями, нѣмцы добивали штыками или прикладами.

На глазахъ Хора было добито нѣсколько человѣкъ.

Къ самому Хора также подошелъ одинъ нѣмецкій солдатъ и три раза ударилъ его по головѣ прикладомъ ружья, причинивъ ему три разсѣченныхъ раны.

По счастью, удары были не сильны, и Хора, очнувшись, отползъ въ кусты.

Вскорѣ подошли русскіе и оттѣснили нѣмцевъ» [1].

«Время» помѣстило телеграмму своего рижскаго корреспондента, который пишетъ:

«Солдатъ мнѣ разсказалъ, что 12-го сентября онъ былъ раненъ и въ безсознательномъ состояніи остался на полѣ сраженія.

Когда онъ очнулся, то кругомъ было тихо. Раненый хотѣлъ приподняться и въ этотъ моментъ замѣтилъ проходившаго вблизи нѣмецкаго офи-

---

[1]) «Русс. Сл.», 28-го августа.

цера. Увидя его, офицеръ, подошелъ и на ломаномъ русскомъ языкѣ сказалъ: «Ты, русская собака, еще не издохъ за сутки?»

Выхвативъ револьверъ, офицеръ два раза выстрѣлилъ и ранилъ солдата въ правое плечо и бокъ.

Видя, однако, что онъ еще живъ, офицеръ схватилъ лежащую по близости винтовку и прикладомъ ударилъ раненаго по головѣ. Послѣ этого, нашъ солдатъ впалъ въ безсознательное состоянiе. Его подобрали наши санитары. Положенiе раненаго тяжелое» [1]).

Мы привели болѣе подробные разсказы жертвъ и очевидцевъ добиванiя нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ. Но масса фактовъ этого рода еще разбросано такъ, между прочимъ, на страницахъ печати.

Напримѣръ, военный врачъ заканчиваетъ длинное письмо къ роднымъ двумя, но слишкомъ много говорящими строчками:

«Скверно то, что нѣмцы пристрѣливаютъ нашихъ раненыхъ» [2]).

«Рѣчь» помѣщаетъ короткую телеграмму изъ Вильны: «Установлено очевидцами, что германцы звѣрски убили взятыхъ ими въ плѣнъ русскихъ подполковника и капитана» [3]).

Наконецъ, дополнимъ этотъ отдѣлъ нѣмецкихъ звѣрствъ свидѣтельствомъ «Дня» о томъ,

---

[1]) «Время», 28-го сентября.
[2]) «Нов. Вр.», 26-го сентября.
[3]) «Рѣчь», 4-го августа.

что въ бесѣдѣ съ его сотрудникомъ, «прапорщикъ Мимонскій со слезами на глазахъ разсказываетъ, какъ нѣмцы добили раненаго ротнаго командира»[1]).

Да, много напрасныхъ слезъ вызвали презрѣнные тевтоны въ эту войну и много потребуется лѣтъ, чтобы осушить ихъ, а слава о нѣмецкихъ звѣрствахъ переживетъ тысячелѣтія.

Нѣмецкія пытки.

Прежде чѣмъ убить нашихъ раненыхъ и плѣненныхъ воиновъ, нѣмцы порою подвергаютъ ихъ ужасамъ самыхъ мучительныхъ пытокъ.

Одинъ офицеръ, побывавшій въ Пруссіи во время нашего перваго наступленія, разсказываетъ:

«Я самъ видѣлъ своими глазами потрясающую картину. Несчастный солдатъ застылъ въ канавѣ въ сидячемъ положеніи со скрюченными, поднятыми вверхъ руками, съ выраженіемъ невыносимой боли и ужаса на лицѣ. Во рту у него, словно онъ былъ взнузданъ, торчалъ револьверный шнуръ. Рубашка на груди разорвана и въ тѣлѣ зіяли четыре глубокія раны, сдѣланныя, вѣроятно, ножомъ и притомъ такъ, словно выковыривали клочья мяса. Нижняя часть тѣла также обнажена, причемъ все окровавлено и искромсано.

Другого солдата нашли на хуторѣ, въ бесѣдкѣ. Ногти на рукахъ у него были вырваны. Кожа на

[1]) «День», 5-го октября.

обѣихъ рукахъ была завернута, какъ снятая перчатка, въ ухѣ зіяла огнестрѣльная рана» [1]).

О нѣмецкихъ же пыткахъ, со словъ потерпѣвшаго ефрейтора К., передаетъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Будучи раненымъ, ефрейторъ К. попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ. «Пришли офицеры,—разсказываетъ онъ и начали меня допрашивать.

— Ты,—говорятъ,—русская свинья, съ нами шутки не шути, а говори всю правду... Сколько у васъ войскъ и кто командуетъ ими?

Я молчу.

— Говори, а то тебѣ плохо будетъ; пытать будемъ...

Помолился я мысленно и говорю:

— Я въ вашей власти,—пытайте, но я вамъ ничего не скажу.

Озлились они. Стали кричать на меня,—видно ругаются по-своему. Досталъ одинъ солдатъ изъ кармана ножикъ складной, какими банки съ консервами открываютъ, и подходитъ ко мнѣ.

— Будешь говорить или нѣтъ?

Я молчу.

— Молчишь? Ну, ладно, сейчасъ ты заговоришь...

Отвязали они меня отъ колеса, сняли съ меня все какъ есть, и опять привязали...

— Послѣдній разъ говоримъ,—будешь отвѣчать, о чемъ тебя спрашиваютъ?

---

[1]) «Нов. Вр.», 12-го сентября.

Молчу я и Богу молюсь.

И вотъ стали они меня колоть ножикомъ. Всадитъ ножикъ до половины, а потомъ рукой по немъ постучитъ, чтобы больнѣй было. Такъ кололи они меня въ грудь, въ спину, въ руки... Потомъ стали гвозди подъ ногти загонять... Это куда больнѣе уколовъ, однако, ничего, терплю... Помучали, помучали они меня, видятъ, что ничего у нихъ не выходитъ,—бросили... Опять остался одинъ.

Между тѣмъ наступила ночь; я задремалъ. Проснулся подъ утро. Въ лагерѣ было тихо,—всѣ спали. Смотрю, и часовой мой спитъ. Запрыгало у меня сердце... Сталъ я Бога просить вызволить меня изъ бѣды...».

Собравъ послѣднія силы, несчастный, набросивъ на себя нѣмецкую шинель, выбрался изъ вражескаго стана и былъ подобранъ своими. При осмотрѣ ефрейтора К. оказалось, что «все тѣло его было покрыто ранами. Это не были раны отъ ружейныхъ пуль, а что-то другое. Онъ весь былъ точно исколотъ...

Такъ какъ К. потерялъ очень много крови и былъ очень слабъ, то его не стали тревожить разспросами, а дали ему оправиться» [1]).

О звѣрствѣ нѣмцевъ надъ раненымъ «Жизни Волыни» сообщаютъ: «27-го августа капитаномъ Кондратюкомъ было приказано произвести развѣдку и занять деревню Думиче.

---

[1]) См. «Бирж. Вѣд.», 20-го сентября.

Въ числѣ развѣдчиковъ находился рядовой изъ села Бабушкина, Волынской губерніи, Николаенко.

Пробравшись къ непріятельскимъ окопамъ, послѣдній былъ раненъ и не могъ возвратиться къ своимъ. Когда черезъ день непріятель былъ выбитъ изъ окоповъ, Николаенко былъ найденъ въ слѣдующемъ видѣ: уши, носъ и половые органы были отрѣзаны, на животѣ и груди найдено пятнадцать колотыхъ штыковыхъ ранъ.

При осмотрѣ трупа оказалось, что всѣ истязанія продѣланы надъ живымъ Николаенко.

Смерть послѣдовала отъ сильнаго кровоизліянія отъ штыковыхъ ранъ»[1]).

Корреспондентъ «Рѣчи» о германскихъ звѣрствахъ пишетъ: «По дорогѣ отъ Августова въ дер. Барголово попался въ плѣнъ къ нѣмцамъ небольшой нашъ отрядъ, вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Окруживъ этотъ отрядъ, нѣмцы объявили нижнихъ чиновъ военноплѣнными и подъ конвоемъ отправили въ тылъ, а квартирмейстера подвергли тяжелымъ мукамъ. Несчастному отрубили руки и ноги. Онъ скончался.

О мученіи этого квартирмейстера разсказалъ мнѣ солдатикъ изъ полковъ, мобилизованныхъ въ Петроградѣ»[2]).

Еще два случая нѣмецкихъ издѣвательствъ надъ нашими ранеными приводитъ «Новое Время».

---

[1]) Цитировано по «Гол. Москвы», отъ 13-го сентября. Намъ личнс также извѣстенъ случай кастрированія штабъ-офицера одного пѣхотнаго полка.

[2]) «Рѣчь», 15-го октября.

«У поручика Смирнова, пишетъ газета, попавшаго въ плѣнъ къ нѣмцамъ, они отрѣзали носъ. Когда Смирновъ лежалъ тяжело раненый на полянѣ, мимо него проходила нѣмецкая рота. Каждый нѣмецъ считалъ своимъ долгомъ подойти къ Смирнову и ударить его или ногой или винтовкой. Нѣкоторые въ какомъ-то остервенѣніи или оцѣпенѣніи хватали поручика за носъ и трясли, скаля зубы и съ злобною радостью шипѣли «O russische Officier». Одинъ изъ солдатъ не удовольствовался этимъ и, выхвативъ тесакъ, отрубилъ поручику носъ.

У рядового Хатепсиса, послѣ его кратковременнаго плѣненія нѣмцами, оказался вырѣзаннымъ языкъ. Какимъ образомъ это произошло, Хатепсисъ не могъ разсказать» [1]).

Въ той же газетѣ (2 сент.) офицеръ говоритъ о нѣмцахъ: «Ихъ звѣрства на войнѣ вовсе не сказка: раненые въ нашемъ полку офицеры Б. и Х. изуродованы ими. Въ сосѣднемъ съ нами полку изуродованъ молодой, только что выпущенный корнетъ. Уродуютъ, пользуясь каждой минутой».

Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ статьѣ «Война», г. М. Соколовскій передаетъ потрясающее душу извѣстіе: «Огненными строками, со всею силою пламеннаго возмущенія,—пишетъ г. Соколовскій—хотѣлъ бы я передать разсказъ одного офицера о

[1]) «Нов. Вр.», 16-го сентября. Случай съ поручикомъ Смирновымъ разсказанъ также въ «Голосѣ Москвы» 7-го сентября.

прибытіи въ Петроградъ четырехъ нашихъ солдатиковъ, побывавшихъ въ плѣну у нѣмцевъ и отпущенныхъ ими изъ плѣна послѣ того, какъ были вырѣзаны языки»[1]).

Группа офицеровъ (ротмистръ Ольховскій, ротмистръ Варунъ-Секретъ, штабсъ-ротмистръ Варунъ-Секретъ, штабсъ-ротмистръ Вощининъ, штабсъ-ротмистръ Дьяковъ, корнетъ Сулинъ, корнетъ Цехановскій, корнетъ Массино) въ редакцію «Новаго Времени» пишутъ: «13-го сентября пятаго эскадрона Гусарскаго полка рядовой Василій Толстошеевъ былъ раненъ и свалился съ лошади, сегодня утромъ онъ былъ найденъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста боя въ страшно изуродованномъ видѣ (изрубленъ и исколотъ). Одинъ изъ нижеподписавшихся штабсъ-ротмистръ Вощининъ, находясь на излеченіи въ Варшавѣ, лично видѣлъ казака, у котораго были отрѣзаны уши и носъ, выколоты глаза и вырѣзанъ языкъ. Въ настоящее время этого казака лечатъ, а по выздоровленіи онъ будетъ отправленъ въ Петроградъ для удостовѣренія и увѣковѣченія звѣрскаго отношенія къ раненымъ и плѣннымъ, въ противоположность тому, что они о себѣ пишутъ»[2]).

Объ ослѣпленномъ солдатѣ-пѣхотинцѣ свидѣтельствуетъ «Раннее Утро».

---

[1]) «Рус. Инв.», 3-го сентября.

[2]) «Нов. Вр.», 22-го сентября. Въ той же газетѣ, отъ 10-го сентября, нѣкто «Галичанинъ» пишетъ: «Я самъ видѣлъ русскаго солдата, которому мадьяры выкололи глаза и вырѣзали языкъ».

«Жуткое впечатлѣніе,—говоритъ газета,—производитъ этотъ солдатъ.

Молодой, красивый, съ свѣтлыми вьющимися волосами, онъ передвигается сейчасъ съ завязанными глазами при помощи проводника.

На вопросъ, какъ онъ былъ ослѣпленъ, несчастный объясняетъ, что вмѣстѣ съ группой охотниковъ онъ выпросился на развѣдку. Случайно онъ попалъ въ нѣмецкую засаду и былъ взятъ въ плѣнъ.

Когда развѣдчика привели къ германскому офицеру, тотъ, даже не разспрашивая, въ чемъ дѣло, распорядился:

— Онъ высматривалъ? Выколите ему глаза. Или посыпьте перцемъ...

Солдата отвели въ избу и тамъ предательски плеснули въ глаза какой-то жидкостью. Отъ нестерпимой боли солдатъ лишился чувствъ. Жидкость совершенно разъѣла глаза солдата, теперь онъ на всю жизнь слѣпой» [1]).

Во время отступленія нашихъ войскъ 18-го августа,—пишетъ «Утро Россіи»,—одна изъ кавалерійскихъ частей, къ которой принадлежалъ и разсказчикъ, была отрѣзана превосходными силами противника отъ центральной части русскихъ войскъ. Рѣшено было пробиться сквозь вражескіе ряды во что бы то ни стало.

Во время этой отчаянной схватки командиръ части былъ смертельно раненъ. Къ нему тотчасъ

---

[1]) «Раннее Утро», 10-го сентября.

же кинулись на помощь два солдата, вольноопредѣляющійся и корнетъ. Германцы оттѣснили эту маленькую горсточку людей отъ остальной, успѣвшей уже пробиться, части. Когда черезъ нѣкоторое время отвѣтной контръ-атакой удалось отбить нѣмцевъ, глазамъ разсказчика представилась слѣдующая ужасающая картина: корнетъ, раненый пулей въ грудь на-вылетъ, лежалъ, широко раскинувъ руки, весь израненный штыками, вмѣсто глазъ у него зіяли двѣ впадины, наполненныя кровью, одинъ изъ солдатъ также лежалъ съ высверленными штыкомъ глазами и былъ мертвъ, тѣло вольноопредѣляющагося сплошь было изрѣшетено штыками, а ноги въ колѣнныхъ суставахъ были подрѣзаны и болтались, какъ кровавыя тряпки. Второй солдатъ спасся отъ этой инквизиціи сравнительно благополучно,—его съ силой ударили прикладомъ въ лицо и бросили на землю»[1]).

Въ нашемъ распоряженіи имѣется слѣдующій документъ протокольнаго характера, съ новою силою рисующій подлую и безсмысленную жестокость нѣмцевъ.

«5-го октября подпоручикъ N. сибирскаго стрѣлковаго полка Тютиковъ, занявъ деревню Чарновъ, Варшавской губерніи и уѣзда, узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что тамъ зарыты развѣдчики, взятые нѣмцами въ плѣнъ и порубленные на куски, въ количествѣ одиннадцати человѣкъ.

Пожелавъ убѣдиться лично въ сообщенномъ

---

[1]) «Утро Россіи», 26-го сентября.

фактѣ, онъ, разбросавъ землю, прикрывавшую убитыхъ, увидѣлъ трупы, порубленные на части, при чемъ величина каждой была не болѣе четверти аршина. Судя по погонамъ и клейму убитые принадлежали NN полку . . . . роты»[1]).

Наконецъ, было установлено нѣсколько случаевъ сжиганія нашихъ воиновъ.

По поводу этого рода варварства приведемъ слѣдующіе два факта.

Изъ Кіева «Новому Времени» сообщаютъ, что «въ районѣ села Погорѣльцы, въ Галиціи, наши войска натолкнулись на привязанный къ столбу трупъ пѣхотнаго солдата одного изъ бывшихъ въ этомъ районѣ нашихъ полковъ. Трупъ обгорѣлъ до пояса»[2]). А подъ Ивангородомъ, по словамъ корреспондента «Рус. Сл.», «въ плѣнъ къ венгерцамъ случайно попался барабанщикъ одного изъ бывшихъ тамъ нашихъ полковъ. Они, какъ звѣри, разорвали его на куски: разрубили на части и сожгли на кострѣ. Случайно уцѣлѣвшая голова, по которой узнали несчастнаго», и остатки костей явились неопровержимыми доказательствами готтентонскихъ нравовъ мадьяръ[3]).

Доставленный въ Одессу тяжело раненый офицеръ Чинтуловъ подтвердилъ лично корреспонденту той же газеты разсказы о звѣрскомъ обра-

[1]) Далѣе слѣдуютъ подписи: подпоручикъ Тютиковъ, докторъ П. Красовскій, докторъ М. Бобровъ; помощникъ уполномоченнаго Краснаго Креста В. Дейтрихъ.

[2]) «Нов. Вр.», 10-го сентября.

[3]) «Рус. Сл.», 26-го октября.

щеніи нѣмцевъ съ русскими плѣнными и ранеными.

«Чинтуловъ, по его словамъ, съ отрядомъ изъ сорока гусаръ, наткнувшись на батальонъ пруссаковъ, былъ сбитъ съ лошади, раненъ и попалъ въ плѣнъ.

По доставленіи въ Радомъ, Чинтулова и трехъ солдатъ провели сквозь строй. Пруссаки безпощадно избивали русскихъ прикладами, наровя попасть по раненымъ мѣстамъ. Избіеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока Чинтуловъ не потерялъ сознанія. Тогда его отправили въ германскій госпиталь. Въ госпиталѣ онъ терпѣлъ издѣвательства отъ раненыхъ нѣмцевъ. Въ плѣну нашъ офицеръ находился четыре дня и былъ освобожденъ своими, вступившими въ Радомъ.

О насиліяхъ и избіеніяхъ раненыхъ, онъ донесъ рапортомъ по начальству» [1]).

Заканчивая этотъ отдѣлъ, добавимъ, что нѣмцы провозятъ свою артиллерію по полю, усѣянному нашими ранеными, что мы лично слыхали отъ одного потерпѣвшаго поручика, фамилію котораго, къ сожалѣнію, забыли [2]).

Нѣмецкія звѣрства надъ казаками.

Нѣмецкія звѣрства по отношенію къ казакамъ могутъ составить цѣлую отдѣльную главу, до того

1) «Рус. Сл.», 27-го сентября.

2) Подобныя же свѣдѣнія см. «Нов. Вр.», 16-го сентября; «Гол. М.», 7-го сентября и др.

онѣ многочисленны. Нѣмцы и мадьяры боятся казаковъ, ненавидятъ ихъ и при первомъ удобномъ случаѣ расходуютъ на отдѣльныхъ лицахъ, попавшихъ въ ихъ грязныя руки, всю накопившуюся энергію своей скотской натуры.

«Гнусный у насъ противникъ, —пишетъ въ «Нов. Вр.» сотникъ К.—Не врагъ, а трусъ.

Къ какимъ только уловкамъ ни прибѣгаютъ нѣмцы! Къ какимъ низкимъ и безчестнымъ поступкамъ! Для нихъ всѣ средства хороши, если они ведутъ къ достиженію цѣли. Для нѣмцевъ не существуетъ правилъ войны, они разстрѣливаютъ мирныхъ жителей, вѣшаютъ попавшихся въ плѣнъ. Особенно много безчеловѣчности проявляютъ нѣмцы по отношенію къ своимъ честнымъ противникамъ—казакамъ. Факты налицо.

Проходя съ разъѣздомъ южнѣе Л., я наткнулся на двухъ повѣшенныхъ нѣмцами казаковъ. Одинъ изъ нихъ въ формѣ—былъ раненъ въ пахъ, другой—въ крестьянской одеждѣ—невредимъ. Я разспросилъ мѣстныхъ жителей, и они мнѣ разсказали, что казаки отбились отъ разъѣзда. Раненый не могъ двигаться дальше, другой потерялъ коня и, желая спастись отъ плѣна, переодѣлся въ крестьянское платье, остригъ волосы и спрятался подъ мостомъ.

Пріѣхалъ германскій кавалерійскій разъѣздъ и повѣсилъ раненаго. Второго нѣмцы разыскали по указаніямъ мѣстнаго жителя.

Мы сняли повѣшенныхъ казаковъ съ дерева и похоронили» [1]).

---

[1]) «Нов. Вр.», 8-го октября.

Въ Новочеркасскъ доставленъ слѣдующій документъ съ поля битвы.

ПРОТОКОЛЪ.

1914 года 24-го сентября.

Мы, нижеподписавшіеся, составили сей протоколъ о слѣдующемъ: придя съ сотней въ дер. Яновку, Августовскаго уѣзда, Сувалкской губерніи, я отъ крестьянъ дер. Яновки Іосифа Иванова Божевича и Ивана Иванова Божевича узналъ, что, когда нѣмцы заняли Августовъ, Рачки и Сувалки, то ими былъ пойманъ въ дер. Вроново, Августовскаго уѣзда, молодой русый донской казакъ. Пойманнаго казака привели въ гос. дв. Довспуда (возлѣ Рачекъ) къ генералъ-лейтенанту (фамиліи его не знаютъ), который объявилъ казаку, что онъ будетъ повѣшенъ, и предложилъ ему выбрать любую придорожную липу. Казакъ, посмотрѣвши кругомъ, выбралъ болѣе стройную липу и бодро подошелъ къ ней. На этой липѣ генералъ и распорядился его повѣсить, приказавши не снимать трупъ, а если кто изъ жителей сниметъ, то тоже будетъ повѣшенъ. Казакъ провисѣлъ восемь дней, послѣ чего трупъ былъ снятъ и похороненъ возлѣ гос. дв. Довспуда.

Тѣ же крестьяне показали, что во время Августовскихъ боевъ былъ захваченъ нѣмцами еще одинъ казакъ и приведенъ въ дер. Топиловку, гдѣ угостили его сначала «кавой», папиросами, а потомъ вывели на дворъ и разстрѣляли. Трупъ этотъ

былъ казаками найденъ съ массой штыковыхъ ранъ.

Подписи: Сотникъ Чекинъ, Осипъ Ивановичъ Божиновичъ» [1]).

«Въ лѣсу,—разсказываетъ раненый офицеръ,—намъ пришлось однажды наблюдать ужасную картину: высоко на деревьяхъ были повѣшаны двадцать казаковъ, къ которымъ нѣмцы относятся съ ужасомъ, и если захватятъ, то подвергаютъ средневѣковымъ пыткамъ. Такъ въ одной изъ деревень (кажется Сенъ-Джемсъ) насъ встрѣтилъ истерическій плачъ старухи. Оказалось, что она была свидѣтельницей, какъ нымцы поступили съ пойманнымъ казакомъ. Ему отрубили руки по локти и затѣмъ сожгли живого. Обугленный трупъ былъ найденъ и, говорятъ, составленъ соотвѣтствующій актъ» [2]).

Другой раненый офицеръ говоритъ: «Въ Августовскомъ лѣсу мы нашли нашего казака. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ германцами и надъ нимъ поиздѣвались они: повѣсили за ноги на деревѣ и разстрѣляли» [3]).

Послѣ одного изъ жаркихъ боевъ, —сообщаютъ изъ Вильны «Газетѣ-Коп.»,—русскими войсками была занята деревня, наполовину разграбленная и сожженная нѣмцами. Занявшіе деревню солдаты стали располагаться на отдыхъ. Когда они повели

---

[1]) «Бирж. Вѣд.», 16-го октября (у. в.).
[2]) «Нов. Вр.» 7-го окт.
[3]) «Веч. Вр.» 12-го окт.

лошадей въ сараи, то въ одномъ изъ нихъ нашли висящимъ на веревкѣ русскаго казака. Казакъ висѣлъ на перекладинѣ» [1]).

Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Дня» раненый подъ Сувалками штабсъ-капитанъ К. сообщилъ: «Проникающія въ печать свѣдѣнія о звѣрскомъ обращеніи нѣмцевъ съ нашими ранеными не передаютъ и десятой доли всѣхъ тѣхъ ужасовъ, о которыхъ мнѣ пришлось слышать отъ нашихъ офицеровъ. Я самъ видѣлъ повѣшеннаго на деревѣ казака, у котораго были выколоты оба глаза. Это было въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни К.» [2]).

По словамъ «Нов. Вр.», «отношеніе къ казакамъ со стороны нѣмцевъ самое возмутительное. На нихъ направлена вся злоба тевтонскаго безсилія.

Въ дер. Саенки, близъ Августова, нашли обгорѣвшій остовъ казака-урядника, котораго облили керосиномъ и живого сожгли. У взятыхъ въ плѣнъ и раненыхъ вырѣзываютъ лампасы вмѣстѣ съ мясомъ» [3]).

О вырѣзанныхъ «лампасахъ» пишетъ также «Рус. Сл.», а именно: «раненые разсказываютъ о звѣрствахъ, чинимыхъ австрійцами надъ ранеными казаками. Одному изъ раненыхъ казаковъ австрійцы «вырѣзали лампасы». На обѣихъ ногахъ у казака австрійцы срѣзали кожу, соотвѣтственно лампасамъ» [4]).

---

[1]) «Газета Коп.» 16-го окт.
[2]) День»» 5-го окт.
[3]) «Нов. Вр.» 28-го сент.
[4]) «Рус. Сл.» 10-го сент.

Офицеръ, участникъ боевъ въ Восточной Пруссіи, разсказалъ сотруднику «Бирж. Вѣд.», что отъ крестьянъ одной польской деревушки между Сувалками и Гродно онъ узналъ слѣдующую трагическую исторію.

«Они, пане, нѣмцы, здѣсь казака изжарили»,— говорили крестьяне.

Какъ выяснилось, нѣмцы напали ночью въ составѣ цѣлаго эскадрона на маленькій казачій разъѣздъ и захватили въ плѣнъ одного раненаго казака и бросили его на костеръ, у котораго казаки грѣлись передъ стычкой. Когда нѣмцы удалились, крестьяне подобрали обуглившіеся останки казака и похоронили ихъ.

Офицеръ не повѣрилъ этому разсказу и приказалъ разрыть могилу, но дѣйствительно въ ней оказался сильно обуглившійся трупъ» [1]).

О сжиганіи нѣмцами казаковъ свои наблюденія въ «Петрогр. Газетѣ» передаетъ подпоручикъ В. Е. Гоголевъ, который говоритъ: «Нѣмцы взяли въ плѣнъ раненаго казака. Избивъ его, они разложили костеръ и на медленномъ огнѣ сожгли его. Этотъ фактъ подтвердили жители деревни, очевидцы варварства нѣмцевъ. При сжиганіи казака присутствовали офицеры-нѣмцы, которые были пьяны» [2]).

Про «звѣрства прусскихъ палачей», со словъ раненыхъ, пишетъ «Петрогр. Курьеръ»: «Большое

---

[1]) «Бирж. Вѣд.» 15-го окт.

[2]) «Петрогр. Газета» 15-го октября.

впечатлѣніе, по словамъ газеты,—производитъ разсказъ раненаго прапорщика Ильина, очевидца многочисленныхъ германскихъ звѣрствъ.

Этотъ офицеръ, во время одной развѣдки, натолкнулся на страшное зрѣлище на занятой германцами территоріи.

На сучьяхъ деревьевъ раскачивалось нѣсколько повѣшенныхъ нашихъ казаковъ. Очевидно, они были повѣшены совершенно здоровыми, такъ какъ на ихъ трупахъ не было обнаружено ни одной раны. На казацкихъ гимнастеркахъ были пришиты бумажные ярлыки съ надписями на нѣмецкомъ языкѣ:

«Если кто сниметъ эту свинью, тотъ будетъ повѣшенъ самъ».

По словамъ того же офицера, наши казаки, попадая въ плѣнъ къ германцамъ, обыкновенно связываются и сжигаются на медленно горящемъ кострѣ. Нѣсколько такихъ фактовъ запротоколено высшими чинами дѣйствующей арміи путемъ обнаруженія обуглившихся труповъ, возлѣ которыхъ лежало казацкое платье, а также путемъ опроса мирныхъ жителей, бывшихъ свидѣтелями германскихъ звѣрствъ» [1]).

Корреспондентъ «Нов. Вр.» сообщаетъ:

«Казакъ Семенъ Анохинъ получилъ въ одномъ изъ сраженій нѣсколько тяжкихъ ранъ. Наши должны были отступить передъ подавляющими силами германцевъ и не успѣли подобрать ране-

---

[1]) «Петрогр. Курьеръ», 15-го октября.

ныхъ. Анохинъ былъ забранъ нѣмцами, которые отнесли его въ сарай и начали надъ нимъ издѣваться. Обезумѣвшіе нѣмцы вымещали на несчастномъ раненомъ казакѣ свою злобу: били его прикладами и каблуками по головѣ, груди, лицу. Послѣ этихъ побоевъ Анохинъ потерялъ сознаніе.

Въ довершеніе всего нѣмцы вырвали изъ его бороды всѣ волосы и буквально содрали съ его лица всю кожу.

Дальнѣйшее мучительство нѣмцы должны были прекратить, такъ какъ наши войска молодецкимъ натискомъ опрокинули и обратили въ бѣгство нѣмцевъ. Мучители оставили истекавшаго кровью Анохина въ сараѣ, а сами бросились бѣжать.

Когда наши отбили Анохина, они привезли его въ лазаретъ Краснаго Креста... Видъ несчастнаго казака заставилъ всѣхъ содрогнуться. Вмѣсто лица—кровавая маска. Зубы всѣ выбиты. На подбородкѣ сплошная кровавая рана отъ вырванныхъ съ корнемъ волосковъ бороды. На тѣлѣ—многочисленные слѣды побоевъ, синяковъ и т. д.

Нечего было думать о спасеніи жизни несчастнаго казака, стонавшаго отъ невыразимыхъ мученій. Надо было лишь облегчить его страданія»[1]).

Далѣе, «подъ Августовомъ, гдѣ нѣмцы бѣжали, кинувъ обозы и раненыхъ, нами было найдено шесть труповъ казаковъ съ отрѣзанными ушами и

[1]) «Нов. Вр.», 16-го сент.

выколотыми глазами. Съ казаковъ были сняты шинели и карманы ихъ были опустошены» [1]).

Въ «Бирж. Вѣд.» разсказывается, между прочимъ, объ истязаніи одного казака, какъ намъ удалось установить его фамилію, Челакшеева.

«Казакъ на развѣдкѣ,—пишетъ газета.—Исполнивъ свою задачу, онъ безстрашно несется впередъ и... попадаетъ въ засаду нѣмцевъ. Его снимаютъ съ коня. Хохотъ, издѣвательства. Наконецъ, по командѣ одного изъ солдатъ, казаку отрубаютъ обѣ руки, почти у предплечья. Но этого мало. Казака сажаютъ на его же лошадь и отправляютъ обратно. Бѣдный казакъ, истекая кровью, ногами правилъ лошадью и добрался до своихъ» [2]).

«При подступленіи къ Сувалкамъ,—пишетъ въ «Рѣчи» «боевой офицеръ»,—нѣмцамъ удалось убить двухъ казаковъ. Они положили тѣла ихъ поперекъ дороги и всѣ войска прошли черезъ трупы несчастныхъ.

Въ другой разъ, нѣмцы ранили одного казака. Разъѣздъ отступилъ, такъ какъ на него наступало больше эскадрона. Раненаго увидала баба и хотѣла перевязать, но нѣмцы, замѣтивъ это, бросились къ раненому и изрубили его на куски» [3]).

---

[1]) «Нов. Вр.», 30-го сент. Г. Пуришкевичъ въ своемъ сообщеніи 15-го ноября въ «Русскомъ Собраніи», въ Петроградѣ, между прочемъ сообщилъ, что въ одномъ городѣ нѣмцы поймали семь казаковъ, выкололи имъ глаза и пустили отыскивать свое жилье.

[2]) «Бирж. Вѣд.», 24-го сентября.

[3]) «Рѣчь», 9-го окт.

«15-го октября,—разсказываетъ въ «Нов. Вр.» офицеръ,—получено было радостное извѣстіе, что наши войска послѣ упорнаго боя взяли обратно гор. Радомъ. Печально только то, что вскорѣ былъ услышанъ невѣроятный разсказъ отъ жителей. Стало извѣстнымъ, что нѣмцы, передъ своимъ уходомъ изъ Радома, разстрѣляли казачьяго офицера и 4 казаковъ, заставивъ ихъ предварительно рыть себѣ могилы. Послѣдними словами погибшаго офицера были: «Когда придутъ русскія войска, передайте, что я погибаю выданнымъ» [1]).

О разстрѣлахъ казаковъ сообщаетъ также Н. И. Кравченко. «Нашъ небольшой казачій разъѣздъ,—пишетъ онъ,—изъ тридцати человѣкъ, оказался окруженнымъ въ лѣсу. Долгое время его укрывали мѣстные жители, но, наконецъ, стало не въ мочь, и офицеръ рѣшилъ сдаться. Одинъ казакъ все-таки отбился и, закопавшись въ солому, видѣлъ, какъ нѣмцы разстрѣляли нашихъ, положившихъ ружья. Когда враги ушли, полякъ-мельникъ вывелъ спрятавшагося казака на дорогу и далъ ему 150 рублей. Конечно его впослѣдствіи наградили и деньги вернули» [2]).

Наконецъ, о пыткахъ казаковъ передавали сестры милосердія, работавшія въ лазаретахъ отряда генерала Самсонова и побывавшія затѣмъ въ нѣмецкомъ плѣну. Проѣзжая черезъ Треле-

---

[1]) «Нов. Вр.» 22-го окт.

[2]) «Нов. Вр.» 30-го окт.

боргъ, сестры милосердія сообщили сотруднику «Бирж. Вѣд.», «что имъ пришлось быть очевидицами ужасающихъ пытокъ казаковъ. Казаки были привязаны къ деревьямъ, многіе отъ пытокъ теряли сознаніе, головы пытаемыхъ безсильно поникли, а глаза буквально краснѣли отъ крови.

Сестры безъ слезъ не могли смотрѣть на несчастныхъ страдальцевъ».[1]

Вотъ каковы истинные пріемы борьбы нѣмцевъ, тѣхъ нѣмцевъ, отъ преклоненія передъ культурностью, умомъ и благородствомъ которыхъ наша бюрократія не можетъ изцѣлиться до самыхъ послѣднихъ дней. Конечно, своевременно германскіе наемные писаки поднимутъ шумъ въ печати, доказывая, что къ принятію нѣсколько «суровыхъ» мѣръ нѣмцевъ принудили сами русскіе. Будемъ надѣяться, что наше общество, наконецъ, научилось по справедливости оцѣнивать нѣмецкую наглую ложь, первымъ распространителемъ которой является самъ кайзеръ, съ достойнымъ его правительствомъ. Поведеніе нашихъ войскъ должно вызвать самое восторженное одобреніе, что не отрицаетъ даже нѣкоторая часть нѣмецкой печати, какимъ-то чудомъ спасшаяся отъ германскаго повальнаго безумія. Не составляютъ исключенія въ этомъ смыслѣ и казаки, о чемъ имѣются свидѣтельства со стороны нашихъ враговъ.

Такъ, напримѣръ, газета «Poporul Roman», выходящая въ Арадѣ, въ Венгріи, предвидя на-

---

[1] «Бирж. Вѣд.» 18-го сент.

ступленіе русской арміи, въ № отъ 25 сентября говоритъ: «Никто не долженъ опасаться русскихъ и казаковъ, такъ какъ они уважаютъ право войны, не грабятъ и не убиваютъ тѣхъ, кто имъ не причиняетъ вреда. Въ Буковинѣ русскіе честно и гуманно обращались съ населеніемъ. Во многихъ случаяхъ русскіе солдаты даже не входили въ деревни, предпочитая проходить полемъ.»

А вотъ какое впечатлѣніе вынесла одна изъ нѣмокъ о казакахъ, изъ временъ перваго нашего наступленія въ Восточную Пруссію.

«Случайно въ трамваѣ,—пишетъ г-жа А. С—чъ, я подслушала, какъ двѣ берлинскія дамы говорили между собою, просто, съ глазу на глазъ. Одна читала письмо другой, полученное ею отъ сестры изъ Инстербурга:

«Вчера вечеромъ, —говорилось въ письмѣ,— когда я готовила на кухнѣ обѣдъ, открылась дверь, и на порогѣ показался казакъ. Онъ очень спокойно и вѣжливо попросилъ молока и, заплативъ, ушелъ. Черезъ полчаса онъ вернулся назадъ, чтобы возвратить пустой кувшинъ. Онъ очень красивъ, высокъ ростомъ, въ одномъ ухѣ носитъ серьгу. Совсѣмъ не страшный, и даже далъ маленькому Максу яблоко» [1]).

Конечно, подобное поведеніе казака должно было удивить нѣмокъ, и, вѣроятно, показалось имъ даже глупымъ, такъ какъ нѣмки вполнѣ сочувствуютъ убійствамъ и грабежамъ своихъ ар-

---

[1]) А. С—чъ. Въ Берлинѣ во время войны, стр. 58.

мій, охотно помогая въ воровствѣ мужьямъ и отцамъ, если представится къ тому возможность.

Для того, чтобы показать, какъ поступили бы нѣмецкіе мародеры, будь они вмѣсто этого казака въ Инстербургѣ, приведемъ слѣдующее письмо нашего офицера.

«Я только что пріѣхалъ съ театра военныхъ дѣйствій,—разсказываетъ онъ,—гдѣ я находился на прусскомъ фронтѣ, и не могу удержаться, чтобы не сообщить вамъ объ одномъ возмутительномъ фактѣ, превзошедшемъ все то, что я могъ ожидать худшаго отъ пруссаковъ. Когда мы заняли Граево, выбивъ оттуда нѣмцевъ, и расположились тамъ, прапорщикъ нашей 5-й телеграфной роты отправился на розыски молока. Еврей назвалъ адресъ одной польки, которая раньше продавала молоко. Полька объяснила съ рыданіями, что молока у нея нѣтъ, ибо всѣхъ коровъ угнали пруссаки; когда она стала умолять оставить ей хотя одну корову, чтобы прокормить своихъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, нѣмцы пожелали увидѣть дѣтей—не обманываетъ ли она ихъ. Несчастная вынесла ребятъ, и нѣмецъ застрѣлилъ ихъ, со смѣхомъ объявивъ, что такимъ образомъ онъ снялъ съ нея заботы по прокормленію дѣтей, и теперь ей не нужно больше коровы, и увелъ послѣднюю» [1]).

Намъ думается, что приведенная параллель должна говорить краснорѣчивѣе, чѣмъ могутъ

---

[1]) «Нов. Вр.» 28-го окт.

писать тысячи продажныхъ перьевъ, подкупленныхъ нѣмецкимъ правительствомъ...

Обстрѣливаніе учрежденій Краснаго Креста.

Безсмысленная жестокость нѣмцевъ проявляется въ систематическомъ обстрѣливаніи ими мѣстъ расположенія учрежденій Краснаго Креста.

Особо уполномоченный Краснаго Креста А. И. Гучковъ въ началѣ сентября телеграфировалъ въ главное управленіе:

«Старшій врачъ докторъ Никитинъ просилъ меня сообщить, что имъ наблюдалось во время боевъ, въ которыхъ участвовала его дивизія, что нѣмецкая артиллерія усиленно направляла свой огонь противъ лазаретныхъ повозокъ, снабженныхъ флагомъ Красного Креста. Сообщая объ этомъ, прошу заявить протестъ противъ такого нарушенія постановленія женевской конвенціи» [1]).

Предсѣдатель Гос. Думы М. В. Родзянко также удостовѣрилъ, «что флагъ Краснаго Креста, который выставляютъ развертывающіеся перевязочные пункты на театрѣ военныхъ дѣйствій, притягиваетъ немедленно огонь непріятельскихъ орудій, вслѣдствіе чего во многихъ случаяхъ приходится работать безъ флага, что значительно затрудняетъ раненымъ разыскивать перевязочный пунктъ.

---

[1]) Телегр. Петр. агентства, 4-го сент.

Въ виду частыхъ случаевъ непріятельской стрѣльбы по флагу нашего Краснаго Креста, М. В. Родзянко высказалъ пожеланіе, чтобы вообще отказаться отъ пользованія на театрѣ военныхъ дѣйствій флагомъ Краснаго Креста» [1]).

И дѣйствительно, при такомъ хамскомъ отношеніи германцевъ и австріяковъ къ эмблемѣ Краснаго Креста, эмблема эта утратила свое значеніе, такъ что «уборка раненыхъ и убитыхъ съ полей сраженія возможна лишь ночью» [2]).

Сообщеній объ обстрѣливаніи нѣмцами госпиталей, лазаретовъ и санитарныхъ поѣздовъ, съ явно обозначенными признаками, присвоенными Красному Кресту, масса [3]). На Вислѣ были обстрѣляны пароходы Краснаго Креста «Панъ-Тадеушъ» и «Комета».

Не довольствуясь обстрѣломъ учрежденій Краснаго Креста артиллеріей, австро-германцы забрасывали ихъ бомбами съ аэроплановъ [4]), а также съ дирижабля [5]).

Слѣдуетъ замѣтить, что разбрасываніе бомбъ съ аэроплановъ и дирижаблей по городамъ и селеніямъ, не занятымъ непріятельскими войсками,

---

[1]) «Нов. Вр.» 19-го окт.

[2]) «Рус. Сл.» 9-го октября.

[3]) См. напр. «Нов. Вр.» отъ 8 сент.; 2, 17, 19 отк.; «Рус. Сл.» 16 и 20 сент.; 5 и 16 окт.; «Бирж. Вѣд.» 15 и 22 окт.; «Ран. Утро» 5 и 7 сент. и мн. др.

[4]) См. напр. «Нов. Вр.» 9 окт.; «Рус. Сл.» 9 и 17 окт.; «Варш. М.» 24 сент. и др.

[5]) «Веч. Вр.» 20 окт.

особенно широко практикуется въ настоящую войну нѣмцами, очевидно, съ единственной цѣлью причинить какъ можно больше страданій мирнымъ жителямъ, чтобы терроризовать ихъ. Съ самаго начала этого воздушнаго пиратства, союзникамъ надлежало бы объявить, что непріятельскіе летчики, сбрасывающіе бомбы въ открытые города и мѣстечки, будутъ лишены защиты законовъ и обычаевъ войны. Вѣроятно, подобная деклорація образумила бы этихъ нравственныхъ выродковъ, утерявшихъ способность ощущать нѣчто похожее на состраданіе даже къ женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ, потерпѣвшимъ отъ ихъ безсмысленной жестокости. 29-го октября вблизи Рыпина были задержаны два нѣмецкихъ авіатора, лейтенанты Мерсье и Польте, послѣ того, какъ они бросили двѣ бомбы въ гор. Плоцкъ. Мы не знаемъ, какая участь постигла этихъ негодяевъ, но поскольку мы понимаемъ законы военно-уголовные и международныя соглашенія, защитой гаагской конвенціи они пользоваться не могутъ, а потому должны разсматриваться, какъ обыкновенные убійцы.

Готтентотская доблесть нѣмцевъ сказывается также на отношеніи ихъ къ беззащитнымъ санитарамъ и сестрамъ милосердія, посвятившимъ себя благородному дѣлу облегченія страданій жертвамъ войны. Въ этой области получило широкую извѣстность приводимое ниже избіеніе нѣмцами нашихъ санитаровъ, который мы передаемъ въ изложеніи «Голоса Москвы».

По словамъ газеты, «раненые, прибывшіе съ германской границы, разсказываютъ о возмутительномъ фактѣ, случившемся въ 40 верстахъ за Сольдау. Послѣ одного изъ сраженій, когда наша армія продвинулась впередъ, на поле битвы явился русскій санитарный отрядъ и принялся за работу. Санитары стали обходить поле и, какъ всегда, отдѣлять мертвыхъ отъ живыхъ, дѣлать перевязки тяжело раненымъ и проч. Вдругъ, какъ изъ-подъ земли, выросъ неподалеку большой отрядъ германцевъ. Врачи обратились къ санитарамъ съ просьбой сохранять спокойствіе и продолжать работу, указавъ на то, что флагъ Краснаго Креста неприкосновененъ и съ санитарами не воюютъ. Санитары стали продолжать работу. Когда нѣмцы подошли, они окружили санитарный отрядъ и, выхвативъ изъ ноженъ шашки, начали грозно наступать. Видя, что дѣло плохо, санитары, поднявъ вверхъ руки, бросились на колѣни. Однако, эта покорность не спасла ихъ. Звѣри-нѣмцы стали рубить шашками поднятыя руки. Перерубивъ почти всѣхъ врачей и санитаровъ, нѣмцы съ дикими криками удалились»[1]).

Звѣрства нѣмецкихъ санитаровъ и нѣмокъ-сестеръ милосердія.

Дѣло милосердія на войнѣ совершенно непонятно грубой нѣмецкой натурѣ. Ихъ санитары и

[1]) «Гол. М.» 30-го августа.

сестры милосердія запятнали себя гнусными убійствами раненыхъ воиновъ противника какъ на нашемъ театрѣ войны, такъ и на французскомъ.

Напримѣръ, «Голосу Москвы» телеграфируютъ изъ Витебска: «Однимъ изъ мѣстныхъ врачей получено письмо отъ врача, находившагося въ дѣйствующей арміи, который сообщаетъ: «Нѣмцы не только, какъ воины, производятъ разнаго рода звѣрства, не щадя полевыхъ лазаретовъ Краснаго Креста, среди персонала котораго не мало раненыхъ—но и нѣмецкіе санитары систематически добиваютъ нашихъ раненыхъ, чтобы не заботиться о нихъ.

Есть основаніе предполагать, что въ этомъ случаѣ существуетъ наличность распоряженія нѣмецкаго начальства» [1]).

Когда наши войска покинули Маріамполь,—пишетъ корреспондентъ «Нов. Вр.»,—то въ немъ «осталось еще нѣсколько солдатъ, отбившихся отъ своихъ частей.

Одинъ изъ нихъ стоялъ на площади и грызъ баранки, когда показалось трое нѣмецкихъ велосипедистовъ. Нѣмцы выстрѣлили въ упоръ по нашему солдату и ранили его. Онъ упалъ и лежалъ на площади полтора часа, наконецъ, къ солдату

---

[1]) «Гол. М.» 9-го сент. То же самое говорится въ «Утрѣ Россіи». «Находящійся на войнѣ врачъ, сообщаетъ газета, пишетъ, что нѣмецкіе санитары добиваютъ нашихъ раненыхъ и съ аэроплановъ бросаютъ бомбы въ группы нашихъ санитаровъ, подбирающихъ раненыхъ». (11-го сент.).

подошли два нѣмца съ повязками Краснаго Креста на рукавѣ и прикололи его штыками.

Эта расправа съ нашимъ раненымъ произошла на глазахъ мирныхъ жителей.

Убивъ солдата, нѣмцы-санитары поволокли по землѣ трупъ на огородъ Русаковыхъ и тамъ его бросили, не прикрывъ даже землей.

Послѣ вступленія въ Маріамполь нашихъ войскъ, тѣло звѣрски убитаго солдата, послѣ отпѣванія священникомъ, было предано землѣ» [1]).

Не отстаютъ отъ санитаровъ въ своихъ звѣрскихъ поступкахъ и нѣмки, носящія званіе сестры милосердія. Со словъ прибывшихъ съ позиціи офицеровъ гусарскаго и уланскаго полковъ «Новому Вр.» сообщаютъ изъ Варшавы о звѣрствахъ нѣмецкихъ сестеръ милосердія. Одинъ изъ раненыхъ солдатъ привелъ сестру въ нашъ лагерь, разсказавъ, что она подходила къ нему на полѣ сраженія и вынула ножъ, желая перерѣзать горло. Солдатъ собралъ послѣднія силы, вырвалъ ножъ и повлекъ ее въ сторону своихъ.

Съ сестрой поступили по закону военнаго времени, отправивъ протоколъ императору Вильгельму [2]).

Въ «Петроградской Газетѣ» одинъ изъ раненыхъ разсказываетъ:

«Мнѣ передавали наши солдаты о слѣдующемъ звѣрскомъ поступкѣ нѣмки-сестры милосер-

---

[1]) «Нов. Вр.» 19-го окт.

[2]) «Нов. Вр.» 6-го сент.

дія, если ее такъ можно назвать, которая зарѣзала раненаго русскаго солдата.

Наши заняли съ боя небольшую нѣмецкую деревушку. Оставивъ нѣсколько раненыхъ, стали преслѣдовать нѣмцевъ, а когда вернулись обратно, то оказалось, что одинъ изъ солдатъ, который былъ раненъ легко, убитъ.

Другіе раненые заявили, что ихъ товарища зарѣзала нѣмка-сестра милосердія, находившаяся въ деревнѣ.

— Она хотѣла зарѣзать и насъ,—сообщали раненые, но узнавъ о возвращеніи нашего отряда, поспѣшила скрыться...» [1])

Отъ одной русской сестры милосердія, намъ пришлось слышать, что въ Петроградъ доставленъ нашъ раненый солдатъ, ослѣпленный нѣмкой, носившей знакъ Краснаго Креста, въ то время, когда онъ лежалъ еще на полѣ битвы, ослабѣвшій отъ потери крови [2]). Капитанъ Харкевичъ передавалъ намъ

---

[1]) «Петр. Газ.» 21-го сент.

[2]) «Утро Россіи» сообщаетъ, что «въ Инстербургѣ передъ уходомъ нашихъ войскъ мирные жители открыли стрѣльбу изъ оконъ по обозамъ и госпиталямъ. Въ стрѣльбѣ принимали участіе даже женщины. Въ виду этого было арестовано 437 жителей Инстербурга, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Среди нихъ было три сестры милосердія, нѣсколько женщинъ и подростковъ, три германскихъ солдата, въ полной походной формѣ, неизвѣстно какимъ образомъ попавшихъ въ Инстербургъ, чины гражданской милиціи во главѣ съ губернаторомъ и докторомъ Бирфреемъ» (11-го сент.).

тѣ издѣвательства подлыхъ нѣмокъ, которыя онъ перенесъ отъ нихъ, находясь въ госпиталѣ въ Нейденбургѣ. При занятіи этого города нашими войсками, нѣмцы не успѣли вывести госпиталь, при которомъ осталось около 20—30 нѣмокъ, которыхъ можно назвать сестрами милосердія развѣ лишь по недоразумѣнію. Когда капитана Харкевича положили на операціонный столъ, то оказалось, что столъ короткій, по поводу чего старшая изъ нѣмокъ, не смущаясь присутствіемъ врача-еврея, сказала: «этой подлой собакѣ нужно отрубить ноги». Подобная плоская брань вызвала одобрительный смѣхъ прочихъ нѣмокъ.

Въ довершеніе всего, капитану Харкевичу не давали ѣсть и пить больше сутокъ. Не имѣя силъ долѣе выносить хамство этихъ фурій, капитанъ Харкевичъ, несмотря на то, что кость правой его руки была совершенно раздроблена, при помощи отыскавшаго его денщика, перебрался въ русскій госпиталь...

Нѣмецкая благодарность.

Нравственная дикость нѣмцевъ сказывается въ отсутствіи у нихъ чувства благодарности. Эти дикари, будучи ранеными, подстрѣливаютъ санитаровъ, оказавшихъ имъ первую помощь, и пытаются оскорблять медицинскій персоналъ, а также нашихъ доблестныхъ труженицъ, являющихся истинными утѣшительницами раненыхъ,—сестеръ милосердія.

«Въ одномъ госпиталѣ,—пишетъ корреспондентъ «Нов. Вр.»,—у окна сестрица бинутетъ тяжело раненаго нѣмца. У него радроблено полголовы. Вся лѣвая сторона лица—сплошная рана. Уха нѣтъ, глазъ вытекъ.

Сестрица заботливо и осторожно накладываетъ бинтъ. Видно, что нѣмцу больно, но онъ ни однимъ стономъ не выдаетъ своей боли. И отъ этого сестрица дѣлается еще осторожнѣе, и всѣ ея движенія при перевязкѣ говорятъ о томъ, что она старается какъ можно меньше доставить раненому боли.

Перевязка окончена. Сестрица наклоняется къ раненому:

— Что, лучше теперь, голубчикъ?—спрашиваетъ она и смотритъ нѣжнымъ ласковымъ взоромъ въ глаза раненому, ожидая отвѣта.—Легче теперь?

Вмѣсто отвѣта нѣмецъ размахивается и изо всей силы ударяетъ сестрицу въ грудь кулакомъ.

— За что?—вырвалось у ней.

И отъ обиды,—нѣтъ, не отъ боли, а отъ обиды,—брызнули у нея слезы.

— За что?» [1]).

«Одна изъ санитарокъ,—пишетъ «Рѣчь»,—разсказываетъ, что, очутившись на передовыхъ позиціяхъ, гдѣ сражались сибирскіе полки, она увидѣла раненаго нѣмца, взятаго въ плѣнъ, и нагнулась къ нему, желая напоить. Нѣмецъ такъ сильно ее толкнулъ, что она упала на землю. Пули летѣли густо. Вдругъ сестра видитъ, что раненый сибирякъ

---

[1]) «Нов. Вр.» 8-го октября.

дѣлаетъ усилія, снимая съ себя шинель. «Что ты дѣлаешь?»—спрашиваетъ она.—«Сестрица,—отвѣчаетъ скороговркой сибирякъ,—накройся поскорѣе шинелью: нѣмцы увидятъ твой бѣлый передникъ и подстрѣлятъ тебя, какъ куропатку» [1]).

«Раненые нѣмецкіе офицеры,—говоритъ со словъ врача «Утро Россіи»,—когда подходятъ къ нимъ наши санитары, дерутся, кусаются, бранятся часто плачутъ отъ досады. Былъ такой случай.

Одного раненаго нѣмецкаго офицера съ большимъ трудомъ доставили въ госпиталь, онъ измучилъ всѣхъ санитаровъ.

Въ госпиталѣ онъ продолжалъ драться и браниться. Думали, что онъ постѣсняется сестры милосердія, и позвали одну изъ нихъ, предложивъ ей какъ-нибудь укротить свирѣпаго офицера. Но офицеръ, увидавъ сестру милосердія, крикнулъ по-нѣмецки:

«Не подходи, а то заплюю тебѣ всю рожу».

Сестра, не обращая вниманія на эту угрозу, подошла къ раненому.

Послѣдній привелъ свою угрозу въ исполненіе и плюнулъ сестрѣ милосердія въ лицо.

Въ другомъ случаѣ нѣмецкій обезоруженный офицеръ отыскалъ въ карманѣ перочинный ножикъ, обнажилъ лезвіе и вонзилъ остріе прямо въ спину нашего санитара въ то время, когда онъ, наклонясь, дѣлалъ ему перевязку [2]).

---

[1]) «Рѣчь» 13-го окт.

[2]) «Утро Россіи» 16-го сент.

«Петроградской Газетѣ» сообщаютъ: «Прибывшая въ Кіевъ сестра милосердія передаетъ слѣдующій случай.

Въ госпиталь привезли раненаго австрійскаго офицера. На бѣду его позабыли обезоружить. Едва къ раненому офицеру подошелъ врачъ, какъ тотъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ доктора, ранивъ его. На помощь своему коллегѣ бросился другой врачъ. Австріецъ выстрѣлилъ вторично и убилъ доктора наповалъ. Третьей пулей офицеръ покончилъ съ собой» [1]).

По словамъ «Рус. Сл.», «фельдшеръ, сдѣлавъ перевязку страждущему врагу, спѣшитъ далѣе разыскать раненыхъ. За его спиной раздается выстрѣлъ, и пуля свиститъ мимо головы. Австрійскій офицеръ такимъ образомъ отблагодалилъ своего врачевателя...» [2]).

«Случаевъ стрѣльбы ранеными нѣмцами въ нашихъ санитаровъ множество,—пишетъ корреспондентъ «Нов. Вр.».—Мнѣ извѣстны фамиліи двухъ санитаровъ: Куприца (доброволецъ) и Сергѣева, убитыхъ ранеными нѣмцами. Куприца убилъ нѣмецкій лейтенантъ шашкой, когда тотъ подошелъ къ нѣмцу, чтобы оказать помощь. Сергѣевъ былъ подстрѣленъ раненымъ нѣмецкимъ солдатомъ изъ винтовки» [3]).

Послѣ сообщенныхъ фактовъ, Европѣ надлежитъ серьезно задуматься, какія мѣры необходимо

---

[1]) «Петрогр. Газета» 16-го сент.

[2]) «Рус. Сл.» 30-го сент.

[3]) «Нов. Вр.» 6-го сент.

принять, чтобы оградить современную культуру отъ посягательствъ на нее со стороны грубыхъ, подлыхъ и звѣроподобныхъ варваровъ.

Нѣмецкія военныя хитрости.

Согласно ст. XXIV гаагской конвенціи «о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны», военныя хитрости признаются дозволенными. Однако, въ современныхъ цивилизованныхъ арміяхъ враждующія стороны не пользуются неограниченнымъ произволомъ въ избраніи средствъ для введенія противной стороны въ обманъ. Такъ, напримѣръ, XXIII ст. той же конвенціи воспрещаетъ «незаконное пользованіе парламентерскимъ или національнымъ флагомъ, военными знаками и форменной одеждой непріятеля, равно какъ и отличительными знаками, установленными Женевской конвенціею».

Говоря словами германскаго генеральнаго штаба, имѣвшаго нѣкогда неосторожность высказать благородныя мысли,—«нѣкоторые виды хитрости не согласуются ни при какихъ условіяхъ съ *честными пріемами борьбы*, а именно всѣ тѣ, которыя переходятъ въ вѣроломство, злостный обманъ и нарушеніе даннаго слова. Къ нимъ относятся... нарушеніе перемирія съ цѣлью неожиданнымъ нападеніемъ пріобрѣсти преимущество надъ непріятелемъ, кажущаяся сдача, чтобы затѣмъ перебить безпечно приближающагося непріятеля, злоупотребленіе парламентскимъ флагомъ или Краснымъ Крестомъ съ цѣлью безпрепят-

ственно подойти или атаковать и т. д. *Такого рода преступленія противорѣчатъ даже самымъ военно-правовымъ понятіямъ древняго міра о международномъ правѣ*. Прирожденное всѣмъ людямъ чувство справедливости и живущій въ арміяхъ всѣхъ культурныхъ государствъ рыцарскій духъ *заклеймитъ ихъ, какъ преступленія противъ человѣческаго правосознанія. Непріятель же, который такъ явно нарушилъ бы законы чести и справедливости, не долженъ быть впредь признаваемъ равноправнымъ* [1]).

Какъ же нѣмцы исполняютъ законы чести, обязательные для всякой арміи, въ которой живетъ рыцарскій духъ?

«Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія и просить помѣстить, если признаете нужнымъ, въ «Вечернемъ Времени»,—пишетъ г. А. Сметанниковъ,—слѣдующій возмутительный фактъ попранія всѣхъ обычаевъ войны не только между культурными народами, но даже между дикарями, которое допускаютъ пруссаки. Братъ моего помощника инж. Шалевича, полк. Шалевичъ, 26 августа, окруживъ своимъ отрядомъ нѣмецкій отрядъ, забралъ послѣдній въ плѣнъ. Прусскій офицеръ, сдавая оружіе, бросилъ на землю свою саблю, револьверъ, кинжалъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана ручную гранату и швырнулъ ее въ ноги полковнику Шале-

---

[1]) См. «Военные обычаи въ сухопутной войнѣ» изд. германскаго генеральнаго штаба въ 1902 г., русскій переводъ полк. Михельсона.

вичу, который и былъ убитъ взрывомъ на мѣстѣ. Конечно, наши солдаты подняли этого прохвоста на штыки, но печальный фактъ остается фактомъ: убитъ нашъ штабъ-офицеръ, и убитъ самымъ предательскимъ образомъ, и къ тому же не какимъ-нибудь башибузукомъ, а прусскимъ офицеромъ, «сдающимся» въ плѣнъ.

Еще раньше того же полка капитанъ Мищенко былъ изрѣтешенъ нѣмецкими пулями, когда подходилъ къ нѣмецкому отряду, довѣрившись выкинутому нѣмцами бѣлому флагу» [1]).

«27-го августа на галицiйскомъ театрѣ военныхъ дѣйствiй въ 50—60 верстахъ отъ Львова былъ убитъ командиръ одного изъ нашихъ полковъ, герой Портъ-Артура, Александръ Николаевичъ Флоровъ. Объ его убiйствѣ въ «Кiевлянинѣ» сообщено слѣдующее.

«Полкъ, которымъ командовалъ покойный, вмѣстѣ съ отрядомъ, въ которомъ онъ состоялъ, перешелъ въ наступленiе. Когда часть пошла въ штыковой ударъ, со стороны австрiйскаго расположенiя взвился бѣлый флагъ. Полковникъ Флоровъ остановилъ свой полкъ и прекратилъ стрѣльбу, а затѣмъ одинъ подошелъ къ непрiятельскому расположенiю и потребовалъ положить оружiе, какъ прямое слѣдствiе выкинутаго бѣлаго флага. Когда это требованiе не было исполнено немедленно, командиръ полка повернулся обратно и направился къ своей части. Въ эту минуту предательская

---

[1]) Веч. Вр.» 3-го сентября.

вражья пуля смертельно ранила его въ спину. Такое предательство произошло на глазахъ всѣхъ чиновъ полка, который стремительно бросился впередъ и искрошилъ непріятеля, не оставивъ ни одного изъ нихъ живымъ» [1]).

«Рус. Слову» сообщаютъ изъ Өеодосіи: «Прибывшіе раненые повѣствуютъ о новомъ, характерномъ для австрійскаго вѣроломства, фактѣ.

Окруженная нашими войсками австрійская часть выкинула бѣлый флагъ и потребовала присылки офицера для принятія оружія. Несмотря на предостереженія товарищей, молодой поручикъ Калитинъ двинулся къ австрійцамъ, но едва лишь показался на открытомъ мѣстѣ, какъ былъ сраженъ предательской пулей.

Раненые разсказываютъ и о другихъ аналогичныхъ фактахъ» [2]).

«Прибывшій изъ Галиціи въ Петроградъ раненый прапорщикъ К. передаетъ два яркихъ случая нарушенія австрійцами неприкосновенности Краснаго Креста.

Первый случай былъ таковъ: русскій отрядъ проходилъ мимо холма, на которомъ былъ расположенъ небольшой деревенскій домикъ, увѣнчанный флагомъ Краснаго Креста. Въ виду этого символа войско проходило спокойно, но вдругъ со двора домика началась стрѣльба пулеметами. Послѣ этого, конечно, домъ былъ разрушенъ» [3]).

---

[1]) Цитировано по «Нов. Вр.» 10-го сентября.

[2]) «Рус. Сл.» 10-го сент.

[3]) «Бирж. Вѣд.» 11-го сент.

На французскомъ фронтѣ нѣмцы также прибѣгаютъ къ безчестнымъ обманамъ. По этому поводу, «Русскому Слову» изъ Бордо сообщаютъ:

«Французскія газеты приводятъ непрерывно доказательства безчеловѣчныхъ и безчестныхъ способовъ веденія германцами войны.

Напримѣръ, въ «Matin» одинъ изъ переживишхъ осаду форта Лонсена, бывшаго однимъ изъ главныхъ укрѣпленій Льежа, въ которомъ укрылся генералъ Леманъ, разсказываетъ:

«Нѣмцы, которымъ не удалось отыскать мѣстонахожденіе купола форта, выслали парламентера, каковой, приблизившись къ городу, началъ сигнализировать огромнымъ бѣлымъ флагомъ.

Парламентеръ былъ убитъ, но непосредственно вслѣдъ за этимъ нѣмецкіе снаряды стали попадать въ куполъ.

Фортъ былъ разрушенъ, и генералъ Леманъ взятъ въ плѣнъ» [1]).

«Газета «Berliner Tageblatt» даетъ такое описаніе нападенія на отрядъ казаковъ, которое заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ самими германскими властями удостовѣреный фактъ удивительно циничнаго обращенія съ законами и обычаями войны. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Оберъ-лейтенантъ фонъ-Негелейнъ получилъ приказаніе напасть на казачій патруль, находившійся въ мѣстечкѣ Парчъ въ Восточной Пруссіи. Не имѣя возможности всту-

[1]) «Рус. Сл.» 8-го октября.

пить съ ними въ открытый бой, этотъ офицеръ прибѣгъ къ тому, что онъ называетъ «маленькой хитростью», Хитрость описывается слѣдующимъ образомъ:

«Двадцать пѣхотинцевъ изъ мѣстечка Кампіонкенъ были разсажены на двѣ большихъ подводы, запряженныя, каждая, четырьмя лошадьми. Подводы были приведены въ такой видъ, что возбуждали представленіе о перевозкѣ домашняго скарба. На нихъ были наложены кровати, столы и разная рухлядь. Солдаты же были переодѣты въ ту одежду, которую носятъ мѣстные крестьяне. Правилъ одной изъ подводъ фельдфебель Шмидтъ, превращенный въ восточно-прусскаго бѣглеца, а другой—ефрейторъ Мейеръ, на котораго надѣли женскую юбку и байковый платокъ» [1]).

Отъ переодѣванія въ крестьянское платье до злоупотребленія формой непріятельскихъ солдатъ уже близко, а потому неудивительно, что нѣмцы, не задумываясь, прибѣгаютъ и къ этого рода «хитрости».

«Однажды,—разсказываетъ по этому поводу раненый рядовой Кондинъ,—мы сидѣли въ окопахъ. Вдругъ, видимъ, къ намъ подходитъ отрядъ

---

[1]) Цитировано по «Нов. Вр.» отъ 22-го сентября. По сообщенію «Гол. Москвы» (25-го сент.) австрійцы также «стрѣляютъ въ наши войска, переодѣваясь мирными жителями. При такихъ обстоятельствахъ былъ раненъ двоюродный братъ члена Государственной Думы Некрасова, подпоручикъ Владиміръ Моисеевичъ Некрасовъ. Пули попали ему въ спину и руку, задѣвъ лучевой нервъ».

нашихъ солдатъ, подъ командой офицера. Ничего не подозрѣвая, мы спокойно смотрѣли на приближающихся, которые открыли по насъ стрѣльбу и съ крикомъ бросились къ окопамъ.

Тогда мы поняли, что это переодѣтые нѣмцы, и въ свою очередь стали стрѣлять въ нихъ. Наши выстрѣлы заставили непріятеля обратиться въ бѣгство. Мы преслѣдовали нѣмцевъ. Весь ихъ отрядъ погибъ...» [1]). Въ другой разъ «нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ переодѣлись въ русскую военную форму и направились къ нашимъ войскамъ. Однако, они были быстро опознаны и всѣхъ ихъ захватили въ плѣнъ» [2]).

Всѣмъ также памятны жалобы нашихъ войскъ на то, что нѣмецкіе авіаторы пользуются нашими отличительными значками. Благодаря предательскому пріему,—перекрасившись въ русскій боевой цвѣтъ и водрузивъ ложную трубу,—капитанъ «Эмдена» Мюллеръ приблизился къ неподозрѣвавшему опасности нашему крейсеру «Жемчугъ» и потопилъ его. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобная хитрость наложила на капитана «Эмдена» и всѣхъ его офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился принцъ Іосифъ-Францъ Гогенцоллернъ, несмываемое клеймо безчестья [3]). Между тѣмъ, когда

---

[1]) «Петрог. Газета» 27-го сент.

[2]) «Петрог. Газета» 3-го октября.

[3]) Принцъ Францъ-Іосифъ, сынъ принца Вильгельма Гогенцоллерна-Зигмарингенъ и супруги его, принцессы Маріи-Терезы Бурбонской, родился 30-го августа 1891 г. На крейсерѣ «Эмденъ» состоялъ въ чинѣ лейтенанта.

этотъ типичный пиратъ былъ уничтоженъ, то англійское адмиралтейство «приказало оказать всѣ почести оставшимся въ живыхъ чинамъ экипажа, офицерамъ были оставлены ихъ шпаги» [1]).

Мы лично находимъ оказанныя нѣмцамъ почести незаслуженными. Объяснить подобное джентельменство со стороны англичанъ можно лишь тѣмъ радостнымъ чувствомъ, которое охватило нашихъ союзниковъ при полученіи вѣсти о потопленіи крейсера, надѣлавшаго имъ много хлопотъ. Думается, что если бы вмѣсто «Жемчуга» было какое-либо боевое судно англійскаго флота, то Мюллера и Франца-Іосифа Гогенцоллерна ожидала бы иная участь.

Своевременно задержанный минный заградитель «Офелія», плавая подъ видомъ госпитальнаго судна, прокладывалъ мины въ Гудвизендѣ, возлѣ устья Темзы [2]), а, по сообщенію «Претроградскаго агентства» (18 сент.), награбленныя нѣмцами въ Компьенѣ цѣнныя вещи были вывезены въ вагонахъ подъ флагомъ Краснаго Креста. Многіе офицеры, сопровождавшіе этотъ воровской транспортъ, также носили повязку Краснаго Креста.

Въ числѣ употребляемыхъ нѣмцами «военныхъ хитростей» необходимо упомянуть позорный поступокъ бывшаго коменданта Цзиндао Мейера-

---

Принцъ приходится племянникомъ покойному королю Карлу Румынскому.

[1]) «Петрог. аг.» 29-го октября.

[2]) См. «Бирж. Вѣд.» 25-го октября.

Вальдека, утаившаго отъ японцевъ при сдачѣ крѣпости мѣста расположенія фугасовъ, вслѣдствіе чего, убирая форты, японцы понесли напрасныя жертвы, а именно, взрывомъ фугасовъ были убиты офицеръ и 8 солдатъ и ранено одинъ офицеръ и 56 нижнихъ чиновъ [1]).

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, какъ мало рыцарскаго благородства и воинской чести въ солдатахъ нашихъ противниковъ, по ихъ же собственному признанію. Впрочемъ, это явленіе въ германской арміи должно считаться вполнѣ естественнымъ, такъ какъ даже нѣмецкіе принцы по вопросу о воинской чести имѣютъ упрощенныя понятія. Мы уже упоминали о нѣсколькихъ принцахъ, зарекомендовавшихъ себя воришками и грабителями. Назовемъ еще герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, племянника Вильгельма II, который, находясь въ плѣну у французовъ, былъ заключенъ въ крѣпость за то, что, несмотря на данное имъ честное слово, пытался бѣжать [2]).

---

[1]) Сообщеніе «Петроградскаго агентства» 31-го октября.
[2]) См. «Гол. Москвы» 11 сентября.

ГЛАВА XXII.

Въ разоренномъ краю послѣ изгнанія нѣмцевъ.

Грандіозный бой подъ Варшавой кончился блестящей побѣдой русскихъ и наши доблестныя войска гонятъ изъ Россіи австро-германскія банды негодяевъ. Всѣ губерніи, которыя уже очищены отъ нѣмецко-мадьярской сволочи, представляютъ картину ужасающаго разрушенія. Бѣдствія несчастнаго населенія сильнѣе всякихъ словъ говорятъ о варварствѣ нѣмцевъ и требуютъ возмездія за поруганную честь, за избіеніе беззащитныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, за полное разграбленіе домашняго очага.

Размѣры бѣдствія еще не выяснены, но, судя по имѣющимся уже свѣдѣніямъ, онѣ огромны, и нѣмцамъ придется работать годами, чтобы покрыть будущія требованія Россіи.

Согласно офиціальному донесенію Холмскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, состояніе Томашовскаго уѣзда послѣ изгнанія оттуда австрійцевъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«23-го сентября,—пишетъ губернаторъ,—мною законченъ объѣздъ пострадавшихъ отъ войны мѣстностей Томашовскаго уѣзда. Вездѣ пришлось наблюдать одну и ту же печальную картину: деревни, частью или цѣликомъ, сожжены, скотъ и лошади уведены, хлѣбъ погибъ въ огнѣ или захваченъ непріятелемъ. Не пощажены даже сами жители—почти въ каждой деревнѣ нѣсколько человѣкъ разстрѣляны или уведены въ плѣнъ. Точное число жертвъ, равно какъ и размѣры бѣдствія, выясняются подробнымъ обслѣдованіемъ отдѣльно по каждой гминѣ.

О томъ, какъ велико опустошеніе въ Томашовскомъ уѣздѣ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ Крыницкой гминѣ изъ 14-ти деревень пострадали 11, частью отъ пожаровъ, частью—отъ разграбленія непріятелемъ. Въ этой гминѣ сожжено 65 усадебъ, изъ коихъ 35 въ селеніи Майданъ-Криница и восемнадцать въ деревнѣ Майданъ-Селецъ. Въ послѣдней деревнѣ австрійцами сожжены заживо 12 человѣкъ, спрятавшихся во время боя отъ выстрѣловъ въ спеціально вырытой для этого ямѣ. Туда была брошена зажженная солома, а окружавшіе яму тѣснымъ кольцомъ австрійцы не позволяли несчастнымъ выйти наружу, принимая ихъ на штыки. Въ деревнѣ Майданъ-Криницкій разстрѣляны четверо, изъ коихъ—двое малолѣтнихъ дѣтей. Сверхъ того, во время перестрѣлки случайно убиты 5 и ранены 6 жителей гмины, а 14 человѣкъ уведены войсками съ собою, и дальнѣйшая участь ихъ неизвѣстна.

Въ гминномъ управленіи уничтоженъ портретъ Государя Императора, разбита касса и забраны имѣвшіеся въ ней 10 рублей. Въ школѣ уничтожена обстановка.

Въ Тарноватской гминѣ изъ 12 деревень пострадали 10, болѣе всѣхъ Тарноватка, Гута и Вепрье Озеро. Всего въ гминѣ уведено въ плѣнъ 141 человѣкъ, въ томъ числѣ гминный писарь, изъ нихъ 9 возвратились и убито 6. Взятые сперва въ плѣнъ католики были отпущены обратно изъ города Томашова, православныхъ же увели дальше. Судьба ихъ неизвѣстна. Съ плѣнными, по словамъ вернувшихся, обращались дурно. Въ деревняхъ Гутѣ и Вепрье-Озеро австрійцы насиловали женщинъ. Въ селеніи Суминѣ, по словамъ настоятеля тарноватскаго прихода, одну женщину, оказавшую сопротивленіе, убили и отрѣзали у трупа уши и груди.

Въ селѣ Тарноваткѣ сгорѣли 33 усадьбы, причемъ пожаръ возникъ, повидимому, отъ артиллерійскаго огня. Въ другихъ деревняхъ той же гмины были случаи поджоговъ. Въ гминномъ управленіи уничтоженъ портретъ Государя Императора, всѣ документы погибли. Разгромлены квартиры священника и учителя.

Въ Ярчовской гминѣ наиболѣе пострадали селенія Юровъ, Верещица и Лубче. Расположенное возлѣ самой границы большое село Юровъ, славившееся своей зажиточностью, выгорѣло дотла. Непостижимымъ образомъ уцѣлѣли только церковь и школа, хотя огонь возлѣ нихъ былъ

такъ силенъ, что частью обгорѣли окружающія церковь деревья. Здѣсь, какъ и въ Майданъ-Сельцѣ, жители прятались во время боя въ ямахъ и погребахъ, и также подверглись звѣрствамъ австрійцевъ. Погибло 48 человѣкъ, а трое, изъ нихъ одинъ 8-ми-лѣтній мальчикъ, были ранены, 5 человѣкъ уведены въ плѣнъ. Крестьяне единогласно свидѣтельствуютъ, что селеніе было нарочно подожжено австрійскими солдатами, уже послѣ сраженія. Вечеромъ была подожжена южная часть деревни, а въ 2 часа ночи сѣверная. Предлогомъ для поджога и прочихъ звѣрствъ послужило обвиненіе населенія въ стрѣльбѣ по австрійскимъ войскамъ, между тѣмъ какъ самими австрійскими солдатами были произведены провокаціонные выстрѣлы.

Въ деревнѣ Верещицахъ изъ 76 усадебъ сгорѣли 54 и сильно пострадали 6 отъ умышленнаго поджога австрійцевъ. Обстоятельства пожара совершенно тѣ же, что и въ Юровѣ; поджогъ учиненъ послѣ боя, подъ предлогомъ выстрѣловъ изъ крестьянскихъ хатъ по австрійскимъ войскамъ. Солдаты поджигали чуть ли не каждую хату отдѣльно спичками и ружейными выстрѣлами, причемъ въ послѣднемъ случаѣ они пользовались особыми патронами, заключающими вмѣсто пули пыжъ изъ легко воспламеняющихся веществъ. Подобные заряды найдены среди отобранныхъ у непріятеля и брошенныхъ имъ вещей. Они отличаются отъ обыкновенныхъ легкостью вѣса и черной или красной головкой пыжа.

Въ наказаніе за ту же вымышленную стрѣльбу по войскамъ, австрійцы увели съ собою 84 человѣка и четверыхъ разстрѣляли. По слухамъ, неподалеку были разстрѣляны еще четверо изъ числа уведенныхъ.

Селеніе Лубче пострадало нѣсколько меньше, исключительно благодаря вмѣшательству мѣстнаго помѣщика Хаенскаго, которому удалось отчасти уговорить и усовѣстить австрійскихъ офицеровъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь сгорѣло большое число домовъ, а также нѣкоторыя хозяйственныя постройки самого помѣщика.

Въ деревнѣ Подгайцахъ, Черкасской гмины, сгорѣли 28 усадебъ изъ 32, однако не отъ поджоговъ, а отъ артиллерійскаго огня. Трое жителей деревни были разстрѣляны австрійцами, вымогавшими отъ нихъ деньги.

Посадъ Лащовъ, той же Черкасской гмины, выгорѣлъ почти весь. Въ деревянную церковь попала шрапнель, которая разорвалась внутри храма и повредила многіе образа. Начинавшійся пожаръ потушенъ настоятелемъ прихода священникомъ Василіемъ Теодоровичемъ, который все время находился въ церкви, но отъ перенесеннаго потрясенія опасно заболѣлъ. Въ расположенное рядомъ съ церковью начальное училище также попала шрапнель, сильно повредившая внутренность зданія.

Въ Раханской гминѣ сильно пострадали деревни Воля-Городецкая (сгорѣли 50 усадебъ изъ 54), Волька-Покаржовская, Михалевъ и друг.,

а въ особенности большое село Рахани, въ которомъ уцѣлѣло менѣе половины строеній. Въ этомъ же селѣ находилось и гминное управленіе, равнымъ образомъ сгорѣвшее.

Тяжесть положенія усугубляется здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что бѣдствіе охватило нѣсколько близкихъ другъ къ другу деревень, такъ что погорѣльцы изъ одного села не могутъ размѣститься въ сосѣднемъ, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, многіе крестьяне села Раханей выразили желаніе поселиться въ землянкахъ на своихъ пепелищахъ, въ чемъ имъ оказывается помощь холмскимъ мѣстнымъ управленіемъ Краснаго Креста. Кромѣ поджога, австрійцы учинили здѣсь еще и насиліе надъ мирными жителями. Все населеніе было угнано въ Томашовъ, а изъ пытавшихся остаться въ деревнѣ 12 человѣкъ были разстрѣляны и 40 погибли въ огнѣ.

Въ Комаровской гминѣ особенно сильно пострадали деревни Вожучинъ и Яновка; въ первой пожаръ возникъ отъ артиллерійскаго огня, причемъ сгорѣло 73 двора изъ 110, а также погибъ весь хлѣбъ. Были разстрѣляны 7 жителей деревни, изъ нихъ двое работали въ Красномъ Крестѣ и имѣли на рукавѣ установленную повязку. Снарядами и послѣдовавшимъ затѣмъ пожаромъ совершенно разрушена прекрасная усадьба мѣстнаго землевладѣльца Выджги.

Въ деревнѣ Яновкѣ сгорѣло болѣе половины дворовъ. Передъ поджогомъ деревни, крестьяне

были угнаны въ Томашовъ, гдѣ ихъ продержали три дня безъ пищи; когда же они возвратились, то нашли деревню сожженной, восемь человѣкъ уведены австрійцами, изъ нихъ одинъ, по слухамъ, разстрѣлянъ. Въ виду отсутствія по близости деревень, гдѣ населеніе могло бы найти временный пріютъ, они ютятся въ уцѣлѣвшихъ хатахъ, въ шалашахъ и землянкахъ.

Списокъ пострадавшихъ деревень далеко не исчерпывается перечисленными селеніями; во многихъ другихъ мѣстностяхъ, въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, повторяется та же картина. Сильно пострадалъ и городъ Томашовъ, гдѣ выгорѣла вся центральная торговая часть. Уѣздное управленіе, квартира начальника уѣзда, комиссара по крестьянскимъ дѣламъ и другихъ лицъ подверглись полному разгрому. По имѣющимся свѣдѣніямъ, изъ-за границы пріѣзжали телѣги, на которыя австрійскіе офицеры и солдаты складывали всѣ понравившіеся имъ предметы и отсылали ихъ къ себѣ, а остальное подвергалось уничтоженію. Сверхъ того, послѣ ухода австрійцевъ, помѣщенія оказались самымъ отвратительнымъ образомъ загрязненными.

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ оказалось населеніе Томашовскаго уѣзда послѣ ухода непріятеля» [1]).

«Кѣлецкій губернаторъ Лигинъ представилъ

---

[1]) Цитируемъ по «Нов. Вр.» отъ 16 октября.

въ министерство внутреннихъ дѣлъ краткое донесеніе о положеніи губерніи послѣ освобожденія отъ австро-германскихъ войскъ, изъ котораго видно, что Кѣлецкая губернія очень сильно пострадала отъ нашествія непріятеля.

Населеніе ея почти все цѣликомъ разорено. Почти ни у кого изъ крестьянъ не осталось рѣшительно никакой живности или скота.

Все это было забрано австрійцами въ первое же время вступленія ихъ въ губернію.

Взята и вся одежда, особенно мѣховая.

— Что касается строеній, то въ этомъ отношеніи,—говоритъ губернаторъ въ своемъ донесеніи,—населеніе пострадало въ меньшей степени. Есть даже поселки, строенія которыхъ остались въ полной невредимости. Взято лишь все цѣнное и съѣстное.

Больше всего пострадала полоса, лежащая вдоль пересѣкающей всю губернію желѣзной дороги.

По линіи этой дороги и параллельно ей до сихъ поръ валяются различныя принадлежности снаряженія, аммуниціи и остатковъ обозовъ австрійской и германской армій.

Все населеніе пока занимается сборомъ этихъ остатковъ вооруженія непріятелей, которое затѣмъ доставляютъ въ ближайшіе города или въ Кѣльцы, гдѣ имъ выдается, согласно распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго, вознагражденіе, хотя и небольшое, но, въ виду массы доставляемаго оружія, являющееся значительнымъ.

Это—пока единственный заработокъ населенія.

Изъ уѣздовъ болѣе всего пострадалъ, какъ пока удалось установить, Опатовскій,

Самый городъ Опатовъ почти весь разгромленъ.

— Относительно приведенія въ порядокъ земель,—говоритъ губернаторъ,—послѣдуютъ ходатайства о привлеченіи къ работамъ военноплѣнныхъ.

Желѣзная дорога, проходящая по Кѣлецкой губерніи, по сообщенію губернатора, разрушена, и для возстановленія ея придется затратить громадный трудъ.

Всѣ болѣе или менѣе цѣнныя сооруженія взорваны. Рельсовый путь исковерканъ. Отъ станцій почти ничего не осталось,—одинъ уголь и камни. Кромѣ того, всѣ машины изъ депо, водокачекъ и проч. увезены австрійцами. Взорваны не только мосты, но и мелкія бетонныя сооруженія на самомъ пути и даже всѣ болѣе или менѣе значительныя насыпи при подъемахъ желѣзнодорожнаго пути» [1]).

Предсѣдатель комитета великой княжны Татіаны Николаевны, гофмейстеръ А. Б. Нейдгардъ также представилъ краткій отчетъ о своей поѣздкѣ въ мѣстности, пострадавшія отъ непріятельскаго нашествія и нуждающіяся въ оказаніи помощи.

«Между прочимъ, въ своемъ отчетѣ гофмейстеръ А. Б. Нейдгардъ отмѣчаетъ, что въ подверг-

---

[1]) Цитировно по «Рус. Сл.» отъ 28 октября.

шихся нашествію непріятеля уѣздахъ Люблинской губ. населеніе совершенно разорено; около 200,000 человѣкъ осталось безъ жилищъ, все продовольствіе забрано непріятелемъ или уничтожено, скота и лошадей населеніе лишилось совершенно. Въ Холмской губ. наиболѣе пострадало населеніе Бѣлгорайскаго, Томашовскаго, Грубешовскаго и Замостскаго уѣздовъ. На пространствѣ этихъ четырехъ уѣздовъ совершенно уничтожено огнемъ 1,593 хозяйства, сильно повреждено 250 домовъ, убито непріятелемъ 228 чел., взято въ плѣнъ 740 чел., уведено 3,890 лошадей и 2,865 коровъ. Сумма убытковъ одного лишь сельскаго населенія превышаетъ 700,000 рублей»[1].

По донесенію войта гмины Прушковъ, Варшавской губерніи, въ одной лишь названной гминѣ убытки опредѣляются въ 2.150,000 рублей.

Дополнимъ эти сухіе офиціальные отчеты живымъ словомъ газетныхъ работниковъ. Н. И. Кравченко пишетъ въ «Новомъ Времени»:

«Когда проѣзжаешь на западъ и юго-западъ Царства Польскаго—видишь разоренный край. Разоренный такъ, что и представить себѣ трудно.

— Польши нѣтъ,—такъ опредѣлилъ одинъ полякъ состояніе своей родины.

Да, нѣмцы постарались. Въ безсильной, подлой злобѣ, въ сознаніи своей слабости удержать ее, они уничтожали все, что могли. Я не говорю о тѣхъ разрушеніяхъ, которыя требуетъ современ-

---

[1]) Цитировано по «Нов. Вр.» отъ 26 октября.

ная война: уничтоженіе мостовъ, порча дорогъ, конфискація фуража. Это пойметъ всякій, съ этимъ мирится и бѣдный польскій крестьянинъ, и обнищавшій помѣщикъ. Но нѣмцамъ этого мало. Они сжигаютъ цѣлыя деревни, не оставляютъ камня на камнѣ.

И ужасно это зрѣлище мертвыхъ полей! Ужасенъ этотъ полумертвый край, гдѣ все сгорѣло, все разбито, всѣ разбѣжались! Такова дорога на Радомъ, оттуда на Козеницы, на Кѣльцы. Есть цѣлый рядъ деревень, гдѣ торчатъ одинокія трубы и обгорѣлыя фруктовыя деревья. Есть мѣстечки, гдѣ снарядами разбиты костелы, сожжены магистраты, изъ жилыхъ домовъ вырваны двери... Боясь нашихъ ночныхъ штыковыхъ атакъ, нѣмцы для освѣщенія мѣстности сжигали бѣдныя хаты, покрытыя деревянными и соломенными крышами; опасаясь, что упорный русскій солдатъ будетъ наступать подъ прикрытіемъ кирпичной стѣны какого-нибудь домика,—они срывали его до основанія, взрывали старинные красивые костелы потому, что можетъ быть съ высоты ихъ колоколенъ и крышъ русскіе могутъ наблюдать за ихъ отступленіемъ...

Мы проѣзжали живописный старый, грязный польскій городокъ, полный евреевъ. Попадались изрѣдка одинокіе приличные домики, а все остальное—несчастныя лачуги съ разбитыми окнами, продырявленными снарядами крышами, со слѣдами шрапнельныхъ осколковъ и пуль на стѣнахъ. Это—Шидловецъ. Крѣпко сдѣланный, костелъ

пережилъ многое, многое видѣлъ и, какъ кряжистые дубы и дѣды, вѣроятно, простоялъ бы еще много вѣковъ. Но пришли сюда насадители культуры, воспитанники нѣмецкаго школьнаго учителя и кайзера Вильгельма, и взорвали его. Жители говорятъ, что германцы заложили подъ костеломъ двѣ мины, и все-таки ожидаемаго полнаго разрушенія они не добились, а нетерпѣливые русскіе солдаты, все рвущіеся добраться до шкуры этого подлаго волка, помѣшали имъ повторить взрывъ. Газы снесли всю черепицу, всѣ перекрытія, кромѣ удивительныхъ стропилъ, которыя теперь, какъ сѣтка, рисуются правильными линіями на небѣ. Свалилась на бокъ и вышка... но и она, кажется, осталась цѣла.

Въ стремленіи уничтожить край, нанести возможно большій вредъ Россіи, нѣмецкіе полководцы и офицеры забыли свои подленькія прокламаціи, раздаваемыя польскому населенію.

Не какъ освободители отъ «русскаго ига», не какъ друзья пришли нѣмцы въ Польшу, а какъ хищники и воры. Если старая ненависть поляковъ къ нѣмцамъ не могла сгладиться со временъ Грюнвальдской битвы, то теперь она разгорается въ пожаръ. Безъ злобы, безъ примѣровъ жестокости нѣмецкой ни одинъ полякъ не будетъ вамъ разсказывать о ихъ пребываніи. Въ Скерневицахъ, Ловичѣ, Радомѣ и Кѣльцахъ всѣ только и дѣлаютъ, что сообщаютъ о томъ, что дѣлали эти славные воины, въ жестокости, подолсти и воровствѣ болѣе опытные, чѣмъ въ умѣніи умирать на полѣ брани и вести честный бой.

Ихъ офицеры требовали отъ жителей безплатнаго корма, фуража, топлива. «Покупали» въ магазинахъ все, что хотѣли, по той цѣнѣ, по какой имъ нравилось, причемъ солдаты, взявъ дорогую вещь, бросали на прилавокъ марку и уходили. Въ городѣ Радомѣ двое высшихъ военныхъ врачей, изъ которыхъ одного, кажется, звали Шульцъ, а другого Гебель, просто-на-просто обокрали владѣльца той квартиры, въ которой поселились. Эти представители науки вывезли съ собой всѣ дамскія шубы и мѣховыя вещи. Третій ихъ достойный товарищъ забралъ у своего «коллеги» (врача) всѣ хирургическіе инструменты...» [1]).

Въ видѣ характернаго примѣра, какъ вели себя нѣмцы въ разоренномъ краю, приведемъ разсказъ одного польскаго крестьянина, записанный сотрудникомъ «Русскаго Слова»:

«Нѣмцы чувствовали себя въ Ловичѣ, повидимому, въ полнѣйшей безопасности,—говорится въ названной газетѣ.—Разграбивъ все, что было возможно, въ самомъ Ловичѣ, они устремились въ окрестныя имѣнія. Здѣсь они, прежде всего, требовали—вина, потомъ женщинъ.

Обо всемъ этомъ чины отряда знали отъ бѣглецовъ, которые и днемъ, и ночью тянулись сплошной вереницей изъ занятыхъ нѣмцами областей.

— А то жъ такіе кровопійцы, такіе каты, какихъ свѣтъ не видывалъ!—разсказывалъ глубокій старикъ, бывшій экономомъ одного изъ разоренныхъ

[1]) «Нов. Вр.» отъ 30-го октября.

нѣмцами имѣній, гдѣ онъ, съ разрѣшенія владѣльца, доживалъ свой вѣкъ.—Восемьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, а того, что теперь пришлось увидѣть, не видывалъ. Пришли къ намъ подъ вечеръ. Много ихъ пришло—человѣкъ восемьдесятъ. Поставили лошадей въ конюшни, въ сараи, въ коровникъ,—коровъ выгнали. А сами въ домъ.

— Готовить ужинъ!—кричатъ.—Подать вина!

А какъ тутъ ужинъ готовить, когда наши бабы еле живы отъ страха? Кое-какъ пришли въ себя, принялись за дѣло. Перерѣзали всю птицу. Экономъ раскрылъ погребъ, стали вино носить.

А въ домѣ въ это время такое творится, такое творится... Господи Іисусе! Дѣва Пресвятая! Офицеры ходятъ по комнатамъ, вынули палаши и рубятъ все, что подъ руку попадаетъ. Портреты дѣдовъ и прадѣдовъ нашего пана въ кусочки изрѣзали. Посуда была старинная, дорогая,—полки опрокидывали, все въ мелкіе кусочки переколотили. Рояль стоялъ, дорогой, заграничный,—отломали крышку, позвали двухъ драгунъ и заставили ихъ маршировать по струнамъ.

Но самое страшное началось потомъ. Поужинали офицеры,—трое ихъ было,—вина выпили,—провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ,—бутылокъ десять, опьянѣли совсѣмъ.

— Женщинъ!—кричатъ.

Бросились солдаты исполнять приказаніе. У эконома—жена и дочка, лѣтъ двѣнадцати; у машиниста,—при молотилкѣ онъ у насъ,—тоже

жена, совсѣмъ молоденькая, лѣтомъ только повѣнчались. Схватили несчастныхъ. Экономъ обмеръ отъ страха, шевельнуться не можетъ. А жена машиниста протянула къ нему руки:

— Ратуй меня отъ безчестья!—кричитъ.

Кинулся онъ къ ней, а драгунъ его саблей по головѣ. Тою же ночью бѣдняга скончался.

Притащили двухъ женщинъ и дѣвочку въ комнату къ офицерамъ. Полъ-ночи они сами надъ ними издѣвались, а на вторую половину солдатамъ отдали.

Дѣвочку утромъ нашли мертвою.

Отъ такъ, какъ я живъ стою на этомъ мѣстѣ, всю правду говорю!» [1]).

Заканчивая настоящее изслѣдованіе подъ звуки побѣднаго марша нашихъ доблестныхъ войскъ, мы полагаемъ, что съ достаточной полнотой освѣтили наиболѣе типичныя проявленія нѣмецкихъ звѣрствъ и нѣмецкаго варварства. Конечно, мы не имѣли возможности собрать всѣ гнусные факты нѣмецкаго негодяйства, да это и не входило въ нашу задачу. Мы всего лишь хотѣли, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, передать ужасы безсмысленнаго варварства тевтоновъ, чтобы русскіе люди помнили, какими подлецами и негодяями въ глубинѣ души являются современные намъ нѣмцы. Будущіе историки изучать подробно всѣ явленія настоящей войны, и, конечно, остановятъ свое вниманіе на объясненіи скрытыхъ пружинъ, толкнув-

---

[1]) «Русск. Слово» отъ 29-го октября.

шихъ нѣмецкую націю на путь, превратившій самое слово «нѣмецъ» въ синонимъ человѣка—безъ совѣсти, безъ чести, одержимаго инстинктами воровства, убійства и гнусной похоти.

Мы искренне желаемъ скорѣйшаго появленія трудовъ изъ этой области, такъ какъ глубоко вѣримъ, что они не останутся безъ вліянія на судъ Европы, который воздастъ должное презрѣннымъ убійцамъ и насильникамъ—не только въ смыслѣ нравственной переоцѣнки тевтоновъ, но также и въ смыслѣ международнаго уклада жизни, поставивъ современныхъ варваровъ на соотвѣтствующее имъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ [1]).

---

[1]) «Варш. Мысль» только что сообщаетъ: «Подпоручикъ М. передаетъ ужасающій фактъ германскаго звѣрства, какой ему пришлось наблюдать въ дер. Кильники, Вержболовскаго уѣзда, Сувалкской губ.

«Здѣсь мѣстные крестьяне,—говоритъ подпоручикъ,—привели меня въ избу 56-лѣтняго поляка Осипа Биндеровича. Хозяинъ хаты лежалъ на нарахъ, содрогаясь въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Его дочери молча подвели меня къ холодѣвшему тѣлу несчастнаго поляка и раскрыли пальцами его ротъ. Я взглянулъ въ ротъ умирающему и обомлѣлъ отъ ужаса. Вмѣсто языка, зіяла громадная рана. Спустя нѣсколько минутъ Биндеровичъ умеръ на моихъ глазахъ.

Дочери покойнаго сообщили мнѣ, что языкъ отрѣзали ихъ отцу германскіе офицеры за то, что старикъ не желалъ указать нѣмцамъ, въ какомъ направленіи уѣхалъ изъ деревни находившійся тамъ казачій разъѣздъ».

ПОСЛѢСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Весь культурный міръ содрогнулся подъ тяжестью нѣмецкихъ звѣрствъ, отвѣтивъ на нихъ протестами, въ которыхъ чувство негодованія перемѣшивается съ чувствомъ презрѣнія.

Но развѣ подобные протесты могутъ имѣть какое-либо дѣйствительное значеніе? Развѣ они образумятъ исподличавшійся народъ? Развѣ нѣмцы, эти гнусныя тупицы и эти жестокіе негодяи,— прислушаются къ благородному возмущенію цивилизованнаго человѣчества, міросозерцаніе котораго для нихъ непонятно? Въ отвѣтъ на негодующіе возгласы, идущіе со всѣхъ концовъ земного шара, 70 виднѣйшихъ представителей нѣмецкой науки выступили на дняхъ со своимъ протестомъ, возмущаясь всесвѣтной ложью, возводимою на доблестную нѣмецкую армію, на благородное германское правительство во главѣ съ честнѣйшимъ германскимъ императоромъ. Они не вѣрятъ,

27*

чтобы ихъ императоръ такъ нагло лгалъ, они не вѣрятъ, чтобы ихъ генералы приказывали грабить, жечь и убивать беззащитныхъ жителей, они не вѣрятъ, чтобы ихъ офицеры и солдаты насиловали женщинъ и калѣчали дѣтей и младенцевъ. Они не вѣрятъ и протестуютъ!

Мы не можемъ допустить со стороны представителей ученаго міра, хотя бы даже нѣмецкаго, подобной умственной тупости, отказывающейся признать факты, очевидность которыхъ уже не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Лгутъ нѣмцы и въ этомъ случаѣ, лгутъ ихъ ученые, какъ лжетъ самъ глава имперіи.

Позорное поведеніе нѣмецкихъ солдатъ не должно никого удивлять.

Начиная войну, нѣмцы были опьянены своимъ всемогуществомъ; ихъ самодовольная тупость не допускала сомнѣнія въ скорой побѣдѣ надъ союзниками, а, слѣдовательно, въ полнѣйшей своей безнаказанности.

Что такое право войны?—спрашиваютъ нѣмцы.—Это, по ихъ мнѣнію,—одинъ изъ способовъ надувать своего противника.

«Всякій законъ,—пишетъ фельдмаршалъ графъ Мольтке въ своихъ «военныхъ поученіяхъ»,—обусловленъ авторитетомъ, наблюдающимъ за его исполненіемъ и примѣненіемъ, но такой силы нѣтъ, чтобы принудить соблюдать международныя соглашенія. Признаніе установленныхъ правилъ не обезпечиваетъ еще ихъ исполненія... Такимъ образомъ, практически—рѣшеніе вопроса гуман-

ности на войнѣ не опредѣляется международными соглашеніями. Какая третья держава начнетъ военныя дѣйствія только потому, что изъ двухъ воюющихъ державъ одна или обѣ вмѣстѣ нарушаютъ право войны?—Такого судьи на землѣ не найдется».

Тѣ же самыя мысли, но только высказанныя съ грубымъ цинизмомъ, свойственнымъ современнымъ нѣмцамъ, излагаетъ германскій генералъ фонъ-Динсфуртъ въ берлинской газетѣ «Tag.»

«Намъ смертельно надоѣла вся эта безсмысленная газетная травля, вся эта вздорная болтовня.

Защищать наши войска отъ несправедливыхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, обвиненій—ниже нашего достоинства. Намъ не въ чемъ ни оправдываться, ни защищаться. Все зло, которое наши солдаты причинятъ врагу съ цѣлью добиться побѣды, будетъ прекрасно и заранѣе оправдано: по крайней мѣрѣ, мы такъ смотримъ на дѣло. Намъ нечего считаться съ мнѣніемъ другихъ странъ, даже нейтральныхъ.

Не только Реймсскій соборъ,—если бы даже всѣ соборы, всѣ памятники архитектуры отъ нашихъ снарядовъ полетѣли бы къ чорту,—намъ было бы положительно все равно.

Потомъ когда-нибудь, быть можетъ, и намъ бы ихъ стало жалко,—только не теперь. Сейчасъ хозяинъ момента Марсъ, а не Аполлонъ! Самый скромный холмикъ надъ тѣломъ нашего солдата болѣе почетенъ, чѣмъ всѣ каѳедральные соборы и всѣ сокровища всего міра. Насъ называютъ «вар-

варами»—что за важность: посмѣемся. Въ крайнемъ случаѣ, спросимъ себя только: не заслуживаемъ ли мы въ самомъ дѣлѣ этого титула?» [1]).

Таковы, въ неприкрашенномъ видѣ, взгляды нѣмцевъ на принятыя ими международныя обязательства. Подобную психологію, психологію—»клочка бумаги», Европа всегда должна имѣть въ виду. Союзники, какъ извѣстно, иначе смотрятъ на международные договоры, которые заключались, конечно, не для того лишь, чтобы служить ширмой для тевтонской подлости.

Къ моменту начала настоящей войны для руководства враждующихъ армій, въ смыслѣ ограниченія безцѣльныхъ разрушеній и причиненія излишнихъ страданій, дѣйствовали постановленія Гаагской конвенціи 1907 года «о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны». Законы эти были обязательны какъ для нашей и союзныхъ съ нами армій, такъ равно и для армій нашихъ противниковъ, въ виду того, что текстъ второй Гаагской конвенціи скрѣпленъ подписями главъ всѣхъ враждующихъ нынѣ государствъ.

Однако, въ то время, какъ наша доблестная армія и арміи нашихъ союзниковъ строго соблюдаютъ постановленія законовъ и обычаевъ войны, что подтверждаетъ даже нѣмецкая печать,—наши презрѣнные противники ведутъ себя, какъ типичные мародеры.

[1]) См. «Веч. Вр.» 27-го окт. и «Русск. Слово» 31-го окт.

Хотя германское правительство международные договоры оцѣниваетъ всего лишь, какъ «клочокъ бумаги», но союзнымъ правительствамъ, конечно, не приходится считаться съ подобнымъ цинизмомъ, который не имѣетъ ничего равнаго себѣ въ истроiи.

При предъявленiи конечныхъ счетовъ, союзныя правительства должны стать на иную точку зрѣнiя и защищать права своихъ подданныхъ, исходя изъ заключенныхъ на случай войны договоровъ.

Въ «законахъ и обычаяхъ сухопутной войны», являющихся приложенiемъ къ Гаагской конвенцiи, существуютъ правила «о средствахъ нанесенiя вреда непрiятелю, объ осадахъ и бомбардировкахъ», «о парламентерахъ», «о военной власти на территорiи непрiятельскаго государства», а слѣдовательно эти правила должны соблюдаться австро-германскими армiями. Уваженiе правъ противной стороны не носитъ только нравственнаго характера,—нѣтъ, эта обязанность имѣетъ юридическое значенiе, такъ какъ ст. III текста самой конвенцiи гласитъ: «Воюющая сторона, нарушившая постановленiя законовъ и обычаевъ войны (сего положенiя), должна будетъ возмѣстить убытки, если къ тому есть основанiя. Она будетъ отвѣтственна за всѣ дѣйствiя, совершенныя лицами, входящими въ составъ ея вооруженныхъ силъ.

Исходя изъ этого положенiя, не можетъ быть сомнѣнiя въ томъ, что союзники принудятъ Австрiю и Германiю уплатить всѣ убытки, причинен-

ные мирному населенію, разоренному нѣмецкими солдатами, если такъ можно назвать эту сволочь; вознаградить курортныхъ гостей, обворованныхъ при задержаніи ихъ въ нѣмецкомъ «плѣну»; а также обезпечить дальнѣйшее существованіе союзныхъ воиновъ, искалѣченныхъ нѣмецкими палачами, и ихъ семейства.

Но этого мало. Необходимо обезпечить въ возможныхъ будущихъ войнахъ соблюденіе австро-германскими генералами и ихъ подчиненными, до послѣдняго солдата включительно, принятыхъ на себя ихъ правительствами международныхъ обязательствъ, необходимо исключить самую возможность повторенія нѣмецкихъ звѣрствъ, а для этого союзники должны привлечь къ личной отвѣтственности тѣхъ начальствующихъ лицъ австро-германской арміи, которые окажутся виновными въ учиненныхъ ввѣренными имъ войсками звѣрствахъ. Пусть нѣмцы знаютъ и помнятъ впредь, что возможна же такая сила, которая жестоко караетъ негодяевъ, не считающихъ себя обязанными соблюдать международныя соглашенія, негодяевъ, у которыхъ нѣтъ чувства жалости даже къ груднымъ младенцамъ. Пусть же мученія, понесенныя жертвами нѣмецкихъ звѣрствъ, не пропадутъ даромъ для смягченія ужасовъ будущихъ войнъ и пусть нѣмецкіе палачи за пролитую ими неповинную дѣтскую кровь, за ужасающія по своей жестокости истязанія будутъ брошены въ каторжныя тюрьмы, гдѣ кончатъ дни своей смрадной жизни.

Мы не сомнѣваемся, что найдутся нѣмецкіе прихвостни, которые будутъ оспаривать высказанную нами точку зрѣнія. Но мы считаемъ, что весь цивилизованный міръ долженъ добиваться торжества права и справедливости, а слѣдовательно и наказанія извергов, поправшихъ самыя основы человѣческой гуманности.

Принципъ личной отвѣтственности «генераловъ» въ зачаточномъ видѣ знакомъ уже гаагской конвенціи (ст. 51 зак. и об. сух. войны); личную отвѣтственность «по законномъ военнаго времени» при взятіи виновнаго въ нарушеніи законовъ и обычаевъ войны въ плѣнъ, защищалъ въ мирное время и германскій генеральный штабъ[1]), наконецъ, австро-венгерское правительство, требуя отъ Сербіи въ знаменитомъ ультиматумѣ выдачи неугодныхъ ему офицеровъ сербской арміи, шло значительно дальше высказанныхъ нами мыслей.

Если въ Гаагской конвенціи 1907 года принципъ личной отвѣтственности за нарушеніе законовъ и обычаевъ сухопутной войны не нашелъ должнаго развитія, то это потому, что никто изъ делегатовъ, бывшихъ на конференціи (кромѣ, быть можетъ, представителей Австріи и Германіи), не допускалъ даже мысли о возможности со стороны армій цивилизованныхъ народовъ безцѣльныхъ убійствъ, не говоря уже о звѣр-

---

[1]) См. «Военные обычаи въ сухопутной войнѣ», изданіе герм. ген. штаба (въ русскомъ переводѣ), напр. см. стр. 11, 29, 61 и др.

ствахъ, учиняемыхъ нѣмцами и мадьярами въ эту войну.

Мы не сомнѣваемся, что намъ укажутъ на невозможность примѣнить карательную санкцію къ побѣдителямъ. Старая отговорка, отъ которой пора отрѣшиться.

Во-первыхъ, концертъ нейтральныхъ государствъ, при желаніи, можетъ оказать на звѣрствующую сторону чувствительное давленіе, а, вовторыхъ, надежда на свою непобѣдимость бываетъ обманчива,—что мы видимъ на примѣрѣ австро-германцевъ,—и страхъ передъ неминуемой карой за совершенныя дѣйствія послужитъ достаточнымъ стимуломъ, чтобы обуздать даже звѣрскую натуру нѣмца.

Кровь замученныхъ, искалѣченныхъ, изнасилованныхъ жертвъ вопіетъ къ отмщенію, и честь союзныхъ армій требуетъ наказанія нѣмецко-мадьярскихъ подлецовъ.

А. Резановъ.

25 ноября 1914 года.
Петроградъ.

Алфавитный указатель [1].

---

[1]) Цифры обозначаютъ страницы книги.

---

[1]) Изъ массы фактовъ, которые отмѣчены въ нашей книгѣ, мы здѣсь указываемъ лишь наиболѣе характерные.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

Фамиліи, не попавшія въ текстъ книги [1]),

Бауэръ, докторъ въ Наугеймѣ, призывавшій мѣстное население къ жестокому обращенію съ русскими.

Біеръ, проф., докторъ. Осмотрѣвъ больную москвичку и признавъ неотложность немедленной операціи (язвы въ желудкѣ), Біеръ потребовалъ въ видѣ гонорара 900 марокъ. Нѣмецкихъ денегъ у больной не оказалось, а профессоръ не желалъ принять въ уплату за свой трудъ русскихъ денегъ. Наконецъ, Біеръ уступилъ просьбамъ родственниковъ умирающей, оцѣнивъ 900 марокъ въ 1.200 рублей, которые получилъ передъ операціей. Оперированная скончалась.

Больманъ, Густавъ-Юстусъ,—«генеральный совѣтникъ побѣдоносной германской арміи». Состоялъ при генералѣ фонъ-Либертѣ по части производства «реквизиціи» въ Лодзи. Проживалъ долгое время въ Россіи подъ видомъ комерсанта, оказался прекрасно освѣдомленнымъ не только въ отношеніи состоятельности жителей Лодзи, но и въ ихъ чувствахъ, питаемыхъ къ Германіи.

---

[1]) Всѣ приведенныя ниже свѣдѣнія основаны на имѣющихся у насъ источникахъ, указанія на которые (сообщенія печати и разсказы намъ лично), для краткости, мы позволяемъ себѣ опустить.

Гофманъ, полковникъ, числившійся комендантомъ Лодзи, предшественникъ Либерта. Проживая въ Грандъ-отелѣ, прославился большой склонностью къ винамъ, въ особенности къ шампанскому, платить за свое содержаніе считаетъ предразсудкомъ, не свойственнымъ доблестнымъ офицерамъ германской арміи.

Девицъ—фонъ, баронъ, генералъ. Комендантъ Блоня, руководившій произведенными тамъ грабежами.

Іоахимъ, принцъ. Проживая въ гостинницахъ Радома и Кѣлецъ, зарекомендовалъ себя любителемъ женской прислуги.

Либертъ—фонъ, генералъ. Второй комендантъ Лодзи, проживалъ въ Грандъ-отелѣ. Считая себя гостемъ города, уплату за свое содержаніе относилъ къ обязанности послѣдняго. Взятъ въ плѣнъ. Либертъ извѣстенъ своими темными дѣлами еще со времени его службы въ бывшихъ южно-африканскихъ владѣніяхъ нѣмцевъ.

Миллеръ,—лейтенантъ, бывши комендантомъ Скерневицъ, руководилъ производствомъ «реквизиціи», которая простиралась до воровства билліардныхъ шаровъ включительно.

Фремель—состоитъ при Прейскерѣ въ Калишѣ. Проживалъ долгое время въ Привислинскомъ краѣ и въ томъ числѣ въ Лодзи, работая тамъ на одной нѣмецкой фабрикѣ.

Фоссъ, майоръ,—звѣрствовалъ въ районѣ Ченстохова и Калиша. Солдаты его отряда насиловали дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, многихъ увели съ собою.

Ханнъ, докторъ въ Наугеймѣ, отличался жестокимъ обращеніемъ съ русскими.

Шмидбау, генералъ, бывшій комендантъ разграбленнаго Прушкова. Занявъ имѣніе графа Потоцкаго,—разстрѣляннаго за протестъ противъ воровского характера произведенной у него «реквизиціи»,—Шмидбау прежде всего потребовалъ къ себѣ ключи отъ виннаго погреба, «чтобы, какъ объяснялъ его адъютантъ, офицеры не

могли ходить въ погребъ». Послѣ изгнанія нѣмцевъ, винный погребъ оказался опустошеннымъ.

Штиглицъ, капитанъ—одесситъ, явившійся въ Германію отбывать воинскую повинность. Будучи въ Радомѣ, входилъ въ составъ нѣмецкаго отряда, начальникъ котораго посадилъ нашихъ плѣнныхъ въ сарай и нѣсколько дней держалъ ихъ въ немъ безъ пищи. Штиглицъ, между прочимъ, оказался исключительнымъ знатакомъ площадной брани.

Брандбахъ, Давидсонъ, Милахъ, Шульцъ, Юстъ — врачи, приговоренные французскимъ военнымъ судомъ къ различнымъ наказаніямъ за грабежи частныхъ жилищъ совмѣстно съ нѣмецкими солдатами и офицерами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи того же автора по нѣмецкому вопросу.

1. Шпіонство и наше безсиліе въ борьбѣ съ нимъ (Прил. къ № 38 «Рус. Инв.» 1910 г.).
2. Шпіонство, его задачи и средства въ мирное время. («Нов. Вр.» №№ 12247, 12248, 12250, 12255, 12260 и 1266).
3. Понятіе шпіонства по иностраннымъ законодательствамъ («Воен. Сб.» 1910 г. №№ 9 и 10).
4. Военная тайна («Рус. Инв.» 1911 г. № 124).
5. Шпіонство и успѣхи техники («Рус. Инв.» 1911 г. № 31).
6. Шпіонство и печать («Офиц. Жизнь» 1912 г. №№ 14—16).
7. Русскій патріотизмъ въ Польшѣ («Нов. Вр. №№ 12887, 12889, 12923, 12931 и 12938).
8. Шпіонство Дресслера передъ лицомъ закона («Нов. Вр.» № 13003).
9. Страничка изъ исторіи лейпцигскаго суда («Нов. Вр.» №№ 13035 и 13036).
10. Виновность капитана Костевича въ освѣщеніи германской прокуратуры («Нов. Вр.» № 13160).
11. Цвѣты австрійскаго правосудія («Нов. Вр.» № 13190).
12. Новый германскій проектъ противъ шпіонства («Нов. Вр.» № 13365).

13. Нѣмецкій шпіонажъ и нѣмецкая промышленность. («Нов. Вр.» №№ 13423 и 13430).
14. Новый австрійскій проектъ противъ шпіонства («Нов. Вр.» № 13461).
15. Международная взаимность («Нов. Вр.» № 13517).
16. Изъ дневника шпіона («Вечер. Вр.» №№ 608 и сл.).
17. Круппъ и военныя тайны Россіи («Нов. Вр.» № 13597).
18. Завоеванные заводы («Нов. Вр.» № 13604).
19. Храненіе военныхъ тайнъ («Нов. Вр.» № 13601).
20. Австрійская инквизиція («Нов. Вр.» №№ 13637, 13639, 13642).
21. Нѣмецкіе выпады («Нов. Вр.» № 13646).
22. Логическій выходъ («Нов. Вр.» № 13659).
23. Пангерманизмъ въ Россіи («Нов. Вр.» №№ 13665, 13679).
24. Нѣмецкое гешефтмахерство въ Варшавѣ («Нов. Вр.» № 13790).
25. Обмѣнъ военноплѣнными («Нов. Вр.» № 13792).
26. Caveant consules («Нов. Вр.» № 13795).
27. Шульферейнъ («Нов. Вр.» № 13802).
28. Блага русскаго подданства («Нов. Вр.» № 13812).
29. Гіены полей сраженія («Нов. Вр.» № 13861).
20. Отвѣтственность австрійскаго и германскаго правительствъ за звѣрства солдатъ ихъ армій («Русск. Инв.» № 249).
31. За кулисами нѣмецкой колонизаціи въ Россіи («Нов. Вр.» № 13884).
32. Имущественныя права балтовъ, перешедшихъ въ нѣмецкое подданство («Нов. Вр.» № 13893).

